

Валентина
Марьина

ЗАКАРПАТСКАЯ
УКРАИНА
(ПОДКАРПАТСКАЯ
РУСЬ)
В ПОЛИТИКЕ
БЕНЕША
И СТАЛИНА

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

В.В. Марьина

**Закарпатская Украина
(Подкарпатская Русь).
в политике Бенеша и Сталина.
1939–1945 гг.**

Документальный очерк

**Москва
Новый хронограф
2003**

УДК 32 (477)
ББК 63.3. (2) 621-6
М 27

Федеральная программа книгоиздания России

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект 02-01-00108а

М27 Марьина В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. – 304 с.

ISBN 5-94881-019-4

Монография В.В. Марьиной – первое в отечественной историографии конкретно-историческое исследование, посвященное истории присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), договор о котором был подписан в июне 1945 г. между СССР и Чехословакией.

Исследование охватывает период Второй мировой войны. В нем отражена эволюция взглядов советских и чехословацких политиков на дальнейшую судьбу Подкарпатской Руси, входившей в состав Чехословакии с 1919 по 1939 гг.; обозначены этапы развития советско-чехословацких отношений, касающихся решения этой проблемы на протяжении 1939–1945 гг.; показаны события, происходившие в Подкарпатской Руси осенью-зимой 1944–1945 гг., и отношение к ним различных чешских и словацких политических сил, а также западных стран. Особое внимание обращено на исследование механизмов и способов присоединения Подкарпатской Руси к СССР, освещению политических и военных аспектов происшедшего.

Ответственный редактор д.и.н. Э.Г.Задорожнюк

ISBN 5-94881-019-4

© В.В. Марьина, 2003
© Новый хронограф, 2003

ВСТУПЛЕНИЕ

29 июня 1945 г. в Москве был подписан Договор о Закарпатской Украине, согласно которому эта область, входившая ранее в Чехословакию под названием Подкарпатская Русь (ПР), воссоединялась «со своей издавней родиной – Украиной» и включалась в состав Украинской ССР¹. История ПР и ее населения, проблемы языка и культуры, вопросы принадлежности жителей этой области к той или иной этнической общности являются предметом то разгорающихся, то затихающих споров, ведущихся с XIX в. по сей день, как среди отечественных, так и зарубежных исследователей². Отражением сложной истории края, входившего в разные времена в состав Венгрии, Австро-Венгрии, Чехословакии (Чехо-Словакии), СССР (Украинской Советской Социалистической республики), а также политической ориентации тех или иных политических деятелей, пытавшихся оказать влияние на судьбу этой области и ее государственно-правовой статус, являются и различные наименования этой территории, которые встречаются в официальных и неофициальных документах периода Второй мировой войны, в научной литературе и публицистике: Карпатская Русь, Прикарпатская Русь, Угорская Русь, Карпатская Украина, Подкарпатская Украина, Закарпатская Украина Подкарпатье, Закарпатье и пр. Учитывая, что согласно чехословацкой Конституции в рассматриваемые годы данная область именовалась Подкарпатская Русь, автор будет пользоваться преимущественно этим термином.

До конца Первой мировой войны ПР входила в состав Венгрии (Австро-Венгрии) и называлась Угорская Русь. Население этой бедной области, расположенной на западных и южных склонах Карпат, занималось преимущественно сельским хозяйством и лесным промыслом. Среди немногочисленных представителей ее интеллигенции в конце Первой мировой войны не было единства в представлениях о будущем ПР. Существовали проекты ее вхождения на правах автономии в Венгерскую республику, провозглашенную в ноябре 1918 г., а также включения в состав либо единой Украины, либо России, либо возникшей в октябре 1918 г. Чехословацкой республики. Были и сторонники создания самостоятельного государства³. 21 декабря 1918 г. правительство Венгрии признало за ПР широкую областную автономию под названием «Руська Крайна». 21 января 1919 г. Общекарпатское (такovým оно было только по названию. – В.М.) национальное собрание в Хусте (400 делегатов) приняло решение о ее присоединении к Украине и попросило киевское правительство о военно-материальной помощи.

В советской историографии это решение трактовалось однозначно, как просьба о присоединении к Советской Украине. На самом деле, речь шла, скорее всего, о присоединении к Украинской народной республике, правительство которой готовило тогда ее отторжение от Советской России, и которая прекратила свое существование в результате занятия ее территории Красной Армией. После коммунистического переворота в Венгрии в марте 1919 г. Крайна стала одной из автономных областей Венгерской Советской республики. При подавлении советской власти в Венгрии военными силами Антанты входившие в их состав чехословацкие военные части оккупировали западную, а румынские – восточную часть Крайны. 8 мая 1919 г. в Ужгороде с согласия и при поддержке чехословацких властей состоялось заседание трех подкарпатских «русских народных рад» (Хустской, Ужгородской и Прешовской), которое высказалось за присоединение ПР к Чехословакии. Предполагалось, что эта область станет полностью самоуправляемой единицей в составе федерации под названием Чешско-словацко-русская республика. Решение спорных вопросов оставлялось за Лигой Наций. Существовавшие в прошлом планы объединения ПР с Украиной стали нереальными после того, как Парижская мирная конференция отказалась признать ее самостоятельность. Пропали и настроения в пользу включения ПР в состав России, где все очевиднее становилась победа большевиков. «Все западные союзники и Соединенные Штаты», по словам неизменного министра иностранных дел межвоенной Чехословакии, а с 1935 г. ее президента Э. Бенеша, не могли «допустить, чтобы бывшая царская Россия вышла за Карпаты, проникла в венгерскую низменность и таким образом стала бы средневропейской державой»⁴. Тем более, когда речь зашла о Советской России. С конца 1918 г. и в 1919 г. идея присоединения ПР к ЧСР, одобренная президентом США В. Вильсоном, активно поддерживалась чехословацкими политиками, прежде всего первым президентом страны Т.Г. Масариком и Бенешем. Впоследствии, в частности в годы Второй мировой войны, когда вопрос о судьбе ПР снова был поставлен в повестку дня, Бенеш подчеркивал роль западных держав в присоединении этой области к Чехословакии, утверждая, что такое решение вопроса было чуть ли не навязано ей. На самом деле это было не так, что убедительно доказано словацкими исследователями истории ПР П. Шворцем и Ф. Коларом⁵.

Судьба ПР была решена на Парижской мирной конференции (18.1.1919 – 21.1.1920), подготовившей мирные договоры с побежденными странами. По Сен-Жерменскому мирному договору с Австрией (10 сентября 1919 г.) ПР была включена в состав Чехословакии. Согласно Трианонскому мирному договору (4 июня 1920 г.) Венгрия при-

знала за ЧСР территорию Словакии и ПР. Границы последней, которые были установлены во время переговоров на Парижской мирной конференции, во многом определялись границами между Чехословакией, с одной стороны, и Венгрией, Польшей и Румынией, с другой. Центральная русская народная рада, созданная на упомянутом заседании в Ужгороде, была недовольна границами между Словакией и ПР. Рада стремилась отодвинуть эти границы как можно дальше на Запад, поскольку значительная часть населения Восточной Словакии этнически была связана с жителями ПР и считала себя либо русинами, либо украинцами, либо русскими.

Присоединенная к Чехословакии Подкарпатская Русь в соответствии с мирными договорами должна была получить автономию с широким самоуправлением и своим сеймом. Автономия ПР была подтверждена и чехословацкой Конституцией 1920 г. Однако фактически этого не произошло. До осени 1938 г. в ПР существовало губернаторское управление. Губернатора назначал президент ЧСР.

Территория Подкарпатской Руси составляла 12 617 кв. км, на ней проживало, по данным на 1930 г. 709 129 человек. Из них 446 916 (63%) относили себя к русинской, украинской и русской национальностям, 109 472 (15,4%) – к венграм, 91 255 (12,8%) – к евреям, 33 961 (4,8%) – к чехам и словакам, 13 746 (1,9%) – к немцам, 12 691 (1,8%) – к румынам⁶. По некоторым данным в 1937 г. в ПР проживало 725 тыс. человек⁷. В справках о Закарпатской Украине, составленных Отделом международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) в 1944–1945 гг., приводятся такие цифры: из примерно 750 тыс. жителей ПР было около полумиллиона «карпатских украинцев (русин)», по сто тысяч венгров и евреев, а также пятьдесят тысяч чехов, немцев и румын⁸. Столь же разнородным был и конфессиональный состав населения ПР: 50,2% составляли греко-католики, 15,4% – православные, 14,1% – иудеи, 10,1% – сторонники реформаторской церкви, 9,4% – приверженцы римско-католического вероисповедания и пр⁹.

С самого начала пребывания ПР в составе ЧСР между подкарпато-русинской политической элитой и центральной властью существовали напряженные отношения. Среди множества политических движений и партий, возникших на ПР, шла непрерывная борьба за влияние в этой части страны. Особо соперничали между собой партии и организации, представлявшие украинское и русское (русинское) направления. Следует заметить, что понятия «русин», «русинский» тогда не были точно определены и толковались произвольно. Пражское правительство в зависимости от ситуации в межвоенное двадцатилетие поддерживало то первое, то второе направления.

Большое влияние среди бедного населения ПР имели коммунисты, которые получили на парламентских выборах 1935 г. 26,5% голосов избирателей и солидарно с другими политическими направлениями выступали за автономию ПР в составе ЧСР. Краевая организация Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) поддерживала тесные связи с КП(б)У и жителей Подкарпатья, как и Восточной Словакии, считала украинцами. Коминтерн тоже разделял эту точку зрения. Сначала коммунисты связывали решение украинского вопроса с пролетарской революцией и Советским Союзом, но во второй половине 30-х годов встали на позиции защиты ЧСР. «Украинофилы»-националисты, делавшие ставку на поражение большевиков и распад СССР, все чаще обращали свой взор к нацистской Германии, где в 1929 г. была создана и вела активную деятельность Организация украинских националистов (ОУН), которая имела свои филиалы в различных странах¹⁰.

1. ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ. ПЛАНЫ Э. БЕНЕША. ПОЗИЦИЯ МОСКВЫ. 1939 – ИЮНЬ 1941 гг.

Мюнхенское соглашение (29–30 сентября 1938 г.) Англии, Франции, Германии и Италии создало в Центральной Европе чрезвычайно выгодную для Германии ситуацию, позволившую Гитлеру оказывать серьезное влияние на судьбы народов этого региона. Западные державы, проводившие политику умиротворения агрессора, по сути, признали приоритетные позиции третьего рейха здесь и предпочитали играть роль стороннего наблюдателя. Чехословакия, потерявшая в результате мюнхенского сговора примерно треть своего населения и важные в военно-стратегическом и экономическом плане территории, которые отошли преимущественно Германии (Судетская область), а также Польша (Тешинская область), была значительно ослаблена. Чехо-Словакия, так стала именоваться страна, после того, как Словакия, а затем Подкарпатская Русь получили автономию, по существу, оказалась разделенной на три части, каждая из которых пыталась проводить внутреннюю и внешнюю политику по своему усмотрению, не учитывая наличие единого государства. Просуществовавшая 20 лет ЧСР, агонизируя, шла к своему распаду, подталкиваемая гитлеровской Германией, которая стала, по сути, единственным арбитром в центральной части Европы. Осуществляя старый принцип агрессивной немецкой политики

«разделяй и властвуй»), Гитлер предъявлял все новые и новые требования слабеющей Чехо-Словакии. Министр иностранных дел ЧСР К. Крофта в беседе с полпредом СССР в Праге С.С. Александровским еще 3 октября 1938 г. отмечал, что «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения», что «недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии», что «Гитлер всеми силами стремится к тому, чтобы достичь хаоса внутри Чехословакии»¹¹.

8 октября 1938 г. в Ужгороде было образовано первое «карпато-русское» правительство во главе с А. Броди, строившим планы включения ПР на правах автономии в состав Венгрии. Прага, как и Берлин, естественно, не могли безучастно взирать на это. Правительство Броди продержалось всего две недели и было сменено новым кабинетом во главе с пронемецки настроенным украинофилом А. Волошиным, резиденцией которого стал г. Хуст. Новый премьер вынашивал идею самостоятельного украинского государства под названием Карпатская Украина. Это наименование было введено распоряжением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г. До этого оно употреблялось с середины 20-х годов коммунистами и Коминтерном, а также украинскими националистами. По мнению И. Попа, это название не имело исторических традиций в ПР¹². При новом правительстве все существовавшие в Подкарпатье партии были объединены в Украинский национальный союз. Официальным языком автономии стал украинский язык. Деятельность КПЧ в ПР, как и на всей территории Чехо-Словакии, была запрещена. Руководители краевой организации компартии О. Борканюк, С. Вайс, И. Турияница, Г. Феер эмигрировали в Советский Союз¹³.

Волошин и его сторонники разрабатывали грандиозные планы превращения Подкарпатской Руси в своего рода «украинский Пьемонт»¹⁴, согласно которым она должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание «Великой Украины» мыслилось при поддержке и под протекторатом нацистской Германии. Гитлер не возражал против такого проекта. Берлин поддержал и переименование Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину¹⁵. Поползли слухи о возможном присоединении к ней всех украинских земель. Однако ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния идею создания «Великой Украины» не поддерживали. Польша, имевшая значительный украинский анклав (Восточная Галиция), опасалась в случае реализации этой идеи за целостность государства. Варшава предпочитала видеть ПР в составе Венгрии, чтобы установить таким образом с последней общую границу. Будапешт заявлял о своих претензиях на ПР, считая ее исконно венгерской территорией, и грозил аншлюсом. После

Мюнхена Венгрия стала более решительной в осуществлении своих ревизионистских намерений, нацеленных на включение в ее состав Словакии и Подкарпатской Руси. Хотя у Германии были другие планы относительно так называемой второй Чехо-Словацкой республики, Гитлер не мог не пойти на частичное удовлетворение претензий своего потенциального венгерского союзника, которому покровительствовала Италия.

Согласно Первому венскому арбитражу Германии и Италии 2 ноября 1938 г. к Венгрии отошла наряду с южными районами Словакии часть западных территорий ПР, включая все наиболее крупные ее центры: Ужгород, Мукачево, Берегово. Она потеряла 1586 кв. км со 181 609 населения, среди которого было 86 681 венгров, 36 735 – русин и украинцев, 25 883 – еврея, 17 247 – чехов и словаков, 4 908 – немцев и т.д.¹⁶ Компромиссное решение спора никого не удовлетворило полностью¹⁷. Венгрия при поддержке Польши по-прежнему стремилась решить вопрос об оставшейся части ПР в свою пользу, угрожая вторжением. Однако, поскольку до конца 1938 г. Гитлер еще не принял окончательного решения в отношении Чехо-Словакии и обдумывал будущее Словакии, просчитывая наиболее выгодный для себя вариант, Германия пока не поддерживала и планов Венгрии. В кратком отчете полномочного представительства СССР в Германии о политической жизни в стране в 1938 г. говорилось, что уже в октябре этого года «стала намечаться особая линия Берлина в вопросе Карпатской Руси (переименованной по настоянию немцев в Украину). Берлин, не нуждаясь уже в польско-венгерской поддержке, стал явно противиться разделу Карпатской Руси между Польшей и Венгрией ... Став арбитром в споре между Прагой и Будапештом, Берлин 2 ноября вместе с Римом ... наметил новую венгеро-чехословацкую границу, сохранив, однако, Карпатскую Украину за Чехословакией и не допустив, таким образом, создания общей границы с Венгрией и Польшей. Эти акции дали основание серии слухов о новых агрессивных планах Берлина *на Востоке*. Говорилось о предстоящем нажиме на Румынию, о дальнейшей фашизации Венгрии, о планах создания «независимой Украины» из карпатской части с присоединением частей Польши и Румынии и дальнейшей экспансией в сторону СССР»¹⁸.

Конец 1938 – начало 1939 гг. отмечены ширящимися слухами о планах Берлина в решении «украинского вопроса». Посол Великобритании в Германии Н. Гендерсон сообщал в Лондон 9 марта 1939 г.: «Что касается Украины, то хотя я и считаю идею завоевания невероятной, мне кажется тем не менее неизбежным, что Германия проявит желание попытаться отторгнуть эту богатую страну от обширного государства, которое она считает своим основным врагом. В своих собственных интересах она предпочла бы, естественно, чтобы Украина была независи-

мой и служила бы буферным государством между ней и этим врагом, и совершенно очевидно, что она хотела бы пользоваться там преобладающим экономическим и политическим влиянием»¹⁹. В западной прессе утверждалось, что Германия проводит в отношении Украины такую же политику, как и в отношении Судетской области, что Гитлер, манипулируя правом народов на самоопределение, готов помочь сепаратистским движениям в Польше и СССР осуществить их намерения. Москва не могла не отреагировать на эти слухи. В отчетном докладе партии на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. И.В. Сталин по этому поводу говорил: «Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине ... Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т.е. Советскую Украину, к козьявке, т.е. к так называемой Карпатской Украине». Говорить об этом, согласно Сталину, «смешно и глупо»²⁰. Очевидно и в Германии на тот период было сочтено преждевременным строить планы создания «Великой Украины» с использованием в этих целях территории ПР.

Ближайшей задачей Берлина стала окончательная ликвидация Чехо-Словакии, и в этом ему опять потребовалась поддержка со стороны Венгрии и Польши, которым были обещаны соответствующие компенсации. Венгрия, недовольная Венским арбитражем и питавшая иллюзии относительно воссоздания страны в границах Венгерского королевства («Короны св. Стефана»), надеялась сохранить в ее составе и Угорскую Русь. 16 января 1939 г. Гитлер изложил свои планы венгерскому министру иностранных дел И. Чаки, подчеркнув, что ликвидация Чехо-Словакии должна стать результатом общих усилий Германии, Венгрии и Польши, каждая из которых имеет в этом деле свои интересы и может рассчитывать на получение «своей доли»²¹. Венгрия должна была получить ПР, а Польша – вождеденную границу с Венгрией, что по существу означало, по крайней мере на тот момент, отказ Германии от идеи создания «Великой Украины». Будапешт такое решение устраивало, а Варшаве компенсация представлялась недостаточной, поскольку от поляков требовалось взамен пожертвовать в пользу Германии Гданьском и предоставить ей «коридор» в Восточную Пруссию. Берлин не смог договориться с Варшавой, и с этого времени в германской внешней политике стали обозначаться признаки возмож-

ного заключения советско-германского пакта о ненападении, что и было реализовано 23 августа 1939 г. Тыл Германии в запланированном Гитлером походе на Запад должен был быть прикрыт с Востока.

Таким образом, в начале 1939 г. Германия уже не могла рассчитывать на немецко-польско-венгерское взаимодействие в деле ликвидации Чехо-Словакии, и на первое место выдвинулся план ее расчленения в ходе немецко-венгерского сотрудничества с использованием сепаратистских настроений в Словакии. Попытки пражского правительства силовыми методами удержать свою власть в обеих автономиях – Словакии и Подкарпатской Руси – окончились неудачей. Германия активизировала усилия по расчленению Чехо-Словакии. Гитлер решил дать согласие на оккупацию ПР Венгрией, дабы продемонстрировать миру, что Чехо-Словакия разложилась из-за внутренних беспорядков. 12 марта 1939 г. фюрер пригласил к себе венгерского посла Д. Стояи и настаивал, чтобы Венгрия немедленно перешла в наступление, поскольку в Праге царит «дух Бенеша» (в октябре 1938 г. Бенеш сложил с себя полномочия президента и эмигрировал на Запад. – В.М.) и такое положение не может быть терпимо. Право решать вопрос о ПР было оставлено за Будапештом. «Действуйте, – советовал фюрер, – не уведомляя об этом другие правительства. Действуйте быстро, поскольку существуют и другие претенденты на Подкарпатскую Русь ... Ограничьтесь Подкарпатской Русью и не нападайте на Словакию. Словацкий вопрос будет поставлен позднее. Момент для оккупации Подкарпатской Руси благоприятен»²². 14 марта 1939 г. правительство П. Телеки направило Праге ультиматум с требованием в течение 24 часов освободить Подкарпатскую Русь от чехословацкой армии. В тот же день венгерские войска перешли границу в районе Мукачево, сломив сопротивление чехословацких частей. Правительство Волошина, провозгласившее ПР самостоятельным государством под названием Карпатская Украина и намеревавшееся просить Германию о протекторате над ней, не получило поддержки Берлина. Гитлер не мог тогда riskовать забрезжившей возможностью вступить в альянс с Советским Союзом. В отчаянии Волошин направил просьбу в Бухарест с предложением присоединить ПР к Румынии. Но она в это время уже готова была договориться с Будапештом и участвовать в разделе Подкарпатя. Без согласия Германии Румыния ничего не намерена была предпринимать. 15–18 марта 1939 г. венгерские войска с благословения Берлина оккупировали оставшуюся территорию ПР²³.

Советский посол в Лондоне И.М. Майский сообщал в Москву 15 марта: «Польский посол Рачиньский ... рассказал, что венгры уже установили общую границу с Польшей в Карпатской Украине и что Германия против этого не возражает. Он полагает, что в данной обстановке

ликвидация Карпатской Украины как марионеточного „государства“ под германским „протекторатом“ является плюсом со всех точек зрения ... Согласие Гитлера на аннексию Карпатской Украины, по-видимому, означает его окончательный отказ, по крайней мере на нынешнем этапе, от „украинских планов“ и как будто бы подтверждает мнение Черчилля о том, что ближайший его удар будет направлен на Запад»²⁴.

Советник бюро министра иностранных дел Германии П. Клейст, являвшийся сторонником сохранения Карпатской Украины как самостоятельного государства и в течение 6–11 марта по поручению Риббентропа готовивший для Гитлера материалы по украинским проблемам в связи с акцией против Чехо-Словакии, в беседе с германским журналистом 13 марта 1939 г. так описывал реакцию Гитлера на представленные ему проекты: «В своих памятных записках и сообщениях Гитлеру ... я испробовал все, чтобы спасти Карпатскую Украину. Я указывал на важное значение, которое имеет Карпатская Украина в связи с германскими планами на Востоке. Я обращал внимание на то, что возмущение украинцев Германией должно быть огромным, если мы отдадим Карпатскую Украину Венгрии. Наконец. Я указал на то, что мы не можем вдруг сразу порвать с украинцами, после того как мы до этого, особенно в результате образования Карпатской Украины, пробудили в них самые большие надежды на помощь и поддержку со стороны Германии. На Гитлера эти аргументы не произвели впечатления. Как сообщил мне Риббентроп, Гитлер на все это лишь заявил: „Это трагично, но неизбежно“. По словам Риббентропа, Гитлер выступил также против мнения, что он якобы каким-либо образом уже заангажировался в украинском деле. Гитлер будто бы сказал: „Если бы я связался с украинцами и с их политическими планами, то в Вене не было бы принято третейского решения, которое сделало Карпатскую Украину нежизнеспособной“». Фюрер имел при этом в виду отторжение в пользу Венгрии (ноябрь 1938 г.) наиболее развитых в экономическом отношении западных и наиболее плодородных южных территорий ПР, что действительно ставило под сомнение ее существование как самостоятельного государственного образования. На вопрос журналиста, «не выпустил ли Гитлер совершенно из рук украинскую карту, занимая такую позицию», Клейст ответил: «Гитлер, очевидно, позже намерен снова ввести в немецкую игру украинскую карту, когда будут осуществляться германские планы на Востоке. Он думает, вероятно, что украинцы снова присоединятся к нам, так как при любых обстоятельствах они зависят от германской помощи». «К памятной записке для Гитлера, – продолжал Клейст, – я приложил в качестве дополнения карту из украинского атласа, на которой была обозначена будущая империя Великой Украины.

Гитлер, как сообщил мне Риббентроп, отложил эту карту в сторону со словами: „все это пока еще мечты“. Если он говорит „еще“, то, вероятно, думает, что позже они однажды должны стать действительностью»²⁵.

Об отношении Берлина к судьбе Карпатской Украины сообщил 16 марта 1939 г. в Париж и французский посол в Германии Р. Кулондр: «Одновременно Закарпатская Русь также провозгласила 12 марта независимость и обратилась к Берлину с просьбой о защите. Однако гитлеровские руководители остаются глухими к призывам этой страны, связанной с ними все свои надежды; на некоторое время ей отводится роль „украинского Пьемонта“. Закарпатскую Украину оккупируют венгерские войска... В телеграмме, адресованной посольству Франции в Берлине, премьер-министр Ревай просит французское правительство предпринять демарш в адрес правительства Будапешта, с тем, чтобы судьба его страны была решена дипломатическим путем, а не силой оружия. Все вроде бы указывает на то, что рейху безразлична судьба этого государства и что он оставляет его Венгрии»²⁶.

Советский Союз выразил протест против расчленения Чехо-Словакии, в том числе и оккупации ПР Венгрией. В ноте наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу 18 марта 1939 г., направленной в связи с этими событиями, в частности, говорилось: «Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения»²⁷.

Берлин рассчитывал разыграть «украинскую карту» уже в ближайшем будущем при подготовке агрессии против Польши. Нападение на нее, по словам вышеупомянутого Клейста, «должно было вестись в полную силу одновременно с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и Восточной Пруссии». «В настоящее время, – говорил Клейст 2 мая 1939 г., – мы в Берлине изучаем вопрос об использовании украинцев в этом деле. С Волошиным и Реваем достигнута договоренность о том, чтобы в рамках Венгерского государства предоставить широкую автономию Карпатской Украине. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы ослабевшую способность украинцев к борьбе. Не требуется подвергать специальной обработке украинские руководящие круги, ибо последние события ни в коем случае не поколебали их преданность Берлину. Осуществив подобного рода подготовку, мы смогли бы затем дать Польской Украине сигнал к восстанию. Из Словакии и Карпатской Украины мы направили бы сразу большие партии оружия и боеприпасов, а также послали бы хорошо обученные военному делу отряды сечевиков (членов полувоенной организации украинских националистов в ПР. – В.М.).

Между Берлином и Львовом установлен такой тесный прямой контакт, что можно не сомневаться в массовом восстании украинцев. Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это – возможная реакция Советского Союза»²⁸.

Причины такой оговорки понятны: именно в это время Берлин начал практически нащупывать почву для установления «дружественных отношений» с Москвой. В качестве одного из доказательств изменения политики Германии в отношении СССР в беседах немецких дипломатов с их советскими коллегами указывалось на то, что «упразднение Карпатской Украины хотя и сделано не прямо ради СССР, но было бы немыслимо, если бы у Германии было намерение осуществить экспансию в сторону Украины», отрицалось, «будто Германия имеет какие-либо aspirations на Украине»²⁹.

Надо сказать, что планы Германии относительно использования территории «Карпатской Украины» для вторжения в Польшу, не осуществились: регент Венгрии М. Хорти не согласился участвовать в войне против Польши и отказался пропустить немецкие войска через «свою» территорию³⁰. Когда 17 сентября 1939 г. по согласованию с Германией части Красной Армии вступили в пределы Восточной Польши, заняв территории Западной Украины и Западной Белоруссии, которые были включены в состав УССР и БССР, Советский Союз оказался непосредственным соседом Венгрии в районе Подкарпатья.

После оккупации Подкарпатской Руси венгерскими войсками Волошин и его соратники покинули край. Сначала через Румынию и Югославию глава несостоявшегося «государства» перебрался в Берлин, затем через некоторое время объявился в Протекторате Богемия и Моравия, где обосновался в Праге. Возможно, здесь, а может быть в Братиславе, где нашел прибежище министр автономного правительства ПР Ю. Ревай, возродилась³¹ идея создания Словацко-Украинского государства под эгидой Германии. На свет появился «Меморандум о присоединении Карпатской Украины к Словакии», подписанный Волошиным и рядом его соратников. 30 ноября 1939 г. документ был отослан министру иностранных дел Германии И. Риббентропу и словацкому правительству, с которым начались по этому вопросу переговоры и которое связывало решение об объединении с согласием Гитлера. Авторы меморандума жаловались на пагубные для Карпатской Украины последствия венгерской оккупации, на террор и ликвидацию там институтов культуры, закрытие издательств, газет, журналов, украинских школ, запрещение пользоваться родным языком в официальном делопроизводстве и во время церковных служб, насильственную мадь-

яризацию. Все это может привести, считали авторы меморандума, к интервенции Красной Армии (она в то время находилась на территории Западной Украины) в Закарпатье и присоединению этой территории к Советскому Союзу. Закарпатские украинцы после чрезвычайно негативного опыта венгерской оккупации, говорилось в документе, согласились бы на присоединение к Словакии, что не шло бы вразрез со стратегическими планами Германии. Предлагалось создание федеративного государства, что принесло бы пользу обеим частям бывшей ЧСР и, в конечном счете, германской империи. Далее авторы меморандума писали: «Венгерское королевское правительство не сумело (и в будущем не сможет) подавить проявления дружбы закарпатских украинцев к Советскому Союзу, поскольку народ любой ценой хочет освободиться из-под венгерского гнета и объединиться с каким-либо иным краем, лишь бы не с Венгрией ... Учитывая небольшую территорию и малочисленность населения было бы наиболее выгодно объединить Карпатскую Украину с соседней Словакией. Население этих двух областей близко друг другу и в течение тысячелетий имели общую судьбу. Само собой разумеется, что объединение Карпатской Украины со Словакией было бы возможно только в том случае, если бы, кроме согласия правительства Словакии, и Великая Германская империя предоставила Карпатской Украине надежную защиту ... Словацкое государство расширением своей территории в любом случае выиграло бы. Советский Союз, принимая во внимание договор о дружбе с Великой Германской империей, не ставил бы никаких препятствий такому решению проблемы ... Поскольку оккупация Карпатской Украины юридически не признана ни Великой Германией, ни Советским Союзом, ни Италией, ничто не препятствовало бы осуществлению этого изменения»³². Но Германия, лишь отложившая на время идею создания «Великой Украины» и имевшая в отношении Карпатской Украины свои планы, не отреагировала на меморандум³³.

Самостоятельная, а по существу полностью зависимая от Берлина, Словакия тоже не оставляла мысль о возможности разыграть «подкарпатскую карту» в своих интересах. «Западный поход» Красной Армии в сентябре 1939 г., присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, как уже говорилось, имели следствием установление его непосредственных границ с ПР (Венгрией) и приближение новых советских границ к границам Словакии. Расстояние между ними исчислялось несколькими десятками километров. В это время часть словацких правящих кругов, в том числе президент Й. Тисо и министр иностранных дел Ф. Дюрчанский, с благословения Берлина выступили с инициативой установления дипломатических отношений Словакии с

СССР. Но при этом словаки преследовали и свои цели: во-первых, создать в лице Советского Союза эффективный противовес монополющему влиянию Германии в формально самостоятельной Словацкой республике, во-вторых, реализовать с помощью СССР идею возврата ей словацких территорий, отошедших к Венгрии в 1938–1939 гг. Решение этой второй задачи, по мысли словацких политиков, могло быть облегчено при условии, если СССР присоединит к себе ПР и станет непосредственным соседом Словакии.

Прибывший в Братиславу 2 февраля 1940 г. советский полпред Г.М. Пушкин отмечал, что Словакия наполнена слухами о том, что СССР готов «взять себе Карпатскую Украину». Мысль о желательности такого развития событий постоянно внушалась советским дипломатам во время официальных и неофициальных встреч. «Дюрчанский и люди из его круга, – сообщал Пушкин в Москву, – неоднократно вели разговоры с сотрудниками нашего полпредства по вопросу о переходе Карпатской Украины от Венгрии к Советскому Союзу». Так, на одном из приемов, состоявшемся 9 мая 1940 г., Дюрчанский упорно доказывал Пушкину, что «если немцы направятся против Румынии», то СССР «вполне своевременно занять „Карпатскую Русь“ и Бессарабию»³⁴. Но в это время Москва готовилась к намеченной в пакте Молотов–Риббентроп балтийской и бессарабской акциям, что требовало советско-германской согласованности. При этом сверх договоренностей августа 1939 г. СССР претендовал еще и на Буковину, как, по словам Молотова, последнюю недостающую часть «единой Украины»³⁵. Подобные претензии, естественно, не могли не вызвать раздражения Германии. В разговоре с послом Германии в СССР Шуленбургом 25 июня 1940 г. Молотов заявил: «Постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население – украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему времени вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»³⁶. Тем самым Москва, очевидно, давала понять, что со временем может быть поставлен и этот вопрос. Германия, в конце концов, пошла на уступку советскому партнеру, согласившись на присоединение к Советскому Союзу Северной Буковины.

В этих условиях советское руководство, конечно, не могло и думать о том, что предлагали тогда словаки: «взять Карпатскую Русь» и установить непосредственную границу со Словацким государством. Словаки были явно обескуражены позицией Москвы, что, в частности, нашло отражение в беседе сотрудника советского полпредства в Братиславе Н.М. Ковалева с одним из видных словацких деятелей Голаном в

конце июня 1940 г., когда последний заявил: «Присоединение Карпатской Украины к СССР даст нам, словакам, мощного соседа, интересы которого в Словакии дадут нам возможность удержать равновесие с немецкими интересами. От этого выиграет самостоятельность Словакии»³⁷. О том же говорил с Пушкиным и Дюрчанский 16 июля 1940 г. Советский полпред записал в своем дневнике: «Дюрчанский спросил меня: „Когда же Вы возьмете Карпатскую Украину?“ Я ответил, что эта область настолько незначительна как по населению, так и по территории, что вряд ли следует говорить о ней так много, как говорят в Словакии. Дюрчанский согласился, но подчеркнул серьезное военно-стратегическое значение Карпатской Украины. Развивая эту мысль, он заметил, что Германия, Венгрия и особенно Италия учитывают это значение Карпатской Украины и поэтому не хотят отдавать ее нам. Я не поддержал этого разговора»³⁸. Позиция, выраженная Пушкиным, целиком следовала линии, изложенной Молотовым Шуленбургу в упомянутой выше беседе 25 июня, который сообщил о ее содержании и словацкому посланнику в Москве Ф. Тисо, сказав, что по словам Молотова «вопрос о Карпатской Украине не занимает СССР»³⁹. Тогда включение ПР в состав СССР было нереальным из-за противодействия прежде всего Германии и ее союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим. Вопрос о ПР словаками после этого больше не поднимался⁴⁰.

Однако снова начала муссироваться идея присоединения Подкарпатской Руси к Словакии, о чем, в частности, говорил Пушкину словацкий военный министр Ф. Чатлош 10 октября 1940 г.⁴¹ По информации, полученной Пушкиным от югославского полпреда в Словакии Симича, в конце августа 1940 г. премьер-министр Словакии В. Тука и министр иностранных дел А. Мах приняли Ю. Ревая как возможного будущего президента «Карпатской Украины». По сообщению Симича, словаки изготовили три карты, на которых были точно обозначены места проживания словаков в Венгрии, и во время встречи президента Словакии Й. Тисо, Туки и Маха с Гитлером в конце августа в Берхтесгадене передали эти карты ему лично: «Эти материалы прорабатываются и изучаются в Берлине. Словакам было приказано прекратить на время свою ревизионистскую кампанию, до окончания ревизии венгеро-румынских и венгеро-югославских границ». Далее Симич развивал мысль о том, уступят ли венгры Подкарпатскую Русь словакам: «Вообще Венгрия проявляет немного интереса к этой области, где погибло много народа и где затраты будут превышать прибыль. Венгрия хотела бы непосредственное соседство с Советским Союзом уступить Германии, т.е. Словакии, и таким образом частично оградить себя так называемой линией Арпада на Карпатах, а вместо этого добыть себе земли

от Румынии и Югославии. Подкарпатская Русь была бы автономной в составе Словакии. Словаки бы не имели возможность вмешиваться во внутренние дела Подкарпатской Руси. Она имела бы свое правительство во главе с президентом Ревай (бывшим министром Подкарпатской Руси) и стала бы центром украинского движения против Советской России. Германия имела бы полное право ее контролировать в политическом, административном и военном отношении. Украинцы здесь бы организовали свои войска, а офицеров бы вербовали в Вене, Германии и Губернаторстве⁴². Украинцы, если бы произошло все, что указывается выше, были бы использованы Германией для завершения последней фазы осуществления самостоятельной Великой Украины». Симич, таким образом, полагал, что при известных обстоятельствах и договоренности с Германией по некоторым территориальным проблемам венгры могут отказаться от Подкарпатской Руси. Пушкин, направивший эту информацию в НКВД, считал, что «она приобретает для нас известное значение». Но советское руководство, которое не готово было тогда нарушить «дружественные» отношения с Германией и Венгрией и которое считало для себя на тот период вопрос о судьбе ПР неактуальным, придерживалось иного мнения. Это следовало из резолюции Молотова после ознакомления с информацией, полученной от Пушкина: «Т. Вышинскому. К сожалению, Пушкин плетется в хвосте антигерманских элементов, не разбираясь в главном смысле некоторых фактов. Придется ему как-нибудь дать разъяснения. В. Молотов.»⁴³. Германия, занятая в ту пору другими, более важными для нее делами, связанными с утверждением ее позиций на Балканах, также пока не считала вопрос о «Карпатской Украине» актуальным и, заинтересованная в лояльном отношении Венгрии, предпочитала сохранить все, как есть.

Венгры, которые, вопреки выводам Симича, видимо, не собирались расставаться с Подкарпатской Русью, были удовлетворены позицией «незаинтересованности» Советского Союза в этой территории. Министр иностранных дел И. Чаки в беседе с полномочным представителем СССР в Венгрии Н.И. Шароновым 13 февраля 1940 г. заявил, что они довольны заявлением заместителя наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина о том, что советско-венгерская граница «одна из самых стабильных в Европе». Чаки, по его словам, в беседе с министром иностранных дел Италии Г. Чиано сказал: «мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем вообще и угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем»⁴⁴. Выступая в парламенте Венгрии в июле 1940 г. Чаки, в частности, говорил «об отсутствии у СССР каких-либо планов относительно Закарпатской Украины». На том же заседании парламента, по сообщению Шаронова, был

«прочитан проект закона об „автономии“ Закарпатской Украины»⁴⁵. Предусматривалась доработка закона и введение его в действие в течение двух лет, но после вступления Венгрии в войну на стороне Германии он так и не был реализован.

Меж тем, после оккупации ПР венгерскими войсками часть ее населения покинула родину и переселилась в восточную Словакию, пополнив и до того значительную там диаспору «карпато-русинов», как они именовались в документах советского полпредства в Словакии. Генеральное консульство СССР в Праге осенью 1939 г. и Генконсульство СССР в Братиславе летом 1940 г. отмечали их массовые посещения представителями «карпато-русин», которые желали знать, когда же Советский Союз «возьмет» ПР себе. Так, генеральный консул СССР в Праге Куликов, сообщая в Москву о положении в протекторате летом 1940 г., писал: «В Генконсульство приходят люди с убеждением о том, что, вот, скоро и у нас все кончится, заживем новой счастливой жизнью в рамках Советского Союза. Эти настроения характерны не только для трудящихся протектората, но и граждан Словакии и особенно Прикарпатской Украины, находящейся теперь под пятой Венгрии. В последнее время участились индивидуальные и коллективные посещения в наше пражское генконсульство прикарпаторусов с прямой и настойчивой просьбой присоединить «этот последний большой кусок Украины к Советскому Союзу». Волна выражения любви и симпатий к Советскому государству проявлялась в особенности в те моменты, когда происходило движение Красной Армии на наших западных границах. Так было осенью прошлого года и летом этого года. Утверждают, что прикарпатское население в Венгрии и словацкое в пограничных районах не только готовило, но и вывешивало в знак приветствия красные советские флаги»⁴⁶. 4 ноября 1940 г., согласно сообщению Куликова в Москву, советское Генконсульство в Праге посетила делегация пражского отделения Русского национального совета Карпатской Руси и передала манифест «О присоединении Карпатской Руси к России», подписанный председателем И. Шлепицким, с просьбой направить этот документ «Совету министров СССР». «Мы заявили, – писал Куликов, – что нам ничего не известно о такого рода присоединении, мы полагаем, что этого не будет, учитывая международную обстановку, противоречия, связанные с этим актом, и стремление СССР к миру». 5 ноября Куликов снова сообщал в НКВД СССР: «В связи с вступлением Красной Армии и проведением в Польше великой освободительной задачи в Генконсульство ежедневно поступают письма, ходят люди в одиночку, группами и делегациями с просьбой присоединить Карпатскую Русь к Советскому Союзу. По рассказам посетителей это движение среди полумиллионного на-

селения приняло всенародный характер. В народе распространяются слухи, что СССР присоединит этот участок земли южных Карпат в самое ближайшее время, которое определяется лишь одним-двумя месяцами. Это настроение, по-видимому, распространено настолько широко, что захватило не только бедную часть населения, рабочих, крестьян, интеллигенцию, но и более зажиточные слои»⁴⁷.

Советские дипломаты, вступая в контакт с посетителями по этим вопросам, естественно, придерживались официальной линии Москвы. Поэтому многие тысячи жителей, прежде всего Подкарпатской Руси и Восточной Словакии, предпочитали самостоятельное решение проблемы и нелегально переходили новую советско-венгерскую границу, рассчитывая получить на российской стороне понимание и поддержку. Однако здесь их ждало горькое разочарование: большинство именно за нелегальный переход границы попало в лагеря НКВД. Об их судьбе будет сказано ниже. Москва, таким образом, временно сняла с повестки дня вопрос о ПР, отодвинув его решение на более подходящее время.

Позиции СССР в отношении ПР пытался выяснить и посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер (посольство продолжало функционировать до декабря 1939 г., когда было ликвидировано в связи с прибытием в СССР словацкого посланника Ф. Тисо). 19 сентября 1939 г. будучи принятым заведующим центральноевропейского отдела НКВД А. М. Александровым Фирлингер выразил надежду на то, что Прикарпатская Украина будет занята частями Красной Армии и подчеркнул, что «это соответствовало бы интересам будущей Чехо-Словакии, которая граничила бы с СССР». По его словам, «чехо-словацкое правительство и раньше желало этого присоединения, но мешала польская территория». В ответ Александров сослался «на политику нейтралитета, которую советское правительство проводит и в отношении стран, имеющих с нами (СССР. – *В.М.*) дипломатические отношения, и в частности, в отношении к Венгрии»⁴⁸. Судя по опубликованным ныне телеграммам, отправленным тогда Фирлингером из Москвы в Лондон, он не сообщал Бенешу о своих заявлениях в Наркоминделе и о позиции СССР в отношении ПР⁴⁹.

Находившийся в эмиграции бывший президент ЧСР Э. Бенеш, который возглавил после ее расчленения в марте 1939 г. борьбу за восстановление страны в предмюнхенских границах, тоже пытался использовать «подкарпатскую карту», выстраивая свою политическую линию в отношениях с СССР и Западом. В июле 1939 г. он вернулся из США в Европу и развернул деятельность по организации чехословацкого заграничного сопротивления и его органов. Однако осенью 1939 г. ни Англия, ни Франция не спешили признать его главой этого движения, а созданный в Париже Чехословацкий национальный комитет (ЧНК) временным чехо-

словацким правительством в изгнании. Бенеш несколько раз встречался с советским послом в Лондоне И.М. Майским, пытаясь привлечь его внимание к создавшейся ситуации и заручиться поддержкой Москвы. Во время встреч помимо прочего говорилось и о дальнейшей судьбе Подкарпатской Руси. Однако в записях об этих беседах, сделанных Майским и Бенешем, имеются существенные различия, касающиеся позиции Бенеша в указанном вопросе. Вот как фиксирует Майский в своем дневнике позицию Бенеша в отношении будущего Подкарпатской Руси («Рутении»⁵⁰), высказанную им во время беседы 22 сентября 1939 г.: «...она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословакии Бенеш мысленно всегда считал „Рутению“ будущей частью СССР». Это – запись в дневнике, а на следующий день, 23 сентября 1939 г. Майский сообщил о беседе в Москву: «Бенеш заявил, что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о Западной Украине таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркнул, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если только она будет свободна от германского ига. В отношении Карпатской Украины Бенеш прямо говорил, что она должна войти в состав УССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза»⁵¹. Именно этот документ был передан Молотовым Бенешу в Москве 24 марта 1945 г., когда обсуждался вопрос о будущем ПР, как напоминание о положительном отношении чехословацкого президента к вопросу о ее включении в состав СССР (УССР)⁵².

В записи же Бенеша о беседе с Майским 22 сентября 1939 г. это место выглядит иначе. Сначала речь шла о наступлении Красной Армии в направлении Львова и Майский сказал: «Это означает, что сегодня, когда у нас есть такая возможность покончить раз и навсегда с вопросом [объединения. – В.М.] Украины, мы от этого не откажемся. Все эти области заберем мы. Поляки должны заплатить за все, что сделали». На вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси Майский «усмехнулся. Я (Бенеш. – В.М.) сказал, что эта земля наша, что мы имеем на это право ... Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (СССР. – В.М.) будут нашими соседями и потребуют этого, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны ее иметь»⁵³. В записи Бенеша нет ничего, что касается его оценки вступления Красной Армии на территорию Польши. В дневнике же Майского значит, что Бенеш относится к этому «с полным одобрением. Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об од-

ном: устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Это очень важно. – Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, – воскликнул Бенеш, – но это для меня и безразлично. Я не имею возражений против советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига»⁵⁴. В записи, сделанной со слов Бенеша, все это заключается в одной короткой фразе: «Я снова просил его, чтобы нам помогли, чтобы нас не оставляли, [сказал. – *В.М.*], что мы рассчитываем на них, что рассчитываем на их соседство»⁵⁵.

О том, что в чешской записи позиция Бенеша в отношении ПР изложена более точно, чем в дневнике и телеграмме Майского, свидетельствует, в частности, документ, относящийся к концу августа 1939 г. – сопроводительное письмо Я. Смутного, начальника канцелярии Бенеша, к его наказу внутреннему сопротивлению, в Чехию. В письме говорилось: «Подкарпатскую Русь мы требуем для республики, если не будет по соседству Россия»⁵⁶.

В октябре-ноябре 1939 г. на Западе распространялись упорные слухи о том, что СССР намерен присоединить к себе ПР. В частности, этим было очень обеспокоено МИД Франции, о чем шла речь на заседании ЧНС 6 ноября 1939 г.: «На Quai d'Orsay (адрес французского МИД. – *В.М.*) паника, поскольку там получено сообщение, что Россия хочет в течение месяца оккупировать Подкарпатскую Русь, что об этом ведет переговоры с Германией ... В связи с этим на Quai d'Orsay и в правительстве большие опасения, поскольку полагают, что Советский Союз спустится с Карпат в Дунайскую низменность и станет таким образом решающим фактором для давления не только на Чехословакию и Венгрию, но и на все Балканы»⁵⁷. Англичан также беспокоила «русская агитация на Подкарпатской Руси» и они послали туда агентов Интеллидженс Сервис (разведывательной службы Великобритании. – *В.М.*), чтобы там следить за ситуацией. Англичане, как и французы, полагали, что «Россия попытается оккупировать Подкарпатскую Русь»⁵⁸. Бенеша же видимо волновало не только это. При своем посещении Парижа в октябре он получил информацию о том, что в связи с разделом сфер влияния между Германией и СССР Москва намерена признать Протекторат и что Чехословакия, Словакия, Венгрия, включая ПР, при этом остаются за Германией⁵⁹.

21 ноября 1939 г. состоялась новая встреча Майского с Бенешем, который жаловался на нежелание Англии и Франции поддерживать его начинания. «Все эти неудачи с „демократиями“, – записал Майский в дневнике, – неизбежно отбрасывают Бенеша к СССР. Он и раньше мне много говорил о необходимости для Чехословакии поддерживать тесные связи с СССР, но никогда еще не был так определен, как сегодня. Бенеш зая-

вил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования Чехословакии без самой близкой, самой неразделимой связи с СССР. Он давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом. Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между Чехословакией и СССР. Это может быть достигнуто двумя путями: включением Карпатской Украины либо в состав Чехословакии, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной»⁶⁰. Позиция Бенеша была аналогична той, которую он излагал Майскому, согласно чешской записи, 22 сентября 1939 г., но теперь она была зафиксирована советским послом более точно.

После прибытия в Москву словацкого посланника и ликвидации там чехословацкого посольства Бенеш с Майским больше не встречался до июля 1941 г. В известных автору документах нет сведений о том, что Бенеш в эти полтора года где-либо говорил о возможности включения ПР в состав СССР, наоборот везде подчеркивал, что эта область является составной частью Чехословакии и ее внутренним делом. Новым было то, что в одной из своих лекций в Оксфорде в марте 1940 г. Бенеш заявил: «Вопрос Подкарпатской Руси будет решен путем свободного голосования после войны»⁶¹. Еще более четко эта мысль была выражена в Меморандуме Бенеша, озаглавленном «Чехословакия после войны» (март 1940 г.). В нем указывалось на нарушение Венского арбитража ноября 1938 г. в результате присоединения к Венгрии 500 тыс. русин после аннексии ею Подкарпатской Руси. «Проблему Подкарпатской Руси, – говорилось в Меморандуме, – мы оставляем будущему, ожидая дальнейшего развития событий в Центральной Европе и полагая, что прежде всего сами русины должны выразить свою волю и свое мнение в этом вопросе, так же как в 1918 г. они свободно высказались за Чехословакию»⁶². Заметим, что тут, говоря о населении ПР, Бенеш оперировал термином «русины». С его согласия несколько позднее возникла и «Канцелярия по проблемам Подкарпатской Руси», делами которой руководил эмигрировавший в Лондон русин П. Цибере, генеральный секретарь функционировавшего в Праге «Центрального карпаторусского национального совета».

СССР, как было показано выше, в тот период внешне мало занимала судьба ПР. Во всяком случае, штабс-капитан Я. Крчек, который в марте-апреле 1940 г. вел переговоры с представителем НКВД Орловым об отправке чехословацкого легиона под командованием Л. Свободы, интернированного осенью 1939 г. на территории СССР, на Запад, в своем

отчете сообщал Бенешу: «При упоминании о территориальном восставлении ЧСР мне не удалось получить точного ответа, исключая намеки, что для них (СССР. – В.М.) вопрос о Подкарпатской Руси не имеет особого значения, поскольку дескать она России никогда не принадлежала. Несмотря на это, проявляется значительный интерес к положению там, который однако объясняется сегодняшними интересами разведки в отношении Венгрии»⁶³.

До лета 1941 г. ничего нового в постановке вопроса о будущем ПР не наблюдалось, если не считать, что он затрагивался в беседах с поляками в связи с начавшимися в конце 1940 г. переговорами о создании чехословацко-польской конфедерации. Чехи решительно отвергли мысль о возможности оставления ПР в составе Венгрии или присоединения ее к Польше. Были выдвинуты и новые аргументы в защиту сохранения этой области в составе Чехословакии: «От Подкарпатской Руси мы не откажемся ни при каких обстоятельствах, но не из соображений престижных. Подкарпатская Русь к нам присоединилась добровольно, и мы взяли на себя обязательство сохранить этот убогий славянский народ от мадьяризации. Это обязательство мы выполним. Второе. Подкарпатская Русь для нас является единственной территорией, которая связывает республику на юге с Румынией и областью Черного моря»⁶⁴. Эта же мысль подчеркивалась и в меморандуме о целях Чехословакии после установления мира, подготовленном Бенешем по просьбе бывшего английского представителя при чехословацком эмигрантском правительстве Б. Локкарта 2 февраля 1941 г.: «Чехословацкая республика рассматривает Подкарпатскую Русь как интегральную часть своей территории и никогда от этой точки зрения не откажется»⁶⁵.

Таким образом, если рассматривать 1939 – лето 1941 гг. как этап советско-чехословацких отношений в постановке вопроса о будущем ПР, то можно сказать, что в его начале Бенеш, сперва как непризнанный, а затем как признанный глава чехословацкой эмиграции, действовал по формуле: «Подкарпатская Русь – или Чехословакии, или России». В конце же периода акцент делался им уже только на первой части этой формулы⁶⁶. Такая постановка вопроса вполне устраивала Запад, который по геополитическим соображениям, как и в 1919 г., не желал появления Советов за Карпатами. СССР же, исходя из международной ситуации, «дружбы» с Германией и учитывая уже сделанные им в 1939–1940 гг. территориальные приобретения (Западная Украина и Западная Белоруссия, Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина), вынужден был пока отказать от соблазнительных предложений относительно Подкарпатской Руси, оставив решение этого вопроса до лучших времен.

2. ЧЕХОСЛОВАКИЯ – ГОСУДАРСТВО ЧЕХОВ, СЛОВАКОВ И КАРПАТСКИХ УКРАИНЦЕВ. СОГЛАСИЕ КРЕМЛЯ. 1941–1943 гг.

Ситуация резко изменилась после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну. Уже 8 июля 1941 г. по инициативе Майского состоялась его беседа с Бенешем, на которой обсуждались вопросы советско-чехословацких отношений. Майский заявил, что «политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством», что «советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам», что советское правительство готово принять в Москве чехословацкого посланника и готово «оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России»⁶⁷. Хотя о будущих границах не говорилось, но Бенеш затронул вопрос о ПР. В его записи о беседе значится: «Я подчеркнул, что у нас с ней (Венгрией. – *В.М.*) свои счёты, что пограничную линию, навязанную Германией и Италией, мы не признаем, что считаем Подкарпатскую Русь – а это определено интересует и их (СССР. – *В.М.*) – своей. Мы – за правовой континуитет, а следовательно, и Подкарпатская Русь юридически принадлежит нам. Майский подтвердил мне, что понимает это так же. Я подчеркнул, что Подкарпатская Русь не может принадлежать ни Польше, ни Венгрии. Она – просто-напросто наша. У них (СССР. – *В.М.*), видимо, будет, что сказать об этом, но с ними мы договоримся. Он (Майский. – *В.М.*) полностью подтвердил мою точку зрения»⁶⁸. В записи этой беседы, сделанной со слов Бенеша Смутным, есть некоторые детали, уточняющие позицию президента. Подчеркнув принцип континуитета и безусловную принадлежность ПР Чехословакии, Бенеш сказал: «Но наша позиция не та, которую я формулирую для других. Подкарпатская Русь должна принадлежать либо нам, либо России. А о том, кому она будет принадлежать, мы договоримся лишь с русскими, никто другой в этом вопросе не имеет слова». Далее Бенеш подчеркнул, что на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. союзники решили, что ПР не должна достаться России и продолжал: «Они не хотели, чтобы русские появились в Центральной Европе. Тогда это получилось, поскольку русских на мирной конференции не было. На этот раз все будет иначе. Русские там будут, будут там, надеюсь, как победоносный народ, и поэтому об этих вещах будет говорить иначе»⁶⁹.

18 июля 1941 г. в Лондоне Майским и министром иностранных дел

Чехословакии Я. Масариком было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Чехословакией, о взаимопомощи и поддержке в войне против гитлеровской Германии и об образовании чехословацких воинских частей на территории СССР⁷⁰. Но ни Москва, ни Лондон пока не давали Бенешу никаких обещаний относительно будущих границ Чехословакии. А Бенеш добивался именно этого. Вопрос о ПР был использован им, думается, как одно из средств давления на английское и советское правительства для принятия ими нужных Бенешу решений. Англичанам было известно, в том числе и от него самого, о возможности отказа Чехословакии от ПР в будущем в пользу СССР. Им было это, как уже говорилось выше, не по душе. Согласие на восстановление после войны ЧСР в домюнхенских границах давало возможность воспрепятствовать СССР выходу за Карпаты. В разговоре со Смутным 18 июля 1941 г. Бенеш, говоря об англичанах, сказал: «Что касается Подкарпатской Руси, то с щепетильностью уже покончено, наоборот они бы нам ее сегодня спихнули, чтобы она не досталась русским. Как во время мирной конференции. Локкарт мне сказал, что уже нет возражений против вещания на Подкарпатскую Русь»⁷¹. Но говорить открыто об этом англичане не хотели. Объясняя это нежелание в одной из депеш на родину в августе 1941 г., Бенеш писал, что они «все еще хотят за что-то зацепиться в момент краха Германии, чтобы иметь влияние на будущую организацию Центральной Европы и на устройство наших внутренних дел. Это вопрос очень важный и мы не должны его недооценивать»⁷².

Бенешу была хорошо известна и заинтересованность СССР в Подкарпатской Руси, хотя и не выражаемая открыто. Своими заявлениями о возможности договориться с Советским Союзом на сей счет он, как бы, давал аванс Москве за ее поддержку в важных для Чехословакии вопросах послевоенного устройства. На новой встрече с Майским 28 августа 1941 г. Бенеш снова поднял вопрос о ПР и попытался выяснить, хочет ли СССР после войны быть соседом Чехословакии. Майский, согласно записи Бенеша об этой беседе, ответил утвердительно, хотя сказал, что детали этого в Москве пока не проработаны и не продуманы. Советский посол поинтересовался мнением англичан на этот счет. И тут, думается, Бенеш несколько слукавил, сказав, что итог его дискуссий с Локкартом был таков: «Подкарпатская Русь у Венгрии остаться не может, поляки ее иметь не могут, эта область может быть либо чехословацкой, либо русской. Майский живо согласился»⁷³. И все же англичане, видимо, понимали, что в случае успешного для Советского Союза хода войны ПР неизбежно отойдет к нему. Понимал это и Бенеш, но хотел ввести все «в законные рамки».

Осенью 1941 г., когда ход войны на советско-германском фронте был неутешителен для союзников по антигитлеровской коалиции, вопросы послевоенного устройства, естественно, отошли на задний план, но не были сняты с повестки дня. Например, о реорганизации европейских границ после войны говорилось на встрече Сталина и Молотова с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в Москве 16 декабря 1941 г. Относительно Чехословакии было заявлено, что она «должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны»⁷⁴.

В начале 1942 г., когда советские войска вели успешное наступление и отогнали части вермахта от Москвы, по дипломатическим каналам стал усиленно «обкатываться» вопрос о поездке Бенеша в СССР⁷⁵. Он тогда иллюзорно полагал, что война может окончиться крахом Германии уже в конце 1942 г. В начале января им был составлен Меморандум по вопросу о чехословацких границах, где велась речь об их восстановлении в домюнхенском виде. «Подкарпатская Русь – не проблема нацменьшинств. Она имела в республике особое, автономное, положение и в Чехословацком государстве опять будет его иметь», – говорилось в документе⁷⁶. В конце января Бенеш считал необходимым обсудить вопрос о границах с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. Президент заметил, что этот вопрос не имеет смысла задавать русским, поскольку «они признали нас безоговорочно». Повторив общеизвестную истину «кто является хозяином Чехии, тот хозяин Европы», Бенеш подчеркнул, что «англичане должны были бы быть непосредственно заинтересованы в том, чтобы, поддерживая нас в основных потребностях нашей государственной жизни, они обеспечили соответствующее влияние в нашей стране, тем более, что русское влияние после этой войны будет во всей Центральной Европе весьма сильным»⁷⁷. Однако англичане пока не торопились с публичным заявлением о ликвидации Мюнхенского соглашения и восстановления домюнхенского статуса Чехословакии.

Но Бенеш, опытный и ловкий политик, много лет представлявший интересы небольшого европейского государства, играл и в те, и в другие ворота, реализуя выдвинутую им в конце 30-х годов формулу внешней политики Чехословакии «50% – на Запад, 50% – на Восток». Его тактика состояла в том, чтобы осуществлять нажим то на одного, то на другого партнера, подводя их к принятию нужных ему решений.

Через несколько дней после встречи с Иденом, 26 января 1942 г., он имел беседу с Майским, выясняя, в частности, вопрос, хотят ли русские «быть на Карпатах и таким образом стать нашими соседями», на что получил утвердительный ответ⁷⁸. 2 февраля 1942 г., Бенеш встретился с советским послом при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомоловым, чтобы обсудить с ним, в частности, вопросы, связанные с поездкой президента в СССР. Речь шла о необходимости «договориться с Москвой о всей дальнейшей политической линии», о «развитии в Центральной Европе и нашей будущей политике, в том числе и внутренней, о реконструкции всей республики после войны». Говорилось и о Подкарпатской Руси, однако в записи беседы, сделанной Бенешем, подробности на этот счет отсутствуют⁷⁹. Несколько шире изложена позиция Бенеша на этот счет в беседе с Богомоловым 27 марта 1942 г. Президент полагал, что в данный момент необходимо с русскими «договориться о том, как мы (в Чехословакии. – В.М.) поставим дело (что касается языка, школ и т.д.) на Подкарпатской Руси, чтобы не повторялись ошибки прошлого, т.е. создание неких новых русских, украинских либо местных языков, племен и наций. Это издавна было политикой немцев и венгров. Это мы не должны повторять». Богомолов, как констатируется в записи Бенеша, согласился⁸⁰. Таким образом вопрос о возможности передачи ПР Советскому Союзу или достижении с ним договоренности об этом в будущем Бенешем тогда не поднимался. Так, встречаясь 21 мая 1943 г. с главой польского эмигрантского правительства В. Сикорским и министром иностранных дел Э. Рачиньским, он между прочим заявил: «Русские перед нами вопрос о Подкарпатской Руси не ставили..., они признают Чехословакию в прежнем виде»⁸¹.

Не поднимался этот вопрос и на встрече Молотова с Бенешем 9 июня 1942 г. в Лондоне⁸², куда советский нарком прилетал для подписания Советско-английского договора (он был подписан 26 мая, а затем Молотов летал в США и возвращался в Москву через Лондон. – В.М.). Следует отметить, что за несколько дней до встречи Молотова с Бенешем Богомолов в беседах с госсекретарем чехословацкого правительства Г. Рипкой и председателем чехословацкого Государственного совета П. Максой (5 июня) сделал им заявление о желании СССР «видеть Чехословакию восстановленной в ее домюнхенских границах». В дневнике Богомолова также значилось: «Такого рода заявление было сделано с ведома и одобрения В.М. Молотова, с которым я беседовал по этому вопросу во время его пребывания в Лондоне». Однако эта фраза и в записи беседы с Рипкой, и в записи беседы с Максой была кем-то (кем и почему? – В.М.) затем вычеркнута. Утром 9 июня Бенеш встречался с Богомоловым и передал благодарность советскому пра-

вительству за сделанное им заявление. На что советский посол, возможно уже под влиянием прозвучавшей по его адресу критики, ответил: «Мое заявление по этому поводу не является специальным демаршем, а выражением мнения широких кругов в СССР и в том числе правительственных кругов»⁸³. Неоднократные попытки чехословацкой стороны позже установить, кто же конкретно имелся в виду под «широкими кругами» не увенчались успехом. 9 июня во время встречи с Бенешем Молотов заявил, что «советское правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми ее территориями, которые были отняты у нее Гитлером»⁸⁴. Бенеш был, видимо, удовлетворен заявлениями Москвы о восстановлении Чехословакии в ее домюнхенских границах и не считал пока частный вопрос о ПР актуальным. Сообщая Смутному свои впечатления о беседе с Молотовым, Бенеш отметил: «О Подкарпатской Руси я специально не говорил, это – не особая проблема, это – республика (Чехословацкая. – В.М.)»⁸⁵.

С точки зрения того, как выдвинулась позиция Бенеша в отношении ПР советскому НКВД, интересна пространная «Справка о поездке Бенеша в Москву и вопросах, которые он хочет поставить», подготовленная для Молотова 28 апреля 1942 г. В ней, в частности, говорилось, что «общая граница с СССР, по Бенешу, является предпосылкой безопасности будущей Чехословакии», а относительно «присоединения к Советскому Союзу Карпатской Украины» утверждалось: «Бенеш заявил Богомоллову, что „желая, чтобы украинский вопрос исчез окончательно, он хотел бы передать СССР Карпатскую Украину, чтобы быть уверенным в том, что никакие происки чужих держав не могли бы использовать украинцев в своих целях“ (См. телеграмму № 2417)». (К сожалению, дата ее отправления не обозначена. Возможно речь шла о вышеупомянутой беседе Бенеша с Богомолловым 27 марта, но в чешской записи беседы ничего подобного нет. – В.М.) В Справке говорилось о целесообразности приезда Бенеша в СССР и о том, что одним из возможных результатов переговоров с ним могло бы стать *секретное соглашение* (выделено. – В.М.), которое помимо прочего включало бы «одностороннее заявление Чехословакии о ее желании присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу»⁸⁶. Эта мысль была реализована позже, в марте 1945 г., во время пребывания Бенеша в Москве, о чем будет сказано ниже.

Разговор Бенеша с Богомолловым на украинскую тему вряд ли можно назвать случайным. Президент прекрасно понимал, что раньше или позже Чехословакии придется отказаться от ПР в пользу Советского Союза. И естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР. Желая выйти из сложив-

шейся ситуации с как можно меньшими моральными потерями для страны и для себя лично, Бенеш как бы упреждал события, делал первый шаг навстречу неизбежному. И здесь сразу же возникал вопрос о том, кем считать, как называть жителей Подкарпатской Руси. До сих пор в чехословацких документах они именовались «карпато-русины». Бенеш, как следует из вышесказанного, тоже называл их русинами. Теперь же следовало в соответствии с предполагаемым включением ПР в состав УССР педалировать идею исторической связи этой области с Украиной, украинских корней подкарпатского населения. И Бенеш делал это. Членом чехословацкого Государственного совета от ПР тогда являлся упомянутый выше П. Цибере, отвергавший принадлежность жителей ПР к украинскому народу, считавший себя представителем русинов, а их – частью русского народа, и ратовавший за объединение ПР с Россией. В Государственном совете, своеобразном парламенте в изгнании, созданном при президенте в качестве консультативного органа, должен был быть найден противовес Цибере. В инструкции Бенеша Фирлингеру от 7 мая 1942 г. говорилось: «Я думаю назначить еще одного подкарпаторусина в Государственный совет. Цибере – ориентации великорусской, второй член должен бы быть „местной“ ориентации – невеликорусской. Это может быть представитель левицы... Переговоры с Врбенским (коммунист, находившийся в эмиграции в Москве, в 1941–1945 гг. – член Госсовета. – В.М.) и порекомендуй надежного лояльного человека»⁸⁷. Фирлингер, видимо, переговорил и в 1942 г. в Госсовет был введен находившийся в Лондоне коммунист-украинец И. Петрушак, публицист, в прошлом секретарь краевого комитета коммунистических «красных профсоюзов» и редактор нескольких газет. В Лондоне он выпускал бюллетень «Карпати кличуть», который информировал британскую общественность о Подкарпатской Руси. Позднее он организовал «Подкарпатский клуб», имевший свыше ста членов и приглашавший на свои заседания видных культурных и политических деятелей, преимущественно из числа чехословацкой эмиграции⁸⁸.

Советских дипломатов тоже, видимо, интересовал вопрос о том, кто и как представляет Подкарпатскую Русь в чехословацкой эмиграции. Так, например, лично Цибере и его взглядами интересовался советский дипломат В.А. Вальков, которому председатель Госсовета Макса в беседе 9 апреля 1943 г. сообщил свое мнение об этом человеке: «Это молодой человек с большим самомнением, – сказал Макса, – человек неглупый, способный. Он происходит из небогатой карпаторусской семьи, обучался на средства аграрной партии. Затем быстро продвинулся и хочет быть лидером карпаторусского движения. Причем Цибере придерживается великорусской политики. Мы же не считаем

это правильным с той точки зрения, что большинство людей, живущих в Карпатской Руси, являются украинцами, и мы считаем, что Карпатская Русь, населенная преимущественно украинцами, граничащая с Украинской республикой, должна иметь большие общности в языке, в культуре с украинцами и должны быть тоже предоставлены все возможности для развития русского языка, культуры как среди русских, так и среди других элементов, в том числе и среди украинцев этой Карпатской Руси. Исходя из этого, мы ввели недавно в состав Госсювета Петрушака, украинца, коммуниста, рабочего, очень умного интеллигентного человека. Петрушак прошел тяжелую школу. Он много сидел в венгерских тюрьмах, а затем, когда он попал в Англию, он работал на заводе, и мы его оттуда взяли, назначив членом Госсювета, чем очень недоволен Павел Цибере»⁸⁹. 20 июля 1943 г. Цибере представил правительству меморандум, в котором требовал публичного заявления об автономии ПР и гарантиях этого. Поскольку его требование не было удовлетворено, 9 ноября 1943 г. он подал в отставку в знак протеста против отношения «чехословацкого правительства к требованиям и нуждам карпаторусского народа» и против ликвидации возглавляемой им «Канцелярии по проблемам Подкарпатской Руси». Из-за опасения, что эта отставка может неблагоприятно повлиять на чехословацко-советские отношения – в это время шла подготовка к поездке Бенеша в Москву для подписания союзного договора – отставка Цибере была принята только 17 марта 1944 г.⁹⁰

3. КАРПАТСКИЕ УКРАИНЦЫ – КОСТЯК ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР. 1942 г.

Советские «компетентные органы», согласно сообщению Фирлингера в чехословацкий МИД 9 сентября 1942 г., тоже считали находившихся в СССР подкарпаторусин, «если они не являлись по национальности немцами, евреями и т.д.», украинцами, «с точки зрения этих компетентных инстанций народным или национальным языком Подкарпатской Руси является, таким образом, украинский язык»⁹¹.

Хотя Бенеш и полагал возможным присоединение ПР к СССР после войны и воссоздания Чехословакии в домюнхенских границах, но какие-либо официальные заявления или публичные выступления на этот счет пока считал преждевременными. Поэтому окружение президента было обеспокоено активностью проживавших в США карпаторусин,

3. Карпатские украинцы – костяк чехословацкой воинской части в СССР. 1942 г.

которые намеревались открыто обсуждать этот вопрос. Чехословацкому офицеру, сотруднику чехословацкой военной миссии в СССР, считавшему себя по национальности русином, А. Патрусу было поручено отправить в США якобы от имени русин, проживавших в СССР, заявление о желании видеть ПР составной частью будущей Чехословакии. Сообщение было передано Ассоциации лемков (Lemko Association) в Нью-Йорке, которая, согласно сообщению Рипки Фирлингеру 9 июля 1942 г., ответила, что «преобладающая часть карпаторусского народа желает, чтобы их страна была объединена с Советским Союзом». «Такую же античехословацкую позицию занимает Карпаторусский национальный конгресс, который будет заседать 12 и 13 июля в Питсбурге» – сообщал Рипка и рекомендовал отправить в адрес конгресса «заявление живущих в СССР карпаторуссов, которые стоят на позициях восстановления домюнхенской Чехословакии»⁹². Конгресс состоялся, но автору не известно, какие решения были на нем приняты. 14 июля 1942 г. Фирлингер сообщил о сведениях, полученных от Рипки, заведующему 4-ым Европейским отделом НКВД Н.В. Новикову и добавил: Бенеш «давно уже намерен отдать Карпатскую Русь Советскому Союзу, но он не считает, чтобы сейчас было уместно говорить об этом вслух, ибо это встревожило бы поляков, желающих, чтобы Карпатская Русь осталась у венгров и таким образом послужила бы барьером между СССР и Чехословакией». Фирлингер сказал также, что «он получил из Лондона указание отправить конгрессу телеграмму от имени карпаторуссов, находящихся в СССР, что им и было выполнено (за подписью нескольких карпаторусин): о создании „свободной Прикарпатской Руси в свободной Чехословакии“»⁹³. Каковы были результаты этой акции автору доподлинно не известно, но, возможно, она была успешной, и, возможно, И. Поп имел в виду упомянутый конгресс, говоря об «Американской карпаторусской конференции» 1942 г., отстаивавшей идею необходимости пребывания Подкарпатской Руси в составе Чехословакии⁹⁴.

В 1942 г. советскими и чехословацкими органами (дипломатами и военными) активно обсуждался вопрос о судьбе карпаторусин, оказавшихся по той или иной причине на территории Советского Союза. Вопрос этот возник в связи с формированием чехословацкой воинской части в СССР и был поставлен перед советскими властями Фирлингером и начальником чехословацкой военной миссии в СССР полковником Г. Пикой еще осенью 1941 г. Тогда речь шла о чехословацких гражданах вообще. 19 января 1942 г. Фирлингер представил в НКВД Памятную записку на этот счет⁹⁵. Но, хотя, как сообщал Пика в Лондон, Государственный комитет обороны СССР уже 3 января 1942 г. одобрил амнистию чехословацких граждан, советские органы (видимо речь шла об НКВД. – В.М.)

отказывались освободить карпато-русин, мотивируя это тем, что они являются гражданами вражеской Венгрии. В своей депеше от 27 января 1942 г. Пика сообщал: «Подкарпатские русины после полученного в СССР опыта стали воодушевленными чехословаками, обещают, что будут сражаться, как львы, чтобы заслужить возвращение в ЧСР. Их положение в лагерях для интернированных жалкое, они страдают от голода и истощения, от тяжелого авитаминоза, и много их умирает. Необходима их быстрая защита путем набора в армию, иначе в течение года они вымрут»⁹⁶. Согласно данным чехословацких представителей в СССР карпато-русины были разбросаны по 22 лагерям, находившимся в Коми АССР, Архангельской, Свердловской, Горьковской, Красноярской областях, районах Владивостока и Златоуста⁹⁷. Большинство содержащихся в заключении было обвинено в нелегальном переходе границы СССР после оккупации Венгрией Подкарпатской Руси в марте 1939 г. 16 февраля 1942 г. Фирлингер подал новую Памятную записку, настаивая на освобождении карпато-русин, являющихся чехословацкими гражданами. Пика на встрече с Новиковым 5 марта 1942 г. предъявил ему справку, в которой значилось, что «в лагерях НКВД содержится не менее 13 тысяч русин». Новиков выразил сомнение в реальности этих данных⁹⁸. Позднее цифры 10, 12, 13, 15, 20 тысяч не раз фигурировали в документах чехословацкой стороны, передаваемых советским властям. Эти данные были составлены на основании опроса тех, кто освобождался из лагерей и прибывал в Бузулук, где формировалась чехословацкая воинская часть. 1 апреля 1942 г. Новиков сообщил Фирлингеру, что «жители Закарпатской Руси будут рассматриваться как чехословацкие граждане и на них будет распространено решение об освобождении. Соответствующие указания компетентным органам уже даны»⁹⁹. Но «компетентные органы» не торопились их выполнять. Л. Свобода, командир формирующейся в СССР чехословацкой воинской части, обратился к депутатам Национального собрания Чехословакии, находившимся на территории СССР в качестве политэмигрантов, с просьбой оказать максимальную помощь «при решении жизненно-важных вопросов чехословацкой воинской части в СССР», в том числе, «ускорить перевод карпато-украинцев в чехословацкую воинскую часть в СССР». В справке по этому вопросу, подписанной К. Готвальдом и В. Копецким 8 июня 1942 г., указывалось, что согласно заявлениям добровольцев, приехавших в Бузулук, на 29 мая 1942 г. карпато-украинцы содержались в 22 лагерях, находившихся в Архангельской, Горьковской, Свердловской, Красноярской областях, Коми АССР, Карело-Финской ССР. В 2-х из них (Ухто-Ужемском и Печорском, Коми АССР) содержалось по 2,5–3 тысячи человек, в 10 – от 150 до 500 человек, в остальных – по несколько

3. Карпатские украинцы – костяк чехословацкой воинской части в СССР. 1942 г.

десятков человек. «Всего установлено, что в тюрьмах и лагерях находится не менее 10 тысяч карпато-украинцев», – говорилось в Справке. Кроме того, указывались и другие места их нахождения: Амурский лагерь (Хабаровский край), Якутские лагеря, Байкало-Амурские лагеря, Северо-Уральский лагерь. Приведенные цифры, отмечалось в Справке, являются неполными и фактически заниженными, поскольку, во-первых, до сих пор известны не все лагеря, а во-вторых, приведенные цифры взяты лишь из некоторых частей или колоний отдельных лагерей, откуда прибыли добровольцы. «Большинство чехословаков (прежде всего, это были жители Подкарпатья. – *В.М.*) в лагерях и тюрьмах арестовано за нелегальный переход границы СССР», – значилось в Справке¹⁰⁰.

Во время пребывания в СССР в июне 1942 г. чехословацкого министра обороны С. Ингра вновь был поднят вопрос об освобождении из лагерей и тюрем чехословацких граждан. Ведя переговоры с генералом А.П. Панфиловым, ответственным за формирование иностранных воинских частей на территории СССР, Ингр требовал «приступить к отправке подкарпатских русин к нашей боевой части». «Генералу Панфилову, – сообщал министр в Лондон, – не было известно, что мне сообщил в Куйбышеве Вышинский, т.е., что правительство в принципе вопрос уже решило положительно. Панфилов сообщил, что поставит вопрос перед Молотовым и что военные будут наше предложение поддерживать»¹⁰¹. В депеше Фирлингера Бенешу о переговорах Ингра в Москве от 11 июля 1942 г. говорилось: «Соболев (Генеральный секретарь НКВД. – *В.М.*) сказал, что он доложил Молотову о наших просьбах и подтвердил обещание о переправке подкарпато-русин»¹⁰². Однако дело с мертвой точки не сдвинулось, и Пика телеграфировал 3 августа 1942 г. в Лондон: «Сообщаю, что ситуация с подкарпато-русинами все еще та же, и до сих пор ни один из интернированных не прибыл в воинскую часть»¹⁰³. 8 сентября во время встречи с сотрудником 4-го Европейского отдела НКВД В.А. Зориным Фирлингер просил сообщить ему, в каких условиях живут и работают отдельные группы карпато-русин, каково их физическое состояние, сколько престарелых, сколько больных, могут ли дети пользоваться правом посещения советских школ. «Чехословацкое правительство, – заявил он, – чувствует глубокую моральную ответственность за этих граждан и хотя оно полагает, что советскими органами было сделано все возможное для того, чтобы улучшить их положение, все таки оно хотело бы знать, в каких условиях эти граждане находятся, и не могло бы чехословацкое правительство, со своей стороны, оказать им какую-либо помощь», особенно, учитывая возможность получить продовольствие, одежду, обувь по Ленд-лизу. Фирлингер снова напомнил о просьбе, «удовлетворение коей было обещано народным комиссаром иностран-

ных дел, об отправке чехословацких граждан из Подкарпатской Руси, способных носить оружие, в чехословацкую воинскую часть», а также просил выяснить, какое количество карпато-русин находится в лагерях, ибо по этому поводу имеются самые разнообразные представления»¹⁰⁴. 9 сентября 1942 г. Фирлингер сообщил в Лондон о вербальной ноте, «переданной лично Молотову, в которой обобщены все требования, которые в течение последних десяти месяцев были предъявлены устно и изложены в памятных записках». Вместе с тем он подчеркивал, что «прежде всего речь идет о том, как получить от советского правительства более надежную информацию, чем та, которую можно получить от случайно освобожденных из трудовых лагерей некоторых наших граждан, при этом опять же следует считаться с тем, что советские органы весьма неохотно дают подобную информацию, особенно, если речь идет об иностранных учреждениях»¹⁰⁵. И только 30 ноября 1942 г. Новиков сообщил Фирлингеру, что вопрос о подкарпато-русинах окончательно разрешен во всех инстанциях и что, согласно подсчетам советской стороны, их значительно меньше, чем обычно утверждается чехословацкими представителями. 2 декабря 1942 г. Новиков в беседе с Фирлингером заявил, что «число всех подкарпато-русин не превышает 3000, большинство которых годны к воинской службе и будут направлены для зачисления в бригаду в Бузулук»¹⁰⁶. Несколько позже в 1-ой чехословацкой бригаде в СССР сражались 563 чеха, 348 словаков и 2210 карпато-русин¹⁰⁷.

4. СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В МОСКВЕ. ПОДПИСАНИЕ СОЮЗНИЧЕСКОГО ДОГОВОРА. ДЕКАБРЬ 1943 г.

Вопрос об освобождении бывших жителей ПР из лагерей советское правительство, как полагал Фирлингер, никак не связывало с восстановлением территориальной целостности Чехословакии, с которой оно намеревалось заключить союзный договор. Именно эта проблема в 1943 г. вышла на первое место в советско-чехословацких отношениях¹⁰⁸. Будущее Подкарпатской Руси оставалось как бы на ее периферии до приезда Бенеша в СССР в декабре 1943 г. Президент не поднимал вопроса, поскольку, во-первых, он полагал, что с признанием Советским Союзом домюнхенских границ Чехословакии этот вопрос до конца войны снимается с повестки дня, а во-вторых, не видел со стороны

Москвы никакой реакции на свои предложения о возможности включения ПР в состав СССР в будущем. Эта кажущаяся незаинтересованность Бенеша в данном вопросе была подмечена и Новиковым в его справке «Советско-чехословацкие отношения в 1941–1943 гг.», датированной 1 июля 1943 г. и подготовленной, видимо, в связи с предполагаемым вскоре приездом Бенеша в СССР. Бенеш, писал Новиков, «многократно заявлял о желании чехословацкого правительства иметь общую границу с СССР, имея при этом в виду даже возможность передачи Закарпатской Украины Советскому Союзу. Однако после заверения т. Молотова 10.IV.42 о том, что СССР желает видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах Бенеш более ни разу даже не намекал на эту возможность». Изменение его позиции в вопросе о Закарпатской Украине Новиков объяснял тем, что к этому времени Бенешу «удалось добиться отчасти при помощи СССР ряда внешнеполитических успехов, после чего он решил прекратить свои далекоидущие заискивания перед нами»¹⁰⁹. Дело же было, как нам представляется, не в «заискиваниях», а в том, что Бенеш считал для себя вопрос на данный момент выясненным и постановку его несвоевременной, как, впрочем, и Москва. Об этом свидетельствует, в частности, беседа Богомолова с чехословацким министром и членом Госсовета Э. Оутратой 23 мая 1943г. Последний подчеркнул, что «карпаторуссы находятся в составе Чехословакии просто потому, что до сего времени не было другого выхода, так как Советская Украина была далеко, и, следовательно, карпаторуссы могли быть объединены или с чехословаками, или с венграми. В такой обстановке Чехословакия считала естественным, что карпаторуссы находятся в составе Чехословакии». «В теперешних условиях все уверены, – продолжал Оутрата, – что карпаторуссы вернутся к своей матери – России». «Последнее замечание Оутраты, – записал в дневнике Богомолов, – я выслушал молча, так как мне хорошо известно, что Бенеш высказывал неоднократно свои намерения отдать нам Прикарпатскую Русь, но мы никак не реагировали на такие предложения, по-видимому, считая их не вполне своевременными (выделено. – В.М.). За последнее время Бенеш не упоминал больше о Прикарпатской Руси. Думаю, что в период окончательного устройства Чехословакии он постарается вернуть нам Прикарпатскую Русь, кое-что выторговав в пользу самой Чехословакии за счет Венгрии, Германии или Австрии»¹¹⁰. И тут Богомолов был прав. Бенеш был реалистом в политике и мастером политического торга, чутко угадывавшим намерения партнера (или противника) по игре и стремившимся извлечь из этого пользу для себя, для своей страны. В вопросе о будущем ПР он исходил из убеждения, изложенного им в разговоре с министром поль-

ского эмигрантского правительства Я. Станьчиком 12 ноября 1943 г., то есть за несколько дней до своего отлета в СССР с целью заключения с ним союзнического договора: «Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить украинский вопрос. Без этого они войну не окончат и действуют в соответствии с этим»¹¹¹.

С пониманием этого Бенеш и отправился в Москву, на пути к которой примерно на неделю задержался на английской военной базе Хабанья под Тегераном, где в то время проходила встреча руководителей СССР, Англии и США (28 ноября – 1 декабря 1943 г.). В Хабаньи Бенеша встречали заместитель наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчук, курирующий ареал Центральной Европы, Фирлингер и Пика. Здесь во время четырех длительных встреч с Корнейчуком предварительно обсуждались те вопросы, по которым президент намеревался договориться с советским руководством. Среди прочих под № 6 значилось: «Информация о будущем режиме ЧСР. – Будущий режим в Подкарпатской Руси». Со слов Бенеша, записанных Смутным, президент о разговоре с Корнейчуком по этому вопросу сказал следующее: «Мы говорили весьма подробно о Подкарпатской Руси и это его, как украинца, особенно удивило. Я сказал ему, что мы, естественно, настаиваем на том, чтобы Подкарпатская Русь осталась в Чехословакии, но чтобы в культурном отношении полностью ориентировалась на Украину». Затем Бенеш объяснил Смутному, почему он придерживается такой политики: «Мы должны уже раз и навсегда покончить с тем, чтобы каждая политическая партия делала на Подкарпатской Руси свой гешефт. Мы должны предвидеть, как будут развиваться отношения. Украина со своим сорокаmillionным населением – уже почти самостоятельна и пойдет дальше тем же путем. Не будем же мы на Подкарпатской Руси возвращать нечто такое, что принесло бы нам только хлопоты. Это касается русского языка, как хотели аграрники (Аграрная партия. – *В.М.*), или каких-либо планов относительно „местного языка“. Не будем же мы бросать на это деньги, когда по соседству будет литература и культурная среда сорокаmillionного народа. Это – глупости. Этим моим планом Корнейчук был все же удивлен, ничего такого он, украинец, не ожидал. И если бы когда-нибудь они (СССР. – *В.М.*) захотели ее (Подкарпатскую Русь. – *В.М.*) забрать себе, то нам возместили бы то, что мы вложили в Подкарпатскую Русь, и дело будет сделано. Когда мы станем соседями России, мы не будем уже заинтересованы в том, чтобы иметь соседями румын»¹¹².

12 декабря в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией¹¹³. Состоялось несколько встреч Бенеша с Молотовым и Сталиным. 16 де-

кабря во время второй беседы Бенеша с Молотовым был поднят и вопрос о Подкарпатской Руси. Сейчас известны и советский, и чешский варианты записей этой беседы, так что есть возможность их сравнить. Сразу скажем, что, по сути, они отличаются мало, хотя определенные нюансы имеются. Бросается в глаза то, что в обоих уже не говорится о Подкарпатской Руси, а употребляется термин Закарпатская Украина. В советской записи беседы под пунктом № 10 «О будущем государственном устройстве Чехословакии» значится: «Говоря о Закарпатской Украине, Бенеш заметил, что их прежняя политика там имела ошибки. Теперь они хотят максимального развития русской и украинской культуры. Сохраняя Закарпатскую Украину в составе Чехословакии, Бенеш надеется сплотить ее со всей страной на базе славянской культуры»¹¹⁴. Чешская запись, сделанная Смутным, более пространна и дает больше информации о позициях сторон: «Бенеш: что касается Закарпатской Украины (президент тут явно перешел на советскую терминологию. – В.М.), мы, в республике, поступали не очень разумно. Там – старый вопрос, борьба между элементом русским и украинским. Эти споры разжигались в Австро-Венгрии, одни натравливались на других. Я думаю, что после этой войны на Закарпатской Украине следует приспособиться в отношении школ, языка к тому, что имеется по другую сторону границы (имеется в виду Советская Украина. – В.М.). Венгры хотели создать еще один славянский народ, „из местных“ (имеются в виду русины. – В.М.), я выступаю против этого. Мы должны в славянских вопросах идти к „соединению“, а не дробить. Молотов: Хорошо»¹¹⁵.

В подготовленном чехословацкой стороной, но не подписанном проекте заключительного коммюнике о результатах переговоров Бенеша в Москве говорилось, что «принимается принцип трансфера немецкого и венгерского населения из ЧСР, и Чехословакия в международном плане признается национальным чехословацким государством, то есть государством чехов и словаков, к которому присоединена Закарпатская Украина с особым автономным режимом»¹¹⁶. Во время беседы Бенеша со Сталиным 18 декабря 1943 г., записанной Фирлингером, советский руководитель задал вопрос относительно ПР и «с удовлетворением» принял к сведению, что «мы считаем ее население украинцами. Президент повторил свою точку зрения, что в культурном отношении следует приспособить Подкарпатскую Русь к остальной Украине»¹¹⁷. Таким образом советское руководство пока устраивала своего рода промежуточная позиция Бенеша в отношении ПР, свидетельствующая о его намерениях не противиться в будущем, после войны, возможному присоединению этой области к СССР (Украине). Обе стороны прекрасно понимали, что именно так и будет, но предпочитали в

данный момент не ставить точку над «і». Но это не означало, что Москва выпустила вопрос о Подкарпатской Руси из своего поля зрения. Об этом свидетельствовал, в частности, протокол первого заседания Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства НКВД СССР во главе с М.М. Литвиновым, состоявшегося 8 сентября 1943 г. Девятым пунктом в разделе «Вопросы, подлежащие изучению и разработке Комиссией», значилось: «Чехословакия. 1. Чехословацко-германская и чехословацко-австрийская граница (Судетская область). 2. Чехословацко-венгерская граница. 3. *Прикарпатская Русь* (выделено. – В.М.). 4. Внутреннее устройство Чехословакии (взаимоотношения между Чехией и Словакией). 5. Обеспечение Чехословакии пользования морскими портами»¹¹⁸. Таким образом, реплика Молотова «Хорошо» в ответ на изложенные Бенешем представления о будущем ПР означала лишь, что Москва пока еще не готова была ставить этот вопрос в практическую плоскость.

Выступая 11 января 1944 г. на закрытом заседании чехословацкого правительства с информацией о результатах своего визита в Москву, Бенеш как бы подвел итог тому, что было договорено относительно Подкарпатской Руси (тут этот термин снова был пущен в оборот. – В.М.): «Опять подчеркивалось, и это очевидно, что она останется нашей территорией. Они (в Москве. – В.М.) только хотят, чтобы в культурном и национальном аспекте на Подкарпатской Руси дело обстояло так, как на другой стороне (на Украине. – В.М.). (Думается, что инициатором этой и ранее высказываемой им идеи был сам Бенеш, чутко уловивший замыслы СССР в отношении ПР и как бы авансировавший Москву за ее согласие отложить решение вопроса на послевоенное время и на законных основаниях. – В.М.) Это требование, по моему мнению, совершенно правильное: украинское, не великорусское, как это требуют на Украине. Главными будут украинские позиции, все великорусское будет полноправным меньшинством. Наши подкарпатские солдаты в России автоматически называют себя украинцами; но поскольку мы пока никакого конституционного решения не приняли, я сказал Фирлингеру просто, чтобы это допускалось, а дома (на родине. – В.М.) затем это будет одобрено. Но как мы это дома урегулируем, это наше дело, это решим дома мы; в Москве только не хотят, чтобы, как это делают венгры, натравливали одну часть населения против другой или же создавали какую-то новую национальность, как это делали поляки в восточной Галиции. Это – просто факт, что для Москвы 42 миллиона украинцев являются единым народом»¹¹⁹. Бенеш заявил, что хотя на переговорах в Москве не было заключено какого-либо письменного соглашения относительно восстановления Чехословакии в границах 1938 г., «но была

достигнута ясная договоренность об этом... Для Советов само собой разумеется, что у нас будет общая граница у Подкарпатской Руси».

24 января 1944 г. Рипка отправил циркулярную депешу чехословацким дипломатическим представителям о результатах переговоров Бенеша в Москве, в которой наряду с прочим говорилось: «Подчеркиваю, что с советской стороны не предъявляется никаких претензий на Подкарпатскую Русь. Советское правительство считает ее частью ЧСР»¹²⁰.

Вместе с тем Бенеш, несомненно, понимал, что рано или поздно ПР отойдет к СССР. Об этом, в частности, свидетельствует разговор президента со своим биографом К. Макензи весной 1944 г., которому он заявил: «Подкарпатская Русь была нам доверена после первой мировой войны. Мы – за то, что нам Подкарпатская Русь должна быть формально возвращена, поскольку она была включена в наши домюнхенские границы; однако, если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать. Мы будем настаивать только на моральном возмещении (ущерб. – В.М.), на том, чтобы это делалось с нашего согласия. Мы никогда не считали, что Подкарпатская Русь является нашей собственностью, но, если бы после первой мировой войны она досталась бы Польше, или же, если бы она осталась под венгерским господством, то подкарпатские русины определенно утратили бы свою национальность и свою национальную культуру. Это мы им сохранили. Мы полагаем, что свою задачу выполнили и что мы выполнили свои обязательства в отношении них; мы не возражаем, согласны и будем спокойны, если она (ПР. – В.М.) присоединится к нынешней Украине. На протяжении двадцати лет мы считали вопрос о Подкарпатской Руси временным, конечное же его решение не может быть иным, как только слияние с Советским Союзом»¹²¹.

Но весной 1944 г. все чехословацкие политики, в том числе и коммунисты, например, К. Готвальд, В. Копецкий, в своих выступлениях и статьях говорили о будущей Чехословакии как о государстве трех славянских народов: чехов, словаков и подкарпатских украинцев. В заметках Готвальда о первых революционных мероприятиях, подготовленных в апреле 1944 г. в связи с дискуссией среди членов московского руководства КПЧ по этому вопросу, значилось: «Национальная основа: братский союз чехов, словаков, подкарпатских украинцев. Равноправие немцев, венгров, поляков – опираться в начале на демократические элементы. Форма: автономия Словакии и Подкарпатской Украины или федерация трех автономных республик? Переход: за мирный, организованный переход без гражданской войны. Предпосылка: существование Национального фронта чехов, словаков и подкарпатских украинцев, сотрудничество коммунистов с Бенешем»¹²².

5. НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ. СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ОТ 8 МАЯ 1944 г.

На переговорах в Москве в декабре 1943 г. затрагивалась и еще одна важная тема: освобождение Чехословакии. Не оставалось никакого сомнения, что оно придет с Востока вместе с Красной Армией. Для Бенеша было важно внести ясность в вопрос о том, как будут взаимодействовать на освобожденной территории советские военные и чехословацкие государственные органы, а также договориться об участии чехословацкой воинской части в освобождении страны. По второму вопросу, казалось, у Москвы не было возражений. Выступая на упомянутом выше заседании правительства 11 января, Бенеш говорил: было договорено, что в боях на чехословацкой территории «операции будут проводиться всегда совместно советскими и чехословацкими частями, сначала на Подкарпатской Руси, а затем в Словакии»¹²³. Разговоры в Москве велись также о возможной помощи со стороны СССР готовящемуся на территории Чехословакии восстанию, которое должно было начаться «в благоприятный момент в зависимости от ситуации на фронтах». При этом, по мысли чехословацких военных, которые остались в Москве после отъезда Бенеша для ведения переговоров о помощи готовившемуся в Словакии восстанию, в Словакию и Подкарпатскую Русь предполагалось отправить из СССР организаторские группы по 3–4 человека для подготовки выступления на местах и координации действий с наступающими частями Красной Армии, а также поставить в эти области легкое вооружение для ближнего боя. В качестве возможных районов восстания на территории ПР назывались Рахово, Волове, Воловец, Березны, Медзилаборце¹²⁴.

Генерал А. Гасал, который от имени чехословацкого правительства вел переговоры с уполномоченным ГКО СССР и СНК СССР по формированию иностранных воинских частей на территории СССР генералом НКВД СССР Г. С. Жуковым о помощи будущему восстанию, говорил при этом о желательности использования чехословацкой воинской части при освобождении Чехословакии, прежде всего на территории Словакии, что следует из бесед, состоявшихся, в частности, 18 декабря 1943 г., 5 января и 2 марта 1944 г.¹²⁵ И это понятно, поскольку именно в Словакии предполагалось начать вооруженное выступление, в том числе и частей словацкой армии, против немецкого господства.

О каком-либо восстании в Подкарпатской Руси речи пока не было. Как считает чешский исследователь Й. Шолц, «на Подкарпатской Руси

5. Накануне освобождения... Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.

вообще не удалось создать сколько-нибудь влиятельного движения сопротивления с программой восстановления ЧСР»¹²⁶. Впрочем, «чехословацкий» Лондон имел и другие сведения. Выступая на заседании Государственного совета в конце июня 1944 г., министр внутренних дел чехословацкого правительства Ю. Славик утверждал, что согласно полученной им с родины информации, «народ Подкарпатской Руси уже с начала оккупации венгерскими войсками с оружием в руках сражался и не переставал сражаться за сохранение своей свободы в независимой Чехословацкой республике». Государственный совет с радостью принял это сообщение, хотя и выразил сомнение по поводу достоверности полученных сведений, поскольку все они «по необходимости неполные и односторонние» и по ним «трудно составить полное и окончательное суждение о том, что происходит на родине и каковы желания людей»¹²⁷.

Выше уже говорилось, что населению Подкарпатья исторически были свойственны русо- и украинофильские настроения, которые усилились после оккупации ПР Венгрией и предположительно в эйфории освобождения ПР частями Красной Армии могли охватить значительные массы населения. Поэтому чехословацкое правительство, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., намеревалось хотя бы временно, до окончания войны, удержать эту область под своей властью. 22 февраля 1944 г. Бенеш в беседе с Лебедевым, сменившим на этом посту Богомолова, выдвинул идею заключения между советским и чехословацким правительствами соглашения о взаимных отношениях в период вступления советских войск на территорию Чехословакии. Советская сторона не возражала, предложив чехословацкому правительству подготовить текст такого соглашения. Текст был составлен и передан в Москву для согласования. 8 апреля советские войска вышли к домюнхенским границам Чехословакии на участке ПР в районах населенных пунктов Жабийе и Надворная, а 14 апреля Молотов в беседе с Фирлингером дал согласие советского правительства на подписание указанного соглашения в том виде, как оно было предложено чехословацкой стороной, заявив при этом, что должен информировать о нем англичан и американцев¹²⁸. Ни те, ни другие не возражали и сочли возможным появление подобного соглашения, тем более, что в основном оно совпадало с аналогичными соглашениями, подготовленными западными союзниками для подписания с бельгийским, голландским и норвежским правительствами. 8 мая 1944 г. в Лондоне Лебедев и Рипка поставили свои подписи под Соглашением об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии¹²⁹.

Остановимся на содержании Соглашения подробнее, поскольку в ходе его реализации между советской и чехословацкой сторонами выявились различия в толковании отдельных имеющихся в нем пунктов. Статья 1 гласила: «...верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках главнокомандующего советскими (союзническими) войсками». При реализации соглашения сразу возник вопрос, как понимать выражение «во всех делах, относящихся к ведению войны» да еще в зоне военных операций. Ведь во время войны как раз все дела можно было считать относящимися к ее ведению. В этом случае чехословацкой администрации вообще нечего было делать. Далее, появилась неясность в том, что считать «зоной военных операций», на которую распространялась власть советских военных органов, а что понимать под тылом, где должна была действовать чехословацкая администрация. При существующей формулировке советские военные власти могли решать этот вопрос произвольно, как они считали нужным. То же самое относилось и ко времени, необходимому для проведения этих операций. В статье 2 говорилось о назначении для освобожденной территории чехословацкого правительственного уполномоченного и его обязанностях: «а) создать и руководить согласно чехословацким законам администрацией на территории, очищенной от неприятеля; б) воссоздать чехословацкие военные силы; в) обеспечить активное содействие чехословацкой администрации советскому (союзному) главнокомандующему, а именно давать местным властям соответствующие указания, исходя из потребностей и желания советского (союзного) главнокомандующего». Этот пункт также оказался трудновыполнимым на практике. Создаваемые чехословацким уполномоченным органы сразу вступали в конфронтацию с возникавшими на местах национальными комитетами (народными радами), руководимыми в большинстве случаев, как будет показано далее, коммунистами и поддерживаемыми советскими военными властями. Национальные комитеты вовсе не собирались воспринимать, а тем более выполнять распоряжения чехословацких властей, т.е. правительственной делегации, как, впрочем, было и на территории, освобожденной в ходе Словацкого национального восстания. Такая ситуация в Соглашении, естественно, не предусматривалась. Наконец, не ясно было, кто конкретно и на какой основе должен был воссоздавать чехословацкие военные силы: формируемые при чехословацкой администрации военные органы, на основе мобилизации местного населения во вновь создаваемые чехословацкие воинские части? Или же командование чехословацкого корпуса, дейст-

вовавшего в составе советских вооруженных сил, на основе проведения мобилизации с целью пополнения корпуса? Этот вопрос, видимо, обсуждался в эмигрантских кругах, но четкой формулировки в Соглашении не было. Загранбюро КПЧ, например, поддержавшее идею подписания Соглашения, излагая свои представления на этот счет, полагало: «чехословацкое военное управление на освобожденной территории во внутренних военных вопросах подчиняется правительственной делегации, в оперативных же вопросах – командованию союзнических войск». Предусматривалось проведение по договоренности с командованием союзнической армии массовой мобилизации в чехословацкую армию, которую должно было осуществлять чехословацкое военное управление при содействии возникших на освобожденной территории национальных комитетов¹³⁰. Таким образом, коммунисты предусматривали создание некоего «чехословацкого военного управления», действовавшего при чехословацкой администрации и сотрудничавшего с советским военным командованием. Так, думается, понимал этот вопрос и Лондон. Однако на практике, как будет показано ниже, все оказалось гораздо сложнее.

В статье 3 Соглашения говорилось, что «чехословацкие воинские части, находящиеся в момент вступления советских (союзнических) армий на чехословацкую территорию в их составе, будут немедленно использованы на чехословацкой территории». Этот пункт был выполнен при вступлении советских войск на территорию Словакии, но в боях за Подкарпатскую Русь чехословацкий корпус не участвовал. Почему? Попытка ответить на этот вопрос будет сделана ниже.

4-ая статья Соглашения гласила, что для обеспечения связи между советским главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным при советском главнокомандующем будет назначена чехословацкая военная миссия. Таким образом, ее функции – обеспечение связи – были очерчены достаточно четко, но впоследствии возникали разночтения и по этому поводу, о чем будет сказано позднее. Из других статей Соглашения – всего их было 9 – важными для освещения рассматриваемой проблемы представляются еще несколько. Как только какая-либо часть освобожденной территории, – гласила статья 6, – перестанет являться зоной непосредственных военных операций, чехословацкое правительство «полностью берет в свои руки власть управления общественными делами» (слово «власть» в русском переводе, думается, излишне, точнее – дело управления. – В.М.) и будет оказывать советскому главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь. Однако в Соглашении не было ни слова о том, как будет проходить передача вла-

сти на освобожденной территории и должна ли она быть вообще. Видимо, предполагалось, что это дело практики. В действительности же неясность в этом вопросе порождала множество недоразумений и конфликтных ситуаций.

Статья 7 касалась юридических вопросов: все лица, принадлежавшие к советским войскам на территории Чехословакии, должны были подчиняться юрисдикции советского главнокомандующего, а к чехословацким военным силам – чехословацкой юрисдикции. Ей подчинялось и гражданское население даже в тех случаях, когда преступления совершались против советских войск, за исключением преступлений в зоне военных операций. Но ни статья 6, ни статья 7 фактически на освобожденной территории ПР не применялись, поскольку, как будет показано далее, деятельность чехословацких органов здесь практически оказалась заблокированной. Таким образом, текст Соглашения был весьма несовершенным и позволял каждой из сторон толковать его в свою пользу.

Подписание Соглашения явилось и для советской, и для чехословацкой сторон импульсом к активизации действий перед началом освобождения чехословацкой территории. Москва заинтересована была в развитии там партизанского движения, естественно под советским контролем и управлением. Еще 27 января 1944 г. первый секретарь чехословацкого посольства Оутрата в беседе с Корнейчуком заявил, что по сведениям из Лондона «партизанское движение в Карпатской Украине расширяется. За последнее время число партизан значительно возросло»¹³¹. Попытки организовать здесь в 1942–1943 гг. партизанское движение предпринимались местными коммунистами. Однако, как считают современные исследователи, эти попытки не привели к положительным результатам. Коммунисты действовали в контакте с немногочисленными пока специальными группами, направляемыми из СССР в диверсионных или разведывательных целях, например, во главе с О. Борканюком (январь 1942 г.) или Ф. Патаки (август 1943 г.). В мае 1944 г. Украинский штаб партизанского движения (УШПД) направил на территорию ПР три группы десантников, которые высадились в районах Тячево, Мукачево и Свалява с целью помощи в организации партизанского движения. Венгерские, а затем и немецкие власти (19 марта 1944 г. Венгрия была оккупирована гитлеровцами) жестоко расправлялись с партизанами и коммунистами. 22 мая 1944 г. на территории ПР было объявлено чрезвычайное положение. Главным образом в Мукачевском, Хустском и Виноградовском районах власти арестовали 600 человек, из которых 250 были судимы военными трибуналами, вынесшими 34 смертных приговора. В апреле и июне 1944 г. 26 осуж-

5. Накануне освобождения... Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.

денных были публично казнены в Марамарош-Сигете, Севльюше, Хусте, Текове и Чернотисове¹³².

17 июня 1944 г. по просьбе Заграничного бюро ЦК КПЧ в Москве политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление об оказании помощи КПЧ в организации партизанского движения на территории Чехословакии. УШПД предписывалось «сформировать и направить на территорию Карпатской Украины и Словакии 10 украинских организаторских партизанских отрядов, численностью 10-15 человек каждый». Десантированные в район действия (на границе с Чехословакией) украинские партизанские отряды должны были затем выйти в районы Великий Бочков, Мукачево, Ужгород, Гуменне и Прешов, чтобы «произвести связь с местным населением и из числа патриотов Чехословацкой Республики организовать партизанские отряды»¹³³. 14 июля 1944 г. Пика сообщал Ингру в Лондон: «Партизанский штаб уже имеет две группы на нашей территории и, кроме этого, подготовил 12 групп по 12–30 человек (лучших украинских партизан с двухлетним опытом) для районов: Прешов – 2 группы, Гуменне – 2 группы, Перечин – 3 группы, Мукачево – 3 группы, Рахово – 2 группы, которые будут заброшены туда, невзирая на наше мнение»¹³⁴. С мая по октябрь 1944 г. на территорию ПР было десантировано 262 опытных партизана. Организаторские группы, состоявшие из 15–20 человек, включали, как правило, нескольких украинцев. В июне-сентябре 1944 г. в Закарпатье действовали отряды под командованием И. Косика, В. Лаврова, И. Маслова, С. Сопилкова, Героя Советского Союза А. Тканка, В. Русина, В. Буянова, В. Хоменко, М. Перечинского, В. Магориты¹³⁵. В течение сентября-октября 1944 г. организаторская группа Тканка, например, объединила вокруг себя сотни местных жителей и превратилась в крупное соединение, состоявшее из 10 отрядов и отдельного батальона общей численностью 883 человека. Партизаны действовали в контакте с пятью подпольными коммунистическими организациями, насчитывавшими свыше 720 человек. Боевые операции велись в районах Вел. Березнова, Перечина, Ужгорода, Мукачева, Свалявы¹³⁶. Кроме того, свои диверсионные и разведывательные группы на территорию ПР направляли советское военное командование и НКВД. 26 июня 1944 г. Пика сообщал Ингру в Лондон: «На чехословацкой территории (имелись в виду ПР и Словакия. – В.М.) находится большое число лиц, направленных из СССР. Независимо друг от друга посылают своих людей: 1. Командующий фронтом, 2. командование армиями, 3. Штаб партизанского движения, 4. Чехословацкая политическая группа (наши депутаты), 5. НКВД в Москве». Сообщалось также, что командование 18-ой армии, к которой присоединена 1-ая чехословацкая бри-

гада, «попросило 20 человек в качестве проводников и участников разведывательных операций, осуществляемых советскими группами на Подкарпатской Руси» и что «Штаб в Киеве имеет партизанские группы на северной стороне Карпат и в Подкарпатской Руси»¹³⁷. В июне 1944 г., согласно ежедневным сводкам следственного центра венгерской жандармерии, велись непрекращающиеся бои с партизанами¹³⁸. В партизанских отрядах и соединениях сражалось 1700 бойцов, которых поддерживало местное население. Партизаны провели против фашистских войск 130 боевых операций, осуществляли диверсии, вели агитационную работу, сотрудничали с коммунистами в создании нелегальных национальных комитетов (народных рад). Развернувшееся на территории ПР партизанское движение поставило под угрозу тыл немецких армий группы «Северная Украина»¹³⁹. Руководили партизанскими отрядами, как правило, советские офицеры. Чехословацкое эмигрантское правительство не имело в партизанском движении влияния. В беседе Зорина с Фирлингером 20 июля 1944 г. последний заявил: «имеется немало сведений о том, что в Карпатской Украине и в других районах местное население принимает все большее участие в организации отдельных партизанских групп и партизанское движение могло бы развиваться широко, если бы со стороны военных и отдельных лидеров (чехословацких. – В.М.) были бы предприняты активные шаги к руководству этим движением, но этого, однако, до сих пор еще не видно»¹⁴⁰. Чехословацкое правительство, не имея возможности оказывать на партизанское движение влияния ни в Словакии, ни тем более в Подкарпатской Руси, опасалось его развития и делало ставку на восстание при опоре на мятежные части словацкой армии.

Бенеш и его окружение (особенно военные) были встревожены как активностью Москвы в ПР, так и некоторыми заявлениями советских официальных лиц, сделанными, в частности, в связи с преобразованием НКВД СССР и возникновением «самостоятельных» НКВД УССР и БССР, решение о чем было принято на сессии Верховного Совета СССР 1 февраля 1944 г. Даже Фирлингер, выслушавший внимательно выступления украинских представителей на сессии, в беседе с Корнейчуком 2 февраля, высказал свое недоумение по поводу заявления председателя Верховного Совета УССР М.С. Гречухи о том, «что надо объединить всех украинцев». Я понял, – записал Корнейчук в своем дневнике, – что этим Фирлингер «хотел выяснить, не имел ли в виду Гречуха также и Карпатскую Украину». Корнейчук уклонился от прямого ответа и сказал ему, что «на Запад от линии Керзона, например, на Холмщине или в районе Перемышля, имеется много украинцев и вполне естественно, что представители украинского народа обратились с просьбой

5. Накануне освобождения... Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.

к советскому правительству помочь Украине объединить всех украинцев». «Выход советских республик на международную арену, – подчеркнул Корнейчук, – дает им новый импульс к дальнейшему развитию. Преобразование НКВД не является, как некоторые пытаются себе представить, какой-то комбинацией, а основано на естественном историческом развитии советского государства». «Это верно только после войны», – заметил Фирлингер, на что Корнейчук возразил: «Во время войны возникает немало важных вопросов, требующих своего разрешения. Например, вопрос о советско-польской границе. Этот вопрос, естественно, интересует в первую очередь украинский народ». Такой ответ вряд ли мог успокоить чехословацкого посла, поскольку давал понять, что судьба карпатских украинцев не в меньшей степени интересна для СССР. «Заявление т. Гречухи о реорганизации НКВД видимо встревожило его (Фирлингера. – В.М.)», – записал Корнейчук¹⁴¹. НКВД СССР летом 1944 г. возглавил бывший представитель ВКП(б) в Исполнительном Комитете Коминтерна, а затем заместитель Г. Дмитриева в Отделе международной информации ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильский. Как было сказано выше, Коминтерн всегда считал жителей Подкарпатской Руси украинцами, и поэтому появление Мануильского на посту наркома иностранных дел СССР могло быть и неслучайным: предстояло «окончательное» решение украинского вопроса.

Заметим, что формулировка Корнейчука в беседе с Фирлингером – «представители украинского народа обратились с просьбой к советскому правительству помочь Украине объединить всех украинцев» – тоже свидетельствовала о многом. С приближением Красной Армии к довоенным границам СССР вопрос об «объединении всех украинцев» переходил из теоретической в практическую плоскость. Наступало время его реализации, появились и конкретные соображения о том, как это можно сделать. Например, руководитель созданной при НКВД СССР Комиссии по вопросам послевоенных мирных договоров и послевоенного мирного урегулирования М.М. Литвинов, представивший в марте 1944 г. Молотову аналитический материал о судьбе послевоенной Германии, высказал мысль о том, что если бы Чехословакия согласилась уступить Подкарпатскую Украину Советскому Союзу, то за это она могла бы получить компенсацию в виде определенной части Верхней Силезии¹⁴². Идея, что называется, носилась в воздухе и начинала постепенно приобретать конкретные очертания.

Выход СССР на международную арену, активное развертывание в ПР партизанского движения, руководимого УШПД из Киева, видимо, заставили Бенеша снова повторить в разговоре с Лебедевым 12 июля 1944 г., что «в определенное время мы договоримся о том, чтобы рус-

ские взяли также Подкарпатскую Русь». Рипка, который записал беседу, высказал и свое мнение на этот счет: «Сам лично я думаю, что для нас было бы лучше долго не держать Подкарпатскую Русь. Иначе у нас будут постоянные трудности, с одной стороны внешние, с Россией, с другой – внутренние, поскольку Подкарпатскую Русь, которую неизбежно получит коммунистическое большинство, наши коммунисты станут использовать в Словакии, а, следовательно, и во всем государстве. Кроме того, нам стало бы легче в экономическом и финансовом отношении»¹⁴³. Бенеш же был непреклонным сторонником решения вопроса о ПР между ЧСР и СССР в послевоенное время и на законных основаниях. 21 августа лондонское радио передало речь президента перед чехословацкими солдатами в Англии. Он сказал, что возрожденная Чехословакия «будет государством чехов, словаков и карпатских украинцев. Республика будет иметь свои домюнхенские границы. На это мы делаем особый упор, и это право мы будем отстаивать до последнего дыхания. У нас будет децентрализованная республика»¹⁴⁴. По представлениям Бенеша, система управления восстановленной Чехословакии не будет «ни дуализмом, ни федерацией»; республика будет состоять из четырех земель – Чехии, Моравии, Словакии, Подкарпатской Украины, – каждая из которых будет иметь свой земский сейм и земские исполнительные органы¹⁴⁵.

Об этом же на собрании в Прикарпато-украинском клубе в Лондоне говорил Рипка, который подчеркнул, что «ни чехи, ни словаки, ни центральное правительство не будут вмешиваться во внутренние дела народа Закарпатской Украины». Отметив, что «большинство населения этой области украинцы», Рипка высказал мнение о том, что «в культурном отношении они, вероятно, примкнут к соседнему украинскому народу»¹⁴⁶.

Дискуссии по вопросу о будущем Подкарпатской Руси, которые весной 1944 г. начались среди чехословацких эмигрантов в Лондоне, по-видимому, привлекли к этому внимание в мире. В частности, Димитров получил сообщение о передовой статье под названием «Карпатская Русь и Восток», напечатанной 17 апреля 1944 г. в базельской газете «Националь Цейтунг». В статье подчеркивалось, что карпато-украинцы являются «ответвлением великого русского народа», что русинский народ считает себя родственным украинцам, что «интеллигенция Карпатской Руси ориентируется только на Россию». «Если объединенные нации победят, – писала газета, – Венгрии придется снова отказаться от Карпатской Руси. Но после опыта с чехами, захотят ли русины вторично присоединиться к Чехословакии, даже, если д-р Бенеш подчеркивает теперь необходимость широкой децентрализации воссозданной Чехословакии?... не постараются ли они присоединить-

5. Накануне освобождения...Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.

ся к России, т.е. к Советской Украине?». Газета отмечала, что Советский Союз еще не высказался по вопросу о том, «что случится, если население Карпатской Руси само пожелает присоединиться к России. Советское правительство торжественно заявило, что оно не аннексирует чужую землю и не предпримет никаких социальных преобразований. Но может ли оно жеманничать в том случае, если малый братский народ сам выразит желание войти в состав великого русского Союза?». Обращал на себя внимание следующий вывод газеты: «Бенеш и его окружение постоянно говорят о будущем Чехословакии, как о само собой разумеющемся факте. Однако они очень хорошо знают, как слаба была связь между тремя народами, составлявшими республику, и они понимают, какой притягательной силой для ее восточной части будут русские... Об этой маленькой стране последнее слово еще не сказано именно потому, что о ней так мало говорится»¹⁴⁷.

В связи с тем, что Красная Армия подошла к довоенным границам с Чехословакией (Подкарпатской Русью) и было подписано вышеуказанное Соглашение от 8 мая 1944 г., в Лондоне начались дискуссии о составе и главе чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории. Участвовали в них и коммунисты. Они, в частности, полагали (это явствует из документа под названием «Предложения о некоторых мероприятиях на освобожденной территории Чехословацкой республики», подготовленного Готвальдом еще в апреле 1944 г.), что делегация должна быть не только административным, но и коллективным политическим органом, а ее состав должен отвечать «принципу Национального фронта с особым акцентом на национальный момент»¹⁴⁸. 26 июня 1944 г. Готвальд через чехословацкое посольство в Москве направил телеграмму Бенешу с изложением позиций Загранбюро КПЧ по вопросу личности делегата и начальника чехословацкой военной миссии на освобожденной территории. «Московские» коммунисты настаивали, чтобы делегация была «коллективным политическим органом, а ее состав отвечал ...тому духу, в котором велись переговоры президента в Москве». Указывалось, что главой делегации не может быть лицо «каким-либо образом скомпрометировавшее себя сотрудничеством с оккупантами и предателями»¹⁴⁹.

У Бенеша же были собственные представления по этим вопросам. 30 июня 1944 г. чехословацкое правительство определило состав чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории. Бенеш не разделял точку зрения коммунистов о делегации как коллективном политическом органе. Не учел он и их соображения, касающиеся главы делегации, назначив на эту должность социал-демократа Ф. Немца, министра экономической реконструкции, в прошлом

члена первого правительства протектората, затем эмигрировавшего на Запад. Заместителем Немеца стал генерал Р. Виест, словак; после прибытия делегации на освобожденную в ходе Словацкого национального восстания территорию он стал командующим 1-ой чехословацкой повстанческой армией и функции заместителя главы делегации не выполнял. Коммунисты были раздосадованы тем, что их мнение при формировании делегации не было учтено. 20 июля 1944 г. Готвальд направил В. Носеку, главе чехословацких коммунистов в Лондоне, новую телеграмму, в которой выражалось пожелание, чтобы делегация «по своему составу и своим полномочиям была настолько авторитетна, чтобы с ней можно было вести важные политические переговоры по всем актуальным политическим вопросам». При этом, по словам секретаря президента Э. Таборского, коммунисты не хотели видеть своего представителя во главе делегации. Почему? – задавался он вопросом и отвечал на него так: «Они, очевидно, полагают, что в первые недели и месяцы после освобождения правительственный делегат встретится с такими огромными проблемами, что просто не в состоянии будет с ними справиться. И таким образом, коммунисты смогут использовать это в своих целях. Уже потому лучше было бы послать неполитическое лицо»¹⁵⁰. Возможно, это так и было.

3 августа 1944 г. президент подписал конституционный декрет о временном управлении освобожденной территорией Чехословацкой республики¹⁵¹. 16 августа 1944 г. коммунисты – члены Государственного совета (В. Носек, Й. Вало, А. Гоудинова, И. Петрушак) направили в связи с этим президенту и председателю правительства Й. Шрамеку протест, в котором говорилось, что поскольку предложения коммунистов не приняты во внимание, они не могут взять на себя ответственность «за формирование чиновничьей и военной делегации, направляемой на родину». В частности, президента упрекали в том, что не было учтено требование справедливого с национальной точки зрения состава делегации, то есть, чтобы в нем «нашли отражение единство и равноправие всех славянских народов республики»¹⁵².

Бенеш однако не совсем отменил предложения коммунистов, согласившись на создание при правительственном делегате органа политических советников. Ими были назначены члены Госсовета Й. Вало (коммунист), Б. Лаушман (социал-демократ), Ф. Углирж (национально-социалистическая партия), Ф. Гала (народная партия). Позже правительство дополнило состав делегации: в нее были включены коммунисты-украинцы И. Турияница, офицер по вопросам просвещения чехословацкого армейского корпуса (по настоянию Загранбюро КПЧ в Москве) и И. Петрушак (по просьбе Немеца и с согласия правительства)¹⁵³.

25 августа на двух советских самолетах делегация прибыла в Москву. В ее состав, кроме Немца и его заместителя Виеста, входили члены политического совета Гала, Углирж, Лаушман и Вало. Кроме того, вместе с делегацией прилетели генерал Гасал (псевдоним – Нижборский) и много чиновников, в том числе секретарь президента по политическим вопросам П. Дртина. Все прибывшие поселились в гостинице «Националь». Уже 26 августа делегация и сопровождавшие ее Фирлингер и Пика были приняты Вышинским, с которым обсуждались вопросы практической деятельности чехословацкой администрации на освобожденной территории¹⁵⁴. 29 августа в гостинице «Националь» состоялась встреча членов делегации с представителями московского руководства КПЧ – К. Готвальдом, Я. Швермой, В. Копецким, Й. Кроснаржем, а также прибывшим ранее из Словакии К. Шмидке. Между прочим, Шмидке ознакомил присутствовавших с представлениями Словацкого национального совета (СНС), готовившего восстание в стране, о будущем государственном устройстве Чехословакии: «Наряду с автономией чешской (которая включала бы все чешские земли) были бы созданы автономия словацкая и автономия украинская... Словакия и Подкарпатская Украина имели бы свои автономные правительства, однако чешские земли управлялись бы только центральным правительством. Автономные правительства в Словакии и Подкарпатской Украины имели бы своих председателей и некоторые министерства, например, здравоохранения, школьного образования, внутренней торговли, в то время, как министерства иностранных дел, национальной обороны, финансов были бы общими. Государство следует строить на трех суверенных народах и признать их»¹⁵⁵. То есть позиция СНС в этот период по вопросу будущего ПР не расходилась с линией Бенеша. Встреча коммунистов с Немцем свидетельствовала, что они вынуждены были признать его главой делегации.

В Москве она задержалась до 23 сентября 1944 г., затем по решению чехословацкого правительства направилась на освобожденную в ходе Словацкого национального восстания (29 августа – 28 октября 1944 г.) территорию, куда прибыла 7 октября. Сразу же обнаружились сложности в ее отношениях со Словацким национальным советом, который еще в начале восстания объявил о том, что берет на себя «всю законодательную и исполнительную власть на территории Словакии», и подзревал лондонское правительство в намерении навязать словакам посредством правительственной делегации свою волю. Выполнить возложенные на нее задачи делегации по существу не удалось. СНС был согласен видеть в правительственном делегате лишь представителя лондонского правительства, с которым намеревался сотрудничать.

В постановлении президиума СНС от 16 октября 1944 г. по этому поводу говорилось: «В связи с происшедшими изменениями меняются также функции и объем деятельности правительственного делегата, что касается территории Словакии. Правительственного делегата или же члена правительства мы рассматриваем как посредника между СНС и президентом республики и чехословацким правительством в Лондоне, а также как посредника между СНС и командованием советских войск в соответствии с чехословацко-советским соглашением»¹⁵⁶. В связи с этим СНС просил изменить декрет президента республики о правительственном делегате, который был издан 3 августа 1944 г.¹⁵⁷ Для выяснения отношений между СНС и правительственной делегацией в Лондон была направлена делегация Совета. Результатом многочисленных встреч и обсуждений было некоторое сближение позиций сторон. Президент заявил, что по предложению Немца правительство одобрило соглашение между ним и СНС о сотрудничестве от 16 октября 1944 г.: «В этом же смысле необходимо будет изменить или интерпретировать декрет о правительственном делегате на освобожденной территории»¹⁵⁸. Председатель правительства Й. Шрабек полагал, что отношение правительства к постановлению президиума СНС от 16 октября 1944 г. должно стать известно Немцу еще до его переезда в Подкарпатскую Русь¹⁵⁹. Однако сведений о том, что декрет был изменен и что Немец был об этом уведомлен, нет. Скорее всего этого не произошло. Еще 6 ноября 1944 г., т.е. уже после того как Немец переместился на освобожденную территорию Подкарпатской Руси, в правительстве не было единого мнения относительно того, нужен ли новый декрет президента или достаточно правительственного постановления о его изменении. Таким образом, налицо было, с одной стороны, понимание несоответствия первоначальных представлений (декрет) о функциях правительственного делегата реалиям освобожденной словацкой, и не только словацкой, территории, с другой, неспешность при корректировке этих представлений в преддверии развертывания деятельности делегата на освобожденной территории Подкарпатской Руси. Чем это объяснить? Можно предположить, во-первых, что это было результатом простой чиновничьей неповоротливости; во-вторых, что намерение изменить декрет относилось только к Словакии; наконец, в-третьих, что существовала убежденность в том, что ситуация в ПР будет отличаться от имевшей место в Словакии. Отличие казалось важным: словацкая территория была освобождена в результате национального восстания, а ПР – в ходе наступления Красной Армии. Это позволяло надеяться, что декрет президента о правительственном делегате, основанный на советско-чехословацком соглашении от 8 мая 1944 г., «сработает» в ПР.

9 сентября 1944 г. началась Карпато-Ужгородская операция 4-го Украинского фронта, целью которой было разгромить противника в Восточных Карпатах и выйти в район Ужгород, Мукачево, Чоп. Войска фронта, преодолев 9 октября Главный Карпатский хребет, совершили прорыв на Средне-Дунайскую равнину и правобережье Тисы. Овладев Лупковским, Русским, Ужокским, Вышковским, Верецким, Яблоницким и Татарским перевалами, советские войска «продвинулись в глубь территории Чехословакии от 20 до 50 км на фронте протяжением 275 км». Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за преодоление Карпат, получили наименование «Карпатских». 18 октября Москва салютовала в их честь¹⁶⁰. 23 октября был взят г. Хуст, 26 октября освобожден г. Мукачево, а 28 (по другим данным 27) октября – Ужгород. Командир 1-го чехословацкого армейского корпуса Л. Свобода направил командующему 4-ым Украинским фронтом И.Е. Петрову поздравления и благодарность в связи с освобождением «столичного города Подкарпатской Украины – Ужгорода и всей Подкарпатской Украины от германских и венгерских оккупантов»¹⁶¹.

Однако корпус в освобождении Подкарпатской Руси не участвовал. Почему? Документов, дающих ответ на этот вопрос, в распоряжении автора нет, однако версий много. Одна из них высказана в прошлом российским исследователем И.И. Попом и поддержана украинским историком С. Виднянским и словацким ученым М Гайдошем¹⁶². Она состоит в следующем: советские власти не хотели, чтобы освобожденные из лагерей подкарпатские украинцы, из которых состояла значительная часть чехословацкого корпуса, делились своими впечатлениями о жизни в Советском Союзе с местными жителями. Это вполне возможное, но не единственное объяснение. Попытаемся проследить, что происходило с чехословацкой воинской частью в месяцы, предшествовавшие освобождению ПР. 10 апреля 1944 г. советское Главное командование приняло решение о преобразовании 1-ой чехословацкой бригады в СССР в 1-ый чехословацкий армейский корпус. 25 апреля началась его передислокация с Волыни ближе к Карпатам, в район Черновцы, где, собственно, и происходил весь процесс переформирования части. Развертывание бригады в корпус производилось, прежде всего, за счет волыньских чехов (12 тысяч) и словаков, много которых (до 2 тыс.) в 1943 г. перешло к партизанам или на сторону Красной Армии¹⁶³. На 5 сентября 1944 г. корпус насчитывал 16 678 военнослужащих¹⁶⁴. Следовательно, подкарпатские украинцы не составляли к тому времени уже большинства корпуса, основой которого являлась 1-ая бригада под командованием Л. Свободы. Многие из них погибли в боях, которые вела чехословацкая воинская часть с 1943 г. на территории СССР. Черновцы на-

ходились всего в нескольких десятках километров от домюнхенской границы Чехословакии, Подкарпатской Руси, но в конце июля началась новая передислокация корпуса по северной дуге Восточных Карпат в район Самбор (к югу от Львова), недалеко от польской границы. Он был включен в состав 38 армии (командующий генерал-полковник К.С. Москаленко) 1-го Украинского фронта (командующий маршал Советского Союза И.С. Конев). Почему необходимо было такое перебазирование корпуса? Следует заметить, что в это самое время проходила и организационная перестройка в советских вооруженных силах. 5 августа 1944 г. по приказу Ставки Верховного Главнокомандования был образован новый, 4-ый Украинский фронт. Его командующим был назначен генерал армии И.Е. Петров, а членом Военного Совета – генерал-полковник Л.З. Мехлис. Войска фронта 6 августа заняли крупный промышленный центр Украины г. Дрогобыч и подошли к границам Чехословакии. Однако по указанию Ставки войска фронта 15 августа временно перешли к обороне в предгорьях Карпат. Для нового наступления в сложных условиях гор необходимо было накопить силы и провести специальную подготовку¹⁶⁵. Так что наступления тут в ближайшее время не предполагалось. Правда, 29 августа, когда была завершена Яско-Кишиневская операция советских войск (20–29 августа) и еще до того как пришло известие о начале Словацкого национального восстания, Ставка повернула войска правого крыла 2-го Украинского фронта на северо-запад для нанесения удара в тыл карпатской группировки противника и выхода на территорию ПР и в Словакию со стороны Трансильвании¹⁶⁶. Так может быть 1-ый чехословацкий корпус следовало передать 2-му Украинскому фронту? Но здесь войскам фронта предстояло пройти с боями свыше 600 км, затратив на это значительное время и силы. В районе же, куда был передислоцирован корпус, завершалась Львовско-Сандомирская наступательная операция советских войск (13 июля–29 августа). Территория Словакии и особенно Чехии, вклинившаяся в южные районы Германии на глубину до 160 км, представляла для Красной Армии важный стратегический плацдарм, дающий возможность нанести удар прямо в подбрюшье третьего рейха. На этом направлении и предполагалось, видимо, использовать 1-ый чехословацкий корпус, разместившийся в нескольких десятках километров от чехословацкой (словацкой) границы. Л. Свобода свидетельствует, что среди личного состава корпуса шли споры, дискуссии вокруг вопроса о том, «в каком направлении вместе с частями Советской Армии будет проложен путь на родину. Высказывались различные мнения – если продолжить путь на Запад, то самый короткий путь домой, в Прагу – через Оставу. Другие предлагали повернуть на юг.

Это означало бои за Карпаты, за прорыв в Словакию»¹⁶⁷. Вспомним, что большая часть личного состава корпуса к этому времени состояла из волынских чехов и словаков.

Кроме того, во время многочисленных переговоров о советской помощи готовящемуся в Словакии восстанию, которые велись летом 1944 г., речь шла о выступлении навстречу Красной Армии двух мятежных дивизий словацкой армии, дислоцированных в Восточной Словакии. Естественным поэтому было задействовать в грядущих боях на этом направлении и чехословацкий армейский корпус. Видимо, не последнюю роль в его передислокации сыграла и просьба Пики разместить корпус поближе к границам Словакии, где полным ходом шла подготовка восстания. 10 августа Пика сообщал Ингру в Лондон о том, что он информировал советское главнокомандование о ситуации в Словакии, и писал: «В заключение я просил, чтобы главнокомандование Красной Армии изучило информацию и использовало возможность быстрого проникновения Красной Армии в Словакию и в тыл немецко-венгерской обороны в Подкарпатской Руси, и, наконец, открытой борьбы словацких гарнизонов против проникновения немцев с Запада до прихода Красной Армии. *Далее я просил, чтобы при операции армии в Словакии были включены части чехословацкого корпуса (выделено. – В.М.)*»¹⁶⁸. Наконец, еще одно свидетельство: 27 августа 1944 г. на совещании чехословацких деятелей в Москве, посвященной ситуации в Словакии, Пика на вопрос Готвальда о чехословацкой воинской части ответил, что ранее она находилась под г. Каломыя (Ивано-Франковская область УССР. – В.М.), но «поскольку это было чересчур далеко на восток, я попросил, чтобы она была размещена западнее, примерно в районе Гуменне (восточная Словакия. – В.М.), на что советское командование согласилось, и сегодня часть находится между Перемышлем (восточная граница довоенной Польши. – В.М.) и Самбором (Львовская область УССР. – В.М.)»¹⁶⁹. Думается, что это свидетельство Пики дает достаточно убедительное разъяснение того, по чьей инициативе и почему чехословацкий корпус был передислоцирован поближе к словацким границам и почему он не участвовал в освобождении Подкарпатской Руси. Против такого рода перемещения, видимо, не возражало и командование чехословацкого корпуса (прибывший из Лондона генерал Я. Кратохвил). Во всяком случае. Сведения об этом отсутствуют. Тогда еще никто не мог предполагать, что после начала Словацкого национального восстания будет в срочном порядке разработана Карпато-Дуклинская операция советских войск (8 сентября – 28 октября), что корпус примет участие в тяжелейших боях на Дуклинском перевале, где понесет страшные потери, лишившись примерно

половины своего личного состава. Утверждения Попа о том, что советские власти (НКВД, Мехлис) «не могли допустить, чтобы на родину вернулись те, что имели богатый опыт пребывания в лагерях ГУЛАГА и хорошо знали советскую социалистическую действительность», и что поэтому «они должны были погибнуть в Дуклинской мясорубке»¹⁷⁰, по меньшей мере, пока научно не доказаны, голословны, и представляются кощунственными.

Таким образом, думается, что главными при перебазировании корпуса из района Черновцов на новое место были соображения военного порядка и согласие на это чехословацкого военного руководства. Однако, по-видимому, у Москвы имелись и политические мотивы использования корпуса в боях за освобождение не Подкарпатской Руси, а Словакии, хотя прямых документальных подтверждений на этот счет нет. Советское руководство, хотя и не могло говорить об этом открыто, видимо полагало вопрос о присоединении ПР к СССР решенным. Но надо было «застолбить» данную территорию, создать такую ситуацию, чтобы Бенеш уже не мог сделать обратного хода: ведь никаких письменных документов о договоренности между ним и советским руководством относительно передачи СССР ПР не существовало. Поэтому нужно было, чтобы Подкарпатская Русь (по советской терминологии Закарпатская Украина) была освобождена исключительно советскими войсками без участия чехословацкого корпуса. Естественно, открытых разговоров на эту тему никто не вел. Чтобы «застолбить» необходимую СССР территорию, предпринимались уже летом 1944 г. и другие меры. О них будет сказано ниже.

6. ПРИБЫТИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ПОДКАРПАТСКУЮ РУСЬ. НАБОР ДӨБРОВОЛЬЦЕВ В КРАСНУЮ АРМИЮ. НОЯБРЬ 1944 г.

20 октября, когда уже стало очевидным, что словацкие повстанцы не смогут сдержать напор немецких частей, чехословацкое правительство приняло решение о перебазировании делегации «из Словакии на освобожденную территорию Карпатской Украины». Масарик поручил Фирлингеру информировать об этом соответствующих советских деятелей и просить их помочь осуществить перелет делегации. В этот же день Фирлингер сообщал в Лондон, что в связи с быстрым наступлени-

ем Красной Армии на территорию ПР скоро будет освобожден Ужгород, который в целом останется неразрушенным. Фирлингер предполагал, что «после падения Ужгорода зона военных действий быстро переместится на Запад, вследствие чего очень быстро могла бы образоваться тыловая зона, где наши органы смогут взять на себя временное управление освобожденной территорией в смысле нашего майского Соглашения. В связи с этим Ужгород уже теперь мог бы быть избран в качестве нашего первого переходного административного центра». Лондон выразил согласие, и Фирлингер обратился в НКВД с соответствующей просьбой¹⁷¹.

23 октября чехословацкая правительственная делегация во главе с Немцем вылетела из Словакии во Львов. 27 октября в Турце (под Львовом) он встретился с членом Военного совета 4-го Украинского фронта Мехлисом и получил разрешение на размещение делегации в Хусте. Советские власти мотивировали это тем, что Ужгород является зоной оперативных действий Красной Армии. При этом Мехлис заявил, что территория, на которой делегация развернет свою деятельность, будет ограничена приблизительно линией, идущей на север от Хуста. К месту своего размещения делегация прибыла 28 октября, т.е. в день празднования государственной независимости Чехословакии. По словам Немца, «прибытие правительственной делегации на территорию Карпатской Украины было встречено большинством местного населения положительно. Мысль о восстановлении Чехословацкой республики представлялась очевидной. Об этом настроении свидетельствовал, например, митинг, который состоялся непосредственно вслед за прибытием делегации в Хуст в понедельник 29 ноября (правильно – октября. – В.М.) утром. Митинг начался оглашением пространной поздравительной телеграммы президенту д-ру Бенешу и маршалу Сталину. Каждое упоминание о президенте республики сопровождалось весьма живым одобрением. Главный оратор Туряница говорил ясно и недвусмысленно о восстановлении Чехословацкой республики на принципе сосуществования трех равноправных славянских народов»¹⁷².

В тот же день, 29 октября Немец направил телеграмму Сталину, в которой говорилось, что он «*принял власть* (выделено. – В.М.) в освобожденных районах Чехословацкой Республики»¹⁷³. Аналогичная телеграмма была послана и Бенешу. В ней Немец выражал надежду, что президент как можно скорее прибудет на освобожденную территорию. В Лондоне ликовали. В передаче лондонского радио 30 октября говорилось: «Тот факт, что Карпатская Украина очищена от немецкой и венгерской чумы, имеет большое значение; но еще большее значение имеет то обстоятельство, что немедленно после освобождения в Кар-

патской Украине был утвержден суверенитет Чехословацкого государства и назначена чехословацкая администрация». Министр Ю. Славик, выступавший в той же передаче, заявил: «Советский союзник передал чехословацкой администрации территорию, которую еще следует считать военной зоной, тем самым доказав, что он является могучим покровителем чехословацкого суверенитета»¹⁷⁴. Но радость была преждевременной, а информация ошибочной. 1 ноября НКВД счел необходимым конфиденциально указать Фирлингеру, что формулировка в телеграмме Немца «принял власть на освобожденной территории» точно не отвечает принципам Соглашения о компетенции правительственного делегата и что вопрос о переезде на освобожденную территорию президента и правительства пока не актуален, поскольку Закарпатская Украина до сих пор является военной зоной¹⁷⁵. По тем же причинам была отклонена и просьба чехословацкого правительства доставить на американском самолете для правительственного делегата радиостанцию, работающую на коротких и средних волнах.

Включенный в состав делегации во время ее нахождения в Словакии коммунист И. Туряница отправился в Подкарпатскую Русь несколько раньше, чем вся делегация. Об этом сообщалось в телеграмме СНС на имя Димитрова и Готвальда 26 октября, в которой говорилось также: «Мы дали ему точные инструкции. Нужно послать к нему группу наших украинских товарищей с радистом»¹⁷⁶. Что это были за инструкции, не известно. Но можно предположить, что они основывались на опыте общения Словацкого национального совета, где активнейшую роль играли коммунисты, с правительственным делегатом во время его пребывания на освобожденной словацкой территории, и на постановлении СНС от 29 сентября 1944 г. о его отношениях с Немцем. В постановлении говорилось о том, что СНС «как высший революционный орган внутреннего сопротивления... берет на себя руководство внутренним сопротивлением в плане законодательном, правительственном и исполнительном». Совет высказывался за «Чехословацкую республику как самостоятельное и общее государство трех славянских народов: чехов, словаков и карпатских украинцев на основе принципа равный с равным. Окончательное государственно-правовое устройство ЧСР будет решено легитимными представителями этих трех народов»¹⁷⁷. Думается, что опыт деятельности СНС на освобожденной в ходе Словацкого национального восстания территории был в какой-то мере учтен Туряницей, когда он прибыл в Подкарпатскую Русь. Как свидетельствует Немец, на митинге в Хусте 29 октября Туряница высказался за восстановление Чехословакии, включавшей и Подкарпатье. Однако, в вопросе о государственно-правовой принадлежности

ПР он вскоре разошелся с мнением СНС. Появившись в ПР несколько раньше, чем вся правительственная делегация, Туряница затем как бы отгородился от нее, переключившись на организацию коммунистического движения в крае. Была ли это его инициатива или он получил от кого-то соответствующие указания (от кого?) пока не ясно. Скорее – второе. Установив связи с вышедшими из подполья, сражавшимися в партизанских отрядах и прибывшими из СССР коммунистами, Туряница развернул деятельность по организации на освобожденной территории ПР национальных (народных) комитетов (народных рад), главную роль в которых, естественно, играли коммунисты. Немец писал впоследствии об изменениях в первоначально положительном отношении населения к делегации: «В течение нескольких дней это настроение существенно изменилось. Среди населения стала проводиться агитация за плебисцит, за присоединение к Советскому Союзу. Эта кампания по всем признакам проводилась и проводится Туряницей, который после нескольких дней пребывания в Хусте отбыл без моего разрешения или согласия в Мукачево для постоянного проживания». На самом деле, тоже по словам Немца, Туряница все же получил его согласие на поездку в Мукачево, но только на один-два дня, чтобы навестить мать. В Хуст он уже более не вернулся¹⁷⁸.

3 ноября Немец посетил штаб 4-го Украинского фронта и встретился с его командующим генералом армии И.Е. Петровым. Он-то с картой и карандашом в руках определил точную демаркационную линию, которая делила всю Карпатскую Украину на восточную и западную зоны. В первой, включавшей пять районов: Хуст, Севлюш, Тячево, Рахов и Волове, могла развертывать деятельность чехословацкая правительственная делегация, вторая оставалась под управлением советских военных органов. По договоренности между Петровым и Немцем представители чехословацкой администрации не имели права без разрешения советских военных властей пересекать демаркационную линию и пребывать в зоне оперативных действий Красной Армии. Но с продвижением ее частей на запад эта линия оставалась прежней, как и территория, на которой Немец пытался установить власть чехословацкого правительства. Кроме администрации правительственного делегата в зоне на восток от демаркационной линии действовали советские военные комендатуры, которые, естественно, подчинялись советскому командованию и выполняли его приказы. Помимо этого, со стороны советских комендантов вообще было много «самодельности»: каждый из них выполнял возложенные на него обязанности в меру своего умения и понимания конкретной ситуации. Это были люди, прошедшие войну, не обученные ни дипломатии, ни политесу, пони-

мавшие в основном язык приказов и действовавшие в соответствии с обстановкой военного времени. Таким образом, территория, как будто подведомственная Немцу, на самом деле оказалась «зоной двоевластия», что приводило к множеству недоразумений и конфликтов. Так, например, советский комендант Хуста сразу же заявил местной типографии, в которой печатались материалы делегации, что все они подлежат его цензуре. В ответ на жалобу Немца Петров дезавуировал это распоряжение коменданта Хуста¹⁷⁹, но подобного рода «самодеятельность» продолжалась. Иногда соблюдая, а иногда и не соблюдая внешние приличия, военные коменданты проводили, как им представлялось, нужные и правильные решения. Весьма часто, по словам Немца, их действия входили в противоречие с указаниями администрации правительственного делегата. Советские военные коменданты не были сторонними наблюдателями и создания местных органов власти. Вот как описывал Немец выборы в Национальный комитет Хуста, которые состоялись на вышеупомянутом митинге 29 октября 1944 г.: «Митинг открыл советский военный комендант города заявлением, что существующий национальный комитет состоит из самозванцев и что дело населения выбрать новый. Потом был зачитан список кандидатов, составленный накануне на пленарном заседании коммунистической партии, и по каждому из кандидатов задан вопрос, имеются ли против него возражения. Ни у кого возражений не было, и поэтому предложение без голосования было объявлено как принятое»¹⁸⁰. Везде ли выборы были похожи на описанные, трудно сказать, но, вероятно, можно утверждать, что советские военные коменданты играли в их организации не последнюю роль.

Чехословацкая правительственная делегация также в соответствии с полученными ею указаниями пыталась создавать местные органы власти или наладить связь с уже созданными до нее несколькими местными национальными комитетами, которые выбирались примерно так же, как описано выше. Районных комитетов, по словам Немца, к моменту прибытия чехословацкой делегации не существовало, и он согласился с распоряжением командира чехословацкого корпуса генерала Свободы, который направил для помощи в этом деле группу офицеров просвещения во главе с коммунистом Ш. Рациным. «Хочу констатировать, – писал Немец, – что его действия были корректны и что он стремился организовать национальные комитеты так, чтобы они отражали приблизительный социальный и политический состав населения. Так, например, председателем районного национального комитета в Рахове был бывший социал-демократ, в Тячеве – беспартийный учитель. Естественно, что комитеты имеют коммунистическое большин-

ство. Это отвечает и довоенному положению»¹⁸¹. Создание сети районных национальных комитетов на территории к востоку от демаркационной линии было завершено примерно в течение трех недель. По словам Немеца, сотрудничество чехословацкой администрации с комитетами было хорошим, за исключением одного случая: местный, а затем районный комитет в Хусте, который возглавлял коммунист Сикора, систематически саботировал переговоры с делегацией. В задачу правительственного делегата в связи с планами Бенеша на децентрализацию восстановленной ЧСР входило создание в ПР Земского национального комитета и соответствующей вертикали национальных комитетов на местах¹⁸². На 21 ноября Немец назначил совещание с руководителями местной власти с целью координации усилий по налаживанию мирной жизни и оказанию помощи воюющей Красной Армии. Как развильсь события дальше, будет показано ниже.

Разместившись в Хусте, чехословацкая администрация немедленно приступила к организации своей работы. Была создана канцелярия правительственного уполномоченного с президиумом и 13 отделами (финансов, внутренних дел, юстиции, информации, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения, экономики и др.), являвшаяся своего рода филиалом лондонского правительства¹⁸³. В Лондоне была разработана подробная инструкция о том, какие вопросы должен решать правительственный делегат. Они касались ликвидации оккупационного режима, главным образом в сфере экономики, восстановления сельскохозяйственного, промышленного и ремесленного производства, прежде всего отраслей, важных с точки зрения ведения военных действий и снабжения населения. Предусматривалась деятельность по обеспечению населения продовольствием, проведению социально-политических мероприятий, налаживанию здравоохранения. Решать намеченные задачи предполагалось при опоре на национальные комитеты всех ступеней¹⁸⁴.

К первоочередной важности вопросам Немец относил, в частности, вопрос о снабжении населения продовольствием. Еще в июне 1944 г. чехословацкое правительство передало послу при союзных правительствах в Лондоне Лебедеву длинный перечень продовольственных и промышленных товаров, а также сырья, которые будут необходимы на освобожденной территории. «Этот перечень, – вспоминал Фирлингер, – ...казался мне несколько нескромным, учитывая тяжелое положение со снабжением в Советском Союзе». Фирлингер, по его словам, неоднократно напоминал Вышинскому и Зорину об этих просьбах, стремясь при этом привести их в соответствие с действительными возможностями СССР. В телеграмме, отправленной им в Лондон 24 ок-

тября 1944 г., в частности, говорилось: «Зорин... конфиденциально и лишь для моей информации сказал, что предложенный Тобой в Лондоне перечень, вызвал в здешнем Внешторге значительное замешательство, поскольку Ты выдвигаешь требования, несоразмерные с дефицитом, действительно возможным в нашем снабжении. При этом речь идет также о товарах, в которых здесь острая нехватка. И здешнее население вынуждено будет ограничить свои потребности. Советское правительство принципиально не может обеспечить нам из собственных запасов снабжение лучшее, чем снабжение собственного населения. Зорин предполагает, что в целом ситуация у нас не будет такой плохой, как в некоторых областях СССР. Я объяснил, что перечень, который Ты передал, включает товары, которые нам вообще были бы необходимы и которые мы просили у ЮНРРА. Для нас речь идет в первую очередь об основных видах продовольствия, которых у нас действительно не будет хватать, особенно, о жирах, мясе, и, вероятно, муке, а во вторую очередь о важном сырье, которое СССР и до этого поставлял нашей промышленности. Зорин обещал быстрое рассмотрение»¹⁸⁵.

По прибытии в Подкарпатскую Русь Немец сразу поднял вопрос о продовольствии. В депеше Фирлингеру он просил поставить в Тячев 300 тонн кукурузы или пшеницы, а также вагоны и другие транспортные средства. В то же время и из Лондона 8 ноября пришла телеграмма с просьбой организовать поставку из Румынии или Венгрии по 25 вагонов кукурузы, пшеницы, ржи на первые три месяца, а затем ежемесячно по 1000 голов скота и 4000 свиней, 35 вагонов солонины, 15 – растительного масла, 15 – рыбы (селедки), а также сахара и мыла. «Помощь крайне необходима в интересах поддержания спокойствия», – говорилось в телеграмме. 9 ноября Фирлингер посетил Зорина, передав ему просьбу чехословацкого правительства. Тот обещал довести ее до сведения компетентных советских органов. По этому же вопросу Рипка говорил с Лебедевым. Несколько позже, по словам Фирлингера, Зорин так отреагировал на просьбу Рипки: «В то время, как наша делегация сообщает об относительно хорошем состоянии скота в Закарпатье, чехословацкое правительство передало просьбу о ежемесячных поставках населению Закарпатской Украины, годовая сумма которых... превышает годовой контингент рогатого и свиного поголовья, который Румыния обещала поставить в счет репараций... Зорин с усмешкой добавил, что, мол, в Лондоне чересчур много иллюзий. Зорин дескать пока сам изучил проект и опасается, что он произведет на соответствующие органы неблагоприятное впечатление»¹⁸⁶. Реальные обещания сводились к тому, что советские военные органы, которые по этим вопросам имеют инструкции и полномочия действовать на месте, будут

помогать чехословацкой делегации в их решении. Насколько известно автору, эти вопросы, по мере возможности, действительно решались на месте. Так, например, в отчете Й. Кроснаржа о поездке в Подкарпатскую Русь, о чем подробнее будет сказано далее, говорилось, что Советский Союз выделил для Закарпатской Украины 250 тыс. пудов хлеба, и «руководство 4-го Украинского фронта перевозит этот хлеб на своих машинах в города и села»¹⁸⁷.

Другой важнейшей своей задачей, вытекавшей из Соглашения от 8 мая 1944 г., являлась мобилизация граждан ПР в чехословацкую армию, которую пыталась провести военная часть делегации во главе с генералом Гасалом. Но 5 ноября 1944 г. Немец получил сведения о том, что в районе Хуста и его окрестностей вывешены объявления о наборе добровольцев в Красную Армию. В тот же день он обратился с письмом к командующему 4-ым Украинским фронтом генералу армии Петрову, стремясь выяснить, делается ли это по его приказу или является инициативой местных военных властей. Немец обращал внимание командующего на то, что согласно чехословацким законам разрешение на вступление в иностранную армию может дать только президент. Вечером того же дня правительственный делегат был вызван в штаб фронта для ведения переговоров, в которых участвовали с советской стороны Петров и Мехлис, а с чехословацкой – Немец и Гасал. Петров заявил, что объявления, подписанные советскими военными комендантами, вывешены по его приказу, и что местное население выразило желание служить в Красной Армии. Он напомнил, что в свое время советское правительство дало согласие на вступление в чехословацкую воинскую часть в СССР украинцев и волинских чехов, советских граждан, и что теперь, как он надеется, в качестве «услуги за услугу» чехословацкое правительство должно разрешить набор в Красную Армию украинцев и русских, местных жителей. Впрочем Петров обещал запросить по этому вопросу Москву¹⁸⁸.

Набор в Красную Армию не прекратился, и, по словам Немца, местами имел форму «принудительной мобилизации». Были случаи, когда новобранцы, призванные в чехословацкую армию, отправлялись советскими офицерами в пункты по набору добровольцев в Красную Армию. 9 ноября Немец в связи с этим направил новое письмо генералу Петрову. Правительственный делегат интересовался, ответила ли Москва на запрос командующего, и сообщал о случаях, когда мобилизованные в чехословацкую армию якобы добровольно вступали в Красную Армию. 11 ноября Немец отправил Фирлингеру в Москву для передачи в Лондон следующую телеграмму: «Массовый набор наших граждан в Красную Армию с согласия советских военных инстанций укрепляет в мысли,

что дело идет к плебисциту о присоединении к СССР. Завтра, в воскресенье, везде должны пройти собрания подобного плана, и в Москву якобы направлена делегация. Информируй немедленно Лондон»¹⁸⁹.

В тот же день, 11 ноября 1944 г. Пика посредством радиопеши сообщил Масарику и Ингру о наборе жителей Подкарпатья в Красную Армию. Текст вывешенных по этому поводу для всеобщего ознакомления объявлений, переданный Гасалом, гласил: «От русского и украинского населения Подкарпатской Украины приходят вопросы о том, как вступить добровольно в Красную Армию. 1. Объясняем, что граждане Подкарпатской Украины, русские и украинцы, могут вступить добровольно в ряды Красной Армии, чтобы сражаться с оружием в руках против немецких и венгерских захватчиков. 2. По всем вопросам, связанным с добровольным вступлением в ряды Красной Армии, обращайтесь к военному командованию. 3. В Красную Армию принимают добровольцы до 40 лет». Генерал Гасал просил инструкций, а Пика собирался просить объяснений у Главнокомандования Красной Армии¹⁹⁰. Естественно, что в Лондоне были обеспокоены этой информацией. Секретарь Бенеша Э. Таборский записал в своем дневнике 12 ноября: «Из ПР доходят тревожные сообщения о вызывающем удивление советском поведении. Подкарпатским русинам публично через советские объявления предлагается вступать в советскую армию. А Москва вчера по радио передавала заявление, которое якобы было отправлено Сталину с торжеством по случаю 27 годовщины Октябрьской революции, прошедших в Ужгороде 7 ноября. (Телеграмма была опубликована в «Правде» 11 ноября 1944 г. – *В.М.*). В нем кроме прочего говорится: „Наши мысли и стремления были всегда с народом украинским и русским. К нашим братьям по крови были обращены наши взгляды и надежды. Нашим вечным сном было и есть – жить в единой и общей семье с украинским народом“. Что это может означать? Ведь это же явная агитация за присоединение Подкарпатской Руси к СССР. Удержим мы ее? Ведь Сталин президенту во время его визита в Москву ясно сказал, что Подкарпатская Русь есть и останется чехословацкой!»¹⁹¹.

Бенеш в беседе с Лебедевым 13 ноября обратил его внимание «на невозможность действий советских военных органов на Подкарпатской Руси, где набирают добровольцев в Красную Армию». На следующий день об этом же говорил с Лебедевым Рипка, подчеркнувший необходимость «немедленно устранить это недоразумение», которое он объяснял «чрезмерным и невзвешенным усердием местных деятелей». Рипка заметил, что чехословацкие законы разрешают чехословацким гражданам вступать в иностранную армию, но для этого нужно иметь согласие президента республики. Лебедев подтвердил, что вопрос тре-

бует быстрого улаживания, «поскольку иначе его могли бы легко использовать против Советского Союза и против Чехословакии все те, кто к вам и нам относится недоброжелательно»¹⁹². В тот же день, 14 ноября, Лебедев посетил Бенеша, чтобы сообщить ему, согласно записи в дневнике Таборского, ответ Молотова. Советский нарком просил, чтобы «мы не настаивали на увольнении уже принятых добровольцев и не возражали против набора последующих». Бенеш же настаивал на прекращении призыва и агитации, сказав только, «что мы не будем дезавуировать русское командование в вопросе о людях, уже вступивших в Красную Армию»¹⁹³. Естественно предположить, что Молотов осознавал несоответствие действий советских военных органов на освобожденной территории ПР советско-чехословацкому Соглашению от 8 мая 1944 г., но также естественно предположить, что он понимал и стремление военных путем набора добровольцев хотя бы отчасти восполнить колоссальные потери, понесенные советскими войсками в боях за преодоление Карпат. Отсюда – попытка Молотова «полюбовно» договориться с Бенешем, на что тот, прежде всего по политическим соображениям, не пошел. 17 ноября 1944 г. Рипка телеграфировал Фирлингеру о том, что президент мог бы дать согласие на каждое отдельное добровольное вступление в ряды Красной Армии, но нельзя, чтобы это стало массовым явлением, «поскольку это сделало бы невозможным организацию нашей армии на нашей территории и получило бы характер политической акции, которая была бы неблагоприятна для нашего правительства и нашего государства в будущем»¹⁹⁴.

Нужно сказать, что у советского руководства были свои представления о том, как практически должна была действовать чехословацкая правительственная делегация на освобожденной территории ПР. Они исходили из долговременной заинтересованности СССР в этой области, но внешне базировались, как на статьях майского Соглашения, так и на необходимости решения первоочередных задач в ближайшем тылу советской армии. С этой точки зрения интересна беседа Фирлингера с Зориным 14 ноября 1944 г., записанная чехословацким послом. По его словам, позиция Зорина сводилась к следующему: «Наша (чехословацкая. – В.М.) новая администрация должна прежде всего стремиться поставить весь тыл на службу армии с точки зрения военной и хозяйственной. Всюду там, где это возможно, следует восстановить производство, работающее прежде всего на фронт. Делегат должен свои требования всегда обсуждать со штабом фронта, прежде всего с военным советом фронта, который состоит из ближайших сотрудников командующего фронтом и в компетенцию которого входят все важные политические и хозяйственные вопросы, касающиеся не только фронта, но

и всего тыла. Этот военный совет останется в контакте с нашей делегацией также и в зонах, на которые будут полностью распространяться полномочия делегата. Членом Военного совета является бывший редактор „Правды“, комиссар Мехлис, который имеет инструкции идти во всем навстречу нашей делегации. Там, где вопросы, предложенные нашим делегатом военному совету, будут превышать его полномочия, военный совет будет обращаться к Верховному Главнокомандованию Красной Армии, а оно же, в случае необходимости, далее – к правительству». Фирлингер так комментировал слова советского дипломата: «Из того, что мне говорил Зорин ясно, что нашей военной миссии, которая должна быть связующим звеном между командованием Красной Армии и нашей делегацией, выпадает важная роль (статья 4 Соглашения. – *В. М.*). Известно, что в свое время нами было заявлено Наркоминделу, что главой военной миссии при Красной Армии является генерал Гасал, а теперь, по приезде, мне Гасал сообщил устно, что он собственно главой миссии не будет, а будет в действительности выполнять функции главнокомандующего всеми нашими тыловыми воинскими формированиями. Я не исключаю, что подобная невыясненность компетенций, может нанести вред делу. Я полагаю, что важная функция главы военной миссии должна была бы быть поручена надежному и знающему русские условия высшему офицеру, и сожалею, что Гасал эту функцию не сохранил за собой, или же, что не был немедленно заменен подходящим лицом». С одной стороны, Соглашение, как мы видели выше, прямо не предусматривало деятельность Главнокомандующего чехословацкими тыловыми военными формированиями на освобожденной территории, но, с другой стороны, поскольку в обязанности правительственного делегата входило воссоздание чехословацких военных сил, нужен был и соответствующий военный орган для его реализации. Задачи чехословацкой военной миссии сводились Соглашением к роли связующего звена между командованием Красной Армии и правительственным делегатом. Видимо, сознавая это невыгодное для себя упущение в составленном им же тексте Соглашения, чехословацкое правительство еще в октябре 1944 г. просило Фирлингера и Пику урегулировать с советскими органами вопрос о предполагаемом перемещении на освобожденную территорию ЧСР чехословацкого главного командования во главе с Ингром. Москва сочла постановку этого вопроса не своевременной¹⁹⁵. Фирлингер был прав, полагая, что невыясненность компетенций Гасала может повлечь за собой много неприятностей. Так на практике и произошло.

Вышеупомянутая беседа Фирлингера с Зориним 14 ноября интересна еще и тем, что советский дипломат не исключил возможность пе-

реезда в ближайшее время чехословацкой правительственной делегации в Ужгород в связи с быстрым продвижением фронта на Запад. Посол заявил, что это было бы чрезвычайно важно для чехословацкой стороны¹⁹⁶. Видимо, в НКВД еще ничего не было известно о грядущих в ближайшее время на территории ПР событиях, и, возможно, они застали дипломатов врасплох. Во всяком случае, 16 ноября Фирлингер, сообщая в Лондон о беседе с Зориным, подчеркивал, что тот советовал не придавать значения факту набора добровольцев в Красную Армию, что речь идет «о действиях местных военных органов, которые, вероятно, не хотели отвергать априори добровольцев, выразивших желание вступить в Красную Армию, и предоставляли им информацию, куда они должны обратиться», а «что касается резолюций о присоединении к СССР, то это не имеет ничего общего с официальной политикой советского правительства, речь идет о спонтанных выступлениях, в чем Немец мог сам убедиться»¹⁹⁷. Спонтанность выступлений, не имеющих ничего общего с советской политикой – таков лейтмотив всех заявлений советских официальных лиц по поводу событий, разворачивавшихся на территории ПР.

Поскольку Фирлингер не делал никаких демаршей перед советским правительством, Пика, занимавший более жесткие позиции, сам попытался выяснить вопрос о наборе добровольцев в Красную Армию. 16 ноября он направил письмо заместителю Уполномоченного СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории СССР генерал-майору А. Белянову, в котором были изложены мотивы действий и намерения чехословацких военных на освобожденной территории ПР. В письме говорилось: «Понятно, что героические части Красной Армии принимаются на Подкарпатской Руси с огромным воодушевлением и с чувством благодарности как освободительнице населения от немецко-венгерской тирании и что население с радостью будет вступать в ряды Красной Армии. Также понятно, что при наборе в Красную Армию добровольцы смогут быть очень быстро отправлены на фронт, чтобы так отомстить немцам за преступления по отношению к ним. Эта быстрота подготовки и участия в боях решительно приветствуется в интересах совместной борьбы. С другой стороны, чехословацкие административные органы (правительственный делегат) объявили всеобщую мобилизацию чехословацких граждан в чехословацкую армию. Известно, что чехословацкий армейский корпус в последних двухмесячных боях в предгорьях Карпат на Дукельском перевале и южнее этого перевала понес весьма ощутимые потери, прежде всего, это касается пехоты, и что без радикального пополнения нельзя рассчитывать на сохранение чехословацкого армейского корпуса в пред-

полагаемом организационном виде. По мотивам военным и политическим чрезвычайно желательно, чтобы чехословацкий армейский корпус был быстро пополнен и мог успешно продолжать бои на чехословацкой территории как целое... На Подкарпатской Руси находится немного мужского населения (многие были угнаны в Венгрию), которого едва хватит для пополнения 1-го чехословацкого армейского корпуса». Пика просил освободить чехословацких граждан из частей Красной Армии и передать их в распоряжение чехословацкого военного командования на освобожденной территории (генерала Гасала) и резервного полка корпуса для быстрого пополнения его состава. Одновременно он предлагал проводить мобилизацию на освобожденной территории по соглашению между командующим фронтом и чехословацким правительственным делегатом, «чтобы население осознало законную обязательность чехословацкого призыва о мобилизации»¹⁹⁸.

Мотивировка была аргументированной. Из письма Пики не следовало, что предполагается создать какую-то «тыловую армию», не связанную с чехословацким корпусом. Через несколько дней Белянов сообщил, что набор в чехословацкую армию можно будет проводить также в оперативной зоне и что советские военные органы не намерены далее осуществлять этот набор, особенно, что касается Словакии¹⁹⁹.

Однако набор в Красную Армию не прекратился и продолжался, по сути, до конца 1944 г. 15 ноября состоялась новая встреча Немеца и Гасала с Петровым и Мехлисом. Командующий 4-ым Украинским фронтом выразил свое удивление по поводу того, что Немец постоянно возвращается к вопросу о наборе добровольцев в Красную Армию. Никакого ответа на свой запрос в Москву, по заявлению Петрова, он не получил, «поэтому считает весь вопрос для себя решенным». Немец настаивал на том, что это противоречит чехословацким законам, которым он обязан следовать. «Генерал Петров, – по словам Немеца, – мне на это заявил, что он только информировал меня о своем приказе, что он действовал в соответствии с советскими законами и считает тем самым вопрос для себя решенным. Свое решение он сообщил мне только для информации. Он просит, чтобы я к нему уже более не возвращался. На это я ему заявил, что также для его информации снова констатирую, что эти действия противоречат нашим законам, и поэтому я передаю все дело своему правительству в Лондон для его разрешения путем прямых переговоров с Москвой». Соответствующие телеграммы Немец направил в чехословацкое посольство в Москву 16 ноября, заявив, что сам он «в этот вопрос уже не будет вмешиваться»²⁰⁰.

Почему же, несмотря на явно конфликтную ситуацию, набор в Красную Армию продолжался? Ведь было ясно, что эта акция проти-

воречила майскому Соглашению и грозила ухудшением советско-чехословацких отношений. В известных автору документах советского происхождения (партийного и дипломатического характера) утверждается, что мужское население ПР призывного возраста, русские и украинцы, стихийно стремилось вступить в ряды Красной Армии, создавая даже очереди у пунктов набора добровольцев. Советскому командованию, дескать, ничего не оставалось, как пойти навстречу этому движению. Сообщения же в Лондон, направленные тайно членами чехословацкой правительственной делегации Галой и Ф. Круцким (офицером разведки) свидетельствуют об ином: набор проводился политработниками советской армии при поддержке коммунистов. Очевидно, в действительности имело место и то, и другое, но сегодня трудно (и даже невозможно) установить, какой из этих методов преобладал. Вероятно, в начальный период после освобождения и наблюдалось спонтанное стремление вступить в ряды армии-освободительницы, но потом, когда эйфория спала, эти настроения быстро пошли на убыль. На грани 1944–1945 гг. на территории ПР действовало 520 пунктов набора добровольцев, которые охватывали 640 населенных пунктов края. В ряды советской армии было мобилизовано 15–16 тысяч человек²⁰¹.

7. СОБЫТИЯ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ ОСЕНЬЮ–ЗИМОЙ 1944–1945 гг. В ОЦЕНКАХ МОСКВЫ И «ЧЕХОСЛОВАЦКОГО» ЛОНДОНА

Пополнению рядов Красной Армии содействовали и коммунисты, которые либо вышли из подполья, либо прибыли из СССР. Они-то, как правило, и возглавляли местные национальные комитеты (называемые также народные комитеты, народные рады), которые в массовом порядке возникали по всей ПР, как на восток, так и на запад от демаркационной линии. Восстанавливались и создавались заново местные организации компартии. «Огромную роль во всей экономической и политической деятельности населения Закарпатской Украины (в документах советского происхождения употребляется только это название. – В.М.) играют коммунисты, – говорилось в материале о политических событиях в Закарпатской Украине, подготовленном для Димитрова в январе 1945 г. – Коммунистическая партия является единственной политической партией на территории Закарпатской Украины, которая сохранилась организационно как единое целое. Коммунистическая партия в

своей практической работе с первого дня освобождения Закарпатской Украины от немецко-фашистских захватчиков проявила себя как руководящая и организующая сила народного движения за создание новой народной власти. Коммунисты провели повсеместно, где имелись партийные организации, выборы партийных органов – местных, заводских, городских и окружных»²⁰². По существу то же самое говорилось и в документе «Политическое положение в Закарпатской Украине», направленном в январе 1945 г. Димитрову начальником VII управления ГлавПУРККА генералом Бурцевым: «В качестве организаторов общественного мнения и выразителей желаний народа выступают закарпатские коммунисты»²⁰³. Формулировка была весьма точной: именно коммунисты, политически наиболее активная часть населения, взяли на себя роль «организаторов общественного мнения» и «выразителей желаний народа». Как всегда, они вещали от имени народа, но это вовсе не значит, что так оно и было.

Туряница, который, как говорилось ранее, уехав из Хуста, остался на территории, расположенной на запад от демаркационной линии, развернул здесь бурную деятельность. Он был избран заместителем председателя национального комитета в Мукачеве, содействовал началу издания коммунистической газеты «Закарпатська правда» и восстановлению сети коммунистических организаций. 7 ноября повсеместно торжественно отмечалась 27 годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. 12 ноября, в воскресенье, на всей территории ПР, были проведены собрания и митинги, на которых речь шла о присоединении к СССР, и принимались соответствующие резолюции. 16 ноября немец послал Петрову письмо по этому поводу. В нем говорилось, что Туряница, являющийся политическим советником чехословацкой правительственной делегации, провел собрание в Берегове, городе, находящемся вне зоны деятельности делегации. Немец просил извинения за действия своего советника, который так поступил «без моего ведома и согласия». Он просил также, поскольку никто из делегации этого сделать не может, передать Турянице наказ немедленно прекратить всякую деятельность за демаркационной линией и немедленно вернуться в Хуст»²⁰⁴.

Кроме того, Немцу стало известно, что Туряница организует созыв съезда национальных комитетов на 26 ноября. В связи с этим он направил новое письмо генералу Петрову. В нем говорилось, что на подведомственной Немцу территории проходят выборы делегатов на съезд, о котором он ничего не знает. Сообщалось также, что уже до этого им была созвана конференция делегатов районных национальных комитетов, действующих на территории восточнее демаркационной линии.

«Я, безусловно, хочу соблюдать соглашение о том, – говорилось в письме, – что за демаркационной линией мы ничего предпринимать не будем. Созванная на 26.XI. конференция это потребованное Вами соглашение нарушает»²⁰⁵. В тот же день Немец получил ответ Петрова, в котором перечислялся ряд нарушений соглашения, допущенных представителями чехословацкой правительственной делегации, и сообщалось, что наказ Турянице он передать не может, поскольку тот является «Вашим политическим советником», к тому же избранным местным населением в национальный комитет Мукачева. В ответном письме (18 ноября) Немец обещал расследовать все перечисленные Петровым нарушения соглашения и просил извинить его за неуместную просьбу относительно Туряницы. В специальном письме на имя Мехлиса Немец сообщал о созванной им на 21 ноября конференции делегатов национальных комитетов пяти районов, находившихся в зоне его деятельности. 19 ноября глава чехословацкой делегации получил телеграмму за подписью Петрова о том, что Мехлис находится в служебной поездке по войскам и вернется не ранее 22 ноября. Вслед за этим Командующий 4-ым Украинским фронтом пригласил Немца посетить штаб фронта 21 ноября в 13.30 по московскому времени для переговоров, уведомив его, что оперативная обстановка не позволяет провести совещание в другое время и что в связи с этим отозван из частей и Мехлис. Дата и время переговоров полностью совпадали с теми, на которые Немцем была назначена вышеупомянутая конференция. Поэтому он, извинившись, сообщил Петрову, что не может прибыть в штаб фронта в назначенные сроки, и просил перенести встречу на любое время 22 ноября. Однако после новой настойчивой телеграммы и телефонных переговоров Немец все же решил поехать в штаб фронта, поручив провести конференцию своим политическим советникам и чиновникам. Настойчивость советского командующего, видимо, объяснялась просто: в это время уже было принято решение о созыве съезда представителей национальных комитетов в Мукачево, о чем будет сказано далее, и началась подготовка к его проведению. Делегаты должны были прибыть и с территории, подведомственной Немцу. Цель была – воспрепятствовать проведению назначенной им конференции.

На встрече с Немцем и Гасалом 21 ноября с советской стороны присутствовали не только, как обычно, Петров и Мехлис, но также, по словам чехословацкого правительственного делегата, командующий тылом и «командующий охраной тыла (разведывательной службы)». Очевидно, речь шла о каком-то большом чине советской военной контрразведки СМЕРШ. Беседу начал генерал Петров, констатирующий, что свободное передвижение между обеими зонами не может

быть сохранено: неприятель уже в курсе осуществленных передислокаций советских военных частей, и следует установить жесткий режим по обе стороны демаркационной линии. После этого Мехлис указал на те «десятки случаев», когда с чехословацкой стороны было нарушено соглашение о ней. Конкретно, по словам Немца, были перечислены пять случаев и без всяких доказательств утверждалось, что «таких случаев имеется бесчисленное множество». «Командующий охраной тыла» заявил, что переход демаркационной линии представителями чехословацких военных органов носит массовый и нелегальный характер и что их действия в запретной зоне являются незаконными. Когда Немец поинтересовался, что подразумевается под словом «незаконный», советский генерал заявил, что «эти офицеры младшие командиры агитируют против вступления в Красную Армию». Немец обещал расследовать все указанные случаи и в свою очередь заявил о намерениях передавать имеющиеся у него претензии в штаб фронта.

Затем Мехлис пожаловался, что национальные комитеты в районах, подведомственных чехословацкой правительственной делегации, «слабо поддерживают Красную Армию в ее усилиях подавить венгров». Он заявил, что советские органы интернировали в этих районах около 9000 венгров, которые служили в венгерской армии, и что последние еще 7000. У них было найдено 25 минометов, 26 пулеметов и более 1000 ружей. Некоторые же национальные комитеты, например, в Хусте и Севлюше, венгров скрывали. Немец выразил сожаление по этому поводу и в свою очередь заявил, что подобные ситуации возникают в связи с неразберихой и хаосом на подведомственной ему территории, где действуют, по сути, две власти: советская и чехословацкая. Национальные комитеты поэтому пребывают в смятении и не знают, кого слушать. Трудности моей работы заключаются в том, – заявил Немец, – что я никогда не уверен в том, будут ли меры, которые я принимаю, сторнированы (аннулированы. – В.М.) местным комендантом²⁰⁶.

На следующий день после этой встречи 22 ноября Немец направил Мехлису телеграмму, в которой как бы подвел итог обсуждавшимся вопросам и изложил свое понимание ситуации. Зоны на восток и запад от демаркационной линии, писал он, являются ареной военных операций, «поэтому территория на восток от демаркационной линии не была передана под мое управление, и я на ней со своим аппаратом являюсь лишь органом связи между местными органами и советским командованием. Поэтому я со своей администрацией обязан принимать во внимание указания и приказы местных советских военных комендантов». То же самое относится и к созданию чехословацких вооруженных сил: «И в этом случае мы находимся на территории, которая нам еще не

была передана в гражданское управление, и нам следует поступать в соответствии с этим». До того времени, когда будет создан Земский национальный комитет и будут определены его отношения с правительственным делегатом, писал Немец, «я должен на собственную ответственность проводить мероприятия по поддержке военных усилий Красной Армии на территории, на которой я могу пока лишь в этой роли сотрудничать». Немец просил также сообщить, может ли он через Мехлиса направить на съезд национальных комитетов в Мукачево, назначенный на 26 ноября, свое письменное выступление. «Уверяю Вас, господин генерал-полковник, – значилось в телеграмме, – что после вчерашнего разговора в штабе я полностью осознаю более узкое ограничение моих полномочий, чем те, на которые я первоначально рассчитывал, принимаю это к сведению»²⁰⁷.

24 ноября Немец получил ответ Петрова на это свое письмо, в котором Командующий фронтом излагал свое видение ситуации. Он утверждал, что «освобожденная территория остается в зоне дивизионных и армейских тылов, где непосредственно ведутся военные операции». «Вы знаете, – писал генерал, – что никакой передачи территории, как об этом говорится в пункте 6 Соглашения, еще не было и не могло быть, поскольку освобождена незначительная часть территории. И мне кажется. Что Вы не поднимали вопрос о полной передаче Вам этой территории». Далее Петров утверждал, что действующие на восток от демаркационной линии советские комендатуры заботятся лишь о поддержании военного порядка и решении военных вопросов, а все вопросы внутреннего управления решает правительственный делегат: «издает приказы, распоряжения, созывает конференции, как считает нужным». «На всей территории Карпатской Украины, – говорилось в телеграмме, – нас занимают лишь военные вопросы, целью которых является улучшение ситуации в тылу, его очищение от взятых в плен венгров, немцев, венгерских жандармов и полицейских, которые еще недавно чувствовали себя особенно хорошо в районе на восток от запретной зоны и даже в разных местах проникли в органы местного гражданского управления. Это объясняется недостатком борьбы с этими элементами, среди которых обнаруживается много шпионов». Относительно необходимости сотрудничества правительственного делегата с Земским национальным комитетом, о чем писал Немец, Петров и Мехлис сообщали, что, во-первых, им о создании такого комитета ничего не известно, а, во-вторых, что этот вопрос их не касается и входит в компетенцию чехословацкой администрации. «Ваша просьба помочь Вам послать Ваше выступление на готовящуюся конференцию национальных комитетов, мне непонятна, – писал Петров. – Ни вопросы, ка-

сающиеся организации Земского национального комитета, о котором вы пишете, ни вопросы, касающиеся разных конференций, нас не касаются. Потому, что у нас своей работы по горло, и не годится, чтобы командование вмешивалось в гражданские дела и просило мукачевскую гражданскую администрацию о вещах, которые касаются чехословацкого правительственного делегата»²⁰⁸. Телеграмма была подписана Петровым и Мехлисом. Немец, не желавший обострения уже далеко зашедшего конфликта, в своем ответе от 26 ноября, по сути, соглашался со всем сказанным советским командующим фронтом, просил извинения за то, что говорил «об управлении освобожденной территорией, хотя эта территория в управление не была передана, поскольку все еще находится в зоне военных действий армейских и дивизионных тылов». Он просил также сообщить мнение о том, имеются ли уже предпосылки «для полной и формальной передачи территории за демаркационной линией» в управление правительственного делегата «в смысле майского соглашения с.г.».

Советские военные власти брали на себя, по сути, все функции, связанные с организацией жизни, как на запад, так и на восток от демаркационной линии. Среди гражданских лиц главной их опорой были коммунисты. 19 ноября в зале местного театра г. Мукачево состоялась первая конференция компартии Закарпатской Украины (КПЗУ), на которой присутствовало 294 делегата и 124 гостя. Среди делегатов было 35% рабочих, 50% – крестьян и 15% – представителей трудовой интеллигенции. Конференция приняла резолюцию «О воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». Следует отметить, что в русских переводах документов, поступавших в ОМИ ЦК ВКП(б), используется термин «воссоединение», а в чешской редакции того времени говорится «об объединении». В резолюции подчеркивалось, что закарпатские украинцы сначала вопреки их национальному стремлению были присоединены к Чехословацкой республике, а затем отданы «в венгерское рабство». Говорилось о желании и требовании воссоединиться (объединиться) «со своим старшим братом – народом Советской Украины»: «Отныне мы не малый народ, который нуждается в опеке. Мы – составная часть великого украинского народа».

В резолюции об очередных задачах компартии Закарпатской Украины в качестве основной значилась «организация сил народа для окончательного разгрома гитлеровской Германии, уничтожения фашистской тирании и разрешения национальных, культурных и социальных вопросов путем объединения с Советской Украиной». Указывалось на необходимость конфискации и бесплатной передачи земли в собственность безземельных и малоземельных крестьян, а также скорейшее

восстановление лесной и деревообрабатывающей промышленности. КПЗУ ставила своей задачей улучшить материальные и бытовые условия жизни рабочих, служащих и интеллигенции, установить 8-часовой рабочий день и гарантировать работу всем трудящимся. В резолюции содержался призыв восстановить деятельность профсоюзных организаций, помочь открытию школ на основе принципа обязательного бесплатного обучения всех детей на их родном языке, а также созданию Государственного университета Закарпатской Украины и ряда других высших учебных заведений. Конференция обязала все партийные организации развернуть широкую работу по увеличению рядов партии за счет привлечения в ее ряды передовых рабочих, партизан, безземельных и средних крестьян, а также лучших представителей национальной интеллигенции. Намечалось создание организаций трудящейся молодежи трудящегося крестьянства.

Конференция направила письмо Сталину, в котором содержалась благодарность за освобождение и говорилось о мечте «навекы слиться с нашими братьями из Советской Украины»: «Только Вы, Иосиф Виссарионович, только украинский и русский народы могут понять наши чувства и наши стремления... Верните нас в лоно нашей матери-родины – Украинской державы. Народ наш вечно будет благодарен Вам за эту помощь». Письмо о желании воссоединиться «с великим украинским народом» было направлено также первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву, который именовался «вождем украинского народа, вождем украинских большевиков». Конференция посылала «братский привет ЦК ВКП(б) и ее гениальному вождю т. Сталину». Это приветствие было доставлено адресату. С ним ознакомились также Молотов, А.С. Щербаков, Г.М. Маленков²⁰⁹.

На конференции был избран Центральный комитет коммунистической партии Закарпатской Украины (ЦК КПЗУ) в составе 24 человек. Его секретарем стал И.И. Туряница, поддерживавший тесные контакты с советскими военными властями. В руководство КПЗУ входили как прибывшие из СССР, так и местные коммунисты. Что представляли собой эти люди, видно из кратких характеристик, которые были составлены на основе данных, присланных Мехлисом Димитрову в ОМИ ЦК ВКП(б) и личных дел, имевшихся в отделе. Приведем некоторые сведения из этих характеристик, помеченных грифом «совершенно секретно». Туряница (он же – Туреф И.И.): родился в 1901 г. в Мукачево, украинец, из рабочих, в 1925–1930 гг. прошел путь от низового партработника до секретаря областного комитета КПЧ в Ужгороде; в 1930–1933 гг. учился в Коммунистическом институте журналистики в Харькове; в 1933–1939 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов, член край-

кома КПЧ; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, офицер политпросвещения в 1-ом чехословацком армейском корпусе; «имеет большой опыт оргмассовой и руководящей работы, политически развит, теоретически подготовлен, пользуется авторитетом в партийных рядах и популярностью в стране». Вайс Самуил (он же – Варга Ш., Весели В., Вольф К., Кольбен) родился в 1899 г. в Венгрии, из рабочих, образование высшее, по профессии бухгалтер, член ЦК КПЧ с 1921 г.; в 1934–1935 гг. учился в Международной ленинской школе, в 1935–1936 гг. – секретарь крайкома Красных профсоюзов в г. Нитра, затем – секретарь крайкома КПЧ в Мукачево и Ужгороде; с 1939 г. – политэмигрант в СССР, работал на предприятиях в Ворошиловграде и Алма-Ате, затем в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б), откуда осенью 1944 г. был командирован в ЗУ, «политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, в партработе инициативен». Ледней И.Д. (он же – Оленич Василь), родился в 1904 г. в ЗУ, из семьи батрака, украинец; в 1930–1934 гг. учился в совпартшколе в Киеве и институте журналистики в Харькове; в 1934–1939 гг. на партийной работе в ЗУ; с 1939 г. – в СССР, с 1941 г. – доброволец в РККА (специальная служба), затем – в чехословацкой части на территории СССР; «политически развитый и теоретически подготовленный товарищ, имеет опыт оргмассовой и руководящей работы в легальных и нелегальных условиях». Мацканюк М., родился в 1908 г. в ЗУ, украинец, окончил 5 классов народной школы и 3 года (1929–1932 гг.) учился в совпартшколе в Киеве, с 1932 г. – член КПЧ; в 1939 г. приехал в СССР без разрешения партии, за что в марте 1940 г. получил выговор, работал на заводе Ростсельмаш в Ростове на Дону, «имеет опыт пропагандистской и оргмассовой работы, теоретически подготовлен». Климпотюк Н.В. (он же – Тиссин К.В.), родился в 1906 г. в ЗУ, украинец, из рабочих, с 1929 г. – член КПЧ, в 1931–1935 гг. учился в совпартшколе в Киеве и Институте журналистики в Харькове, в 1936–1939 гг. – редактор «Карпатской правды» и секретарь окружкома КПЧ, 1939–1944 гг. – политэмигрант в СССР, «политически развит, теоретически подготовлен, партии предан, имеет опыт работы в легальных и нелегальных условиях». Совпартшколу в Киеве (1930–1933 гг.) окончили также Тимко А. и Ваш И. В 1926 г. один год в партийной школе в Харькове учился Фушич В., который в 1927 г. возвратился в ЗУ на партполитработу, а в 1936 г. стал депутатом парламента от КПЧ. В одной справке о нем говорилось: «политически развит, неплохой агитатор и организатор». В другой значилось: «После перехода партии на нелегальное положение остался в г. Иршава, стал пить и открыто заявлял, что работа партии его больше не интересует. Впоследствии был интернирован венграми». С 1939 по 1944 гг. в СССР находилась Борканюк Ц., работавшая на различных предприя-

тиях, а в 1943–1944 гг. – в НИИ-205 при ОМИ ЦК ВКП(б). Варга П. (он же – Шалек Р.), член КПЧ с 1921 г., в 1936 г. – член ЦК КПЧ, характеризовался как «политически развитый, честный и преданный партии товарищ, имеющий большой опыт работы среди крестьян». Положительно оценивались и другие члены ЦК КПЗУ: Гандера М., Тараконич Д. (в 1936 г. – секретарь КСМ ЗУ, «инициативный и преданный партии товарищ»), Раточка И., Вакула Ю., Теслович В. (член КПЧ с ее основания), Желизко И., Шимон Я. («выдержанный коммунист, имеет богатый опыт в партийной работе, но теоретически мало подготовлен»), Пупчак М., Черничка М. (член КПЧ с 1921–1922 гг.). Имели место и накладки, как, например, с Мартой Терполь, из крестьян, «теоретически и политически слабо развитой». С момента оккупации она находилась в СССР, осенью 1944 г. работала в газете, издаваемой 1-ым армейским чехословацким корпусом, и в ЦК КПЗУ, по словам Мехлиса, была избрана «заочно и ошибочно, так как она беспартийная»²¹⁰.

Именно эти, в большинстве достаточно подготовленные и преданные идеям коммунизма люди, начали развертывать работу по организации деятельности компартии на территории ПР, проведению агитации и пропаганды за ее присоединение к СССР, созданию национальных комитетов (народных рад). В справке о политическом положении в ЗУ, составленной старшим инспектором 7-го управления ГлавПУРККА В. Медовым в январе 1945 г. говорилось: «По мере освобождения городов и сел Закарпатской Украины повсеместно создавались городские, районные и сельские народные комитеты. В большинстве случаев они возникали без участия и очень часто вопреки желаниям уполномоченного чехословацкого правительства г-на Немеца. Народные комитеты сразу после их возникновения брали власть в свои руки, устанавливали контакт с представителями советского командования, от которых они получали всяческую помощь и поддержку». Механизм реализации удобного Москве сценария развития событий в ЗУ обозначен здесь предельно точно: коммунисты + советское военное командование. «Движение народных масс за создание своей народной власти, – говорилось в справке, составленной 9 января 1945 г. И. Медведевым для Димитрова, – повсюду возглавляли коммунисты, получившие возможность в легальных условиях развернуть активную политическую деятельность»²¹¹. Хотя точных данных на этот счет нет, но надо полагать, что национальные комитеты и возглавлялись в большинстве своем коммунистами. Ознакомившись с докладом Медова, Димитров сделал краткие заметки: «от Ужгорода до Кремля – советская земля. Этот лозунг популярен среди закарпатских украинцев... т.т. Вайс и Туряница создают национальные комитеты, которые выбираются на сходах.

В них входят главным образом коммунисты»²¹². Вместе с тем Й. Кроснарж, посетивший по поручению Загранбюро КПЧ Закарпатскую Украину в конце ноября 1944 г., в своем отчете о поездке писал: «В первый же момент после освобождения во всех городах, деревнях и местечках демократическим путем были избраны национальные комитеты. Были проведены собрания всех граждан с широким участием в них всех слоев народа и были выбраны городские и окружные комитеты. Состав этих комитетов действительно демократический. Наряду с крестьянами и рабочими в них имеются представители интеллигенции и церкви всех здешних вероисповеданий... Наибольшими симпатиями здесь пользуется Коммунистическая партия Закарпатской Украины, она – единственная политическая партия, которая тут существует»²¹³.

Под руководством коммунистов и начало разворачиваться и движение за присоединение ПР к Советскому Союзу, Советской Украине. На собраниях одновременно с выборами местных национальных комитетом принимались и резолюции с просьбами о включении ПР в состав СССР. «Это мнение всенародное, так как оно охватывает 95% всего населения», – писал Кроснарж в отчете. Активно включилась в пропаганду этой идеи и ежедневная коммунистическая газета «Закарпатська правда» (редактор – вышеупомянутый Климпотюк, тираж – сначала 4000, а после 24 ноября 1944 г. – 8000 экземпляров). Об этом свидетельствует, в частности, и подборка статей из нее за ноябрь–декабрь 1944 г., присланная в ОМИ ЦК ВКП(б). Так, например, описывая концерт бригады артистов Академического Большого театра СССР в зале театра г. Мукачево, газета писала 4 ноября 1944 г.: «С Украиной нас роднит общность истории, языка, культуры, национальных традиций, народных обычаев... Украина! Украина! Родная мать! Пусть соединятся все украинцы в единой семье, в единой державе!». 17 ноября на страницах газеты было опубликовано обращение командира партизанского отряда В. Диянича к Сталину, озаглавленное «С думой о родине». В нем говорилось: «Выслушайте и поймите нас, Иосиф Виссарионович! Примите нас в свою семью... Вы нас возродили, ибо до сих пор мы почти мертвыми были. Поэтому и обращаемся к Вам, как к отцу родному... Возьмите нашу бедную, маленькую страну гор и деревень в „Союз нерушимый республик свободных“. Мы разроем Карпаты, если они окажутся препятствием к этому, мы разобьем все преграды, если только услышим Ваше отцовское: Да!»²¹⁴.

Отдел внешних сношений НКО СССР направил НКВД СССР 26 ноября 1944 г. копии с лент телеграмм, адресованных Сталину, с просьбой о присоединении ЗУ к Советскому Союзу: народный совет села Золотарево (12.11.44. Подписи 60 человек), собрание г. Волове

(19.11.44. 70 подписей), митинг крестьян села Сенеvir Воловского округа (226 подписей), петиция граждан села Горяны («хотим строить свою жизнь и свое счастье под Вашим отцовским руководством», 17.11.44. 48 подписей), село Королева над Тиссой («Мы все, как один, просим, чтобы нас великий советский народ взял под свою опеку и принял нас, закарпатских украинцев, в состав Советского Союза, потому что считаем себя украинцами и русскими, а не чехами». 25.11.44. 147 подписей), представители народного комитета Тячевского округа (19.11.44. 366 подписей), жители села Голубиногo Свалявского округа (19.11.44. 371 подпись) и т.д.²¹⁵ Следует отметить, что резолюции и обращения хотя и были аналогичны по сути, по форме отличались друг от друга, т.е. тексты их писались по заданию, но не под копирку. Можно ли из этих и других подобных материалов сделать вывод, что 95% населения ЗУ, как говорится в отчете Кроснаржа, выступало за присоединение края к УССР? Очевидно, нет. И.И. Поп, например, считает, что по этому вопросу население ЗУ разделилось на три неравные группы: последовательных сторонников, пассивных противников и индифферентных²¹⁶. К сожалению, он не говорит, как конкретно выглядело это неравенство. С. Виднянский (Киев) и М. Гайдош (Прешов, Словакия) пишут, что в историографии до сих пор дискутируется вопрос о том, было ли движение за присоединение ЗУ к УССР действительно массовым или лишь одним из политических направлений, не охватывавшим даже треть политически активного населения²¹⁷. Думается, что дать ответ на этот вопрос чрезвычайно трудно, а, может быть, и просто невозможно.

На собраниях и митингах, принимавших резолюции о присоединении ПР (ЗУ) к СССР, одновременно выносились решения о ее выходе из состава Чехословакии. Так, например, на общем городском собрании жителей Ужгорода было принято обращение к Бенешу (письмо на русском языке опубликовала газета «Закарпатська Україна» 15 ноября 1944 г.), в котором наряду с сердечным приветом и наилучшими пожеланиями содержалась просьба помочь осуществить единую волю закарпато-украинского народа воссоединиться с Советской Украиной²¹⁸. 25 ноября Бенеш получил отправленные открытым текстом телеграммы жителей двух населенных пунктов ПР с просьбой поддержать ее присоединение к Украине. «Ни на что я отвечать не буду и наши органы пусть тоже не отвечают, – сообщал Бенеш свою позицию Фирлингеру в тот же день. – Все это будет обсуждаться между нами на мирной конференции. Пока же существует обязательство относительно домюнхенских границ. Я только удивляюсь тому, что советская цензура эти депеши пропустила с „украинского фронта“. У британской цензуры они уже также имеются, и я ожидаю, что как только это здесь

станет необходимым, это будет использовано. Мы публично обо всех этих вещах будем хранить молчание». Таборский в связи с депешей записал в дневнике: «Я спросил по этому случаю президента, как он на все это смотрит. „Вот теперь и увидим, сказал он, – думал ли Сталин искренне в 1943 г. или же хотел нас лишь обмануть. Или же Москва не имеет такого влияния на военных, как мы думаем, и не хочет их дезавуировать, или же они (в Москве. – В.М.) обманщики“»²¹⁹.

Немец, осознав всю сложность ситуации, 23 ноября направил телеграмму-молнию Фирлингеру в Москву для пересылки ее в Лондон. Как было выяснено впоследствии, эту телеграмму чехословацкое посольство получило только 5 декабря. Все депеши правительственного делегата шли по линии военной связи, и это послание, а также ряд других, были, видимо, попридержаны и не дошли вовремя до адресата. Немец сообщал своему правительству, что по всей Карпатской Украине распространяется листовка под названием «За объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной», содержащая резолюцию Коммунистической партии Закарпатской Украины от 19 ноября 1944 г.: «В смысле этой резолюции на запад и восток от демаркационной линии подписываются заявления населения городов и деревень». Далее Немец сообщал, что на 26 ноября в Мукачево назначен съезд представителей национальных комитетов обеих зон и что все делегаты получили пропуска от советских комендантов. Немец запрашивал инструкции относительно своих дальнейших действий и информировал правительство о том, что обратился к командованию фронта с просьбой дать ему возможность немедленно вылететь в Москву²²⁰. В тот же день он направил телеграмму Мехлису. В ней также говорилось об агитации за присоединение Карпатской Украины к СССР, о предстоящем съезде в Мукачево, подчеркивалось, что, несмотря на запрет перехода из одной зоны в другую, разрешение на пересечение демаркационной линии от военных комендантов получили все делегаты с территории на восток от этой линии: «Запрещение переходить эту линию направлено, таким образом, односторонне против членов делегации чехословацкого правительства, которым также запрещено установить контакт с участниками съезда или самим съездом». Далее в телеграмме говорилось: «Я также убежден, что Вам известно содержание распространяемой листовки с решением коммунистической партии, поскольку Вы сами констатировали, что без военной цензуры на освобожденной территории Карпатской Украины не может быть выпущено ни одно печатное издание». Немец подчеркивал, что распространение листовки с подобным содержанием находится в явном противоречии с советско-чехословацким Соглашением, и просил дать ему возможность вылететь в

Москву. К телеграмме прилагался письменный текст возможного выступления на съезде правительственного делегата, в котором разъяснялись его задачи и отношение к будущему украинского народа: «Чехословацкое правительство стояло и стоит на той позиции, что внутреннее урегулирование отношений в республике будет делом собственно решения свободно избранных представителей того или иного славянского народа республики... Я не намерен вмешиваться в ваши внутренние дела. Вы их решите, как только республика будет освобождена и когда возникнут условия для проведения нормальных выборов представителей вашего народа»²²¹. Мехлис на телеграмму не ответил. Текст выступления Немца съезду передан не был. Почему? Очевидно, потому, что сценарий дальнейшего развития событий был уже готов, и роль чехословацкого правительственного делегата в нем отсутствовала.

Трудно себе представить, чтобы о всем происходившем на освобожденной территории ПР не были осведомлены на самом верху, в Кремле, чтобы об этом не знал Сталин. Хотя полных данных о том, какие сведения ложились ему на стол, пока нет, но известно, что из секретариата Молотова такая информация ему поступала и не могла не привлечь его внимания. Также трудно вообразить, чтобы «военные», Петров и Мехлис, действовали вопреки воле Сталина: ведь вопрос лежал не в военной, а в политической плоскости, и тут его слово, как, впрочем, и везде, было законом. Но советский лидер пока предпочитал роль стороннего наблюдателя, выжидая дальнейшего развития событий в ПР и реакции на них со стороны чехословацкого правительства и мировой общественности. Разыгрывавшийся сценарий должен был быть реализован по инициативе и руками «низов», как в случае с Западной Украиной, Западной Белоруссией и прибалтийскими странами.

Одновременно с движением за присоединение ПР к УССР началась античешская, античехословацкая кампания, подхваченная в печати. 18 декабря 1944 г. Димитров получил подборку материалов, в том числе и из газеты «Закарпатська Україна», о резких выпадах против чехословацкого правительства и его делегата на освобожденной территории. «Чехи не будут хозяйничать на нашей земле», – писал учитель А. Булице в номере газеты от 23.11.44, осуждая поведение бывшего чехословацкого коменданта г. Рахов, который арестовал православного священника Г. Шелевера, агитировавшего за вступление в Красную Армию и ратовавшего за воссоединение с братской Украиной. Жители Рахова провели митинг протеста, в котором участвовало более тысячи человек. В принятой резолюции выдвигалось требование ареста чехословацкого коменданта, проведения следствия и привлечения виновных к ответственности. Священник был освобожден, а комендант бежал из города.

«Они предали нас» называлась статья агронома В. Глуханича (возможно, и агроном, и учитель были вымышленными фигурами. – В.М.) в том же номере газеты. В ней говорилось: «Чехи насильно превратили нашу Закарпатскую Украину в свою колонию. Чехи заставили украинцев гнуть на себя спину. И всюду – в учреждениях, на предприятиях, в сельском хозяйстве – украинцы могли выполнять только черную работу... Чехи любят говорить о демократии. На самом же деле и в период республики демократии не было... Сегодня я полным голосом выношу обвинение чехам». «Довольно с нас чужих порядков, – говорилось в резолюции общего собрания жителей г. Берегово и Береговского района 20 ноября 1944 г., – наше счастье и наша свобода будут только тогда полными, если мы избавимся не только от мадьяризации, но и от хитроумной политики чехизации, которую проводили чешские реакционеры»²²². Следует заметить, что античехословацкая кампания была развернута в преддверии съезда национальных комитетов Закарпатской Украины, который, как уже говорилось, готовился коммунистами при поддержке советского командования на 26 ноября 1944 г. В обобщающих материалах о событиях на Закарпатской Украине, подготовленных НИИ-205 для ОМИ ЦК ВКП(б) в марте 1945 г., по этому поводу говорилось: «В информациях и газетных материалах, поступавших из Закарпатской Украины в первые недели после освобождения, Чехословакия почти не упоминается... в первый период, до съезда народных комитетов... население Закарпатской Украины не проявляло недружелюбного отношения к Чехословакии. Однако явно не было и никакого сотрудничества с чехословацкой правительственной делегацией»²²³. Античехословацкие настроения подогревались главным образом в печати, по всей видимости, искусственно. Говоря современным языком, при поддержке советских военных властей была развернута мощная «пиар-кампания» против сохранения Подкарпатской Руси в составе восстановленной Чехословацкой республики.

В назначенный день, 26 ноября 1944 г. в Мукачево состоялся съезд Народных комитетов Закарпатской Украины. В советских документах и литературе он именовался именно, как съезд народных, а не национальных комитетов. В его работе участвовало 663 делегата. Съездом фактически руководили, как, видимо, правильно считают Виднянский и Гайдош, политические органы советской армии во главе с Мехлисом, Л. Брежневым и полковником И. Тюльпановым, а также такие высокопоставленные советские функционеры из Киева, как А. Чеканюк (впоследствии – ректор Высшей партийной школы при ЦК КП(б)У, А. Тканко – партизанский командир (вскоре – командир созданных в ЗУ народных дружин), майор Левко, который контролировал деятель-

ность молодежных коммунистических организаций в крае. Самое активное участие в подготовке съезда приняла КПЗУ во главе с Туряницей²²⁴. Немец, как уже говорилось, не получил возможность даже представить на съезд свое письменное выступление.

Делегаты съезда были единодушны в своем мнении видеть Закарпатскую Украину в составе СССР. Для многих выступлений были характерны античешские, античехословацкие настроения, что подчеркивалось затем и коммунистической прессой, в частности газетой «Закарпатська правда». Этот мотив, зазвучавший в речи Туряницы, был подхвачен и другими. Делегат О. Тимко, например, говорил: «Свобода – что может быть более ценно? Эту свободу принесла нам Красная Армия Советского Союза. Чехи не только не дали нам свободу. Они нам угрожали, они откровенно говорили: Если хотите свободу, мы сметем вас с лица земли (выкрики: не смели и не сметут). Присоединимся к тому народу, который нас всегда будет считать за людей, себе равных». Делегат В. Похван заявил: «Чехи нам не будут диктовать... Кто нам принес свободу? Чехи? Нет. Свободу нам дали наши кровные братья – русские и украинцы. И самих чехов освобождает Красная Армия, в которой, между прочим, состоит уже немало карпатоукраинцев, которые добровольно служат в советской армии. Так, почему, по какому праву нам должны диктовать чехи? У них нет на это права». В том же духе выступал и делегат Ю. Сикура: «Сегодня чехи снова хотят прийти сюда и править нами. В некоторых наших городах и деревнях они уже попытались посадить своих чиновников, установить старый режим. Мы должны покончить с этим. Наш народ и избранные им народные комитеты являются единственной законной властью, которая может устраивать нашу жизнь»²²⁵.

Съезд единодушно принял постановление, гласящее: «1. Воссоединить Закарпатскую Украину со своей великой матерью Советской Украиной. 2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик включить (в последующих публикациях документа это слово было заменено на «принять». – *В.М.*) Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики. 3. Избрать Народную Раду (в дальнейших публикациях – Народный Совет. – *В.М.*) как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины. 4. Уполномочить и обязать (слово «обязать» в дальнейших публикациях исключено. – *В.М.*) Народную Раду Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине»²²⁶. Это постановление, принятое единогласно, было затем включено в Манифест съезда, который отправил приветствия мар-

шалу Сталину, Красной Армии, президиуму Верховного Совета УССР (М.Е. Гречухе), Совету Народных комиссаров УССР (Хрущеву). С Манифестом, судя по материалам, направленным Димитрову, было ознакомлено все взрослое население ЗУ. К 1 января 1945 г. его подписало более четверти миллиона человек²²⁷. Это число, составлявшее 50% всего взрослого населения края, по мнению Виднянского и Гайдоша, могло быть в целом реальным, «если учесть опыт организаторов подобных акций, при проведении которых не стеснялись применять методы давления и сознательного обмана людей»²²⁸.

Съезд избрал Народную Раду Закарпатской Украины (НРЗУ), из 17 членов которой 10 были коммунистами. Председателем Рады был избран Туряница, он же – секретарь КПЗУ. Его заместителями стали П. Сова, юрист по образованию, председатель Ужгородского народного комитета, недавно принятый в ряды компартии, и профессор П. Линтур, окончивший Пражский Университет преподаватель богословия и литературы, в прошлом – член комсомола Чехословакии, в 1944 г. – узник концлагеря, после освобождения – член Хустского городского народного комитета. В краткой характеристике Линтура, подготовленной для ОМИ ЦК ВКП(б), значилось: «Настроен твердо за воссоединение с Советским Союзом. По вопросу о воссоединении с Советской Украиной часто допускал ошибки, являясь сторонником прорусского течения и утверждая, что русины – русские, а не украинцы. Недавно принят в ряды компартии». Таким образом, председатель НРЗУ и два его заместителя были коммунистами. Они же получили и важнейшие посты: внутренних дел и государственной безопасности (И. Ваш), сельского хозяйства (Д. Тарахонич), промышленности и торговли (С. Вайс), просвещения (И. Керча), коммунального хозяйства (П. Сова), без портфелей (В. Теслович и Ц. Борканюк). Финансовые вопросы были поручены Г. Ивашко, беспартийному юристу, служившему в период венгерской оккупации финансовым советником. Лесное хозяйство курировал юрист Н. Цуперек, в прошлом – член КПЧ, интернированный в 1944 г. в г. Сигет. Юрист С. Борецкий, в прошлом член Коммунистического Союза молодежи Чехословакии, участник партизанского движения, с ноября 1944 г. – председатель Перечинского городского народного комитета, ведал делами юстиции. Беспартийный юрист Г. Русин, с ноября 1944 г. – член Мукачевского городского народного комитета, занимался вопросами путей сообщения. Здравоохранение возглавил медик по образованию И. Керечанин, интернированный венграми за неблагонадежность. Ведомство социального обеспечения возглавил юрист Ф. Чекан, оказывавший помощь партизанам и подвергавшийся за это арестам. Священник православной церкви И. Кополович возглавил комиссию по расследова-

нию зверств оккупантов (в характеристике говорилось: «Работает очень активно. Добивается приема в ряды компартии, пока не принят из тех соображений, что ему временно лучше выступать как беспартийному в составе Народной Рады»). М. Молдавчук, беспартийный инженер, в прошлом – социал-демократ, пока поручений не имел²²⁹.

НРЗУ официально довела до сведения командующего 4-ым Украинским фронтом генерала Петрова о состоявшемся в Мукачево съезде и принятых им решениях, хотя, конечно же, ему обо всем этом было известно заранее: в противном случае проведение съезда было бы запрещено. «Народная рада Закарпатской Украины, – говорилось в письме, – являясь единой и законной центральной властью Закарпатской Украины, просит за всеми вопросами, которые касаются Закарпатской Украины, обращаться только к нам по адресу: Мукачево, ул. 26-ого Октября, № 51»²³⁰. Некоторые исследователи, в том числе и Поп, заявление НРЗУ о том, что она является «единой и законной властью Закарпатской Украины», трактуют как создание некоего временного «буферного» государственного образования²³¹, которое с точки зрения государственно-правовой принадлежности оказалось как бы в вакууме: было провозглашено отделение от Чехословакии, но еще не принято решение об официальном вхождении в СССР (УССР). Однако, следует отметить, что ни НРЗУ, ни советские органы никогда не предполагали и тем более не заявляли о намерении создать «самостоятельное», даже временно существующее, государство на территории Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины).

В подробной телеграмме от 28 ноября 1944 г. немец информировал свое правительство о ходе мукачевского съезда и принятых им решениях. Но «блокада» чехословацкой правительственной делегации продолжалась, и немец, по его словам, несмотря на все усилия, не мог получить никаких сведений ни о позиции своего правительства, ни о позиции советских органов. Между тем, советское командование продолжало предъявлять Немцу все новые претензии, связанные с нарушениями советско-чехословацкого соглашения, прежде всего, военными представителями чехословацкой администрации. Претензии касались, в частности, неразрешенных советскими военными органами переходов демаркационной линии, попыток проведения мобилизации в чехословацкую армию и агитации против добровольного вступления в Красную Армию на запад от этой линии, хранения оружия и боеприпасов населением в зоне деятельности правительственной делегации, укрывательства венгров и немцев перед отправкой в лагерь для военнопленных на этой территории, перемещения в Хуст так называемого резервного полка без согласия командования фронта и т.д. немец по-

сылал «объяснительные телеграммы» по каждому конкретному факту и извинялся за случившееся. Петров и Мехлис, подписывавшие телеграммы на имя правительственного делегата, утверждали, что командование фронта интересуется только решение военных вопросов в обеих зонах освобожденной территории ПР, а проведение различных конференций его, дескать, не касается. Конечно, это было, мягко говоря, лукавство: если без согласия советских военных властей на этой территории не могло появиться ни одно печатное издание, то что же говорить о съездах, на которые приглашались делегаты со всего Подкарпатья. Хотя было очевидно, что без ведома командования фронта ни один из вышеупомянутых съездов не мог состояться и что оно поддерживает отношения с избранными ими органами, ЦК КПЗУ и НРЗУ, но в депешах Петрова и Мехлиса на имя Немца фарисейски утверждалось, что командование «со своими пожеланиями и потребностями будет обращаться исключительно к правительственному делегату»²³².

Конфликт казался неразрешимым. 1 декабря Немец направил новую телеграмму чехословацкому посольству в Москве. В ней сообщалось. Что национальные комитеты получили приказ прекратить сотрудничество с правительственной делегацией. «Я сам не хочу ничего делать против их воли... Я не могу взять на себя дальнейшую ответственность», – писал Немец и просил договориться о его вылете в Москву или Лондон²³³.

В тот же день с нарочным он получил письмо, подписанное Туряницей и датированное 30 ноября 1944 г. В нем Народная Рада предлагала чехословацкому правительственному делегату и всему его гражданскому и военному аппарату в трехдневный срок покинуть территорию Закарпатской Украины. «В случае неподчинения нашему категорическому решению и нашему требованию, – говорилось в письме, – мы вынуждены будем предпринять дальнейшие шаги, со всеми для Вас из этого вытекающими последствиями»²³⁴. После получения этого приказа Немец отправил телеграмму-молнию чехословацкому посольству в Москве. В ней он сообщал о своем намерении добиться встречи с командующим 4-ым Украинским фронтом Петровым, так как съезд работал на территории, где деятельность правительственной делегации была запрещена. Поскольку, по словам Немца, он не хотел принимать каких-либо решений, которые могли бы нарушить советско-чехословацкое соглашение, правительственный делегат снова настаивал на получении инструкций относительно своей дальнейшей деятельности. 2 декабря он отправил ответ Народной Раде, в котором выразил желание сотрудничать с ней по всем практическим вопросам экономического и социального характера, исключая вопрос о государствен-

но-правовом положении Карпатской Украины, который, по его словам, может быть решен лишь правительством. Немец сообщал, что информировал его о решениях мукачевского съезда и ждет дальнейших инструкций. Ответ Немца передал лично Турянице политический советник делегации коммунист Й. Вало. В разговоре с ним Туряница угрожал, что в случае отказа добровольно покинуть Карпатскую Украину, делегация будет выдворена с ее территории²³⁵.

Однако этого не случилось. 3 декабря по настоятельной просьбе Немца состоялась его встреча с Петровым и Мехлисом. Последние, всячески демонстрируя свою непричастность к случившемуся, лицемерно, по другому это нельзя назвать, заявили, что для них само собой разумеющимся и единственным лицом, с которым они намерены вести переговоры, остается чехословацкий правительственный делегат, и это его дело, как он урегулирует отношения с местными властями. Мехлис даже предложил послать роту советских солдат для охраны делегации, от чего Немец отказался²³⁶. После этой встречи он снова попытался наладить отношения с Народной радой в целях решения некоторых практических вопросов организации жизни на освобожденной территории. Из этого ничего не вышло. Туряница отверг сотрудничество, заявив, что все важные вопросы они будут решать сами. 5 декабря НРЗУ приняла постановление о прекращении связей народных комитетов Закарпатской Украины с уполномоченным правительства Чехословацкой республики д-ром Немцем и его гражданским и военным аппаратом, временно находившемся в Хусте. Комитетам предписывалось «исполнять указания исключительно Народной Рады и поддерживать правительственный контакт только с нею». Вместе с тем, 6 декабря Народная рада направила Немцу письмо, в котором просила немедленно переслать президенту Чехословацкой республики Э. Бенешу приложенное послание. В нем до сведения президента доводился принятый на съезде народных комитетов Манифест о «воссоединении» ЗУ с Советской Украиной и выходе ЗУ из состава Чехословацкой республики. В обращении выражалась надежда, что президент не будет «противиться исполнению вековой мечты нашего украинского народа – соединению со своей матерью-Советской Украиной» и даст скорейшее указание «правительственному делегату Чехословацкой республики г-ну Немцу об отъезде с территории Закарпатской Украины». Письмо было подписано почему-то только десятью членами НРЗУ²³⁷.

7 декабря 1944 г. Немец сообщил Народной Раде, что ее послание президенту отправлено в Лондон. Вместе с тем, он обращал внимание Рады на то, что как глава правительственной делегации он обязан выполнять законы и конституцию Чехословацкой республики, а также

соглашение с СССР. Кроме того, на основании этого соглашения и переговоров с Петровым и Мехлисом 3 декабря подчеркивалось, что «советский главнокомандующий будет со всеми своими желаниями и нуждами обращаться исключительно к правительственному делегату, который готов сотрудничать с Радой в целях их выполнения»²³⁸.

Но НРЗУ уже полностью взяла инициативу в свои руки. Вскоре после съезда НРЗУ издала декреты о государственном гимне и государственном флаге ЗУ: ими стали гимн и флаг Советского Союза. На флаге был написан лозунг «Да здравствует воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной!». По постановлению Рады каждый номер газеты, выходящий в ЗУ, должен был иметь над заголовком тот же лозунг²³⁹. Постановлением НРЗУ от 5 декабря 1944 г. в качестве ее местопребывания определялся Ужгород. До конца 1944 г. Рада приняла ряд важных декретов и постановлений, касавшихся как организации жизни на территории ЗУ, так и отношений с чехословацким правительством и его делегатом. Еще в период нахождения НРЗУ в Мукачево были изданы декреты о наделении землей безземельных и малоземельных крестьян, рабочих и служащих; об обеспечении строительным лесом и топливом рабочих и крестьян и трудящейся интеллигенции; об уборке урожая на свободных землях венгерских и немецких помещиков; об упразднении венгерских и немецких надписей во всех общественных местах; о переходе права собственности от Венгерского королевства и Чехословацкой республики к Закарпатской Украине; об организации высших учебных заведений на территории ЗУ (государственного университета, а также лесного и агрономического институтов); о национализации спиртных заводов, винокуренных и всех предприятий по производству алкогольных напитков.

5 декабря было принято постановление о немедленном возобновлении занятий в начальных, средних и высших школах ЗУ. Их директора должны были в течение 7 дней направить в окружные школьные инспекции списки педагогов с данными об их национальности, высшем образовании и стаже. В тот же день НРЗУ издала распоряжение о конфискации и изъятии всех фашистских изданий. В течение 7 дней следовало провести ревизию всех школьных библиотек и «изъять из них все школьные учебники, беллетристику и научную литературу на иностранных языках, а также географические карты, иллюстрации и портреты, изданные в период иноземной оккупации». Изъятию подлежали не только книги на венгерском и немецком языках, но и «антинародные издания, независимо от языка и места издания». Под эту формулировку вполне подходила также литература на чешском и словацком языках.

Видимо, по инициативе Мехлиса и с согласия Рады в Москву была направлена делегация духовенства Православной Мукачевско-Прешовской Епархии. За две с половиной недели до этого, 18 ноября 1944 г., в Мукачево состоялся Православный съезд, в котором участвовали 23 православных священника. Было принято обращение к Сталину, в котором говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся представители православных общин Карпатской Руси, выражая волю всего православно-русского народа, просим включить Карпатскую Украину (Карпатскую Русь) в состав СССР в форме: Карпато-русская советская республика. Желания и мечты наших предков были всегда, чтобы наша область за Карпатами, заселенная русинами, т.е. Руси-сынами, возвратилась в лоно Великой Руси». Границы будущей советской республики определялись так: «от Ясиня до Попрада и от Ужка до Добročина (Дебрецена)», то есть включали часть Восточной Словакии и Северной Венгрии. В заключении выражалась глубокая благодарность в связи с освобождением «Великому вождю и освободителю всего славянства и Европы товарищу маршалу Сталину и Красной Армии» и снова повторялась просьба «принять Карпатскую Русь в состав СССР»²⁴⁰. Участники съезда подписали также петицию, в которой просили Синод Русской Православной Церкви вступить в контакт с Синодом Сербской Православной Церкви, в юрисдикции которой находилась православная церковь ПР, и каноническим путем оформить переход Мукачевско-Прешовской епархии в юрисдикцию Московской Патриархии. Среди членов направившейся в Москву делегации, по сообщению ТАСС, были администратор Епархии игумен Феофан Сабов, архимандрит Алексей Коболук (по другим источникам – Кабалук), протоиерей Дмитрий Беляков, иерей Иоанн Кополович и профессор П.В. Линтур, член НРЗУ. 7–12 декабря 1944 г. делегация была принята в Московской Патриархии митрополитом Ленинградским и Нижегородским Алексием и другими членами Священного Синода Русской Православной Церкви. Алексею была вручена указанная петиция с просьбой поддержать ходатайство перед Священным Синодом Сербской Православной Церкви о передаче Епархии в каноническое ведение Московской Патриархии. Алексей и Святой Синод, как значилось в сообщении ТАСС, сочувственно отнеслись к этой просьбе и согласились поддержать ходатайство. О письме на имя Сталина ничего не говорилось. Возможно, что за время, прошедшее со дня Православного съезда до поездки делегации в Москву, ее организаторы (Мехлис и НРЗУ) сочли нецелесообразным выступление с изложенными в письме просьбами, которые расходились с заявлениями Рады. Поп пишет, что, будучи в Москве, Линтур «пытался убедить советских деятелей в

ошибочности украинской линии, выступил с проектом трансформации Подкарпатской Руси в Карпато-русскую советскую республику... или в автономную республику в составе Российской Федерации»²⁴¹. Однако, все это не отвечало планам Москвы. 13 декабря делегация вылетела в Киев, где она посетила Экзарха Украины, митрополита Киевского и Галицкого Иоанна²⁴². Просьба, обращенная к Московской Патриархии, была реализована в 1946 г. Видимо, и с точки зрения политики в отношении церкви вопрос о присоединении ПР к СССР был продуман основательно. В январе 1945 г. НРЗУ издала декрет о свободе вероисповедания, направленный, по сути, на подрыв главенствующего положения в ЗУ греко-католической (униатской) церкви, иерархи которой обвинялись в том, что в годы войны они сотрудничали с оккупантами. Эта церковь, подчиняясь Ватикану и признавая основные догматы католической церкви, сохранила вместе с тем православные обряды и проводила богослужение на украинском языке. Среди униатов было немало сторонников объединения с православной церковью, но были и решительные противники этого, как и объединения ЗУ с УССР. Их возглавлял архиепископ Ромжа, подвергшийся за это гонениям²⁴³.

Продолжая свою бурную деятельность, НРЗУ 9 декабря 1944 г. за подписями Туряницы и Ваша издала декрет о прекращении мобилизации в чехословацкую армию и поддержке вербовки добровольцев в Красную Армию. Декрет вступал в силу со дня принятия, за его проведение в жизнь отвечал уполномоченный НРЗУ по делам государственной безопасности. Кроме того, был принят декрет об организации добровольных народных дружин и их центрального штаба. Членам дружин предлагалось без отрыва от своей основной работы с оружием в руках «защищать население Закарпатской Украины от нападения внешних и внутренних врагов». Все народные дружинники обязаны были торжественно присягнуть «на верность Родине, Народной Раде Закарпатской Украины и Манифесту о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной». Народной милицией и народными дружинами руководил герой Советского Союза бывший партизанский командир коммунист Тканко.

Декретом от 18 декабря 1944 г. создавался Специальный суд НРЗУ «для борьбы с врагами нашего народа». Суд, который действовал на всей территории ЗУ, избирался Народной Радой и имел очень широкие полномочия. До издания уголовных, уголовно-процессуальных и других законов Суд руководствовался «своим правосознанием и внутренним убеждением, которые основываются на интересах обеспечения независимости власти (т.е. НРЗУ. – В.М.) и личных прав граждан». Такая формулировка давала возможность произвола и принятия судом субъ-

активных решений, особенно, учитывая, что ему был подвластен чрезвычайно широкий круг дел. Они касались руководителей органов оккупационных властей; служащих венгерской полиции и жандармерии; изменников и их пособников из граждан Закарпатской Украины; тайных агентов немецких и венгерских органов; лиц, которые в период оккупации чинили зверства над мирным населением; лиц, которые саботировали деятельность Народной Рады и которые проводили агитацию и пропаганду, направленные против Красной Армии; лиц, покушавшихся на представителей власти и общественных деятелей; лиц, деятельность которых была направлена на разжигание национальной и религиозной вражды; деятелей фашистских партий; «всех других преступных злодеяний, рассмотрение которых в Специальном суде будет признано необходимым». В качестве меры наказания Суд имел право применять тюремное заключение сроком на 10 лет и расстрел с конфискацией имущества. Приговоры Суда выносились именем НРЗУ и не подлежали отмене. Приговоры о расстреле должны были подтверждаться Народной Радой. Декрет вступал в силу со дня опубликования 18 декабря 1944 г. В распоряжении автора, к сожалению, нет сведений о составе Суда и результатах его деятельности, но, думается, они не могли не убавить число сторонников НРЗУ и тех, кто горячо поддерживал присоединение ЗУ к УССР. Репрессивные действия новой власти и органов НКГБ и СМЕРШ на освобожденной территории определенно заставляли задумываться над правильностью пути, который предлагался населению ЗУ компартией.

Однако, другие мероприятия, инициируемые коммунистами, наоборот, вербовали им новых союзников. Например, сразу стал реализовываться очень актуальный для малоимущих слоев деревни декрет о земле. До марта 1945 г. было конфисковано и передано в собственность крестьян 240 000 га земли. Сельскохозяйственные рабочие и малоземельные крестьяне получили в среднем по 2–2,5 га, а многосемейные – по 2,5–3 га на хозяйство. Всего к середине марта 1945 г. было наделено землей 21 080 крестьянских семей. В марте НРЗУ приняла дополнение к декрету о земле: устанавливалась максимальная норма землевладения в 40–50 га. Земля сверх этой нормы подлежала конфискации. Направленное против «кулачества» постановление позволило получить и распределить среди малоземельных крестьян еще 45 000 га земли.

Полным ходом шла и национализация производства. Весной 1945 г. были пущены в ход 250 национализированных предприятия. В собственность государства перешли и все банки: был создан Народный банк Закарпатской Украины²⁴⁴. Эти, проведенные в сжатые сроки и еще до официального присоединения ПР к СССР, преобразования являлись первым этапом на пути ее включения в систему социалистического хо-

зйства. Процесс советизации ЗУ, как по праву считают Виднянский и Гайдош, начался практически с первых дней вступления Красной Армии на эту чехословацкую территорию, что само по себе было уже нарушением всех предшествовавших советско-чехословацких договоренностей. Среди внутренних факторов, содействовавших осуществлению советизации, упомянутые историки называют следующие: а) исторические, национально-культурные и этнографические факторы; укрепление осознанности местным населением его идентичности с украинской национальностью, убеждение в неизбежности и прогрессивности объединения с «братьями» по другую сторону Карпат, что было для многих закарпатцев гарантией национально-культурного развития после многолетнего национального гнета; б) социально-экономические условия: в период венгерской оккупации усилилось обеднение большей части населения ЗУ; в) политические обстоятельства: несмотря на репрессии венгерских оккупационных властей, в крае действовало относительно большое число коммунистов, имевших здесь значительное влияние еще в домюнхенской Чехословакии и получавших поддержку, как Загранбюро КПЧ в Москве, так и коммунистической партии Украины. Просоветской и прокоммунистической ориентацией отличалось и тесно связанное с партизанским движением на Украине закарпатское движение Сопротивления, хотя оно и не было таким массовым, как это изображалось советской пропагандой²⁴⁵. «Политика Народной Рады, коммунистических деятелей Закарпатской Украины, – говорилось в вышеупомянутом материале, направленном Бурцевым Димитрову, – ориентируется на Киев, на Москву, Советский Союз они считают своей родиной»²⁴⁶.

Для реализации намеченных планов коммунистам требовались надежные помощники, «приводные ремни» к массам, поэтому они развернули активную деятельность по «восстановлению и оживлению работы профсоюзов, крестьянских, молодежных, женских организаций»²⁴⁷. 17 декабря 1944 г. в Мукачево собрался 1-ый съезд Союза молодежи Закарпатской Украины (СМЗУ). В его работе участвовало 552 делегата от 12 местных союзов, присутствовало 218 гостей. Социальный состав делегатов был таков: 167 рабочих, 92 крестьянина, 110 служащих, 183 учащихся. Из них 8 человек имели высшее, 154 человека среднее и 390 человек низшее образование. По национальности 547 делегатов были украинцами, 4 – русскими и 1 – еврей. 501 человек имел возраст от 16 до 24 лет, 51 – от 25 до 30 лет. На съезде выступали, в частности, председатель НРЗУ и секретарь КПЗУ Туряница, а также член Рады и второй секретарь КПЗУ Тарахонич, который был избран секретарем Союза. Речь Туряницы отличалась античехословацкой окрашенностью. «На нашей территории, – говорил он, – имеются чешские реакционеры (очевидно,

имелась в виду чехословацкая правительственная делегация. – В.М.), которые хотели бы наш народ снова чехизировать, которые хотели бы наш народ снова угнетать (выкрики: „Смерть им!“), которые хотели бы, чтобы снова текла кровь наших рабочих и крестьян, борющихся за лучшую жизнь». Упоминание о том, что Народная Рада приняла решение о создании на территории ЗУ своей вооруженной силы – народных дружин, было встречено бурными аплодисментами. «Мы хотим быть вооруженными потому, – сказал Туряница, – что тут, на нашей территории чешские реакционеры допустили злодеяния... (далее следовал экскурс в историю. – В.М.) и чтобы мы тоже могли сказать: „Если нас кто-нибудь хочет терроризировать: око за око, зуб за зуб“ („Смерть за смерть. Правильно.“ Бурные аплодисменты)». Тарахонич подхватил: «Оторванный от своего родного ядра – русского и украинского народов – малочисленный, он (наш народ) был покорен и угнетаем чужими, враждебными ему народами – немцами, мадьярами, чехами». Съезд определил и ближайшие задачи Союза молодежи: участие в подписании всем народом Манифеста 1-го съезда Народных комитетов ЗУ; помощь в работе народных комитетов, в выполнении всех постановлений и мероприятий Народной Рады; активность в быстром восстановлении народного хозяйства; добровольное вступление в ряды Красной Армии под лозунгом «Молодежь Закарпатской Украины – в ряды Красной Армии-освободительницы». («Не сладко жилось нашему народу под чехами, – говорил один из выступавших добровольцев Красной Армии. – Это была жизнь сирот у мачехи....Красная Армия принесла нам свободу. Ее нужно отстаивать и защищать, а этого можно достигнуть только с оружием в руках. Молодежь Закарпатской Украины – на защиту Народной Рады!») «Организационные положения Союза по существу совпадают с Уставом ВЛКСМ», – значилось в справке о политических событиях в ЗУ, подготовленной для Димитрова в январе 1945 г.²⁴⁸. Среди 19 членов ЦК СМЗУ, согласно сведениям, поступившим Димитрову от Мехлиса, было 5 коммунистов: Д.Тарахонич (член КПЧ с 1935 г., в 1940 г. эмигрировавший в СССР и позднее служивший в чехословацком армейском корпусе), М.И. Бабидорич (первый заместитель секретаря Союза), В.В. Хайнас (член КПЗУ с 1944 г., редактор газеты «Молодежь Закарпатья»), О.А. Грабарь, М. Мацканюк (член КПЧ с 1930 г., офицер просвещения в одной из частей чехословацкого корпуса). К маю 1945 г., согласно справке, представленной Димитрову, СМЗУ насчитывал до 10 тыс. членов «и включал в свои ряды всю молодежь: городскую, сельскую, студенческую и др.»²⁴⁹.

Коммунисты выступили также застрельщиками создания единого профсоюзного движения в ЗУ. В январе 1945 г. состоялся первый его

съезд, проект постановления которого был направлен Димитрову Мехлисом. Перед профсоюзами ставились задачи по налаживанию производственной деятельности и оживлению хозяйства ЗУ, решению вопросов охраны труда, заработной платы и социального обеспечения, проведения просветительской работы, содействия в организации народных дружин и всемерной помощи Красной Армии. К концу мая 1945 г., согласно справке, полученной ОМИ ЦК ВКП(б), профсоюзные организации имелись уже во всех районах ЗУ, выполняя «такую же роль, как и профсоюзы в Советской стране»²⁵⁰. Коммунисты выдвинули также идею организации союза крестьянской бедноты в качестве партнера компартии.

Вся деятельность коммунистов, вопреки советско-чехословацкому соглашению от 8 мая 1944 г., была нацелена на установление в ЗУ новой власти и присоединение этой территории к СССР. Командование 4-го Украинского фронта оказывало этому всемерную помощь. 19 декабря 1944 г., например, Мехлис отправил шифровку в управление пропаганды ЦК ВКП(б) с просьбой оказать помощь литературой, кинофильмами, радио и т.д. населению ЗУ. В ней говорилось о «затрудненности культурного обслуживания населения Закарпатской Украины за счет скудных фондов фронта» и содержалась просьба разрешить передать местным органам 25% фонда кинокартин и одну кинопередвижку. Мехлис считал также необходимым направить в крупные города ЗУ 5 радиоузлов, 1 кинопередвижку и 100 кинофильмов, 5 динамиков большой мощности, 5 библиотек из произведений русских, украинских классиков и советских писателей, 5 комплектов грампластинок для радиоузлов. Желательно также, полагал Мехлис, командировать в ЗУ на 2–3 месяца один из государственных русских или украинских художественных коллективов. «Мы считаем возможным и необходимым, – писал Мехлис, – оказать вышеуказанную помощь местным органам власти Закарпатской Украины и просим вашей санкции на проведение в жизнь этих мероприятий». Письмо из отдела пропаганды поступило в ОМИ ЦК ВКП(б), а затем за подписями Димитрова и Баранова было направлено Молотову. Такое же письмо было послано на имя Маленкова²⁵¹. Какая часть заявки оказалась выполненной, не известно. Но известно, что на освобожденной территории ПР действовали и радиоустановки, и динамики, что там выступала, например, часть труппы Большого театра, что показывались советские кинофильмы, что в массовом порядке печатались и распространялись листовки с призывом выступать за присоединение ПР к СССР. Все это требовало соответствующих организации и финансирования. Последнее, как можно предположить, осуществлялось Москвой и Киевом.

8. ЭВОЛЮЦИЯ ПОЗИЦИИ ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ КОММУНИСТОВ В ВОПРОСЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

Чешские и словацкие коммунисты, как оказавшиеся на освобожденной территории ПР, так и находившиеся вне ее пределов, стали, в определенной степени, заложниками, хотя и добровольными, возникшей ситуации. В этой связи интересна эволюция их взглядов на происходившие в ЗУ в ноябре-декабре 1944 г. события. Словацкие коммунисты в период Словацкого национального восстания поддерживали идею создания Чехословацкой республики как государства трех равноправных народов: чехов, словаков и карпато-украинцев. Об этом говорилось, например, в программной статье коммунистической газеты «Правда» от 28 сентября 1944 г. Прибывший из Москвы на освобожденную территорию Словакии Я. Шверма, один из руководителей Загранбюро КПЧ, на заседании Словацкого национального совета 3 октября 1944 г., развивая мысль о будущем Чехословакии, подчеркивал: «В этой республике будет в чешских землях хозяином чех, в Словакии – словак, на Карпатской Украине – карпато-украинец». Туряница, находившийся в Словакии как член чехословацкой правительственной делегации, писал в «Правде» 20 октября 1944 г.: «Карпато-украинский народ должен иметь такие же права, как его словацкие и чешские братья в ЧСР. Карпато-украинский народ должен быть хозяином на своей земле в братском союзе с героическим словацким и чешским народами»²⁵². Эта точка зрения, как говорилось выше, была свойственна ему и сразу по прибытии на освобожденную территорию ПР. Однако неделю спустя Туряница резко изменил свою позицию и, по существу, возглавил движение за присоединение Подкарпатья к СССР.

Чехословацкие коммунисты в Лондоне до начала освобождения ЗУ Красной Армией тоже придерживались мнения, что она должна остаться в составе Чехословакии. 20 октября 1944 г. Петрушак от имени народа, который он представлял в Госсовете, заявил: «Карпато-украинский народ, как чешский и словацкий народы, борется за освобождение своей Чехословацкой республики. Карпато-украинский народ своей борьбой завоевал право занять в республике место равноправного народа»²⁵³. Учитывая опыт взаимоотношений СНС и правительственного делегата в Словакии, а также наблюдая за происходившими на освобождаемой Красной Армией территории ЗУ событиями, лондонский филиал КПЧ уточнял свою позицию. 13 ноября 1944 г. В. Носек сообщал Готвальду в

Москву: «Мы действовали и действуем таким образом, чтобы чехословацкий правительственный делегат, который в соответствии с договором возьмет на себя управление освобожденной территорией, немедленно передал это управление органам, возникшим в результате внутренней [освободительной] борьбы... Мы следим за развитием событий на Карпатской Украине, чтобы наши действия в этом вопросе определить в соответствии с возникающими обстоятельствами... Наша точка зрения: полностью уважать развитие в Словакии или на Карпатской Украине и никоим образом из Лондона в эти дела не вмешиваться»²⁵⁴. Из контекста депеши ясно, что речь идет о невмешательстве в деятельность органов, аналогичных Словацкому национальному совету, созданному на освобожденной территории Словакии во время восстания, но не ясно, каково было отношение к национальным комитетам на территории ЗУ, начавшим движение за ее присоединение к СССР.

Загранбюро КПЧ в Москве тоже, видимо, пребывало в растерянности, не зная, как совместить действия коммунистов в ЗУ с чехословацко-советским соглашением от 8 мая 1944 г.: Москва, с одной стороны, официально как бы поддерживала идею восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, а, с другой стороны, не пресекала деятельность по отторжению от нее Подкарпатской Руси. В конце концов, вероятно, возобладала мысль о том, что надо держаться официальных договоренностей Москвы с Бенешем. Такой вывод, в частности, можно сделать из следующего. Фирлингер, получивший 16 ноября телеграмму из Лондона о том, что кампания за присоединение ПР к СССР возглавляется Туряницей, решил выяснить на этот счет мнение Готвальда и Б. Врбенского. 19 ноября 1944 г. посол передал в Лондон, что сообщение относительно Туряницы вызвало в Москве всеобщее удивление. Очевидно тут под «Москвой» Фирлингер понимал представителей Загранбюро КПЧ в Москве, К. Готвальда и Б. Врбенского, с которыми он беседовал на этот счет. «Готвальд был бы очень удивлен, – писал посол, – если бы за всем этим делом действительно крылось какое-то изменение советской политики в отношении нас. Он, однако, убежден, что в Подкарпатье – спонтанное воодушевление за присоединение к СССР, чего следовало ожидать. С Туряницей у него связи нет, и Туряница также в последнее время не был в Москве. Готвальд однако полагает, что Турянице хорошо известна точка зрения партии. Наконец, в пятницу отправились в Подкарпатье Кроснарж, Климпотюк и Борканюк, у которых имеются инструкции. Готвальд считает, что советские органы не могут действительно препятствовать стихийным выступлениям за присоединение к СССР. Москва в этом плане не станет для нас играть роль полиции. Готвальд однако не думает, чтобы выступления

были инспирированы официально. В Подкарпатье определенно много социальных проблем. Мы должны проводить там действительно народную политику, иначе население, которое в течение 6 лет было отторгнуто от республики, не ощутит значительного изменения по сравнению с венгерским режимом и тем более будет желать присоединения к СССР»²⁵⁵. Таким образом, речь шла лишь о проведении «действительно народной политики» во имя сохранения ПР в составе Чехословакии.

Врбенский, полагал, что «никогда ни в партии, ни у высших офицеров просвещения, каким являлся Туряница, не наблюдалось тенденций, направленных на отторжение Подкарпатья. Этих тенденций он также никогда не наблюдал у советских военных и политических деятелей. Добровольный набор в Красную Армию он расценивает, как понятную уступку воодушевлению освобожденного народа, что не может никоим образом препятствовать проведению нами нормальной мобилизации. Поэтому он рекомендует благосклонную позицию в стремлении найти какой-либо формально приемлемый выход, который бы отвечал нашим законам, например, паушальное одобрение вступления добровольцев в Красную Армию, как, в конце концов, сделал и Советский Союз в нашем случае, разрешив нам паушальный набор всех чехов и словаков, которые были советскими гражданами. Следует с осторожностью принимать сообщения, недооценивающие сложную политическую ситуацию на освобожденной территории и особенно в Подкарпатье»²⁵⁶. Из этого следует, что находившиеся в Москве чехословацкие коммунисты либо лукавили, делая свои заявления, либо действительно не понимали смысла происходивших в ПР событий. Скорее – второе. Следует учитывать, что поступавшая оттуда информация была чрезвычайно скудна и отрывочна.

19 ноября 1944 г. Готвальд получил телеграмму офицера по просветительной работе 1-го чехословацкого армейского корпуса штабс-капитана Я. Прохазки, в которой говорилось: «По полученным сведениям карпато-украинский народ высказывается за присоединение к СССР... Ставится вопрос о плебисците и выдвигается требование к Бенешу разрешить такой плебисцит. На освобожденной территории Закарпатской Украины выявилась обстановка, требующая особого решения. По моему мнению, мы как коммунисты должны поддержать данное общенародное требование, но с тем ограничением, чтобы не потерпеть ущерба в едином фронте борьбы». Прохазка запрашивал мнение Загранбюро КПЧ и инструкции относительно дальнейших действий. 21 ноября Готвальд подготовил проект ответа на полученную телеграмму. В нем говорилось: «Отвечаем на Ваш запрос относительно позиции ЦК КП Чехословакии по вопросу о присоединении Закарпат-

ской Украины к СССР. ЦК КПЧ считает: 1. В настоящих условиях необходимо сосредоточить все усилия на борьбе против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу. 2. Не выступая против желания закарпатских украинцев о присоединении Закарпатской Украины к СССР, ЦК КПЧ в то же время считает, что вопрос о плебисците может быть поставлен лишь только после окончания войны». В тот же день проект телеграммы Готвальда Димитров отправил Молотову, подчеркнув в сопроводительном письме: «Мы со своей стороны согласны с проектом ответа т. Готвальда и просим Вашей санкции на посылку этой телеграммы в адрес Прохазки»²⁵⁷. Через два дня после этого Димитров записал в своем дневнике: «Заслушал сообщение майора Медова (ПУР) о Закарпатской Украине. Рекомендовал чешским товарищам отнестись положительно к движению за присоединение Закарпатской Украины к Советскому Союзу»²⁵⁸. Что же произошло за эти два дня? Димитрову, чутко улавливавшему настроения Кремля, видимо, стала известна реакция советского руководства на события в ЗУ, иначе такой рекомендации не последовало бы. Дал или нет Молотов свое согласие на отправление телеграммы Готвальда, не известно. Скорее всего, она была попридержана. Ситуация, сложившаяся к этому времени в ЗУ, безусловно, известная Молотову, делала посылку телеграммы неактуальной и, более того, наносящей вред интересам Москвы.

Но, видимо, Загранбюро КПЧ, не желая и далее оставаться в неведении, само решило выяснить, что происходит в Закарпатской Украине. С этой целью туда и был направлен Кроснарж, об отчете которого речь шла выше. В упомянутом отчете не говорится, какая конкретно цель была поставлена перед Кроснаржем, но, думается, полученные им указания исходили, по сути, из той позиции, которая была зафиксирована в проекте ответа Готвальда Прохазке. Кроснарж вместе с Климпотюком и Ц. Борканюк отправились из Москвы 14 ноября и «с помощью партийных и военных органов» 21 ноября прибыли в Ужгород. «О нашей поездке и нашей деятельности, – по словам Кроснаржа, – руководство 4-го Украинского фронта не было информировано, и там были удивлены нашим приездом. Связаться с Москвой нам разрешено не было». Эти слова свидетельствуют, что с кем-то из представителей командования фронта, скорее всего с Мехлисом, Кроснарж общался и получил представление о позиции советских военных относительно событий в ЗУ. С Немцем он встретился только 23 ноября. Беседовал он, по всей видимости, также с Туряницей и Вайсом. Оценивая политику и деятельность компартии, Кроснарж писал в отчете: «Руководство компартии, главным образом

тов. Туряница и Вайс, до конца октября придерживалось той линии, что Закарпатская Украина остается в рамках новой демократической Чехословацкой республики и на территории Закарпатской Украины будет распоряжаться и управлять украинский народ. Но уже в начале ноября, если они не хотели отстать от массового движения всего народа, они были вынуждены изменить свою линию и встать во главе всего народа на борьбу за присоединение к Советскому Союзу». Здесь, видимо, изложена позиция Туряницы и Вайса, уже избранных к тому времени в руководство КПЗУ. Первый из них, член чехословацкой правительственной делегации, офицер просвещения 1-го чехословацкого армейского корпуса, а второй, политэмигрант в СССР, прибывший в ЗУ осенью 1944 г., по всей вероятности, были осведомлены об официальной линии Загранбюро КПЧ в вопросе о ЗУ. Отсюда – и их попытка объяснить Кроснаржу причины изменения своей позиции. Коммунисты же, вышедшие из подполья, а также прибывшие в ЗУ из СССР, где в свое время они обучались в Киеве и Харькове, или могли просто не знать о позиции Загранбюро КПЧ, или имели собственный взгляд на будущее ЗУ, или руководствовались в этом вопросе рекомендациями украинских товарищей. Круг общения Кроснаржа, очевидно, был весьма ограничен. Его впечатления от увиденного и услышанного сводились к следующему: «Вся Закарпатская Украина, освобожденная Красной Армией от немецко-мадьярских оккупантов, охвачена великой любовью к Красной Армии, Советскому Союзу и товарищу Сталину». Осознав, что неофициальный «плебисцит» в ЗУ уже, по сути, состоялся и что результаты его отражены в многочисленных резолюциях и обращениях граждан о присоединении Закарпатья к Советской Украине, Кроснарж счел, что его миссия невыполнима. «В связи с тем, что обстановка изменилась, – писал он в отчете, – я не мог выполнить данное мне поручение, а потому, посоветовавшись с товарищами, я послал в ночь на 22 ноября телеграмму в Москву с просьбой об отзыве. 26 ноября вместе с тов. Ридлом я выехал в Москву, а тов. Климпотюк и тов. Борканюк (очевидно они были избраны в руководство КПЗУ заочно. – В.М.), как члены ЦК КПЗУ остались там». Кроснарж полагал также, что КПЗУ «испытывает недостаток в опытных кадрах», что «нужно быстро провести их подготовку» и «как можно быстрее послать на партийную работу всех способных украинских товарищей, которые до сих пор проживают в Советском Союзе»²⁵⁹.

Загранбюро КПЧ в Москве ничего не оставалось другого, как изменить свою позицию в отношении ЗУ и следовать советам Димитрова. Надо было помочь КПЗУ кадрами. В Закарпатскую Украину по рекомендации Загранбюро КПЧ были посланы П. Варга, И. Ионаш и В. Нямецук. Перед их отправкой в ЗУ с ними беседовали Готвальд и Копец-

кий. Разрешение на их отъезд было испрашено у Молотова и Маленкова²⁶⁰. Последнее свидетельствует, что, хотя официальные лица в Москве всячески открещивались от движения, развернувшегося в ЗУ, подчеркивая его стихийный характер, но на самом деле они были в курсе происходившего и санкционировали, конечно, негласно, помощь этому движению. Таким образом, были слова и были дела. Зорин, например, как сообщал Фирлингер в Лондон, уверял его, что «никакая агитация за присоединение к СССР с их (советской. – В.М.) стороны не поддерживается, а наоборот, прямо тормозится, хотя это связано с трудностями. Советское правительство вообще не намерено свою политику по отношению к нам в вопросе о Подкарпатье менять»²⁶¹. Формально она и не менялась, но практика свидетельствовала об обратном.

В конце декабря 1944 г. Загранбюро КПЧ окончательно пересмотрело свой взгляд на события в ПР. Об этом свидетельствует его письмо, направленное 21 декабря Прохазке в качестве директивы коммунистам 1-го чехословацкого корпуса. В нем говорилось: «Мы отстаиваем ту точку зрения, что с чехословацкой стороны не только не может быть учинено малейшее препятствие осуществлению воли закарпатского народа, но что президент республики д-р Бенеш и чехословацкое правительство по собственной инициативе должны сделать значительный шаг и безотлагательно предложить гладкое проведение присоединения Закарпатской Украины к Советскому Союзу. Мы того мнения, что правительственная делегация уже не может никоим образом вмешиваться в деятельность верховной власти, Народной Рады Закарпатской Украины... Мы, как КПЧ, уже полностью принимаем к сведению, что Коммунистическая партия Закарпатской Украины от нашей партии отделилась и стала самостоятельной. С момента осознания действительной ситуации мы также уже не осуществляли ни малейшего влияния на действия закарпатских товарищей». Коммунистам 1-го чехословацкого корпуса рекомендовалось полностью «приспособиться к нашей позиции в вопросе о Закарпатской Украине» и не противиться в случае, если возникнет необходимость, переводу закарпатских бойцов в ряды Красной Армии. Рекомендовалась также осторожность и сдержанность в претворении «важных для нас замыслов», «чтобы из-за вопроса о Закарпатской Украине в чехословацком армейском корпусе не возникли споры, которые поставили бы под угрозу национальное единство». Что касается «основной политической линии», то утверждалось: «Ясно, что и далее нашей программой остается свободная, демократическая Чехословакия, причем чехословацкая линия сегодня относится только к словацким и чешским землям»²⁶².

Критически оценивалась в письме деятельность чехословацкой правительственной делегации и особенно ее военной части, представ-

ляющей «реакционные лондонские круги». Эти оценки основывались и на вышеупомянутом отчете Кроснаржа, в котором чехословацкой правительственной делегации отводилось большое место. По словам Кроснаржа, она «оказалась изолированной от народа», и попытки найти выход из этого положения ей никак не удаются: «Она пыталась восстановить ранее существовавшие партии, но это ей не удалось. Она хотела создать в районе своей деятельности национальный совет, но на собрания никто не явился. Немец заявил, что если бы он хотел вступить в свои обязанности, то это означало бы взять власть в свои руки, чего он не хочет делать. Так как он не имеет связи ни с Москвой, ни с Лондоном, он просит разрешить ему выехать в Москву, где бы он мог разрешить все эти вопросы и наметить дальнейший план действий»²⁶³. Следует заметить, что выводы Кроснаржа, очевидно, базировались на его беседах, как с Немцем, так и с Мехлисом, поскольку именно обо всем этом говорилось в телеграммах, которые командование 4-го Украинского фронта направляло правительственному делегату.

9. СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ ВЛАСТИ – ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ. КОНФЛИКТ

Действия чехословацких военных, которые, по словам Кроснаржа, «проводят в Закарпатской Украине провокационные мероприятия», подвергались в отчете особой критике. «Всей этой деятельностью руководит так называемое 2-ое отделение (речь, видимо, идет о службе безопасности, военной контрразведке. – *В.М.*), действия которого в Закарпатской Украине равносильны действиям оккупантов», – писал он и приводил ряд фактов, подтверждавших это. В частности, говорилось о назначении этим отделением военных комендантов в округах и городах, «которые в своих взаимоотношениях с населением и национальными комитетами действуют провокационно»: «представители национального комитета были приглашены к чехословацкому военному, который заявил: „Я не умею разговаривать ни по-венгерски, ни по-украински, поэтому здесь будут разговаривать с вами по-чешски“; от председателей национальных комитетов в грубой форме требовали проведения мобилизации в чехословацкую армию; начальник 2-го отделения подполковник Перникарж отдал приказ вывесить только чехословацкие флаги, но не советские; подполковник Стрелка (правильно – Стржелка. – *В.М.*) приехал без разрешения (советских военных влас-

тей. – В.М.) в сопровождении 40 человек, которым предписывалось проводить провокационную деятельность; нарушалось запрещение переходить в военную зону (ее границы определялись советским военным командованием. – В.М.), куда посылались солдаты, переодетые в гражданскую форму; несмотря на категорическое запрещение, 2-е отделение пользуется радиостанцией. Кроснарж сообщал, что делегация не смогла провести мобилизацию и послать вновь призванных на чехословацкий военный сбор: «В Хусте было мобилизовано 500 человек, которые были посланы в Мукачево. Там они находились 5 дней без питания и поэтому 380 человек из них ушли». «Под давлением этих событий (а скорее всего под давлением советского военного командования. – В.М.), – говорится в отчете, – правительственный делегат Немец предложил генералу Нижборскому (Гасалу. – В.М.) снять начальника штаба подполковника Коутника и начальника 2-го отделения подполковника Перникаржа. Начальником службы безопасности был назначен коммунист надпоручик Райцин (офицер просвещения 1-го чехословацкого армейского корпуса. – В.М.)»²⁶⁴.

Возможно, все указанные в отчете факты действительно имели место, но при нормальных, дружественных отношениях с советским военным командованием все вопросы можно было разрешить в рабочем порядке. К сожалению, отношения делегации с советским командованием, как уже говорилось выше, не заладились с самого начала ее пребывания на освобожденной территории. И дело тут было не только в личных симпатиях или антипатиях, не только в нарушениях того или иного пункта Соглашения от 8 мая 1944 г. Конфликт, который разрастался, как снежный ком, был следствием той системы власти, по сути, двоевластия, которая сложилась на территории ЗУ: с одной стороны – чехословацкая администрация, которая так никуда и не переехала из Хуста, действуя лишь в самом городе и его окрестностях; с другой стороны – национальные комитеты (позднее Народная Рада), как органы местной народной власти, руководимые коммунистами, пользовавшиеся поддержкой советских военных органов и действовавшие на всей западной, экономически более развитой, части территории ЗУ. Силы были явно не равны. Да и договориться этим двум параллельно существовавшим системам власти было невозможно: их представления о будущем (по крайней мере, о ближайшем будущем) ЗУ были абсолютно не совместимы. Чехословацкая администрация, опираясь на майское Соглашение и на договоренности Бенеша со Сталиным о признании Советским Союзом Чехословакии в домюнхенских границах, исходила из сохранения ЗУ в составе ЧСР, во всяком случае, до окончания войны. Народная Рада, ссылаясь на волю большинства населения ЗУ, на-

стаивала на ее немедленном включении в состав СССР (УССР). Компромисс на местном уровне, таким образом, был исключен.

Кроме того, следует иметь в виду, что события на территории ПР разворачивались сначала непосредственно в зоне военных действий Красной Армии, а затем в ближайших ее тылах. В этой обстановке советские военные органы считали себя в праве действовать в соответствии с условиями военного времени и настаивали на выполнении всех своих требований, что также можно было понять. Сложность состояла в том, что военный аспект этих требований одновременно имел и политический характер, препятствуя деятельности чехословацкой правительственной делегации.

В самой делегации тоже не было единства, во всяком случае, что касается способа действия и поведения. Немец представлял умеренное крыло, предпочитавшее более мягкие методы как в общении с советскими военными властями, так с местными органами власти; военная часть делегации настаивала на более жесткой линии и пыталась осуществить ее на практике. Это, естественно, не могло не вызывать раздражения советского военного командования, указывавшего на нарушение Соглашения от 8 мая. Один его пункт действительно фактически не был выполнен, пункт о создании чехословацкой военной миссии, которая должна была стать связующим звеном между советским командованием и чехословацкой администрацией. Возможно, если миссия начала бы действовать в таком качестве, легче было бы достичь взаимопонимания. Но Гасал, с согласия и по указанию Ингра, сразу взял на себя функции главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами на освобожденной территории, что впрямую не предусматривалось Соглашением и не могло не вызвать противодействия со стороны командования 4-го Украинского фронта. Военная обстановка, по его мнению, требовала, чтобы как в зоне непосредственных военных операций, так и в ближайшем тылу Красной Армии, все делалось с ведома и согласия советских военных властей. А тут еще, в непосредственной близости от зоны военных действий без согласования с командованием 4-го Украинского фронта появилась большая группа представителей чехословацкой контрразведки во главе со Стржелкой, прибывшая из Лондона. Это не могло не испортить окончательно отношения между советскими и чехословацкими военными на территории ЗУ. По выражению Фирлингера, «делегация и Петров вцепились друг другу в волосы»²⁶⁵. Посол сообщал Бенешу 29 ноября, что Москва «не хочет дезавуировать военное командование», что советские военные круги «до сих пор были настроены по отношению к нам весьма доброжелательно и вели себя по отношению к нам просто с восторженной

симпатией», что было бы «весьма достойно сожаления, если бы мы вступили с ними в конфликт. Нам бы это могло очень повредить». Фирлингер рекомендовал «спокойствие и рассудительность» в решении спорных вопросов. По сути, он присоединился к рекомендации Зорина, который в беседе с послом советовал «смотреть на случившееся спокойно и не проявлять излишней нервозности»²⁶⁶.

Бенеш и Рипка тоже были за «спокойное и аргументированное» разрешение конфликта, но советовали Фирлингеру и Немцу проявлять настойчивость в отстаивании принципиальных позиций чехословацкого правительства, что касается присоединения Карпатской Украины к СССР и набора добровольцев в Красную Армию. Свое видение выхода из создавшейся ситуации Рипка изложил Фирлингеру в депеше от 5 декабря 1944 г. План сводился к следующему: 1. Президент дал бы дополнительное согласие тем, кто уже вступил в советскую армию; 2. Массовый набор в нее должен быть прекращен; 3. Советское командование поддержало бы мобилизацию в чехословацкую армию; 4. Правительственный делегат всемерно содействовал бы тому, чтобы «подкарпато-украинский народ» поддержал Красную Армию в ее боевых усилиях; 5. На заявления некоторых «подкарпато-украинских кругов» о присоединении к Советскому Союзу или к Советской Украине ни советская, ни чехословацкая стороны вообще не должны отвечать; правительственный делегат разъяснит народу, что «в данное время такие заявления неуместны, так как наносят вред политическим интересам Советского Союза и Чехословакии, поскольку о таких вещах можно вести переговоры только после окончания войны и поскольку советское и чехословацкое правительства строго блюдут советско-чехословацкий договор»²⁶⁷. План содержал элементы компромисса (пункт 1) и по сути основывался на заявлениях советских официальных лиц (Зорина, Белянова) Фирлингеру и Пике. Но реализовать его было нельзя: после создания НРЗУ чехословацкая правительственная делегация практически была лишена возможности продолжать свою деятельность на территории ПР даже к востоку от демаркационной линии.

После создания НРЗУ давление на чехословацкую администрацию усилилось, и Немец, как уже говорилось, 5 декабря получил предписание Рады вместе с членами чехословацкой правительственной делегации покинуть пределы ЗУ. Конфронтация с местными властями достигла высшей степени. 8 декабря Гала тайно сообщил председателю чехословацкого правительства Й. Шрамеку: «Передача власти на освобожденной территории – мистификация... Мы – под иностранной властью... Ведите переговоры! Все проиграно!». Примерно то же самое говорилось в тайной депеше Круцкого в Лондон 9 декабря: «Техническая режиссура

всего находится вне этой страны, используются методы и планы, против которых мы бессильны... Органы (чехословацкие. – *В.М.*) – в смятении. Мы отдали распоряжение не уступать... Радиосвязь с вами запрещена. Я работаю тайно, уже трижды с разных мест». 12 декабря 1944 г. Таборский фиксирует в своем дневнике сообщение, полученное от Гасала (Нишборского): «Коммунистическая агитация достигает наивысшей кульминации. Фиаско нашей мобилизации». Однако, примерно в то же время, 8 декабря, Фирлингер сообщает из Москвы: «Могу тебя заверить, что советские органы действуют совершенно лояльно и корректно. Здесь того же мнения, что какие-либо осложнения абсолютно не желательны и что необходимо их избегать»²⁶⁸.

Противоречивость информации, ложившейся Бенешу на стол, приводила его в смятение. 9 декабря Таборский зафиксировал в своем дневнике неофициальную реакцию президента на полученные сообщения: «Президент всем этим весьма озабочен, смотрит на это примерно так: украинский национализм перехлестывает Москве через голову. Однако, не мыслимо, чтобы после всего того, что нам Москва говорила, она поступила бы таким образом. Ведь она не хотела бы тем самым растерять свои козыри... Нет иного объяснения, чем то, что украинский национализм несколько отбил от рук Москвы». «Однако у меня впечатление, – записал далее Таборский, – что этому и сам президент полностью не верит и что это несколько смахивает на wishful thinking (желание – отец идеи. – *В.М.*)». Секретарь записал слова Бенеша: «Я не понимаю, почему они это делают... Если бы они хотели получить Подкарпатскую Русь, то могли бы об этом сказать. Я никогда не хотел удерживать Подкарпатскую Русь ценой русской вражды. Всякий раз, когда я говорил с ними о Подкарпатской Руси, я всегда умышленно избегал того, чтобы ее требовать напрямую для нас. Я только говорил, что она не должна остаться в Венгрии, что должна принадлежать либо нам, либо русским. И я начал на нее рассчитывать только тогда, когда убедился, что русские на нее не претендуют. Нет, я вообще этого не понимаю. Почему же они захотели отобрать ее таким способом, если могли получить ее от нас, попросив об этом? Нет, это единственно можно объяснить только тем, что на этом настаивают украинские националисты и что это происходит без согласия Москвы. Когда мы были в прошлом году в Москве, я наблюдал, что Сталин был несколько обеспокоен опасностью украинского национализма»²⁶⁹. Возможно, Бенеш был отчасти прав. Хрущев, как глава Советской Украины, был особенно заинтересован в присоединении к ней Закарпатья. Но, зная партийно-государственную субординацию, присущую советской системе, трудно представить себе, чтобы «хозяин» Украины мог осуществлять полити-

ческий нажим на «главного хозяина», Сталина, а тот, не желая этого, пошел бы у него на поводу. Нет, автором и постановщиком пьесы, по-видимому, был сам Сталин, хотя, вероятно, у него были соавторы из числа соратников по партии. Пьеса эта разыгрывалась уже не раз. Сюжет её был незамысловат: организация «стихийного» народного движения, на волне которого устанавливается угодная Москве власть. Первая постановка пьесы была осуществлена в Западной Украине и Западной Белоруссии осенью 1939 г., вторая – в Прибалтике летом 1940 г. И в первый, и во второй раз всё прошло «на ура». Теперь международная обстановка снова позволяла надеяться на успех. Сталин, готовясь к постановке нового спектакля в советско-чехословацких отношениях, постепенно начал переписывать и уточнять имеющийся сценарий: из него была вычеркнута роль чехословацкого правительственного делегата и введены массовые сцены.

Бенеш же, может быть потому, что не до конца понимал политики Сталина, может быть потому, что все еще питал иллюзии в отношении него и его обещаний, а может, наоборот, потому, что считал себя обманутым и старался «сохранить лицо», а возможно по каким-то иным причинам, по-прежнему придерживался старого текста разыгрывавшейся пьесы, но уже мало веря в ее успех. 11 декабря он получил от Фирлингера телеграмму, содержащую тексты всех депеш, посланных в чехословацкое посольство Немецем с 24 ноября 1944 г. Они, видимо, были получены из штаба 4-го Украинского фронта и скопом переданы советскими военными органами Фирлингеру. Деша от 24 ноября, например, содержала текст письма Немца Мехлису, в котором указывалось на распространение в ЗУ листовок компартии о присоединении ЗУ к СССР и говорилось, что их печатание не могло произойти без согласия советских органов. Были переданы также тексты резолюции Съезда компартии и манифеста съезда народных комитетов в Мукачево. В телеграмме от 29 ноября Немец сообщал, что ситуация осложнилась в связи с тем, что в Хуст прибыла группа чехословацких офицеров, которые долго находились за границей, причем разрешение на их приезд даже не было запрошено у советских органов. «Эти люди под командованием подполковника Перникаржа занимаются деятельностью, не имеющей ничего общего с мобилизацией», – говорилось в депеше Немца, который просил выяснить неприятный инцидент и отозвать группу, поскольку на этом настаивало советское командование. 1 декабря Немец сообщал, что съезд народных комитетов ЗУ избрал делегацию, которую намерен отправить в Москву, чтобы там вести переговоры о присоединении ЗУ к СССР. По всей вероятности, эта идея была отвергнута, возможно и из Москвы, как несвоевременная. «Вся

деятельность делегации практически прекращена. Немец... хочет немедленно вылететь в Москву. По приказу Национального комитета (Народной Рады. – В.М.) всюду снимаются чехословацкие флаги», – писал Фирлингер. В депеше от 3 декабря Немец сообщал о своем ответе на письмо НРЗУ, в котором содержалось требование покинуть территорию ЗУ. Немец заявлял о своем желании сотрудничать с Народной Радой, исключая обсуждение вопросов, касающихся государственной принадлежности ЗУ, до тех пор, пока по ним не будет принято решение чехословацкого правительства. Он отказывался покинуть территорию ЗУ, ссылаясь на необходимость получения об этом указаний правительства, и выражал сожаление, что «при переговорах о таких важных вопросах была использована форма, которая необычна для демократических и дружественных режимов»²⁷⁰.

Бенеш сразу же 12 декабря, отреагировал на полученную информацию, отправив через Пику инструкцию для Немца. В ней он сообщал «свое личное мнение о ситуации на Подкарпатской Руси, одобренное премьер министром и правительством». Президент полагал, что Москва не рада тому, что происходит в ПР и хотела бы урегулировать возникшие недоразумения с чехословацким правительством («У меня впечатление, что оба правительства в этом вопросе действуют согласованно и искренне»). «Однако мне кажется, – писал он, – что украинское правительство, украинские военные и особенно украинская коммунистическая партия намеренно действуют иначе, хотя, безоглядно преследуя свою цель, поставить и Москву, и нас перед свершившимся фактом. Я не думаю, чтобы в этом была двойная игра Москвы, у меня впечатление, что это перехлестывает через край и совершается вопреки центральному правительству... Нельзя забывать, что украинский национализм есть и будет всесторонне опасен, и Москва должна с этим считаться; так, по крайней мере, я вижу это сейчас». Бенеш советовал Немцу действовать следующим образом: «пусть происходит, что происходит; мы будем держаться договора и требовать от Москвы его осуществления, мы ни от чего не откажемся и от своих прав не отступимся». Если же этого нельзя будет сделать, то Бенеш считал нужным «констатировать это, стать наблюдателями и пассивно выжидать дальнейшего развития». Он полагал, что «с нашей стороны было бы ошибкой прибегнуть к насилию. С одной стороны, у нас нет для этого соответствующих сил, с другой, каждый такой случай будет взят на заметку и использован против нас». «Оставайтесь на своих местах, – заканчивал свои рекомендации Бенеш, – будьте, пожалуйста, едины в этом плане со мной и с правительством, сохраняйте спокойствие, достоинство, терпение».

13 декабря инструкции Немецу через чехословацкое посольство в Москве направил и Рипка. Его версия событий в Подкарпатской Украине несколько отличалась от мнения Бенеша. «Мы полагаем, – писал Рипка, – что серьезные трудности, которые возникли на Подкарпатской Украине, были вызваны местными украинскими деятелями, которые по понятным мотивам желали бы объединения с Советской Украиной, и что они действовали, не принимая во внимание международные потребности и расчеты как советского, так и чехословацкого правительств». Рипка также полагал, что возникшую ситуацию «используют некоторые подкарпатские деятели, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с венграми и немцами». Он выражал убеждение, что «как советское, так и чехословацкое правительства в высшей степени заинтересованы в том, чтобы эту историю быстро урегулировать, прежде, чем из-за нее возникли бы международные трудности, которые были бы использованы нашими общими врагами в мире, как против Советов, так и против нас». Рипка тоже советовал делегации оставаться на месте и выполнять свои задачи в соответствии с Соглашением от 8 мая²⁷¹.

10. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПЕРЕГОВОРАХ В МОСКВЕ. ДЕКАБРЬ 1944 – ЯНВАРЬ 1945 гг.

Немец не получил инструкций Рипки. В это время он и Вало были уже в Москве, куда прибыли 11 декабря. Остальные члены делегации оставались пока в Хусте. Поездку организовал Фирлингер по просьбе Немеца, который в связи с ухудшением, по его мнению, ситуации в ПР не хотел брать на себя ответственность за происшедшее и намерен был обсудить все в Москве²⁷². 14 декабря Фирлингер направил в Лондон подробную информацию правительственного делегата «о ситуации на Карпатской Украине». «Во время нашего прибытия, – сообщил Немец, – восстановление республики казалось делом бесспорным... В течение 14 дней ситуация кардинально изменилась. Движение за присоединение к СССР – стихийное. Сотрудничество местных и районных национальных комитетов с делегацией, сначала очень хорошее, после мукачевского съезда прекращено». Далее говорилось о действиях Народной Рады и ответных шагах делегации. Позиция советских военных властей представлялась следующим образом: «Для советских органов директивным при переговорах является только правительст-

венный делегат, и это его дело, как он наладит связь с местными авторитетами». Позиция же гражданской части делегации, по словам Немеца, сводилась к тому, что «события на Карпатской Украине являются нашим внутренним делом и поэтому не должны касаться нашего отношения к Советскому Союзу. Причиной неудовлетворительного отношения советского военного командования к делегации, согласно Немецу, было значительное недоверие к части «нашего офицерского корпуса», «неясность формирования правительственной делегации и неточное определение ее компетенций», «спор о наборе добровольцев в Красную Армию». В ходе переговоров, считал Немец, «отношение гражданской администрации с командованием существенно улучшились. Сохранилось, однако, недоверие к военной части делегации, особенно после прибытия новых офицеров из Англии», некоторые из которых, несмотря на возражения советского командования, были назначены на руководящие посты. «У меня впечатление, – писал Немец, – что у советского командования такое чувство, что мы ведем двойственную политику: со стороны гражданской части – демократическую и полностью дружественную Советскому Союзу, со стороны военных – недемократическую и, что касается некоторых наших офицеров, враждебную Советам. Ощущаются опасения, что в отличие от гражданской части администрации военная её часть хочет создать армию на принципах 1938 г.». Этот вопрос Немец считал важнейшим и полагал необходимым назначить чехословацким министром обороны гражданское лицо, а начальником генерального штаба фронтового генерала. «Организация новой армии тыловыми офицерами расценивается здесь как подтверждение факта, что мы намерены создавать армию оборонительного плана», – констатировал он. Оценивая общую политическую ситуацию на Карпатской Украине, Немец полагал, что «было бы неправильным выступать против этой народной акции»²⁷³.

Заметим, что это сообщение, давно известное исследователям, было датировано 14 декабря 1944 г. Недавно был опубликован другой документ «Сообщение о развитии ситуации в Карпатской Украине с 28 октября по 10 декабря 1944 г.»²⁷⁴, также подготовленный Немецем и датированный «Москва, 15 декабря 1944 г.». Этот документ, как сообщают публикаторы, попал в Лондон с курьером гораздо позже, примерно в конце февраля 1945 г. В дневнике Таборского упоминается о его получении Лондоном 1 марта 1945 г. В это время правительственная делегация находилась уже на освобожденной территории Словакии. Возникает вопрос, откуда был отправлен документ? Может быть, написанный или подписанный Немецем в Москве он был отослан уже из Словакии? Сопоставление указанных документов, датированных 14 и 15 декабря, по-

казывает, что некоторые оценки и взгляды, изложенные в них Немцем, несколько отличались друг от друга, особенно, что касается тона и акцентов. В частности, во втором из них нет и намек на положительную оценку «народного движения» за присоединение Подкарпатья к СССР; в первом содержится более критический взгляд на деятельность военной части правительственной делегации и т.д. Возможно, пространный материал с включенными в него документами, несущий дату 15 декабря, был подготовлен Немцем несколько раньше, еще до его прибытия в Москву. Общение же с Фирлингером, обсуждение с ним создавшейся ситуации определенным образом сказались на тех позициях, которые были зафиксированы в его депеше в Лондон 14 декабря. Во всяком случае, в происхождении и взаимозависимости этих двух документов есть еще какая-то неясность, над которой следует думать.

Отношения между правительственным делегатом и НРЗУ развивались, по сути, так же, как и его отношения со Словацким национальным советом: и первая, и второй не желали признавать полномочий Немца, определенных декретом президента. Разница же состояла в том, что СНС и делегат все же договорились о сотрудничестве, а НРЗУ и делегат – нет. Причины очевидны: СНС ставил цель восстановление Чехословацкой республики на основе полного равноправия чешского и словацкого народов, а НРЗУ добивалась немедленного выхода ПР из состава ЧСР и присоединения этой территории к СССР (УССР). Деятельность правительственного делегата рассматривалась, как препятствие на пути достижения этой цели.

По прибытии в Москву Немец и Вало были приняты Зориним, который выслушал их соображения, касающиеся урегулирования возникших недоразумений. Предложения главы делегации, по сути, сводились к тому плану, который был изложен Рипкой в вышеуказанной депеше Фирлингеру от 5 декабря 1944 г. При этом скорее имелась в виду уже деятельность делегации не на территории Закарпатской Украины, а на территории Словакии, куда переместился фронт. Зорин получил заверения в том, что «между советским и чехословацким правительствами существует негласная договоренность, что из-за Подкарпатской Украины не должно возникнуть никакого конфликта, поскольку его немедленно использовали бы против обоих». Окончательное решение вопроса, которое должно было привести «к укреплению длительного чехословацко-советского союза», откладывалось на послевоенное время. Фирлингер, который общался в Лондон об этой встрече, полагал, что «после наших заверений» советское правительство поможет урегулировать конфликт. «С сильным движением на Подкарпатской Руси за присоединение к СССР мы должны все же считаться», – заключал посол.

Немец намерен был 17 декабря возвратиться в Закарпатскую Украину, и Фирлингер в депеше 15 декабря советовал Бенешу в устной форме «послать как можно более теплый ответ» на полученную им просьбу НРЗУ о содействии в присоединении ЗУ к Советской Украине. Ответ «мог бы стать, – по словам посла, – важным историческим актом, представляющим для нас значительный моральный и политический капитал; позже этот акт уже не имел бы такого значения»²⁷⁵. Бенеш, по всей видимости, не собирался следовать этому совету. Немец же, как это ранее предполагалось, не отправился к местопребыванию делегации, а остался в Москве, ожидая встречи с руководством НКВД. О такой возможности Зорин заявил Фирлингеру 16 декабря, когда посол явился к нему, чтобы узнать, как отреагировало советское правительство на вышеупомянутые предложения чехословацкой делегации. Только что вернувшийся из поездки в Румынию Вышинский, как оказалось, был болен и мог принять делегацию лишь через неделю. Зорин заявил, что он доложил о предложениях чехословацкой стороны наверх, но советская позиция ему еще не известна. Сообщая в Лондон о беседе с Зориным, Фирлингер так передал его отношение к вопросу: «Для них, дескать, затруднительно вмешиваться в наши внутренние дела. Мы должны урегулировать их сами. Советские органы до сих пор выполняли договор, и нет причин, почему бы они должны были вмешиваться в наши отношения с национальными комитетами». Эту позицию «умывания рук» Москвой, по сути, Зорин формулировал так четко впервые. Ход был очень хитрый: мы согласны с мнением чехословацкой стороны, что события в ПР – не наше дело, мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела, разбирайтесь с ними, как хотите. Фирлингер ответил, что необходимо найти выход из создавшейся ситуации, поскольку, таким образом, мобилизация на территории Подкарпатя вообще не могла бы быть проведена. Далее посол изложил свое видение решения проблемы: сразу после возвращения делегации Мехлис созвал бы ее совместное совещание с НРЗУ в целях дружественного урегулирования отношений. Зорин, подумав, сказал, что такое решение не исключается. Он сообщил послу также, что в отсутствии Немца упомянутый выше подполковник Стрелка был инициатором нового инцидента в Севлюше, который потребовал вмешательства советских военных органов.

Депеша Фирлингера о беседе с Зориным страшно раздосадовала Бенеша. Таборский так записал в дневнике об этом: «Президент был сообщением о реакции Зорина весьма рассержен: „Их агенты принуждают наших людей подписывать петиции за присоединение Подкарпатской Руси к Украине и своевольно устанавливают коммунистические местные национальные комитеты. Советские командиры организуют

обязательные призывы наших граждан в Красную Армию. А когда мы протестуем, лишь заявляют, что они об этом сожалеют, но они не могут вмешиваться в наши внутренние дела“»²⁷⁶. 22 декабря Бенеш направил свой «личный ответ» Немецу и Фирлингеру. Он подтверждал, что «события на Подкарпатье являются нашим внутренним делом и следует действовать так, чтобы это не коснулось нашего отношения к Советскому Союзу». Вместе с тем президент снова повторял, что в вопросе государственно-правовой принадлежности этой области «мы настаиваем на договоре и на официальных советских и наших декларациях о домюнхенских границах». Иначе, подчеркивал он, во время мирных переговоров и затем на мирной конференции «остальные наши земли кто куда растащил бы». Поэтому президент не собирался отвечать ни на какие декларации и призывы национальных комитетов и НРЗУ из Ужгорода. Бенеш соглашался, что важнейшим вопросом является урегулирование отношений чехословацких военных с советскими военными органами и что необходимо любой ценой создать взаимное доверие. Поэтому, сообщал он, по согласованию с премьером и генералом Ингром проведено уже ранее принятое решение о назначении министром национальной обороны гражданского лица. Ингр, оставшийся главнокомандующим, подал в отставку с поста министра, которым стал Я. Масарик. Бенеш выражал согласие с возможной «перестановкой» среди военных, действующих в составе чехословацкой правительственной делегации, если кто-то из них «вызывает у Советов возражения и нежелателен им»: «Во всем этом конфликте речь идет о более важных вещах, чем отдельные лица, и, если бы я даже сожалел, мы должны на это пойти». Поскольку ясно было, что в связи с перемещением фронта на Запад, делегация в скором времени переедет в Словакию, президент советовал «уточнить наши права и наши обязанности при передаче и принятии территории». Он выражал искреннее желание, чтобы конфликтной ситуации в ПР «был положен конец, особенно сегодня, когда греческий, югославский и польский вопросы дают опять противникам Советов и нашим противникам много материала для агитации»²⁷⁷. Бенеш явно шел на компромисс в частных вопросах, настаивая на главном: до окончания войны ПР должна оставаться составной частью восстановленной Чехословакии.

То, что судьба Подкарпатской Руси уже фактически решена, понимали и радикально настроенные деятели чехословацкой правительственной делегации. Галя в тайной депеше Шрамеку 18 декабря, возмущаясь происходящем на освобожденной территории, все же сообщал, что «Гасал всеми средствами силиться совладать с создавшейся ситуацией. Единственная возможность следующая: (чехословацкий. – В.М.)

командующий освобожденной территорией не должен создавать две армии, боевую и мирную (т.е. тыловую. – В.М.), руководимую офицерами, которые в этой войне не видели фронта». Армия должна создаваться лишь на основе 1-го чехословацкого армейского корпуса, иначе ее «строительство лопнет». В депеше предлагалось в целях ликвидации конфликта назначить командующим освобожденной территории Гасала, его заместителем Свободу, который пользовался полным доверием советских властей, а во главе корпуса поставить К. Клапалека, командира 3-ей чехословацкой бригады в СССР. Предлагалось также «удалить офицеров, скомпрометированных политически и в военном вопросе». Гала сообщал, что это решение полностью согласовано между Гасалом, Свободой, Клапалекком и Бочекком, командиром 1-ой самостоятельной чехословацкой бригады в СССР²⁷⁸.

Конфликт между командованием 4-го Украинского фронта и Гасалом, который пытался создавать на подвластной делегации части освобожденной территории районные командования и проводить мобилизацию, формируя чехословацкие воинские подразделения и так называемую штабную роту, по сути, не был ликвидирован до конца декабря. Особенное раздражение советских военных вызывала указанная штабная рота, в которой были сосредоточены старшие офицеры, предназначенные для занятия командных должностей в будущей чехословацкой армии. 26 декабря Гасал получил составленную в весьма резком тоне телеграмму за подписью Петрова по вопросам организации и пополнения чехословацких воинских частей на освобожденной территории. «Все чехословацкие части, находящиеся на чехословацкой территории, – подчеркивалось в ней, – должны быть незамедлительно использованы для борьбы против немцев – нашего общего врага». «Формирование всех воинских частей на освобожденной территории, как Вам было сообщено после наших переговоров, должно проводиться лишь на основе специального соглашения, заключенного в Москве...», – говорилось далее. – Вопреки этому порядку были между тем сформированы в различных районах запасной полк, артиллерийская часть, саперный батальон, батальон связи и штабная рота». Петров доводил до сведения Гасала, что все эти части, кроме штабной роты, отправлены для пополнения 1-го чехословацкого армейского корпуса, понесшего тяжелые потери в боях. Штаб фронта направил генералу Свободе приказ использовать и эту роту для пополнения корпуса. Гасалу сообщалось, что она должна прибыть на место назначения не позднее 1 января 1945 г.²⁷⁹. Телеграмма, по стилю напоминавшая скорее приказ, чем документ общения с представителем союзной армии, свидетельствовала, кстати, что Гасалу все же удалось как-никак провести мобилизацию в чехословацкую армию.

Если предположить, что все указанные в телеграмме воинские подразделения были укомплектованы полностью, то численность их личного состава могла составлять более тысячи человек. К тому же следует учитывать, что в сферу деятельности делегации входило только 5 районов, расположенных в горной малоразвитой и менее населенной части ЗУ, что мобилизации всячески противодействовали советские военные власти. Так, много это или мало, тысяча человек? Если сравнивать с приводимыми в литературе цифрами набора добровольцев в Красную Армию (15 тысяч человек), то мало, а если учитывать все вышесказанное, то довольно много. Согласно же сообщению Немца Фирлингеру от 22 февраля 1945 г. (правительственный делегат тогда находился уже на освобожденной территории Словакии. – *В.М.*), за период с 8 ноября 1944 г. по 15 февраля 1945 г. с территории Закарпатской Украины, переданной под чехословацкое управление, для пополнения 1-го чехословацкого корпуса было отправлено «презентированных» новобранцев и добровольцев в общем 15 офицеров и 6720 человек рядового состава²⁸⁰.

Вообще же, надо сказать, что о практической деятельности чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории ЗУ существуют очень скудные и отрывочные данные. В известных автору документах речь идет, по большей части, о ее взаимоотношениях с советскими военными и местными органами власти, а о том, что ей удалось или не удалось сделать в плане налаживания мирной жизни в подвластных ей районах, фактически ничего не известно. Многие, что касается ее деятельности, все еще остаются неясным. Требуется дополнительного выяснения также и некоторые другие вопросы, например, специально Немец был задержан на некоторое время в Москве под предлогом болезни, возможно «дипломатической» болезни, Вышинского или это было простое совпадение. Так или иначе, но в течение довольно продолжительного времени чехословацкая делегация оставалась без своего главы, и ее контакты с советскими военными и местными органами были либо вовсе прерваны, либо очень ограничены.

Обещанная Зориним встреча с Вышинским состоялась 27 декабря 1944 г. (В советской записи беседы значится дата 26 декабря 1944 г.). Кроме Фирлингера, Немца и Вало, в ней участвовали находившиеся в Москве проездом из Лондона, где велись переговоры с Бенешем, члены делегации Словацкого национального совета Я. Урсини, Л. Новомеский и М. Весел. Разговор, согласно депеше Фирлингера в Лондон, касался ситуации в Подкарпатской Руси и дальнейшего сотрудничества с советским командованием на территории Словакии. Видимо, для этого была приглашена на встречу с Вышинским и делегация СНС. Советское руководство предполагало вести речь не только о прошлом, но

и о будущем. Согласно советской записи беседы, она началась с изложения Фирлингером точки зрения чехословацкого правительства на события в Закарпатской Украине. Он заявил: «Президент и правительство Чехословакии считают основой своей политики тесную и нерушимую дружбу с СССР. Они желают найти такое решение вопроса о Закарпатской Украине, которое бы гарантировало „суверенные права формирующейся воли народа“ и создание демократического способа управления, считающегося с волей населения Закарпатской Украины. Вопрос о присоединении Закарпатской Украины к УССР может быть решен таким образом, чтобы его решение ни в коей мере не ослабило существующую дружбу между Чехословакией и СССР... Таковую установку получила и правительственная делегация во главе с министром Немецем, и она на основе этого стремится построить свои взаимоотношения с Национальным советом (т.е. Народной Радой. – *В.М.*) и народными комитетами Закарпатской Украины. Эти взаимоотношения должны базироваться на уважении полномочий и прав Национального Совета. Правительство Чехословакии не сделает ни одного шага, который мог бы подорвать, как выразился Фирлингер, суверенность и авторитет Национального Совета». То же самое, по существу, говорил и Немец.

Вышинский подчеркнул, что советское правительство строго придерживается договора и ничего не хочет делать вопреки нему. Тем не менее, он полагал, что оба правительства не могут игнорировать сильное народное движение на Подкарпатье, которое следует рассматривать не как преходящее явление или конъюнктурную акцию, а как *обоснованное с национальной и исторической точек зрения* (выделено. – *В.М.*) движение. Поэтому, по мнению Вышинского, от советского правительства нельзя ожидать, чтобы оно хотело затормозить это движение или выступить против него. (В советском варианте записи беседы слова Вышинского зафиксированы следующим образом: «К теперешнему народному движению в Закарпатской Украине по воссоединению с УССР следует относиться как к объективному историческому факту, отражающему вековые чаяния народных масс Закарпатской Украины. Я сказал, что мы не можем, разумеется, помешать населению Закарпатской Украины выражать свои чувства, желания и чаяния. Вместе с тем Советский Союз продолжает стоять на базе советско-чехословацкого договора от 8 мая 1944 г. (правильно – Соглашения. – *В.М.*), в соответствии с чем мы и согласились на назначение уполномоченного правительства Чехословакии на освобожденной территории. Споры же внутреннего порядка должны решать сами чехословаки.») Немец в ответ заявил, что и с чехословацкой стороны не было никаких попыток тормозить движение, что делегация имела в виду только свои конкрет-

ные задачи и всегда готова была к сотрудничеству с национальными комитетами. Подводя итог первой части разговора. Фирлингер, по его словам, констатировал, что точки зрения обоих правительств идентичны: «Президент Бенеш и его правительство не могут допустить изменения государственно-правового статуса Подкарпатья, тем не менее, между нами существует договор, что этот вопрос будет решен так, как это отвечает нашему тесному дружественному союзу с СССР, который мы хотим еще более укрепить». Вышинский, по словам Фирлингера, с этим согласился, после чего речь пошла о конкретных вопросах сотрудничества делегации с НРЗУ. Немец заявил, что ему безразлично в чехословацкой или в Красной Армии будут служить еще не мобилизованные военнообязанные жители Подкарпатья. Его поддержал Вало. (В советской записи беседы в связи с этим говорится: Немец и Фирлингер заявили, «что украинцы и русские, очевидно, не пожелают идти в чехословацкую армию. Они также спросили, как им быть с мобилизацией. Я напомнил Фирлингеру и Немцу, что советское правительство в свое время не возражало против мобилизации в чехословацкую армию чехов и словаков (по всей видимости, имелись в виду так называемые волынские чехи. – В.М.), хотя и советских граждан. Это было вполне правильно. Аналогична позиция советского правительства и в отношении добровольцев Закарпатской Украины. Мы берем в Красную Армию только украинцев и русских и не берем чехов и словаков. Против этого вряд ли можно что-либо возражать. Что касается вопроса о мобилизации, то, решая этот вопрос, следует учитывать все связанные с таким мероприятием последствия. Здесь в беседу вступил Вало, заявивший, что карпато-русы и карпато-украинцы в чехословацкую армию не пойдут, и что, следовательно, вопрос о мобилизации прямо связан с применением принудительных мер против нежелающих пойти в чешскую армию. Фирлингер и Немец заявили, что такие меры они категорически исключают. Дальше этот вопрос не углублялся.».) Вышинский, как сообщал Фирлингер, тем не менее, не отважился предложить какое-либо решение: все вопросы должны решаться между чехословацкой делегацией и Народной Радой на месте. Немец сказал, что это может произойти при благожелательной позиции советского командования. Для переговоров с Радой он намеревался делегировать в качестве своего представителя прибывшего из Лондона Петрушка. В связи с обсуждением вопроса о наборе добровольцев в Красную Армию, как отмечается в советской записи беседы, но ничего не говорится в телеграмме Фирлингера, Вышинский заметил, что «помощь, которую чехословацкое правительство оказывает нашей борьбе против немецких оккупантов, недостаточна. Фирлингер признал это, но поста-

рался не останавливаться на этом вопросе». Немец выразил желание как можно скорее отбыть вместе со словацкой делегацией на освобожденную территорию Словакии. «Общее мое впечатление, что касается ситуации на Подкарпатье, – сообщал Фирлингер, – переговоры прошли успешно. Следует подождать, как дело пойдет дальше. Правда, Немец в вопросе нашей мобилизации на Подкарпатье спонтанно пошел на принципиальные уступки, однако, я сомневаюсь, чтобы можно было иным способом преодолеть трудности». В конце беседы Вышинский задал Фирлингеру вопрос, «почему правительство Чехословакии до сих пор продолжает оставаться в Лондоне. Если бы, сказал я, оно находилось поближе, то это облегчило бы решение ряда серьезных вопросов, в том числе и относительно Закарпатской Украины. Мой вопрос о чехословацком правительстве внес явное замешательство в беседу. Фирлингер смущенно спросил: „Куда же ехать нашему правительству, в Москву?“ На это я ответил, что имеется значительная часть освобожденной чехословацкой территории. „Да, заметил Фирлингер, но это, ведь, Закарпатская Украина, откуда Немца попросили убраться“. Немец подхватил мою мысль и несколько раз повторил, что вопрос о пребывании чехословацкого правительства в Лондоне поставлен правильно и что действительно настала пора правительству быть поближе к своему народу». Перед уходом Фирлингер и Немец дали понять, что они хотели бы посетить Молотова. Вышинский обещал выяснить возможность этого. Беседа, как значится в советской записи, «протекала в дружественных тонах и продолжалась полтора часа»²⁸¹.

В тот же день Фирлингер получил приглашение вместе с Немцем посетить Молотова в Кремле. Беседа, продолжавшаяся три четверти часа, состоялась вечером 27 декабря. На ней присутствовали также Вышинский и Петрушак. О содержании беседы в двух пространных телеграммах в Лондон сообщил Фирлингер 28 декабря. Посол повторил Молотову, что говорил Вышинскому. Президент и правительство, сказал он, не считают возможным уже сегодня решить вопрос о Подкарпатье каким-либо радикальным способом, но намерены в данный момент «сделать это в абсолютно дружественном духе и в отношении СССР, и в отношении населения Подкарпатья». Он предлагал найти какое-нибудь временное решение, которое пока не касалось бы государственно-правового положения этой области. Молотов попросил Немца изложить его позицию относительно украинского движения на Подкарпатье и имеющиеся у него претензии к действиям советских органов. Немец ответил, что претензий не имеет, что движение стихийное и очень сильное. Фирлингер, в свою очередь, спросил у Молотова, имеет ли он какие-либо претензии к деятельности чехословацкой делегации

на Подкарпатье и считает ли он, что с чехословацкой стороны имели место какие-либо ошибочные или неправильные действия. Молотов ответил уклончиво, по сути повторив слова Вышинского, касающиеся оценки движения и позиции советского правительства, а также соображение о желательности перемещения президента и правительства поближе к освобожденной территории. Молотов попросил и Петрушака высказать свои соображения. Последний, по словам Фирлингера, заявил, что не думает, чтобы могли существовать какие-либо трудности между ЧСР и СССР, что единственная трудность состоит в стремлении украинского народа Подкарпатья присоединиться к Советской Украине и желательно, чтобы чехословацкое правительство как можно быстрее устранило эту трудность. В конце первой телеграммы Фирлингер писал: «Из разговора с Молотовым я вынес впечатление, ... что советское правительство хочет политически и экономически теснее с нами сотрудничать. На проблему Подкарпатья он смотрит, как на дело, в принципе решенное ходом событий, причем упомянул и о плебисците 1918 г. в пользу присоединения к Советской Украине (такового на самом деле не было. – В.М.). Тем не менее, советское правительство уважает существование договора и желание президента и правительства, чтобы вопрос остался открытым до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. Подчиняется оно этому пожеланию по собственной охоте или только от растерянности, сказать трудно». В дополнительной телеграмме Фирлингер писал, что он забыл сказать о том, что «Молотов извинился за многие инциденты на Подкарпатье, которые могли иметь место со стороны советских людей, особенно служащих Красной Армии. Люди уже утомлены войной, нервозны и могут легко перегнуть палку или допустить какие-нибудь промахи в атмосфере большого напряжения, вызванного сильным национальным украинским движением».

28 декабря, как сообщал Фирлингер, «мы собрались все снова, включая Готвальда и Копецкого, чтобы обсудить некоторые связанные с этим вопросы. Все участники вчерашнего разговора в Кремле вынесли из него исключительно благоприятное впечатление и считают его значение принципиальным, требующим зрелого взвешивания со стороны президента и правительства»²⁸².

29 декабря 1944 г. о своих впечатлениях от переговоров в Москве телеграфировал Бенешу и Немец. «Движение на Подкарпатской Украине за отрыв от республики и присоединение к Советскому Союзу в нынешней его фазе нужно считать движением народным и стихийным, – сообщал он. – Советский Союз считает его выражением национально-стремления и уважает его, как он уважает вообще проявление национальных стремлений славянских народов». Поэтому Немец рекомен-

довал правительству «немедленно заняться проблемой Карпатской Украины». «Исключено, – считал он, – чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном положении это означало бы господствовать путем насилия против народа и против намерений советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своем тылу». Немец советовал правительству официально сообщить Советскому Союзу, что оно готово принять требования съезда народных комитетов ЗУ, высказанные в манифесте от 26 ноября 1944 г., и просит СССР начать переговоры по этому вопросу. Немец, по его словам, обещал Молотову довести свои взгляды и предложения до чехословацкого правительства. Эти предложения, как утверждал Немец, были сформулированы «на общем совещании, в котором наряду с посланником и политическим советником Вало участвовали 28 декабря также все представители Словацкого национального совета, депутат Петрушак, депутаты Готвальд и Копецкий. После подробного и дружеского обсуждения и после внесения поправок и дополнений эта формулировка была единодушно принята»²⁸³. Таким образом, позиция Немца в вопросе оценки событий в ПР и действий чехословацкого правительства претерпела существенные изменения по сравнению с той, которая была изложена в документах, датированных 14 и особенно 15 декабря 1944 г. Очевидно, это было следствием тех встреч и бесед, которые имели место во время его пребывания в Москве.

Следует отметить, что Фирлингер, хотя и упомянул в своей телеграмме о совещании чехословацких деятелей в Москве, но ни слова не сказал о занятой его участниками, в том числе и им, судя по телеграмме Немца, позиции. По всей видимости, она стала известна и коммунистам в Лондоне. 8 января 1945 г. Носек сообщал в Москву Готвальду, что он посетил Бенеша и передал ему, в частности, следующее требование: «Д-р Бенеш должен заявить, что он намерен уважать волю карпато-украинского народа и что немедленно соглашается с тем, чтобы Карпатская Украина присоединилась к СССР»²⁸⁴.

Примерно такой же была и позиция Словацкого национального совета, восстановившего свою деятельность на освобожденной территории Восточной Словакии. 24 января им было принято решение, в котором говорилось: «Последствия решения съезда Национальных комитетов Закарпатской Украины и отклики на это в СССР являются не только вопросом уточнения границ между СССР и ЧСР, но, прежде всего, естественным правом народа Закарпатской Украины, этнически принадлежащего к украинскому народу, решать о том, в каком государственном образовании он хочет находиться. Поскольку речь идет о проб-

леме народа Закарпатской Украины, такое решение не может быть предметом международных постановлений. Принцип права на самоопределение закарпатских украинцев был признан также чехословацким правительством, о нем говорил министр Рипка на манифестации закарпатских украинцев в Лондоне в конце октября прошлого года в присутствии делегации СНС, а также Вы, господин президент, во время лондонских переговоров с нашими делегатами высказались в том смысле, что нахождение Закарпатской Украины в составе ЧСР нельзя рассматривать как постоянное. В этой ситуации мы рекомендуем Вам и правительству хорошенько подумать о том, чтобы взять мукачевское решение за основу немедленных переговоров с правительством СССР о присоединении Закарпатской Украины к СССР. Возражение, что немедленное решение этого вопроса могло бы создать прецедент для других территорий ЧСР, не выносит критики, поскольку проблема Закарпатской Украины является *исторической проблемой объединения украинцев* (выделено. – В.М.). В то же время откладывание решения могло бы нанести ущерб дружественным отношениям между СССР и ЧСР, что помимо прочего могло бы нехорошо повлиять на обеспечение дююнхенских границ Словакии. Шробар, Урсини, Новомеский»²⁸⁵. Урсини и Новомеский, как сказано выше, принимали участие в беседах с Вышинскими и Молотовым, а также обсуждали этот вопрос на совещании чехословацких политических деятелей в Москве.

Ни Бенеш, ни чехословацкое правительство не склонны были следовать подобным рекомендациям и требованиям. 30 декабря президент телеграфировал Фирлингеру, что беседы с Вышинским и Молотовым меняют ситуацию до такой степени, что ее детальное обсуждение не требуется. Он был удовлетворен ясностью в том, что вопрос о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси пока отложен и будет решен в данный момент дружески, «не задев добрых отношений обоих государств». Эта согласованная с Молотовым позиция, как предполагал Бенеш, могла бы быть уточнена во время его поездки через Москву на освобожденную территорию ЧСР. Встретившись 1 января 1945 г. с советским дипломатом Чичаевым, президент выразил свою удовлетворенность позицией Москвы и ее желанием отложить пока вопрос о Подкарпатье. «На своем пути на родину, – заявил он, – я поеду через Москву и обговорю все дело со Сталиным и Молотовым»²⁸⁶.

Выбрав линию поведения, Бенеш уже не склонен был прислушиваться к мнению людей, критически настроенных по отношению к ней. Он смирился с фактической потерей для Чехословакии Подкарпатской Руси и радовался тому, что Москва готова была отложить решение формальных вопросов на послевоенное время. Без внимания, видимо,

осталась и телеграмма Пики в Лондон от 3 января 1945 г., в которой он выражал несогласие с позицией и действиями Немца как главы чехословацкой делегации, а также оправдывал активность ее военных представителей, пытавшихся сформировать в ЗУ чехословацкие воинские части. Резко критически Пика оценивал действия советского военного командования и советских властей, которые, по его мнению, рассматривали освобожденную территорию как «неприкасаемую» и практически руководствовались принципом «Руки прочь от Подкарпатской Руси и тогда все будет спокойно». Обвинения его в намерениях создать оборонительную «тыловую» армию в ЗУ, по мнению Пики, носили политический характер. На самом же деле речь шла о необходимости обучения новобранцев, как и офицеров, не прошедших боевой подготовки, перед их включением в состав чехословацкого корпуса. Советские же военные власти вообще не хотели допустить формирования каких бы то ни было воинских частей в тылу сражавшейся Красной Армии, полагая, что они могут быть использованы против нее²⁸⁷. Думается, что такое предположение можно было тогда допустить только теоретически. На самом же деле противодействие созданию резервных частей чехословацкой армии на освобожденной территории ЗУ носило чисто политический характер и было вызвано опасениями, что командование новыми вооруженными силами Чехословакии может перейти к лицам, неугодным советским властям.

В тылу же Красной Армии, объявленном прифронтовой военной зоной, в это время активно действовали органы НКВД, НКГБ и советской военной контрразведки СМЕРШ. Деятельность НКВД на территории ЗУ осуществлялась согласно Постановлениям Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 16 и 18 декабря 1944 г. Первое из них предписывало провести на освобожденных Красной Армией территориях Румынии, Югославии, Венгрии, Болгарии и Чехословакии мобилизацию и интернирование для работы в СССР всех трудоспособных немцев – мужчин в возрасте от 17 до 45, женщин – от 18 до 30 лет. Их надлежало в течение декабря 1944 г. – января 1945 г. направить на «восстановление угольной промышленности Донбасса и черной металлургии Юга». Второе из указанных постановлений касалось охраны тыла действующей Красной Армии на территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии. НКВД обязан был завершить охрану тыла и коммуникаций в Чехословакии, т.е. фактически в ЗУ, к 25 января 1945 г. Что касается немцев, то, согласно донесению Берии Сталину и Молотову от 20 января 1945 г., из Чехословакии в СССР их было отправлено немного, всего 219 из общего числа 67 930 человек, интернированных в Югославии, Венгрии, Румынии и

Чехословакии²⁸⁸. Данными о том, сколько венгров и украинских коллаборационистов попало в ГУЛАГ или было мобилизовано на трудовые работы в ЗУ, автор не располагает. Виднянский и Гайдош, ссылаясь на архивные источники, утверждают, что только в течение ноября-декабря 1944 г. органами НКВД было задержано и отправлено в лагеря для военнопленных 22 951 бывших военнослужащих венгерской армии (жителей Подкарпатья), в большинстве мобилизованных в хортистскую армию насильно накануне вступления советских войск на территорию ЗУ, а также 8564 венгра и немца.²⁸⁹ Согласно ныне опубликованным данным, 13 августа 1945 г. было принято подписанное Сталиным Постановление Государственного комитета обороны, обязывавшее НКВД освободить и отправить на родину военнопленных рядового и унтер-офицерского состава из числа находившихся в СССР в районах бывших фронтов, в том числе всех военнопленных славянских национальностей, среди которых значились 32 600 чехословаков (чехов, словаков, русин). Позиция Берии была обозначена на документе коротким – «За»²⁹⁰. Согласно информации наркома внутренних дел СССР С.П. Круглова Молотову, на 1 января 1946 г. в тыловых лагерях НКВД числилось, в частности, 1386 русин, переданных сюда из «рабочих батальонов наркомата обороны», и после соответствующей проверки предполагалась их передача в лагерь органов репатриации²⁹¹. В целом же можно сказать, что о деятельности специальных советских органов на территории ПР пока мало что известно.

Естественно, никто не собирался согласовывать действия этих органов с чехословацкой администрацией, к тому же оставшейся более чем на месяц без своего главы. Немец же, выполнивший, как он полагал, свою миссию в Москве, торопился на родину, но уже не в Закарпатскую Украину, а в Словакию. 14 января 1945 г. Немец, Вало и находившаяся в СССР проездом из Лондона делегация СНС отбыли из Москвы и 16 января прилетели в Мукачево. Буквально накануне их прилета, 15 января, Гасал отправил в чехословацкое посольство для Немца телеграмму, в которой сообщалось, что 14 января милиция г. Хуст по приказу Окружного национального комитета заняла часть здания, где размещалась чехословацкая правительственная делегация. Но на верхние этажи здания, говорилось в телеграмме, милиция «не проникла ввиду отпора советского охранения». Милицейский командир заявил, что у него есть приказ занять и очистить здание «даже ценой кровопролития». Комендант города, писал Гасал, считал все это «нашим внутренним делом и отказался вмешиваться, пока дело не дойдет до инцидента». Члены делегации вступили в переговоры с ОНК и получили от него письмо со следующими требованиями: «1. Чтобы делегация в Ху-

сте и Хустском округе немедленно прекратила всякую деятельность и вмешательство во внутренние дела нашей национальной власти. 2. Чтобы немедленно провела разоружение войсковых частей и жандармерии и отправила их на фронт. 3. Чтобы немедленно сняла всё пограничное охранение и разоружила его. 4. Чтобы покинула нашу территорию не позднее одной недели, т.е. до 21 января 1945 г.». Ответ следовало дать до 12 часов 15 января. На совещании политических советников делегации было решено информировать о случившемся посла в Москве, затребовать инструкции для дальнейших действий и ответить ОНК, что на первый пункт требований делегация согласна и выполнит его, по второму, третьему и четвертому пунктам начнет вести переговоры с командующим фронтом, а по четвертому – с правительственным делегатом. Было постановлено также просить командование фронтом о беседе «с целью разрешения создавшегося положения». Мы считаем, говорилось в телеграмме, что продолжение пребывания делегации в Хусте ухудшает обстановку. Полученная в Москве по линии советской военной связи телеграмма была направлена Молотову и первому заместителю начальника Генштаба Красной Армии А.И. Антонову. На документе – помета: «Телеграмму в чехословацкое посольство не направлять до получения указаний»²⁹². Была ли она получена адресатом, не известно.

Но Немцу о ее существовании и принятых в связи с этим оставшимися в Хусте членами делегации решениях, конечно, стало известно сразу по прибытии в Мукачево. 18 января он побывал в Штабе 4-го Украинского фронта, где договорился о перемещении правительственной делегации на освобожденную территорию Словакии. В Ужгороде с согласия НРЗУ в качестве представителя чехословацкой администрации был оставлен Петрушак вместе с небольшим аппаратом гражданских и военных чиновников²⁹³. Вскоре он «по совместительству» возглавил и профсоюзы ЗУ. Резиденцией правительственного делегата в Восточной Словакии стал г. Кошице. Именно туда приезжал Петрушак, чтобы решить с Немцем некоторые текущие вопросы, например, о выплате пособий семьям военнослужащих из ЗУ, о репатриантах из Чехии и Словакии, об организации охраны железной дороги на участке Вылок-Чоп, о возможности получения помощи Красного Креста и т.д. Немец вел с ним, в частности, переговоры об освобождении некоторых арестованных в ЗУ чехословацких граждан, о необходимости учитывать границу 1938 г. между Закарпатской Украиной и Словакией при проведении закупок продовольствия в пограничных областях²⁹⁴.

Добавим еще, что в марте 1945 г. И.Е. Петров был снят с поста командующего 4-ым Украинским фронтом и назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта. Официальной причиной его переме-

щения были трудности в Западно-Карпатской операции (12 января – 18 февраля 1945 г.) и невысокий темп продвижения советских войск²⁹⁵. Однако, гипотетически можно предположить, что помимо указанной имели место и политические причины. В это время готовился к переезду на освобожденную территорию Словакии проездом через Москву Бенеш. Конфликт Петрова с чехословацкой правительственной делегацией мог сыграть отрицательную роль в дальнейших, уже достаточно напряженных, советско-чехословацких отношениях. Новый командующий 4-ым Украинским фронтом генерал армии А.И. Еременко в этом плане мог начинать с «чистого листа».

11. МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕЗОНАНС СОБЫТИЙ В ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

События в ПР между тем начали получать международный резонанс. Союзников СССР по антигитлеровской коалиции, Англию и США, интересовали прежде всего его намерения относительно этой стратегически важной области, после включения которой в свой состав Советский Союз, как уже отмечалось, получал выход в Центральную Европу. Кроме того, проблема Закарпатья стала пробным камнем деклараций СССР о невмешательстве во внутренние дела освобождаемых им стран. 16 декабря Фирлингер посетил американского посла в Москве В.А. Гарримана, который между прочим расспрашивал его и о положении в Карпатской Украине. Разъяснения Фирлингера были сформулированы таким образом, чтобы не вызвать у посла беспокойства: «Там сильное движение среди украинского населения за присоединение к СССР, экономическое же положение там стабилизируется. Советские органы нам помогают, однако во внутривластных вопросах сохраняют сдержанность». На вопрос Гарримана, является ли украинское движение «трудной проблемой» для чехословацкого правительства, Фирлингер сказал, что Бенеш «на это смотрит спокойно» (хотя это было далеко не так), что «украинский национализм всегда был чувствительной проблемой, которая создавала трудности для Москвы», но Бенеш уверен, что сможет договориться с СССР. Гарриман отметил мудрость позиции президента²⁹⁶.

Ф.Б. Николс, английский посол при чехословацком правительстве в Лондоне, 21 декабря 1944 г. тоже интересовался у Рипки, что происходит в Подкарпатской Руси и что делает немец в Москве. Договорив-

шись с послом поговорить об этом подробнее после Рождества, Рипка пока сказал ему, что на Подкарпатье возникли трудности, связанные с украинским движением и что Немец отправился в Москву для выяснения ситуации. «Из замечаний Николса ясно, – сообщал Рипка Бенешу, – что они уже много сами знают, очевидно, от британского посольства в Москве». 29 декабря состоялась новая встреча Рипки с Николсом. И опять речь шла о Подкарпатье. Рипка объяснил послу, что возникшие там «недоразумения» являются следствием двух главных причин: «а) не было надлежащим образом выяснено, может ли Немец уже принимать управление, когда еще продолжались военные операции», «б) быстро возникло движение за присоединение Подкарпатья к Советской Украине». Подробнее говоря о второй из названных им причин, Рипка добавил: «Это нас не удивило, мы знали, что раньше или позже оно определено возникнет – это неотвратимое следствие сильного молодого украинского национализма. Согласно некоторым имеющимся у нас отрывочным сообщениям, движение было поддержано и некоторыми советскими украинскими офицерами. К местным украинским националистам, которые, однако, в большинстве своем являются коммунистами, присоединились, естественно, сейчас же многие мадяроны и коллаборационисты, чтобы этим радикализмом защитить себя». Далее Рипка сообщил Николсу, как чехословацкое правительство намерено урегулировать конфликт и что оно надеется на положительный результат, «хотя это не будет на 100% удовлетворительно». «У нас впечатление, добавил он, – что происходящее на Подкарпатье неприятно советскому правительству. Очевидно, украинский национализм так силен, что с ним необходимо считаться, хотя для него (советского правительства. – *В.М.*) из этого могут возникнуть серьезные международные трудности». На вопрос Николса, «не двойная ли это игра», Рипка ответил отрицательно и сказал, что верит в дружественные намерения Москвы в отношении Чехословакии. Николс одобрил действия чехословацкого правительства, подчеркнув необходимость стоять на позициях советско-чехословацкого договора, отстаивать домюнхенские границы и настаивать на перенесении переговоров о территориальных изменениях на послевоенное время. Посол только заметил, что опасается, как бы из «подкарпатского инцидента» не возникли новые трудности между союзниками. (Напомним, что в это время такие трудности уже существовали в связи со стремлением СССР добиться признания Польского комитета национального освобождения в качестве временного правительства Польши и в связи с определением советско-польских границ. – *В.М.*) Рипка заверил Николса, что чехословацкое правительство постарается не допустить этого: «Мы заинтере-

сованы в согласии великих держав, знаем, что, если они начнут между собой спорить, расплачиваться за это всегда будут малые государства». Посол также одобрил намерения чехословацкого правительства переехать на освобожденную территорию²⁹⁷.

Николс был не единственным, кто высказал опасения за дальнейшую судьбу Подкарпатья. 15 января 1945 г. Таборский записал в своем дневнике: «Как и следовало ожидать, и как президент правильно предупредил, советские действия в отношении Подкарпатской Руси использованы, как против русских, так и против нас»²⁹⁸. Советские органы внимательно следили за тем, как освещаются в мире события в Подкарпатской Руси. Об этом свидетельствовали, в частности, обзоры иностранной прессы, подготовленные для ОМИ ЦК ВКП(б)²⁹⁹. Обращалось внимание на следующие материалы. Американский журналист Лихнер, корреспондент агентства «Ассошиэйтед Пресс» в Лондоне, 12 января 1945 г. сообщал: «Бенеш боится, что Советский Союз намерен аннексировать Закарпатскую Украину, а лидер карпатских украинцев Петрушак предложил чехословацкому правительству уступить Закарпатскую Украину СССР. Предложение Петрушака сильно испугало Бенеша, который решил при первой возможности вернуться в Чехословакию со всем своим кабинетом... Предложение Петрушака вызвало особенно сильное беспокойство потому, что по его проекту территория Закарпатской Украины выходит за пределы ее нынешних границ. Петрушак считает, что в нее должна войти территория Словакии, включая Штрбское Плесо (т.е. Восточная Словакия. – В.М.)». Телеграмма Лихнера вызвала большую сенсацию в Нью-Йоркской печати. Некоторые газеты, прежде чем опубликовать ее, обратились к чехословацкому информационному центру с просьбой прокомментировать это сообщение. Руководитель центра Я. Папанек, опираясь, несомненно, на указания чехословацкого правительства, официально заявил: «Сообщения о планах Советского Союза, направленных на включение Закарпатской Украины в состав Советской Украины, лишены всякого основания. Я подозреваю, что это сообщение исходит из источников, стремящихся нанести ущерб отношениям между Объединенными нациями. Отношения между Чехословакией и Советским Союзом были и остаются самыми сердечными»³⁰⁰. Но публикации в американской печати не прекращались. Корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в Лондоне Даниэль писал 21 января 1945 г.: «Чехословацкие круги в Лондоне удивлены тем, что Советский Союз, очевидно, поощряет деятельность украинских ирредентистов в Закарпатской Украине. Чехи не склонны подвергать сомнению подлинность народных требований населения Закарпатской Украины о присоединении к Советской Украи-

не. Если Советский Союз прямо попросит об аннексии Закарпатской Украины, вряд ли Бенеш будет серьезно возражать. Однако дипломатические круги удивлены тем, что Советский Союз поддерживает требования ирредентистов в радиопередачах из Киева. По их мнению, СССР применяет такие методы для выражения своего недовольства тем, что правительство Бенеша не признало публично временное польское правительство... Раньше Советский Союз не проявлял большого интереса к Закарпатской Украине, и, по мнению некоторых лиц, Москва поднимает этот вопрос, как средство заставить Бенеша привести политику чехословацкого правительства в большее согласие с политикой Москвы». Надо сказать, что эта версия имела хождение в дипломатических кругах. Её поддерживал, в частности, и Немец в одной из своих телеграмм в Лондон в конце декабря 1944 г. Возможно, подобное утверждение не было лишено оснований, но глубинной сути советской политики в отношении ПР оно не объясняло.

События в ЗУ обсуждались и английской печатью. Лондонский «Экономист» 19 января 1945 г. задавался вопросом, «не появились ли над безмятежной русско-чехословацкой дружбой черные тучи?». «Оккупация Красной Армией Прикарпатской Украины, – утверждала газета, – была проведена в результате требований, выдвинутых в Киеве, о присоединении этой страны к Советской Украине... Это требование, возможно, отражает подлинные желания народа. Более двух третей жителей Прикарпатской Украины, т.е. 750 000 человек, является украинцами. В этническом и социальном отношении эта страна гораздо теснее примыкает к Буковине и Восточной Галиции, чем к Богемии и Моравии. Дровосеки и пастухи этой отдаленной и забитой провинции живут в страшной нищете, и даже до войны среди них наблюдалась тяга к Советской Украине. Возможно, что правительство д-ра Бенеша не стремится к возвращению Прикарпатской Украины, которая была аннексирована Венгрией в 1939 г., но вряд ли оно может считать подобный русский способ разрешения вопроса слишком благоприятным... Хотя Москва заняла официальную позицию невмешательства и передала этот вопрос „независимому“ правительству в Киеве, тем не менее ясно, что советское правительство готово поощрить ирредентизм Прикарпатской Украины. Эта позиция находится в резком противоречии с русским обещанием восстановить Чехословакию в домюнхенских границах. Это плохо вяжется со столь прославлявшейся искренностью русско-чешской дружбы».

Примерно в том же духе, очевидно опираясь на английскую прессу, писали и шведские газеты. В частности, «Гетеборг Тиднинген» 24 января 1945 г. утверждала: «Бенешу будет очень трудно удержать Кар-

патскую Украину, если ее население в самом деле высказалось за присоединение к Советскому Союзу. Никаких исторических прав на нее Чехословакия не имеет... Как исторически, так и по своему языку Карпатская Украина должна считаться составной частью Украины... Президент Масарик временно принял ее в состав Чехословацкой республики, но готов был отступить от нее в пользу России... Как бы то ни было, Бенешу будет трудно отказаться от заявления Масарика».

От прочих не отставала и польская печать в Лондоне. Газета «Дзенник Польски – Дзенник Жолнежа» поместила телеграмму польского агентства ПАТ из Стокгольма под заголовком «Претензии России на Прикарпатскую Русь – ухудшение русско-чехословацких отношений». Газета объясняла эти претензии желанием России «раз и навсегда разрешить украинскую проблему». «В результате присоединения Восточной Польши (т.е. Западной Украины и Западной Белоруссии. – В.М.) и Прикарпатской Руси к Советской Украине возникнет великая Украина в пределах СССР... Вопрос о Прикарпатской Руси является для Чехословакии неприятным ударом... склонность к компромиссу не спасла Чехословакию от ампутации Прикарпатской Руси», – говорилось в статье.

В то время как в американской и английской прессе обращалось внимание главным образом на внешнеполитические аспекты проблемы, в официальной печати Протектората Богемия и Моравия, а также Словакии упор делался еще и на желании Москвы «большевизировать» захваченные территории. Например, пражский официоз газета «Поледни листы», писала 15 января 1945 г.: «Сталину не нужно восстановление бывшего Чехословацкого государства, он хочет повсюду иметь только большевистские республики. В некоторых странах осуществление этого плана подвигается медленно, но в Карпатской Украине – очень быстро. Все это свидетельствует о безуспешности политики Бенеша... Эти события только лишний раз подтверждают, что большевистская политика всегда одинакова. Когда большевизация этой страны будет осуществлена, наступит очередь других стран. Поэтому мы знаем, что должны вести против этого ожесточенную борьбу, завоевав в кровавых боях новую Европу, в которой не будет ни большевиков, ни тех, кто может пойти на сотрудничество с большевиками». Братиславская правительственная газета «Словак» писала 24 января 1945 г., что Петрушак требует от Бенеша присоединения к СССР Восточной Словакии, а братиславское радио в передаче на немецком языке утверждало: предполагаемое включение Карпатской Украины в СССР свидетельствует о том, что советско-чехословацкий договор 1943 г. был лишь «инструментом расширения советского империализма на Центральную Европу»³⁰¹.

Вся эта шумиха вокруг вопроса о ЗУ развернулась в западной прессе примерно в середине января 1945 г. Таборский записал по этому поводу в своем дневнике 26 января: «От наших дипломатических представителей в мире постоянно приходят сообщения о том, какой неблагоприятный отзвук всюду вызвали советские действия на Подкарпатской Руси. Статьи и радиокomentarии, неблагоприятные для СССР, появляются повсюду. Некоторые комментаторы усматривают в этом проявление далекоидущих экспансионистских устремлений России и ее неискренность по отношению к своему верному союзнику. Это – как раз то, о чем президент предупреждал»³⁰².

12. ОБМЕН ПОСЛАНИЯМИ: СТАЛИН – БЕНЕШ. ЯНВАРЬ 1945 г.

Советское руководство тоже, очевидно, не могло пропустить «мимо ушей» всплеск в мире интереса к событиям в ЗУ и резких оценок позиции СССР. Кроме того, оно, видимо, намеревалось – и в этом правы были некоторые дипломатические круги – использовать решение вопроса о ЗУ для нажима на чехословацкое правительство в плане признания им временного польского правительства. 23 января 1945 г. Готвальд был приглашен на встречу с Молотовым. На беседе, с ее середины, присутствовал и Сталин. Согласно словам Готвальда, советские руководители «хотели быть лучше информированы о событиях в Подкарпатье и, особенно, о том, как эти события понимаются чехословацкой стороной». Вышеизложенное дает основание полагать, что кремлевское руководство было достаточно хорошо информировано о происходящем в ЗУ и, возможно, хотело лишь уточнить отношение чехословацких коммунистов к этим событиям. Сталин фарисейски вопрошал, не осуществляется ли давление на Немца со стороны украинцев, и утверждал, что «действительно с этой стороны было много неприятностей». Как бы извиняясь, советский лидер заявил, что в ЗУ было много людей, которые слишком рьяно взялись за дело, и что виновные будут привлечены к ответственности. Готвальд, по его словам, рассказал Сталину о мукачевском меморандуме, о чем, дескать, Сталин не знал. Умения лицедействовать, как известно, советскому лидеру было не занимать, и его удивление могло показаться Готвальду действительно искренним. Сталин обещал содействовать тому, чтобы чехословацкая правительственная делегация могла как можно быстрее перебраться

на территорию Словакии. Командование фронта, как понял Готвальд, теперь получило точные инструкции о дальнейших действиях; никакого набора добровольцев в Красную Армию больше не будет. Вместе с тем, Сталин объяснил, имея в виду и прошлое, и будущее, что в условиях, когда «на всем протяжении фронта от Балтики до Дравы ведутся тяжелые бои, о которых на Западе и понятия не имеют», образование «какой бы то ни было абсолютно свободной зоны в ближайшем тылу, в которой могли бы существовать различные трудно контролируемые иностранные органы, проблема – чрезвычайно деликатная; какая-либо легкомысленность в этом плане может иметь тяжелые последствия»³⁰³. С этой точки зрения Сталин, безусловно, был прав. Но дело было в том, что понятия «ближайший тыл» и «зона военных операций» определены не были и могли произвольно толковаться. Тут же, в присутствии Готвальда, Сталин продиктовал послание Бенешу, в котором сформулировал советскую позицию в отношении ЗУ.

Беседа состоялась вечером 23, а утром 24 января Готвальд коротко сообщил о ней по телефону Фирлингеру. В тот же день чехословацкий посол был приглашен к Молотову, который поставил его в известность о беседе с Готвальдом и передал письменный текст послания Сталина Бенешу, сказав, что он будет вручен президенту в Лондоне Чичаевым. Молотов, согласно сообщению Фирлингера Бенешу 24 января, допускал, что на Подкарпатье со стороны советских людей были допущены ошибки, но было бы несправедливо обвинять советское правительство или советские органы в том, что они собираются оторгнуть его от ЧСР. Из действий Сталина ясно, полагал Фирлингер, что «советское правительство чувствует себя оскорбленным подозрением, которое проявляют некоторые чешские круги в этом деле, о чем Москве известно из разных источников». На вопрос Фирлингера, может ли быть письмо Сталина использовано открыто, Молотов ответил утвердительно, подчеркнув, что «это, наоборот, будет хорошо»³⁰⁴. Позже выяснилось, что Бенеш почему-то не ознакомил с содержанием письма даже многих людей из своего ближайшего окружения. 25 января Чичаев вручил Бенешу послание Сталина. Президент просил советского дипломата немедленно поблагодарить Сталина и сообщить ему, что на днях он направит ему личное письмо. В послании Сталина говорилось: «Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что Чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами». Сталин считал, что такое предположение основано на недоразумении. «Советское правительство, – писал он, – не запрещало и не

могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия». Сталин расценивал как оскорбительное для советского правительства предположение о том, что оно намерено нарушить советско-чехословацкий договор. Вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением, полагал Сталин, должен быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом либо до окончания, либо после окончания войны с Германией, «когда это найдут целесообразным оба правительства»³⁰⁵.

Интересна была неофициальная реакция Бенеша на послание, зафиксированная в дневнике Таборского 26 января: «Из этого видно, что Сталин хочет нас успокоить. В конце концов, по всей вероятности, недоразумение можно будет уладить. Однако президент полон решимости отложить решение о Подкарпатской Руси вплоть до времени возвращения на родину. Интересно также, что Сталин разговаривал в этой связи с Готвальдом, который сначала посетил Молотова. Таким образом, Готвальд, собственно, стал в этом важном деле нашим послом вместо преуспевающего Фирлингера»³⁰⁶. А действительно, почему именно Готвальд представлял интересы чехословацкого правительства в вопросе о Подкарпатской Руси перед Сталиным?

О существовании послания стало известно из мемуаров Фирлингера, увидевших свет в 1948 г., а опубликовано оно впервые было в 1960 г.³⁰⁷ С тех пор этот документ включался в разные публикации, но никто из исследователей, насколько известно автору, не задавался вопросом, почему именно в беседе с Готвальдом Сталин решил более четко изложить советский взгляд на будущее ЗУ. Рискнем дать собственную версию ответа на поставленный вопрос. Готвальд был приглашен в Кремль не для того, чтобы обсудить этот очень важный для Бенеша, но не столь важный для Сталина вопрос, а по другому поводу. По какому? Понять это можно лишь, рассматривая приглашение руководителя чехословацких коммунистов на беседу в контексте тех конкретных действий, которые предпринимались советским руководством тогда в плане укрепления позиций Москвы в освобождаемых странах Восточной Европы. Главным в то время было создание в странах так называемой зоны безопасности Советского Союза не советских, а дружественных, лояльных ему правительств. Уже полгода существовал созданный в Москве Польский Комитет Национального Освобождения (ПКНО), и СССР добивался его признания в качестве временного польского правительства. Под контролем и по согласованию с совет-

скими властями в декабре 1944 г. проходило формирование Временно-национального собрания и так называемого Дебрецинского правительства Венгрии. В декабре 1944 г. и в начале 1945 г. Вышинский посетил Румынию, чтобы лично проконтролировать, как идут дела в этой стране и содействовать приходу к власти лояльного Советскому Союзу правительства П. Гроза. 4 января 1945 г. румынские коммунисты А. Паукер, Г. Георгиу-Деж и Апостол были приняты Сталиным, который дал им конкретные советы в отношении политики компартии в стране и проведения курса на создание правительства Национально-демократического фронта. 9 января 1945 г. Сталин беседовал с главой делегации Народного комитета освобождения Югославии коммунистом А. Хебрангом, высказав, в частности, соображение, касающееся присоединения к той или иной стране территорий: их население должно требовать этого. 26 января 1945 г. секретарь ЦК БРП(к) Т. Костов сделал в ОМИ ЦК ВКП(б) информационный доклад о положении дел в Болгарии и политике компартии. 28 января 1945 г. Сталин принял югославскую и болгарскую делегации в связи с обсуждением проекта союзнического договора между Югославией и Болгарией и создания федеративного государства. 5 февраля 1945 г. секретарь ЦК КПЮ Э. Кардель информировал ОМИ ЦК ВКП(б) о ситуации в Югославии³⁰⁸. Таким образом, что касается Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Югославии советские правительственные и партийные органы уже предприняли определенные, и не безуспешные, шаги для укрепления в этих странах влияния СССР и национальных компартий. Другое дело – Чехословакия, которая для Москвы имела особое значение как важный проводник и «форпост» советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе³⁰⁹. Здесь, хотя и существовали очень важные официальные советско-чехословацкие договоренности (декабрьский договор 1943 г., майское соглашение 1944 г.), но контакта с чехословацкой компартией на высшем уровне пока не было. Готвальд до того времени общался лишь с Димитровым, сначала как главой Исполнительного комитета Коминтерна, а затем как руководителем ОМИ ЦК ВКП(б). Этот «пробел», думается, и решило восполнить советское руководство, пригласив Готвальда на беседу с Молотовым. Появился ли в его кабинете Сталин по заранее разработанному сценарию или это был «экспромт», впрочем, как всегда, продуманный до мелочей, останется, видимо, навсегда тайной. К этому времени Красная Армия уже вступила на территорию Восточной Словакии: 20 января Москва салютовала войскам 4-го Украинского фронта, освободившим города Прешов, Кошице и Бардеев³¹⁰. Бенеш принял решение о переезде на родину через Москву для обсуждения ряда аспектов советско-чехосло-

вацких отношений с советским руководством. Вопрос о создании нового чехословацкого правительства стал, как никогда, актуальным. Молотов и Сталин хотели составить личное впечатление о руководителях чехословацких коммунистов и дать ему соответствующие рекомендации. С этой целью он и был приглашен в Кремль. Вопрос о ЗУ являлся как бы попутным, но затем, поскольку о содержании беседы было известно очень мало, он стал изображаться в виде центрального на этой встрече. Давались ли Готвальду какие-либо советы, связанные с политикой КПЧ в освобожденной стране и формированием нового правительства, точно не известно. Но, если исходить из логики вышеперечисленных шагов советского руководства в других странах Восточной Европы, то можно предположить, что давались. Может быть, давались не впрямую, намеками, но Готвальд был достаточно опытным политиком, чтобы уловить желания кремлевских стратегов. Готвальд сам никогда не говорил об этой встрече во всеулышание, может быть, только с самыми близкими ему людьми, в частности, с В. Копецким. В 1946 г., когда отмечалось 50-летие Готвальда, Копецкий написал воспоминания о его деятельности в Москве в годы войны. В этой хвалебной, имеющей чисто пропагандистский характер брошюрге, упоминается, в частности, о встрече Готвальда со Сталиным в конце 1944 г. Такой встречи, насколько известно на сегодняшний день, не было. Скорее всего, Копецкий, никогда не придерживавшийся точности в своих работах, имел в виду встречу 23 января 1945 г. и описывал подробности этой встречи явно со слов самого Готвальда. Однако, видимо, описана та часть встречи, которая проходила уже без Молотова. «Товарищ Готвальд, – пишет Копецкий, – пришел к товарищу Сталину в полпервого ночи, и их разговор продолжался целых шесть часов, до семи часов утра». Далее описывается, с какой симпатией Сталин говорил о Чехословакии, о чешском и словацком народах, восхищался их демократичностью и добросердечностью, вспоминал о видных чешских коммунистах Б. Шмерале и А. Запотоцком, говорил о немцах, указывая, как должны действовать славяне, чтобы «никогда не повторилась трагедия их кровавого уничтожения чудовищной немецкой военной машиной». Во время шестичасовой беседы, которая, как видно из описания, протекала в очень непринужденной обстановке, по словам Копецкого, «товарищ Готвальд обсудил с маршалом Сталиным много важных вопросов»³¹¹. Это многочасовое ночное застолье объясняет, почему Готвальд поставил в известность Фирлингера о своей беседе с Молотовым и Сталиным только утром 24 января. При этом он сообщил послу только то, что считал необходимым и то, что касалось внешнеполитических вопросов, т.е. непосредственно деятельности посольства.

О содержательной стороне встречи Готвальда со Сталиным упоминал в своих воспоминаниях и Г. Гусак, который в феврале 1945 г. в течение трех недель находился в Москве и неоднократно общался с Готвальдом. В беседе со Сталиным (23 января 1945 г.), по словам Гусака, помимо прочего, велась дискуссия по основным вопросам политики партии в период освобождения и в последующий период. Сталин советовал К. Готвальду проявлять максимум осторожности и тактичности, например, при решении словацкого вопроса, считаться с Бенешем, достигнуть договоренности с ним, как с президентом. «После осложнения вокруг польского вопроса, – вспоминал Гусак, – когда разрыв с польским эмигрантским правительством в Лондоне оказывал весьма отрицательное воздействие и на совместные действия с западными союзниками, Сталин хотел избежать аналогичных проблем и осложнений с Бенешем и его правительством, тем более, что это было единственное эмигрантское правительство, заключившее союзнический пакт с СССР»³¹². Этим, видимо, и объяснялось в первую очередь появление Готвальда в Кремле 23 января 1945 г.

Примечательно, что уже через неделю, 1 февраля 1945 г. Готвальд вместе с Копецким посетили Димитрова, с которым, судя по короткой дневниковой записи последнего, обсуждали вопросы деятельности чехословацкой компартии и приезда в Москву Бенеша³¹³. Сразу после этого Загранбюро КПЧ развернуло бурную деятельность по подготовке программы и состава нового чехословацкого правительства, о чем Бенеш, в частности, намеревался вести переговоры в Москве.

Такова версия появления на свет послания Сталина Бенешу, на которое он ответил 29 января 1945 г. Президент поблагодарил Сталина за ясное и точное изложение его позиции и в свою очередь постарался ясно сформулировать свою точку зрения. Происшедшее в ЗУ он характеризовал как события «чисто местного характера» и как «следствие участия в них чисто местных деятелей», к чему «присоединились некоторые заявления киевской радиостанции». Бенеш заверял Сталина, что ни он «лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими государствами». Далее он выражал желание, чтобы вопрос был решен по согласованию между Чехословакией и Советским Союзом «по окончании войны с Германией, т.е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге». Из этой формулировки следует, что Бенеш, оттягивавший до самого последнего дня перед открытием Ялтинской конференции при-

знание ПКНО временным польским правительством, надеялся использовать в будущем вопрос о ЗУ как средство давления на советское правительство в урегулировании территориальных чехословацко-польских проблем. Бенеш подчеркивал неизменность своей позиции в вопросе о ЗУ по сравнению с сентябрем 1939 г. и желание окончательно решить его «в духе полной дружбы» с СССР, не допустив вмешательства других держав³¹⁴. Комментируя письмо Бенеша Сталину, Таборский записал в своем дневнике: «Письмо президента является классическим доказательством охлаждения, которое произошло в наших отношениях с Советским Союзом после визита президента в декабре 1943 г.». Приводя некоторые выдержки из письма, он подчеркивает неадекватность содержащихся в них утверждений действительности (например, «ни президент, ни правительство ни на одну минуту не сомневались...»). «Скорее наоборот! Такие опасения тут были и есть, – записал Таборский. – Но в стремлении сохранить, что можно, президенту не остается ничего другого, как делать вид, что мы полностью верим обещаниям Сталина, и попытаться таким образом предотвратить худшее. Конечно, для президента речь идет ни в коем случае о Подкарпатской Руси, от которой он готов действительно отказаться, а о том, чтобы воспрепятствовать чему-либо подобному в Словакии»³¹⁵.

События в ЗУ, заявления Петрущака о том, что Восточная Словакия, где было много украинцев (русин), должна вместе с Подкарпатской Русью быть присоединена к Советской Украине, действительно давали основания для опасений подобного рода. Но, думается, Сталин тогда не хотел заходить так далеко, опасаясь международных осложнений и не желая портить отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции накануне Ялтинской конференции. Это подтверждается и указанием командованию 4-го Украинского фронта не проводить набор добровольцев в Красную Армию на освобожденной территории Словакии, а также координировать действия по налаживанию мирной жизни там со Словацким национальным советом. Но Бенеш уже начал освобождаться от иллюзий в отношении Сталина и коммунистов, которые он питал некоторое время назад, например, в декабре 1943 г. Это следует, в частности, из его комментирования результатов Ялтинской конференции, записанного Таборским: «Если бы это было действительно так, если бы лишь половина этих обещаний была выполнена, то все было бы в порядке. Но коммунисты никогда таких обещаний не выполняют, разве что их к этому вынудила бы решительность Западных держав... Я хорошо понимаю, почему Рузвельт и Черчилль придают такое значение тому, чтобы получить от Сталина буквальные заверения, что Советы будут придерживаться принципов Атлантической

Хартии. Они получают тем самым ясное сталинское обязательство не вмешиваться во внутренние дела в Центральной и Восточной Европе. Но, надеюсь, теперь они уже осознают, что то, от чего все зависит, это дела, а не слова, и что они будут следить за тем, чтобы Сталин эти обещания хотя бы в основном выполнил. Решительная твердость и эффективная реакция на каждое нарушение обещаний, это – единственно правильная англо-американская политика в отношении России. И западные союзники теперь это уже могут себе позволить, поскольку война сегодня уже практически выиграна. Но я боюсь, что ни англичане, ни американцы не готовы к тому, чтобы с этой жесткой реальностью справиться. Они будут говорить о демократии, в то время как коммунисты будут им свертывать шею, где и когда это смогут»³¹⁶. О своей озабоченности, «не опасениях», как он подчеркнул, относительно того, «что будут делать Советы и Красная Армия» на территории Чехословакии, Бенеш говорил и Черчиллю, к которому вместе с Масариком был приглашен на обед 24 февраля 1945 г. Однако президент выразил надежду, что «ситуацией можно будет овладеть». Бенеш разъяснил Черчиллю, на какой стадии находится решение вопроса о Подкарпатской Руси и что означает обмен письмами Сталин – Бенеш. Черчилль подчеркнул свою веру в то, что «русские останутся в границах своих сил и возможностей, а если бы их перешли, то наткнутся на англичан и американцев», но за будущее Европы не ручался. Он польстил Бенешу, назвав его «одним из виднейших европейских политиков». Английский премьер подчеркнул также, что система послевоенной безопасности должна остаться в руках великих держав и что мир будет сохранен, пока будет согласие между СССР, Англией и США; если же оно будет нарушено, то «снова дело дойдет до войны в какой-либо форме»³¹⁷.

13. ТАЙНОЕ «ОБЕЩАНИЕ» БЕНЕША НА ПЕРЕГОВОРАХ В МОСКВЕ. МАРТ 1945 г.

Таким образом, настроения Бенеша были далеко не радужными, когда он собирался в Москву, чтобы оттуда отправиться на родину. Несоответствие, а точнее, противоположность слова и дела Москвы на освобожденной территории Чехословакии, в Подкарпатской Руси, вели к утере Бенешем веры в твердость обещаний Сталина, делали все более иллюзорными представления президента о возможности эволюции советского строя в демократическом направлении и определенно

порождали сомнения в правильности линии на тесное сближение Чехословакии с СССР. Но вносить какие-либо коррективы во внешнюю политику было уже поздно: освобождение шло с Востока, и, если Бенеш хотел попасть в ближайшее время на родину, а он этого хотел, то ехать надо было через Советский Союз. Обмен письмами между Сталиным и Бенешем внес определенную ясность в позиции СССР относительно времени формального решения вопроса (фактически он был решен) о государственной принадлежности Подкарпатской Руси. Тем не менее, точки над «i» не были поставлены. Бенеш предполагал, что обсуждение проблемы будет продолжено во время его пребывания в Москве по пути на родину. 19 февраля 1945 г, направляя в НКВД информацию о предстоящем приезде Бенеша в СССР, Фирлингер писал, что президент «намерен встретиться с товарищами И.В. Сталиным и В.М. Молотовым с тем, чтобы обсудить вопрос о новом составе чехословацкого правительства и другие вопросы»³¹⁸. 19 марта 1945 г. НКВД получил перечень десяти вопросов, которые Бенеш хотел бы обсудить в Москве. В пункте 3 значилось: «Карпатская Украина»³¹⁹.

Для чехословацкого правительства, как уже говорилось, теперь уже важно было, чтобы происшедшее в Подкарпатской Руси не повторилось на территории Словакии. В связи с этим перед поездкой Бенеша в Москву был подготовлен анализ того, как выполнялось Соглашение от 8 мая советскими властями и какие спорные вопросы возникали. Президент должен был использовать этот материал для переговоров в Москве в случае, если речь пойдет об уточнении соглашения. Значительное место в анализе отводилось вопросам об отношении чехословацкой администрации к советскому верховному главнокомандованию и о восстановлении чехословацких вооруженных сил. Предлагалось, в частности, уточнить понятие «зоны военных операций». Из соглашения вытекает, говорилось в документе, что под этим понималась относительно узкая полоса за линией фронта, «на практике же советские военные органы постоянно считали всю освобожденную территорию зоной военных операций». В связи с этим предлагалось определить эту зону с помощью объективных критериев, например, определения ее глубины в километрах. Речь велась и о способе передачи освобожденной территории чехословацкой администрации. Утверждалось, что эта передача замышлялась как автоматическая, без проведения всяких формальностей, одновременно с продвижением фронта на Запад. Командование же 4-го Украинского фронта, подчеркивалось в документе, «исходит явно из того, что каждая часть освобожденной территории должна быть формально передана чехословацкой администрации». В связи с этим поднимался и вопрос о так называемой демарка-

ционной линии, о которой в соглашении ничего не говорилось: «Не смотря на это, как на Подкарпатской Руси, так и в Словакии, командующий 4-ым Украинским фронтом устанавливал пограничные линии, однако ни в одном случае не передавал формально и окончательно территорию за этой чертой чехословацкой администрации, а осуществлял управление обеих частей и далее лишь своими органами». Рекомендовалось в случае необходимости пойти и на формальную передачу территории и на установление демаркационной линии, но так, чтобы «все не зависело исключительно от воли советских органов». Ставился вопрос о полномочиях чехословацких гражданских и военных органов в зоне военных операций, их отношения, с одной стороны, к советскому главнокомандующему, с другой, к чехословацким центральным органам. Ни правительственный делегат, ни его гражданские или военные органы не имели доступа в эту зону без специального разрешения командования 4-го Украинского фронта. Советские военные органы сами, без согласования с правительственным делегатом, осуществляли управление этой зоной, устанавливая напрямую связь с местными органами. Составители документа полагали, что это могло происходить только через чехословацкие правительственные органы. Поднимался и вопрос о полномочиях советских комендантов на территории, окончательно переданной чехословацкой делегации. Их деятельность считалась несовместимой с понятием суверенитета и независимости чехословацкого государства. В случае же необходимости существования комендатур, их компетенция должна была быть точно определена и могла распространяться лишь на чисто внутренние дела советских войск, «так как территория, переданная чехословацкой администрации, может быть для советских войск лишь транзитной территорией, где советские органы по всем вопросам, касающимся чехословацких интересов, обращаются исключительно к чехословацким органам». Неясными представлялись, прежде всего в области практики, вопросы юрисдикции вообще и особенно в зоне военных операций. В соответствии с Соглашением, говорилось в документе, юрисдикция советского главнокомандования распространяется лишь на советских военнослужащих, а в зоне военных операций в случае уголовных преступлений, совершенных против советских войск, и на гражданские лица. «На практике же, – отмечали составители материала, – советские органы на всей освобожденной территории проводят аресты, ведут допросы, сажают в тюрьмы не только гражданских лиц, но и чехословацких военнослужащих, причем без учета того, о каком преступлении шла речь. Ни в одном из известных случаев ареста речь не шла о преступлениях против советских войск, а в большинстве о политических деяниях

в период до прихода советских войск на чехословацкую территорию». После полученного опыта, считали авторы документа, «весьма необходимо обсудить вопрос об изменении существующих договоров в том смысле, что как чехословацкие военнослужащие, так и все гражданское население на освобожденной территории относятся к ведению чехословацкой юрисдикции, независимо от преступления, и что советские органы не должны иметь права кого-либо, кроме своих граждан, арестовывать, подвергать допросу или сажать в тюрьмы». Рекомендовалось также поставить отсутствовавший в Соглашении вопрос об эксплуатации местных ресурсов в интересах Красной Армии: «Практически осуществляет эксплуатацию на освобожденной территории сама Красная Армия, а чехословацкие органы могут ее проводить для своих целей лишь с разрешения советских органов. Эксплуатация ведется неэкономичным способом и по большей части во вред чехословацкой экономике». Что касается восстановления чехословацких вооруженных сил, то составители документа полагали, что его способ не был предметом «особой договоренности с Советами, поскольку речь идет, по сути, о наших внутренних делах как суверенного государства... На практике, однако, советские органы считали создание каких-либо чехословацких частей без соответствующего разрешения незаконным, и следствием этой позиции явились бесчисленные трудности гражданской и военной администрации на Подкарпатской Руси. Несмотря на то, что это очевидно, нужно будет определенно договориться, что чехословацкие вооруженные силы будут восстановлены в соответствии с нашими внутренними потребностями и без прямого участия Советов в принятии решений»³²⁰. Этот довольно пространственный документ разобран так тщательно для того, чтобы стало ясно, как на практике осуществлялось Соглашение от 8 мая 1944 г. и сколько спорных проблем возникало между советскими и чехословацкими органами на освобожденной территории Чехословакии и, в частности, в Подкарпатской Руси. Формально составители документа были во многом правы, но в военное время советские военные органы считали себя в праве действовать так, как находили нужным даже вопреки соглашению, тем более очень несовершенному с точки зрения его практической реализации и в условиях нацеленности Москвы на присоединение ПР к СССР. Имел ли этот анализ какое-либо практическое значение, и уточнялось ли в связи со всем вышесказанным Соглашение от 8 мая 1944 г., не известно. Скорее всего, это было делом дальнейшей практики, а документ являлся лишь «рабочим материалом» для переговоров Бенеша в Москве, куда он прибыл 17 марта 1945 г.

21 марта состоялась первая беседа президента с Молотовым, на которой присутствовали с чехословацкой стороны также Масарик и Фир-

лингер, а с советской – Вышинский и Зорин. В числе множества затронутых вопросов был и вопрос о Карпатской Украине. Сейчас известны как советская, так и чехословацкая записи беседы. Их сопоставление свидетельствует, что, по сути, части записей, касающиеся Карпатской Украины, идентичны. Бенеш говорил по этому вопросу достаточно пространно, подчеркнув, что хочет «быть совершенно искренним» и что никогда не считал его «окончательно решенным». Далее он остановился на истории включения Карпатской Украины в состав ЧСР, отметив, что это было сделано не по требованию Чехословакии, а по предложению американцев; Чехословакия «считала себя вынужденной включить КУ» в свои границы, «к тому же она хотела сохранить свои связи с Румынией и смотрела в будущее, имея перспективу сближения с СССР»; «Чехословакия считала себя лишь доверенным в управлении Карпатской Украиной и была принуждена принять контроль Лиги Наций». Затем Бенеш упомянул об «инцидентах», которые имели место на этой территории после её освобождения Красной Армией, и о том, что между ним и Сталиным было условлено решить этот вопрос «в дружественном смысле» и после решения вопроса о границах Чехословакии. В чехословацком варианте записи это место звучит так: «Только теперь были созданы предпосылки для окончательного решения этого вопроса, как это предполагается в письме Сталина. Вопрос о Карпатской Украине будет решен между ЧСР и СССР в духе дружбы, а именно, в тот момент, когда чехословацкие границы с Германией, Польшей и Венгрией будут закреплены». Бенеш полагал, что после его прибытия в Прагу, чехословацкий парламент должен обсудить указанный вопрос и не сомневался, что чехословацкий народ согласится с его предложением. «Чехи, по словам Бенеша, самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина». При этом до заключения договора следует определить, где будет проходить граница Карпатской Украины, «ибо и на территории Чехословакии живут украинцы». Президент считал, что их можно будет переселить и обменять на словаков, проживающих на Карпатской Украине. Молотов заявил, что «тут нет никакого вопроса, и, конечно, можно будет договориться об обмене населением». Далее в чехословацком варианте записи беседы есть фрагмент, который отсутствует в советском варианте, а именно: Бенеш при этом подчеркнул, что «нынешние границы между Словакией и Карпатской Украиной остались бы неприкосновенными. Фирлингер замечает, что для словаков очень важно, чтобы старые границы между Словакией и Карпатской Украиной остались прежними, и чтобы по этому вопросу дело не дошло до каких-либо споров между словаками и украинцами. Молотов весьма

ясно и определенно, как о само собой разумеющемся, заявляет, что останутся старые границы». Вероятно, более точной является чехословацкая запись: Советский Союз, очевидно, не хотел заранее брать на себя никаких обязательств в вопросе о границах, и слова Молотова не были включены в советский вариант записи беседы. Бенеш высказался также за то, чтобы «разрешить вопрос об инвестициях»: «Чехословакия вложила значительные капиталы для развития хозяйства Карпатской Украины, но мало попользовалась плодами этих вложений». Молотов заверил, что «и у нас, очевидно, найдутся разумные люди и можно будет дружески разрешить этот вопрос»³²¹.

Президент, согласно записи в дневнике Таборского 21 марта, был «полностью удовлетворен» результатами переговоров с Молотовым. Относительно ПР секретарь Бенеша записал: «Граница между Словакией и Подкарпатской Русью останется такой, как была. По вопросу о Подкарпатской Руси была достигнута договоренность в том смысле, как это значилось в письмах, которыми обменялись Сталин и Бенеш»³²². Для того, чтобы выяснить отношение коммунистов к «подкарпатской проблеме» Масарик в тот же день, 21 марта, встречался с Готвальдом. Руководитель коммунистов придерживался той точки зрения, что вопрос о присоединении ПР к СССР желательно решить незамедлительно в ходе переговоров Бенеша со Сталиным и Молотовым. Это, по словам Готвальда, был бы «жест, который Кремль оценил бы» и который способствовал бы устранению многих трудностей в отношениях с Советами. Масарик еще раз аргументировал точку зрения чехословацкого правительства, добавив, что такой шаг после Ялтинских соглашений мог бы быть истолкован во вред СССР. «У меня впечатление, – значитесь в записи Масарика о разговоре, – что Готвальд это понял, хотя и не согласился, и не согласится с этим». Далее Готвальд заявил, что «теперь мы должны внешнюю политику безусловно и последовательно приспособить к советской политике», и выразил сомнение в том, что Масарик понимает это. Масарик утверждал обратное, заявив, что «самое тесное внешнеполитическое сотрудничество с Советами должно стать нашим неизменным и неизменяемым краеугольным камнем на будущее»³²³. О том, что коммунисты продолжали стоять на своем в вопросе немедленной передачи ПР Советскому Союзу, свидетельствует и запись в дневнике Таборского от 24 марта: «Несмотря на то, что президент договорился с Советами осуществить передачу (Подкарпатской Руси. – В.М.) только после возвращения в Прагу, наши коммунисты настаивают на включении в правительственное заявление пассажира, согласно которому Подкарпатская Русь должна быть передана немедленно. Постоянно одна и та же политика: создать тем самым

впечатление, как будто кто-то другой не хочет передать Подкарпатскую Русь»³²⁴.

Казалось, что вопрос о времени определения государственно-правового статуса ПР на официальном уровне был улажен. Однако вскоре стало ясно, что это не совсем так. 24 марта при том же составе участников состоялась вторая беседа Бенеша с Молотовым, которая продолжалась сорок минут. Согласно чехословацкой записи беседы, она состоялась 23 марта. Ее инициатором, как говорится в чехословацком варианте записи, был Молотов. Именно он на этот раз, в отличие от первой встречи, играл в разговоре ведущую роль. Беседа была посвящена преимущественно вопросу о Карпатской Украине. Идея новой встречи с Бенешем возникла после разговора Молотова со Сталиным и другими советскими руководителями, которые, дескать, не знают, «что сказать по этому вопросу Президиуму Верховного Совета СССР»: «нам хотелось бы получить что-либо определенное от президента». Молотов процитировал то место из письма Бенеша Сталину от 29 января, где говорилось о беседе президента с Майским в сентябре 1939 г. Президенту было передано также несколько других записей его бесед с Майским (23.10.1939, 31.08.1941) и Богомоловым (15.11.1941, 7.02.1942, 9.03.1942), которые свидетельствовали о взглядах Бенеша на этот вопрос, а именно: «учитывая, что восточная часть Польши отойдет к Советскому Союзу, естественно, что Карпатская Украина должна была бы достаться СССР, благодаря чему ЧСР получила бы общую границу с Советским Союзом. Главным желанием президента является то, чтобы Чехословакия была опять свободна от нацистского ига, а все остальное для него – вещи второстепенные». Молотов спросил Бенеша, соответствует ли это его точке зрения и просил подробнее изложить свою позицию. Видимо, советское руководство почему-то вдруг засомневалось в искренности намерений Бенеша отказаться от Подкарпатской Руси в пользу СССР, для чего и были предъявлены прежние записи с изложением его взглядов на этот вопрос. Или же Москве понадобился некий письменный документ, с помощью которого, в случае необходимости, можно было бы «припереть» Бенеша к стене. Президент заявил, что хотя у него под рукой нет записей соответствующих бесед, он всегда считал «естественным» присоединение Карпатской Украины к Советскому Союзу, и «сегодня, когда вопрос стал актуальным, можно договориться о процедуре». Москва хотела бы большей определенности и гарантий в том, что чехословацкое правительство не будет возражать против присоединения КУ к СССР. Под тем предлогом, что советское правительство должно проинформировать Президиум Верховного Совета СССР о состоянии вопроса, Молотов заявил, что «был бы рад получить от

президента заявление» на этот счет, поскольку «речь идет об определенно очерченной и последовательно отстаиваемой точке зрения». (В советском варианте записи это изложено так: «Гов. Молотов замечает, что нам понятно, что не сегодня надо решать это дело, но с деловой стороны, мы хотели бы, чтобы Бенеш сделал определенное заявление Президиуму Верховного Совета СССР, и тогда советское правительство могло бы выразить свое удовлетворение в связи с этим заявлением».) Бенеш снова повторил историю присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии и подтвердил свою точку зрения решить вопрос о Карпатской Украине «в полной дружбе с СССР». На вопрос Фирлингера (в советской записи – Масарика), должно ли быть заявление, просимое Молотовым для Верховного Совета, опубликовано, нарком ответил, что «письмо должно быть секретным (в советской записи: «Этот вопрос требует выяснения лишь между нами») и что президент может воспользоваться формулировками, которые имеются уже в первом разговоре с послом Майским». Напомним, что выше уже говорилось о том, что в предъявленной 24 (23) марта Бенешу записи его разговора с Майским позиция президента по вопросу о Подкарпатской Руси была изложена неточно («В отношении Карпатской Украины Бенеш прямо говорил, что она должна войти в состав СССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза»³²⁵). Теперь советское руководство хотело, чтобы президент использовал в заявлении именно такие ясные и четкие формулировки, т.е. сказал «о желательности общих границ с СССР и о том, чтобы Закарпатская Украина вошла в состав УССР». Бенеш просил Молотова дать подходящую для него формулировку, на что советский нарком ответил, что президент сам мог бы прекрасно это сделать, поскольку неоднократно формулировал свои позиции. Бенеш спросил у Молотова, какими, по его мнению, будут границы между Карпатской Украиной, которая отойдет к Советскому Союзу, и Чехословакией. «Молотов, – согласно чехословацкой записи беседы, – показал на карте нынешние границы, разделяющие Словацкую область от Карпатской Украины, и констатировал весьма ясно и определенно, что в этом плане не может быть никаких недоразумений». (В советской записи: «Т. Молотов говорит, что безусловно граница должна остаться той, какая сейчас существует между Словакией и Карпатской Украиной».) Бенеш снова подчеркнул, что вопрос о Карпатской Украине должен быть решен только между Чехословакией и СССР без вмешательства третьих держав и объяснил, «почему по мотивам стратегическим и политическим желательно, чтобы территория Советского Союза вышла за пределы Карпат, т.е., чтобы советская армия стояла уже на нашей

стороне Карпат, что очень важно для нашей безопасности и мира в Центральной Европе». Молотов согласился с этим, в свою очередь, подчеркнув желательность общей границы СССР с Венгрией: «Ныне венгры постоянно выглядят миролюбиво, и, если Венгрия будет иметь с СССР общую границу, то, вероятно, с сегодняшней своей участью смирится и в Дунайской низменности будет спокойно». (В советском варианте: «Бенеш говорит, что присоединение Карпатской Украины к СССР важно с двух точек зрения для Чехословакии: во-первых, СССР станет соседом с Венгрией, во вторых, он перейдет за Карпаты. Т. Молотов подтверждает, что немцы при этих условиях будут, безусловно, спокойнее и тем более венгры... Если будет теперь граница СССР с Венгрией, то венгры будут, безусловно, сидеть тихо. Бенеш дополнительно подчеркнул, что для Чехословакии установление общей границы важно с точки зрения безопасности всего государства, а также с точки зрения разрешения национального вопроса в Чехословакии».) Далее Молотов заявил, что передача Карпатской Украины Советскому Союзу вызовет значительное воодушевление на всей Украине и существенно изменит взаимоотношения между СССР и Чехословакией. (В советском варианте: «Внесет успокоение в Украинскую Советскую Республику и создаст уверенность, как для СССР, так и для Чехословакии».) «Я не думаю, – сказал он, – что Чехословакия тем самым что-то потеряет». На вопрос Бенеша, в какой форме следовало бы сделать заявление, нарком ответил, что «имелось в виду написание письма на имя т. Сталина», на которое тот ответит от имени советского правительства. В свою очередь Молотов поинтересовался, не следовало ли подписать какое-либо соглашение по этому поводу, на что Бенеш и Фирлингер заявили, что лучше это сделать в форме письма, и президент обещал подготовить его³²⁶.

25 марта Фирлингер вручил Зорину проект подготовленного Бенешем письма³²⁷. В тот же день Зорин принял чехословацкого посла и передал ему проект ответного письма Молотова. При этом Зорин сказал, что «если этот текст приемлем для Бенеша, то т. Молотов готов завтра обменяться письмами с президентом»³²⁸. 26 марта Фирлингер передал Зорину окончательно сформулированное Бенешем письмо на имя Молотова, в котором президент подтверждал ранее высказанную им позицию по вопросу Закарпатской Украины (этот термин сменил ранее употребляемые Бенешем названия Подкарпатская Русь и Карпатская Украина. – *В.М.*). Письмо гласило: «В беседе, имевшей место 24 марта с.г., Вы подчеркнули, что Вам было бы желательно иметь для Президиума Верховного Совета, в качестве дополнения к моему письму Маршалу Сталину от 24 января с.г. о Закарпатской Украине, письмо, в котором я отметил то же, что я при разных случаях высказывал Вашим

послам в Лондоне. С удовольствием выполняю это Ваше желание и вновь повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Украинской Советской Социалистической республики. Это осуществилось бы при соблюдении границ, существующих между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике, и согласно моему ответу маршалу Сталину, т.е. по договоренности только между нашими обоими государствами и в момент, когда у меня будет возможность согласовать этот вопрос с нашими политическими деятелями в Праге. Искренне Ваш Э. Бенеш. Москва, 26 марта 1945 г.»³²⁹. Внизу письма – помета: «Точно по подлиннику». В тот же день советская сторона подтвердила получение письма Бенеша и выразила с ним свое согласие³³⁰. Интересно отметить, что, как пишет в своих воспоминаниях советский экс-разведчик П. Судоплатов, занимавший высокий пост в НКВД, Молотов намерен был в январе 1948 г. в случае, если Бенеш не поддастся советскому нажиму на него с целью мирной передачи власти в Чехословакии коммунистам, шантажировать президента, в частности, предав гласности его «тайный договор» о Карпатской Украине с Москвой³³¹. Думается, что это было весьма возможно.

14. ПРОГРАММА ПЕРВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НАЦИОНАЛЬНОГО ФРОНТА ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ (КОШИЦКАЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА): ВОПРОС О ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

Одной из важнейших задач визита Бенеша в Москву³³² были переговоры о формировании нового чехословацкого правительства и выработке его программы. Выше уже говорилось, что Загранбюро КПЧ в феврале-марте 1945 г. активно занималось этими вопросами, обсуждая их с Димитровым. 13 марта, например, он записал в своем дневнике: «Готвальд, Копецкий, Баранов (один из заместителей Димитрова. – В.М.) у меня с чехословацкими вопросами. Советуются со мной о платформе нового чехословацкого правительства и государственного устройства новой Чехословакии (в связи с предстоящим приездом Бенеша в Москву)»³³³. Проект программы был представлен Димитрову, который направил его Молотову и Сталину. Зорин и Молотов во время пребывания Бенеша в Москве ознакомились с проектом и сделали свои замечания³³⁴. Бенеш и прибывшие с ним из Лондона представители политических партий не имели сколько-нибудь цельных проектов правительств-

венной программы. Платформа, разработанная Загранбюро КПЧ, оказалась единственной и была положена в основу обсуждения. VII раздел предложенного проекта касался Подкарпатской Руси. В нем говорилось: «Правительство будет стремиться к тому, чтобы как можно скорее решить вопрос о Закарпатской Украине, поставленный самим населением этой области. Уважая волю карпатоукраинского народа, который демократическим путем высказался за объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной, правительство создаст все предпосылки для реализации этой воли. Правительство ничего не будет изменять в положении, которое создано после съезда национальных комитетов Закарпатской Украины 26 ноября 1944 г. и после образования Народной Рады Закарпатской Украины, и немедленно начнет (подчеркнуто. – В.М.) с советским правительством переговоры о том, каким подходящим способом можно было бы осуществить присоединение Закарпатской Украины к Советской Украине и тем самым выполнить волю карпатоукраинского народа»³³⁵. Надо заметить, что Молотов, знакомившийся с проектом программы, сделал на полях такую помету: «Закарпатская Украина – немедленная передача и присоединение к Украинской ССР»³³⁶. Трудно сказать, что имел при этом в виду советский нарком: то ли он выражал собственное мнение, то ли констатировал имеющуюся в проекте формулировку, то ли обращал внимание на ее расхождение с позицией Бенеша, то ли она означала все это, вместе взятое.

Положения проекта программы в части, касавшейся ЗУ, отражали позицию Загранбюро КПЧ в этом вопросе. Именно она была изложена Готвальдом в беседе с Масариком 21 марта, о чем говорилось выше. Обсуждение раздела проекта программы о ЗУ, одно из самых бурных, состоялось уже после второй беседы Бенеша с Молотовым 24 марта. Однако о ее содержании участникам дискуссии пока ничего не было известно. Готвальд разъяснил прибывшим вместе с Бенешем из Лондона представителям национально-социалистической, народной (католической) и социал-демократической партий, в чем его взгляды расходятся с мнением президента: «Мы согласились, что воля карпатоукраинского народа должна быть уважена и что должно быть заключено соответствующее соглашение с советским правительством. Различие в том, что я был того мнения, что это должно произойти немедленно, а господин президент высказал мнение, что это было бы лучше сделать после созыва Временного национального собрания». Дальнейшая дискуссия показала, что все ее участники не были против присоединения ЗУ к СССР, но расходились во мнениях, как и когда это лучше сделать и какие аргументы использовать для убеждения чехословацкой и международной общественности в необходимости этого шага. Коммуни-

сты (Б. Лаштовичка, Носек) высказались за принятие формулировки, предложенной в проекте программы, подготовленном Загранбюро КПЧ. Готвальд постарался еще более убедительно разъяснить свою позицию, сославшись на письмо Сталина Бенешу. Оно было зачитано, поскольку не все участники обсуждения знали о его существовании. Готвальд предложил снова «обратиться к Кремлю с вопросом, желают ли они вести об этом переговоры. Если они захотят вести переговоры, будем вести переговоры немедленно, а если не захотят, то нет... Мы за то, чтобы переговоры велись немедленно». Он мотивировал это тем, что, во-первых, была бы продемонстрирована добрая воля решить вопрос быстро и в соответствии с желанием карпатоукраинцев, а, во-вторых, привело бы к стабильности и спокойствию в Восточной Словакии, где живет около 100 тысяч украинцев, среди которых тоже существует движение за присоединение к Советской Украине. Советский Союз, по словам Готвальда, относится к этому движению негативно. Лидер чехословацких коммунистов полагал, что «откладывание нам ничего не дает. Мы опять промотаем часть капитала, которую могли бы использовать лучше, и опоздаем. Мы не хотим проводить политику постоянного опаздывания уже теперь. Если СССР скажет: не делайте этого сейчас, тогда, слава Богу, у нас – чистая совесть. Мы сможем с теми (людьми. – В.М.) в Восточной Словакии говорить иначе. Дальнейшее затягивание переговоров мы считаем серьезной политической ошибкой». Что касается стабилизации положения в Восточной Словакии, то тут Готвальд, видимо, был прав, и этот довод не встретил возражений, но сторонники Бенеша считали мотивацию, связанную с восстановлением Чехословакии в домюнхенских границах, более серьезной и не желали уступать. Фирлингер, склонный поддержать Готвальда, занял все же осторожную позицию. Характеризуя тактику Москвы, он заметил: «Они всегда поступают весьма аристократически. Они не дают знать, что настаивают на чем-то. Это надо уловить политическим инстинктом... Они не боятся никаких международных осложнений». Гала, как было сказано выше, посылавший с освобожденной территории ПР телеграммы в Лондон, резко осуждавшие происходившее там, тоже склонялся к тому, чтобы переговоры были начаты немедленно: «Если это затянется, то мы нанесем вред Словакии, где ведется агитация». Копецкий, естественно, поддержавший эту позицию, обратил внимание участников дискуссии на другую сторону вопроса, а именно, на то, что его решение должно быть делом только Чехословакии и Советского Союза, и указал на возможность использования этого вопроса британской политикой в качестве козыря против СССР. Ф. Углирж, член чехословацкой правительственной делегации, согласился с доводами Готваль-

да начать переговоры немедленно, опасаясь, как бы их откладывание не пошло во вред чехословацко-советским отношениям: «Карпатоукраинцы, в конце концов, имели конституционное право решать сами за себя. Они лишь выразили свою национальную волю. Поэтому самое лучшее, принять к сведению сложившееся там положение. Это означает начать переговоры с СССР по возможности в ближайшее время». Я. Странский, министр юстиции лондонского правительства, заявил, что смысл его возражений касается лишь формулировки, которая должна способствовать тому, чтобы «на родине это было воспринято наименее болезненно». Готвальд отреагировал так: «Кто захочет, тот всегда может начать кампанию. Зачем это подталкивать?». На вопрос Странского, ответил ли Бенеш Сталину и знает ли Готвальд этот ответ, последний ответил утвердительно, заметив: «Ответ был не очень удачен. Бенеш не реагирует на свою инициативу год назад (очевидно, имелись в виду высказывания Бенеша о Карпатской Украине во время его пребывания в Москве в декабре 1943 г. – *В.М.*), но выражает желание подождать, пока будут решены другие вопросы о границах. Так что с тех пор это юридически увязывается с остальными уточнениями границ. Это производит впечатление как раз не очень серьезное. Поэтому на это и не было реакции». Председательствующий на заседании констатировал, что дискуссия по данному вопросу окончена и что представители национально-социалистической партии (ее неофициальным главой являлся Бенеш. – *В.М.*) не настаивали на том, чтобы переговоры затягивались³³⁷.

Была создана комиссия из представителей коммунистической, социал-демократической, национально-социалистической и народной (католической) партий для доработки текста главы о Карпатской Украине. 28 марта Готвальд от имени комиссии вел переговоры с делегацией СНС относительно того, как будет выглядеть эта часть правительственной программы. Он отметил, что ситуация изменилась в связи с секретными переговорами Бенеша с Молотовым, которые обменялись письмами примерно такого содержания: «1. Президент настаивает на своих прежних заявлениях о том, что считает присоединение Карпатской Украины само собой разумеющимся и что хочет этому способствовать в согласии с Советским Союзом; 2. Этот вопрос будет решен исключительно между нами и СССР, без допущения какого-либо постороннего вмешательства; 3. При окончательном урегулировании границей между Словакией и Подкарпатской Украиной будет административная граница домюнхенской республики; 4. Практическое присоединение будет осуществлено, как только господин президент получит возможность обсудить вопрос с чешскими политическими деятелями в Праге. Со стороны Молотова ответ положительный».

Бенеш в своем следовании принципу отстаивания домюнхенских границ восстановленной Чехословакии был непреклонен, и с этим, очевидно, должны были считаться и коммунисты, и люди из его окружения, и, главное, Москва. В окончательной редакции правительственной программы, впоследствии получившей название Кошицкой, о немедленном начале переговоров по вопросу о ЗУ ничего не говорилось. Этот пункт по сравнению с проектом, предложенным коммунистами, был сокращен и сформулирован так: «Правительство будет заботиться о том, чтобы как можно скорее был решен вопрос Закарпатской Украины, поставленный самим населением этой области. Правительство желает, чтобы этот вопрос был решен согласно демократическому волеизъявлению народа Закарпатской Украины, в духе полной дружбы между Чехословакией и Советским Союзом, и оно убеждено, что именно так и будет. В этом отношении правительство проведет всю необходимую подготовку»³³⁸.

31 марта Бенеш, сформированное в Москве правительство и советский посол в Чехословакии Зорин (назначение состоялось 20 марта. – *В.М.*) выехали на освобожденную территорию Словакии в г. Кошице. Накануне отъезда, 30 марта, Готвальд, В. Широкий и М. Швермова были приняты Димитровым, который записал в дневнике: «Готвальд информировал о соглашении компартии с Бенешем по вопросам будущего временного чехословацкого правительства, его состава и платформы, а также о своих мероприятиях по партийной линии... Платформа в основном, как была разработана Готвальдом и согласована со мной. Мои исправления в проекте платформы были приняты. Решено начать переговоры с советским правительством о Закарпатской Украине. Готвальд советовался со мной о предстоящей государственной и партийной работе. Договорились насчет партийной связи между ЦК КПЧ и ЦК ВКП(б)»³³⁹. Роль «связного» в Москве отводилась Б. Геминдеру, который тогда возглавлял один из так называемых научно-исследовательских институтов, созданных при ОМИ ЦК ВКП(б) на базе коминтерновских структур. 3 апреля Бенеш прибыл в Кошице, а 4 апреля официально назначил Первое правительство Национального фронта чехов и словаков, принявшее так называемую Кошицкую правительственную программу. Немец прекратил свою деятельность в качестве правительственного делегата на освобожденной территории, а оставшийся в ЗУ Петрушак получил статус уполномоченного чехословацкого министерства внутренних дел.

Оказавшись на территории Восточной Словакии, чехословацкие власти столкнулись с той сложной и нестабильной обстановкой в этом районе, о которой говорилось при обсуждении раздела о Карпатской

Украине в правительственной программе. Еще 6 марта 1945 г. Немец сообщал в чехословацкое посольство в Москве о том, что «Украинская Народная Рада Пряшевщины» (Пряшев – украинское название г. Прешов в Восточной Словакии. – *В.М.*) вручила ему для передачи Бенешу письмо от 3 марта 1945 г. В нем до сведения президента доводилось, что 1 марта 1945 г. в г. Пряшев состоялся съезд делегатов округов Пряшевщины, который «свободными выборами избрал Украинскую Народную Раду, как единственную представительницу украинского населения Пряшевщины» и поручил ей «представлять и защищать интересы украинского населения». Рада просила Бенеша пригласить на совещание в Москву, где «будут решаться и вопросы, касающиеся будущего украинского населения Пряшевщины», двух ее представителей. Письмо подписали от имени президиума Рады д-р Иван Рогол-Илків, главный секретарь, и Василий Васильевич Караманац, председатель. Копия с ленты, которая шла через штаб 4-го Украинского фронта, была направлена и Вышинскому³⁴⁰. Естественно, Бенеш не собирался приглашать на совещание в Москву каких-либо представителей этой Рады. Но, видимо, он был обеспокоен новым осложнением ситуации на освобожденной территории, и опасался, как бы это движение не было использовано во вред восстановленной Чехословакии и как бы Москва не пошла на поводу у Киева, последовательно отстаивавшего принцип объединения под своей эгидой всех украинцев, проживавших на сопредельных с СССР территориях. Отсюда – настойчивое желание Бенеша получить от советского руководства подтверждение сохранности прежней границы между ПР и Словакией. Не приветствовалось это движение и другими чешскими и словацкими политиками, включая коммунистов.

Руководство КПС было обеспокоено возникновением УНРП и ее активностью. Было решено посоветоваться с Готвальдом, который в телеграмме от 4 марта 1945 г. на имя Гусака сообщил свою позицию: «Украинский вопрос вы поставили для нас не совсем ясно. Можем поэтому ответить лишь в общих чертах: так как присоединение районов Словакии, населенных украинцами, к Закарпатской Украине не стоит на повестке дня, то речь идет о решении этого вопроса в рамках Словакии. Ясно, что в рамках Словакии украинцам должны быть предоставлены права национального меньшинства. Должно ли это право быть осуществлено в рамках территориальной или культурной автономии или иначе будет решено при установлении государственно-правового (зачеркнуто и написано: конституционного. – *В.М.*) положения Словакии в целом. В качестве временного решения нам кажется достаточно будет создания определенного украинского национального представительного органа, который будет признан СНС и будет иметь в нем так-

же своих представителей... Но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы в национальные комитеты в украинских местностях и округах, также как и в упомянутый украинский национальный представительный орган, проникли националистические антисоветские элементы, которые ныне потеряли свою базу, как в Западной, так и в Закарпатской Украине и которые будут стараться закрепиться в Восточной Словакии. Такие элементы должны быть разоблачены и полностью устранены из общественной жизни украинского меньшинства. Нельзя допускать, чтобы с ними заигрывали демократы. Что касается так называемого украинского и русского направления, то ныне вопрос стоит иначе, чем в период домюнхенской республики. Население в целом мы считаем украинцами, но кто хочет, тот может называть себя русским, и школы могут быть и украинскими, и русскими, в зависимости от пожелания населения. Но продолжаем выступать против так называемого руссинизма, как порождения мадьяризации»³⁴¹.

Словацкие коммунисты обсудили этот вопрос уже на одном из первых рабочих заседаний ЦК Компартии Словакии 6 марта 1945 г.: были подвергнуты критике националистические тенденции части УНР Пряшевщины. Тогда коммунист Рогал-Илків признал, что часть ее членов требовала изменения границ между Чехословакией и СССР с целью присоединения большинства областей Восточной Словакии к Закарпатской Украине под лозунгом «От Попрада до Тисы»³⁴². Подробнее говорил «об украинском вопросе» секретарь ЦК КПС Э. Фриш на совещании функционеров партии в Кошице 8 апреля 1945 г. «Одно должно быть ясно: движение украинцев является прогрессивным, и словацкие коммунисты будут его поддерживать, – сказал он. – Это – наш следующий мост к Советскому Союзу. Не преуменьшайте значение явлений, которые проистекают из длительного угнетения украинцев. С другой стороны, определенные элементы с весьма сомнительным прошлым смогут извлечь выгоды из настроений украинского населения и придать его движению направленность, которая нежелательна ни для украинцев, ни для словаков. Вбивается клин между обоими народами, провоцируется словацко-украинский спор и затрудняются чехословацко-советские отношения. Такие явления имеют место в Народной Раде Пряшевщины, которая провозглашает себя верховным законодательным и исполнительным органом и призывает определенные вооруженные организации встать на защиту. Ориентация на изменение границ нереальна. Следует ликвидировать неясное положение, которое до сих пор существовало, и начать политический поворот в линии украинского национального движения. Это, прежде всего задача наших товарищей-украинцев. И, наоборот, со словацкой стороны нужно

проводить принцип действительно братского равенства». Некоторые из участников дискуссии указывали на определенные ошибки и националистические тенденции со словацкой стороны, жаловались на отсутствие поддержки: «Украинцы не ждали от коммунистов, что они скажут им: мы не можем вам помочь. Помощи нет ниоткуда. Поэтому украинский народ не видит иного спасения, кроме как с Востока»³⁴³.

Тенденция к объединению всех украинцев в едином государственном организме получила и зарубежную поддержку. В материале, представленном Геминдером в ОМИ ЦК ВКП(б) 23 мая 1945 г., говорилось: «К движению за воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной примкнули почти все организации карпато-украинцев и так называемых карпато-руссов («русинов») в Америке. В США имеется более 150 000 граждан карпато-украинского и карпато-русинского происхождения. Понятно, как уже в первые месяцы 1945 г. все прогрессивные карпато-украинские организации в США единодушно поддерживали требование о воссоединении Закарпатской Украины с Советской Украиной, в апреле и мае с.г. начинают поступать аналогичные заявления от карпато-русинских организаций в США». Далее цитировалось сообщение ТАСС из Нью-Йорка от 21 апреля 1945 г. о том, что в советское посольство продолжают поступать резолюции массовых митингов карпато-русинских организаций с просьбой оказать поддержку стремлениям карпато-русин воссоединиться с русским народом (например, «Американской лиги русских и карпато-руссов» в г. Миннеаполис, организаций Эдвардсвилля, штат Пенсильвания). Участники митинга г. Байонн, штат Нью-Джерси, направили А. Громыко такую телеграмму: «Мы, американские граждане русского и карпато-русского происхождения, собрались на массовый митинг просить советское правительство принять во внимание надежды и чаяния населения Холмщины, Ярославщины, Лемковщины, Прешовщины и Карпатской Руси и содействовать предоставлению этим районам права на самоопределение, чтобы они, если желают, смогли бы присоединиться к Советскому Союзу»³⁴⁴. То, что такое движение в США существовало, не вызывает сомнения, но насколько массовым оно было, не ясно. Эту информацию советское руководство, очевидно, принимало к сведению и расценивало как еще одно доказательство правильности своей политики в отношении ЗУ.

Что же касается украинского движения на освобожденной территории Восточной Словакии, то Москва не собиралась оказывать ему поддержку и считала внутренним делом Чехословакии. В частности, Зорин, еще в марте 1945 г., критикуя раздел проекта правительственной программы о национальном вопросе в Чехословакии, считал, что «совер-

шенно необходимо сформулировать обязательства об обеспечении прав национальных меньшинств (в первую очередь украинцев и русин)»³⁴⁵.

Договоренность советского руководства с Бенешем, и не только устная, но письменная, относительно присоединения ЗУ в ближайшем будущем к Советской Украине существовала, и чехословацкое правительство сочло возможным сообщить о грядущем изменении официально. Согласно сообщению агентства «Рейтер» от 15 мая 1945 г., возглавивший новое правительство Фирлингер заявил, что население Карпатской Украины, которое «составляют украинцы, говорящие на языке крестьян Полтавской и Харьковской областей», создало автономное правительство. Оно стремится присоединить Карпатскую Украину к Советскому Союзу, но в настоящее время признает власть чехословацкого правительства; находящийся в Ужгороде Петрущак поддерживает связь и действует в согласии, как с чехословацким правительством, так и с Закарпатской Народной Радой; президент Бенеш хочет разрешить вопрос о Карпатской Украине с Москвой «самым дружеским образом, с учетом подлинных желаний, выраженных местным населением»³⁴⁶.

Тем не менее, Москва продолжала отслеживать ситуацию в ЗУ. 23 и 24 мая 1945 г. Геминдер направил в ОМИ ЦК ВКП(б) две справки о положении в ЗУ, одна из которых была подготовлена редактором «Закарпатской правды» Климпотюком, а другая, называвшаяся «Вопрос о присоединении Закарпатской Украины к Украинской ССР», видимо, составлена самим Геминдером. Климпотюк особое внимание уделял коммунистической партии, единственной из восстановленных в ЗУ, подчеркивал ее исключительное влияние и авторитет среди народа, общал о проведенных под руководством КПЗУ и при участии СМЗУ и профсоюзов реформах. «За воссоединение Закарпатской Украины с Советской Украиной, – говорилось в справке, – идут все рабочие и крестьяне, 90% старой интеллигенции и все православное духовенство... Против воссоединения выступает открыто греко-католическое духовенство во главе с епископом Ромжа»³⁴⁷.

Если справка, составленная Климпотюком, преследовала лишь информационные цели, то материал Геминдера, опиравшийся в значительной части на ранее подготовленные для ОМИ ЦК ВКП(б) по этому вопросу документы, содержал элементы анализа и завершился выводами. Первый и второй из них, по сути, повторяли прежние утверждения о том, что народные массы Закарпатской Украины после ее освобождения Красной Армией получили возможность восстановить свою народную власть и открыто выразить свою волю присоединиться к Советской Украине, причем «о вмешательстве Советского Союза во внутренние дела Чехословацкой республики не может быть и речи».

Констатировалось полное признание чехословацким правительством этого факта и его желание «решить карпато-украинский вопрос в духе уважения воли народа Закарпатской Украины и путем дружественных переговоров с советским правительством». Третий вывод был таков: «Общественное мировое мнение, за исключением отдельных случаев, – считал Геминдер, – все больше понимает действительное положение в Закарпатской Украине и считает присоединение этой страны к Советской Украине справедливым и необходимым для послевоенного мирного развития и безопасности в Восточной Европе». Через несколько дней Геминдер направил в ОМИ ЦК ВКП(б) некоторые дополнения и уточнения к посланному ранее материалу. Например, слова «присоединение» и «соединение» на ряде страниц были заменены термином «воссоединение», который употреблялся деятелями НРЗУ и позднее вошел в официальные советско-чехословацкие документы. Уточнялось число добровольцев, вступивших в ряды Красной Армии: более 20 000 человек, и число, подписавших Манифест о воссоединении ЗУ с УССР: более 300 000 подписей, т.е. почти все взрослое население ЗУ³⁴⁸. Термин «воссоединение», в действительности не отвечавший исторической правде, поскольку Закарпатская Украина никогда не входила ни в состав России, ни в состав Украины, должен был подчеркнуть справедливость и закономерность вхождения ЗУ в состав Советской Украины.

15. ДОГОВОР О ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ 29 ИЮНЯ 1945 г. И ЕГО РАТИФИКАЦИЯ

Бенеш тоже не забыл о своих обещаниях добиться от чешских политических деятелей согласия на отделение ПР от Чехословакии и ее включения в состав УССР. Примерно через месяц после переезда чехословацкого правительства в освобожденную Прагу оно приступило к обсуждению вопроса о процедуре передачи Закарпатской Украины Советскому Союзу. Дискуссия не была такой гладкой, как можно было бы предположить. Следует обратить внимание и на терминологию ее участников: если в выступлениях коммунистов и Фирлингера говорилось о Закарпатской Украине, то другие чешские политики придерживались определения Подкарпатская Русь или, в качестве компромисса, Подкарпатская Украина. Бывший глава чехословацкого эмигрантского правительства, а теперь вице-премьер монсиньор Я. Шрабек акцентировал внимание на том, что в соответствии с действующей Консти-

туцией Чехословакии согласие на передачу государственной территории может дать только конституционное Национальное собрание, и в противном случае была бы ослаблена позиция ЧСР в вопросе неприкосновенности домюнхенских границ. Кроме того, он полагал, что в ПР есть люди, в том числе и среди членов Народной Рады, которые, обдумав вопрос, развернули агитацию за сохранение этой территории в составе Чехословакии. Бывший госсекретарь эмигрантского правительства, а теперь министр внешней торговли Рипка высказался за начало формального обсуждения с советским правительством вопроса о Подкарпатской Украине. Готвальд, вице-премьер правительства, сославшись на письмо Бенеша Сталину, считал ситуацию «благоприятной для осуществления того, на что Чехословакия уже дала принципиальное согласие». Тем самым, полагал он, лишь укрепятся позиции Чехословакии на переговорах с поляками по спорным территориям, поскольку Москва будет более склонна поддержать чехословацкие требования. Кроме того, глава КПЧ совершенно исключал предположение, что большинство карпатских украинцев может желать остаться в составе ЧСР. Министр информации Копецкий поддержал Готвальда, заявив, что фактически чехословацкого суверенитета над ЗУ не существует и что речь идет только о юридическом оформлении этого фактического положения, что соответствовало действительности. Он предложил даже, чтобы в Праге в подходящий момент собрались представители чешского и словацкого народов вместе с делегатами НРЗУ и «торжественно продемонстрировали договор об объединении Закарпатской Украины с Великой Украиной». Правда, это предложение не было принято, хотя Шрадек, например, высказался за проведение некоей официальной встречи с представителями НРЗУ, на которой был бы обсужден вопрос о передаче этой территории. Рипка согласился с Готвальдом, что в случае согласия с урегулированием границ на Востоке в пользу Советского Союза, можно получить «много для своих тактических действий и позиций при переговорах в Москве по тешинскому вопросу». Он высказал мнение, что «может быть заключен договор о передаче Закарпатской Украины с условием его ратификации Национальным собранием». Министр финансов словак В. Шробар поддержал грядущее объединение ЗУ с «Великой Украиной». Фирлингер рекомендовал наделить делегацию, направляющуюся в Москву для ведения переговоров с представителями польского правительства о чехословацко-польских отношениях, полномочиями подписать договор с Советским Союзом о передаче ему Закарпатской Украины. Такое решение было принято. В состав делегации вошли Фирлингер, З. Неядлы (министр школ и просвещения), Свобода (министр обороны), Рипка,

В. Клементис (государственный секретарь), проф. А. Прохазка (министр здравоохранения), а несколько позже – вице-премьер словак Я. Урсини³⁴⁹. С 25 по 30 июня 1945 г. делегация находилась в Москве, где вела переговоры по порученным ей вопросам.

28 июня Фирлингер и Клементис были приняты Сталиным. В беседе участвовали также Молотов и Зорин. Первым по инициативе чехословацкого премьера был вопрос о заключении договора, касающегося Закарпатской Украины. Сталин поинтересовался, удобно ли сейчас чехословацкому правительству подписывать этот договор, и добавил: «Мы не торопим вас. Как вы считаете удобным, так и поступайте в данном случае». Фирлингер заверил, что чехословацкое правительство считает момент для оформления договора подходящим и поэтому само внесло предложение о его подписании. Были зачитаны тексты договора и протокола к нему. При чтении параграфа 2 протокола об оптации гражданства Молотов предложил осуществлять ее в соответствии с законодательством каждой страны, например, в СССР оптация мужа не обуславливала одновременной оптации жены, в то время, как по чехословацким законам жена получала гражданство мужа. Фирлингер согласился с этим, на наш взгляд, более, чем странным предложением. При зачитании параграфа 3 протокола Фирлингер заметил, что финансовые вопросы, связанные с передачей ЗУ могли бы быть уточнены позднее, поскольку чехословацкое правительство на сегодняшний день не может назвать сумму, необходимую для компенсации граждан, которые после переселения в Чехословакию оставят на территории ЗУ свое имущество. Он предложил сформулировать в протоколе общий принцип о взаиморасчетах, связанных с переселением граждан, и о дальнейших расходах в течение 18 месяцев после ратификации договора. Сталин и Молотов, согласившись с этим, предложили отредактированный текст договора подписать 29 июня 1945 г.³⁵⁰.

Утром 29 июня Готвальд созвал чрезвычайное заседание чехословацкого правительства, сообщив, что из советского посольства получены проекты Договора и протокола к нему, согласованные правительственной делегацией в Москве. Нужно принять срочное решение, поскольку делегация намерена вылететь из Москвы 30 июня и хочет 29 июня подписать Договор. Вопрос, по его словам, в принципе ясен и бесспорен. И все же дискуссия состоялась. Особенно тщательно обсуждалось замечание Шробара о том, что значительное число жителей Закарпатья служат в чехословацкой армии и что многие из них хотели бы остаться в Чехословакии. Готвальд указал, что они смогут сделать это через оптацию, но Гасал возразил, напомнив, что право оптации имеют только чехи и словаки, и подчеркнул: «у нас есть определенные

моральные обязательства в отношении этих людей». К этому мнению присоединился и Гала. Копецкий указал на политическую «деликатность» поднятого вопроса, заявив, что среди указанных украинцев есть антисоветские элементы: «Во время войны они бежали от венгров и в Советском Союзе должны были по соображениям безопасности попасть в лагеря для интернированных. В связи с этим у них выработалось определенное негативное отношение к Советскому Союзу, и поэтому надо, чтобы этот вопрос решался осторожно и в полной договоренности с Советским Союзом и Украинской социалистической республикой». Правительство одобрило текст Договора и протокола к нему со следующими замечаниями: а) при рассмотрении деталей, касающихся урегулирования границ между Словакией и Закарпатской Украиной, необходимо будет обеспечить Чехословакии соответствующую транспортную связь через ЗУ с Румынией; б) в рамках договорных постановлений о двусторонней оптации не будут забыты те украинцы из ЗУ, которые служат в чехословацкой армии и хотят остаться в Чехословакии. При этом предусматривалось согласие соответствующих инстанций СССР или УССР; в) Президенту было рекомендовано уполномочить премьера и статс-секретаря Правительства подписать договор³⁵¹.

29 июня 1945 г. «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой о Закарпатской Украине» был подписан. По уполномочию Президиума Верховного Совета СССР его подписал Молотов, по уполномочию Президента Чехословацкой республики – Фирлингер и Клементис. Согласно статье 1 договора (в русском варианте. – *В.М.*) Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) воссоединялась в соответствии с желанием ее населения со своей «издавней родиной – Украиной» и включалась в состав УССР. Употребленный здесь термин «воссоединение», как уже говорилось выше, представляется, по меньшей мере, спорным и неадекватным исторической действительности. Границы между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшие ко дню 29-го сентября 1938 г., говорилось в договоре, становятся с внесенными изменениями границами между СССР и ЧСР. Тут же прилагалась карта. Договор подлежал утверждению Президиума Верховного Совета СССР и Чехословацкого Национального собрания. Обмен ратификационными грамотами должен был состояться в Праге.

В протоколе к Договору говорилось о создании Демаркационной комиссии для проведения «границ на местности», а также о праве оптации гражданства лицами той и другой страны «в течение времени до 1 января 1946 г.». Это право предоставлялось украинцам и русским, проживавшим в Чехословакии (в районах Словакии), и чехам и слова-

кам, имевшим постоянное местожительство в ЗУ. Оптация становилась действительной только с согласия властей СССР и ЧСР. Лица, получившие согласие на оптацию, имели право взять с собой все движимое имущество, которое не подлежало никаким таможенным обложениям, а за недвижимое имущество получить вознаграждение. К этим лицам при оптации чехословацкого гражданства приравнивались и юридические лица, которые с точки зрения национального состава их правовых органов, существовавших до оккупации, следовало рассматривать как чехов и словаков. Учреждалась Ликвидационная комиссия, в компетенцию которой помимо решения вопросов юридического, финансового и имущественного порядка входил «безоплатный перевод государственного имущества в Закарпатской Украине из собственности Чехословацкой Республики в собственность СССР». Протокол, являвшийся составной частью Договора, как и он, подлежал ратификации³⁵².

При подписании Договора Фирлингер и Молотов обменялись речами. Чехословацкий премьер назвал договор знаменательным, «каких мало в истории», и выразил уверенность, что он будет единодушно утвержден Национальным собранием, которое «в ближайшем будущем будет избрано на основе всеобщего избирательного права». Он утверждал также, фактически не имея на то никаких оснований, что Договор «выражает истинное чувство всех чехов и словаков, следивших с сочувствием за судьбой маленькой славянской страны, являющейся самой восточной частью нашей Республики». Также безосновательно было и такое заявление Фирлингера: «Наш народ чувствует, что настал час, когда Закарпатская Украина может опять возвратиться в лоно своей Родины – Великой Советской Украины». Точнее было говорить о «чувствах» сформированного в Москве чехословацкого правительства, а вовсе не чешского и словацкого народов, мнения которых по этому вопросу никто не спрашивал. На самом деле отношение к потере Чехословакией Подкарпатской Руси в освобожденной стране не было столь однозначно положительным, как изображали чешские и словацкие политики. Об этом свидетельствовала, в частности, докладная записка председателя Всеславянского комитета СССР А. Гундорова, направленная на имя Дмитрова после возвращения первого из Чехословакии, где он был в начале июля 1945 г. «К договору о присоединении ЗУ к УССР отношение сдержанное, – писал Гундоров. – Коммунистическая партия не использовала в должной мере этого справедливого акта для пропаганды». Он приводил, например, слова священника в Березове: «Отделение Закарпатской Украины является большой потерей для Чехословакии, которую (потерю. – В.М.) не мешало бы возместить за счет Венгрии» и далее утверждал: «Такой взгляд имеет распространение и у интеллигенции»³⁵³.

Выступавший на церемонии подписания Договора Молотов подчеркнул большое политическое значение этого акта, которым «осуществляется вековая мечта закарпато-украинского народа» – воссоединение «со своей родиной – Украиной». Несмотря на то, заявил советский нарком, что закарпато-украинский народ еще в конце IX века подпал под власть венгров, он «по своим этнографическим признакам, по языку, быту, по своим историческим судьбам был и остается частью украинского народа». В противоречии с действительностью Молотов заявил: «Впервые в своей истории *весь* (! – В.М.) украинский народ оказывается объединенным в рамках своего единого государства». Он выразил уверенность, что «все свободолюбивые народы будут приветствовать настоящий Договор, означающий укрепление политики мира и дружественных отношений между народами»³⁵⁴.

Договор и Протокол к нему на русском языке были опубликованы в газете «Известия» 30 июня 1945 г., т.е. на следующий день после их подписания. Затем они были включены в сборники документов и материалов о советской внешней политике, вышедшие в 1947 г., 1960 г. (с некоторыми купюрами) и 1988 г.³⁵⁵ Два последних издания готовились совместными усилиями советских и чехословацких исследователей. Затем Договор и Протокол были включены в первый том публикации «Декреты президента республики 1940–1945 гг.» (1995 г.), а также в сборник документов о советско-чехословацких межправительственных переговорах 1945–1948 гг.³⁵⁶ В последнем издании и Договор, и Протокол, опубликованные со ссылкой на архив Министерства иностранных дел Чехословакии, приводятся на словацком языке. Почему тексты были составлены на словацком языке, сказать сложно. Возможно, потому, что работавший над ними еще в Москве Клементис был словаком; возможно также, что имелось два текста – на чешском и словацком языках.

Стоит обратить внимание на некоторые, казалось бы незначительные, отличия в текстах договора на словацком и русском языках. Сейчас трудно и даже невозможно понять, являются ли они результатом неточности перевода, недостаточно тщательной согласованности словацкого и русского текстов договора (работа над документами велась вплоть до момента подписания) или преднамеренным искажением формулировок. Эти «несовпадения» относятся к статье 1 Договора и, что касается текста на русском языке, направлены как бы на утверждение «фундаментальности» включения ЗУ в состав УССР. Укажем конкретно, о чем идет речь. Во-первых, в словацком тексте говорится о вхождении ЗУ в рамки (do rámca) Чехословацкой республики в 1919 г., в русском варианте тот же термин (do rámca) в случае с УССР переве-

ден как «в состав». Вхождение ЗУ «в рамки» ЧСР и «в состав» УССР как бы указывает в первом случае на «временность», во втором – на «окончателность» решения вопроса. Возможно, это было связано с тем, что Бенеш неоднократно в разговорах с советскими деятелями подчеркивал временный характер вхождения ЗУ в состав Чехословакии, которое произошло якобы по желанию держав Антанты и было как бы навязано ЧСР. Во-вторых, в словацком тексте употребляется слово «соединяется» (sjednot'uje) для обозначения объединения ЗУ с Украиной; в советском же варианте договора используется слово «воссоединяется», как и во всех документах и материалах НРЗУ. В-третьих, в словацком тексте значится, что ЗУ вошла в ЧСР в 1919 г. как «самоуправляющаяся единица», в советском варианте употребляется более определенный термин «автономия». Эти вольные или невольные несоответствия в русском и словацком вариантах текста Договора как бы подчеркивали историческую справедливость и окончательность свершившегося. На основании Договора к СССР присоединялась территория площадью 12,5 тыс. кв. км с населением около 725 тысяч человек. СССР и ЧСР становились непосредственными соседями, имеющими общую государственную границу протяженностью 98,5 км³⁵⁷.

По возвращении в Прагу делегация 2 июля сделала подробный доклад о результатах поездки на заседании правительства. Фирлингер, в частности, подчеркнул «чрезвычайную сердечность» приема у Сталина и благотворность обсуждения с Молотовым экономических и политических вопросов. Рипка отметил, что благоприятные результаты визита в Москву, улучшившего тактические и политические позиции Чехословакии, явились также следствием быстрого и окончательного решения вопроса о Закарпатской Украине. Важно, что особым письмом, согласно Фирлингеру, советское правительство обещало, что Ликвидационная комиссия установит также долю внутреннего и внешнего долга Чехословацкой Республики, приходящегося на Подкарпатскую Русь³⁵⁸. Однако, уже с самого начала возникли сомнения в выполнении чрезвычайно сжатых сроков получения права на оптацию, обозначенных в протоколе к Договору³⁵⁹. Ведь пока еще даже не были известны сроки созыва Национального собрания, которое должно было ратифицировать Договор. Ликвидационная комиссия из-за затяжек и проволочек обеих сторон начала работать только осенью 1946 г.

После подписания Договора о Закарпатской Украине вопрос о советско-чехословацкой границе был снят с официальной повестки дня. Уточнения на месте должна была провести Демаркационная комиссия. Большинство УНР Пряшевщины, осознавшее после переезда в Кошице нового чехословацкого правительства бессмысленность требования

присоединения к УССР восточнословацких районов, населенных украинцами, заняло более реалистические позиции и встало на путь соглашения со Словацким национальным советом. УНРП приветствовала правительственную программу, особенно стремление к тесному сотрудничеству с СССР и установление связей с УССР. Она выработала и предложила СНС меморандум, в котором изложила свои требования. Они сводились к следующему: 1. Пропорциональное представительство украинцев в СНС, делегаты от которых назначаются Радой; 2. Пропорциональное представительство украинцев в исполнительных органах и судах; 3. Восстановление украинских и русских школ в районах с украинским населением; 4. Широкие возможности сотрудничества с Советской Украиной, особенно с Карпатской Украиной. Обучение украинских студентов в ВУЗах СССР. УНРП приветствовала создание в университетах кафедр истории СССР, экономики СССР, права СССР, русского и украинского языков³⁶⁰. 26 мая СНС ответил на Меморандум УНРП, удовлетворив основные его требования. В частности, Рада получила право посылать пятерых своих представителей в СНС. Все школьные дела на Пряшевщине передавались в ведение УНРП³⁶¹. Вопрос взаимоотношений Рады и СНС относился к внутриполитическим проблемам Чехословакии, но требование Меморандума об установлении как можно более тесного сотрудничества с Закарпатской Украиной касалось уже советско-чехословацких отношений. Поэтому все, что было связано с деятельностью УНРП, интересовало советское посольство. В беседах Н.Я. Демьянова со словацкими государственными деятелями коммунистами К. Шмидке (председателем президиума СНС) и Г. Гусаком (уполномоченным по внутренним делам словацкого правительства) 25 и 26 июля 1945 г. велась речь и о деятельности УНРП. «Украинский народ на Пряшевщине, – сказал Шмидке, – получил все преимущества от словацкого народа, которые, конечно, не могут быть абсолютно сравнимы с преимуществами украинцев Закарпатской Украины. Каждому должно быть понятно, что украинцам Словакия никогда не даст того, что им предоставил бы СССР». Шмидке негативно отзывался о деятельности Карамана, который, по его словам, «ведет политику разжигания масс, т.е. украинцев, натравливая их против словаков, требуя от Словакии большего, чем мы могли бы дать». Примерно того же мнения придерживался и Гусак, заявивший: «Вопрос Закарпатской Украины вообще и украинского населения Словакии, в частности, являлся и является до некоторой степени щекотливым вопросом чехов, но не словаков. Словакия никогда не имела в виду и не подвергала никакому обсуждению вопрос присоединения украинского народа Закарпатской Украины к Советскому Союзу, поэтому в

Словакии нет почвы для создания каких-либо других мнений о присоединении Закарпатской Украины к Советскому Союзу, кроме единого, что Закарпатская Украина должна быть присоединена к Советскому Союзу». Что касается Пряшевщины, то он подчеркнул, что ее украинское население «всегда желало бы быть в одной семье с украинским населением, т.е. присоединиться к Советскому Союзу, и, вполне естественно, что их требования к Словакии повышенные». Карамана Гусак охарактеризовал как «фигуру с кулацкой психологией» и сказал, что у него имеются материалы о заигрывании Карамана с венгерскими политиками. Поэтому, по словам Гусака, СНС возражая против его кандидатуры в качестве представителя от украинского народа, «ибо сами украинцы-коммунисты против него»³⁶².

21 августа 1945 г. Зорин счел нужным встретиться с председателем УНРП Караманом и секретарем Рады Ройковичем. Примечательно, что на беседе присутствовал сотрудник посольства И.А. Чичаев, резидент НКВД под дипломатической крышей. Караман сказал, что 26 июня пленум УНРП почти единогласно избрал его одним из пяти своих представителей в СНС, который, однако, не согласился с его кандидатурой. Караман считал, что все это связано с позицией словацких коммунистов (главным образом Гусака и Шмидке), которые с самого начала существования Рады выступали против него, обвиняя в стремлении обособить Пряшевщину и ведении агитации за ее присоединение к Советскому Союзу. Караман просил совета. Зорин ответил, что это внутренне дело УНРП и СНС и что он не хотел бы вмешиваться в него. Однако он обещал разобраться в вопросе, чтобы выработать «личную» позицию, и советовал не создавать затруднений, как в работе СНС, так и УНР. Караман сообщил, что он недавно был в Ужгороде, получил оттуда помощь в виде украинских учебников и литературы и намерен в дальнейшем поддерживать тесную связь с ЗУ. Кроме того, он передал официальную просьбу УНРП разрешить направить ее делегацию непосредственно в СССР, чтобы получить материалы и помощь для укрепления культурных связей.

Караман также интересовался, как будет осуществляться оптация советского гражданства для лиц украинской и русской национальности, живущих в Словакии. При этом он заметил, что многие из них, якобы, хотели бы оптировать советское гражданство при условии, что в Советский Союз «перейдет и их земля». На вопрос Зорина, как это понять, Караман ответил, что речь идет и о присоединении Пряшевщины к Советскому Союзу. Советский посол ответил, что, как это видно из Договора, «вопрос о присоединении Пряшевщины стоять не может, ибо границы между Чехословакией и Советским Союзом уже установ-

лены». «Речь может идти лишь о том, – сказал Зорин, – что принявшие советское гражданство лица, имеющие землю на территории Словакии, переселяясь на территорию Советского Союза, могут получить землю на новой территории». Он заметил, что практические вопросы оптации гражданства еще не разработаны и будут находиться в компетенции специально созданной для этого комиссии³⁶³.

Между тем, чехословацкое МИД по поручению правительства начало подготовку к ратификации Договора о Закарпатской Украине и проведению оптации гражданства. 22 августа Клементис посетил Зорина, сообщив ему о разговоре с Петрушаком по вопросу о закарпатских украинцах, желающих оптировать чехословацкое гражданство. Статс-секретарь подчеркнул, что Чехословакия не претендует на них и что хотела бы послать в Ужгород чиновников, которые на месте будут рассматривать вопросы об оптации. Зорин ответил, что по всем этим вопросам он ожидает инструкций из Москвы. 26 сентября Клементис снова посетил Зорина и узнал от него, что Вышинский за то, чтобы пока просьбы об оптации подавались в Ужгороде Украинской Народной Раде, а в Кошице – соответствующему чехословацкому органу³⁶⁴. Таким образом, советская сторона в тот период еще не готова была осуществлять конкретное сотрудничество в вопросе проведения оптации.

22 ноября 1945 г. Временное Национальное собрание ЧСР заслушало произнесенный коммунистом Я. Доланским доклад конституционно-правового комитета о правительственном проекте конституционного закона о Закарпатской Украине и об изменении государственной границы с СССР. Согласно этому закону и должна была произойти ратификация Договора от 29 июня 1945 г. и протокола к нему. Доланский отметил, что заключением Договора правительство выполнило статью VII своей Кошицкой программы. Докладчик изложил историю Закарпатской Украины, многовековой борьбы закарпато-украинского народа против социального и национального гнета, за объединение с Советской Украиной. Заключение Договора он назвал «счастливым шагом» и заявил: «Этот Договор заслуживает быть записанным золотыми буквами в новую историю наших народов. Ибо мы, два народа, – чехи и словаки, горды тем, что на самом пороге вновь обретенной нами свободы таким прекрасным и славным образом приняли участие в осуществлении вековых национальных чаяний малого, в течение долгих столетий притесняемого закарпатского народа». Временное Национальное собрание путем голосования одобрило проект конституционного закона³⁶⁵, тем самым ратифицировав Договор. Некоторые исследователи, в частности И. Поп, полагают, что ратификация была проведена «с нарушением Конституции ЧСР (имелась в виду Конституция 1920 г. – В.М.), позво-

лявшей принимать решения по конституционным вопросам, в том числе и изменения границ государства, только Национальным собранием, депутаты которого избраны на всеобщих выборах, а не назначены, как это было с Временным Национальным собранием». «Соответственно, – считает Поп, – согласно Конституции Чехословакии, ратификация юридической силы не имела, была чисто политическим актом»³⁶⁶. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал его своим указом от 27 ноября 1945 г.³⁶⁷. 22 января 1946 г. решением Президиума Верховного Совета СССР была образована Закарпатская область УССР, на территории которой начала действовать Конституция СССР.

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленный вниманию читателя очерк является первым в отечественной историографии конкретно-историческим исследованием истории присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к Советскому Союзу (Советской Украине), оформленного договором между СССР и ЧСР в июне 1945 г. В книге рассмотрены эволюция советских и чехословацких взглядов на судьбу Подкарпатской Руси в период Второй мировой войны 1939–1945 гг., обозначены этапы развития советско-чехословацких отношений, касающихся решения этой проблемы на протяжении указанных лет, рассмотрены события, происшедшие осенью-зимой 1944–1945 гг. в Подкарпатской Руси, отношение к ним различных чешских и словацких политических сил, а также мировой общественности. Насколько это возможно при существующей на сегодняшний день документальной базе, показаны механизмы и способы присоединения этой области к СССР, его военные и политические аспекты. Уточнены многие из утвердившихся в прежней литературе оценки проблемы, трактуемой в прошлом часто весьма односторонне и упрощенно. Автор стремился показать всю сложность вопроса, кипевшие вокруг него страсти, обрисовать позиции советских государственных деятелей, прежде всего И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.Я. Вышинского, В.А. Зорина, и чехословацких политиков: Э. Бенеша, Я. Масарика, З. Фирлингера, Г. Пики, С. Ингра, Ф. Немца, К. Готвальда и др., более пристально взглянуть на ряд в прошлом мифологизированных и политизированных вопросов включения Закарпатья (Подкарпатья) в состав СССР, осветить неизученные, намеренно замалчиваемые или искаженные аспекты этого вопроса. В частности,

это касается позиции президента ЧСР в изгнании Э. Бенеша в указанные годы, советско-чехословацких переговоров в Москве в декабре 1943 г., отношения советского руководства к событиям в Подкарпатской Руси осенью-зимой 1944–1945 гг., появления на свет послания Сталина Бенешу в январе 1945 г., «тайного» письма Бенеша советскому руководству в марте 1945 г. о согласии на присоединение Подкарпатской Руси к УССР, подготовки и подписания советско-чехословацкого договора о Закарпатской Украине.

Автор стремился создать по возможности объективно-всестороннюю картину истории присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР (УССР), не рассматривая его, как это нередко делалось в прошлом, лишь под углом зрения «движения широких народных масс» данной области за ее включение в состав Советского Союза. Была сделана попытка ответить не только на вопрос, что произошло, но, как и почему это случилось, а также рассмотреть проблему в контексте советской и чехословацкой внешней политики того периода.

Исходя из требований, предъявляемых к историческому исследованию на современном этапе, автор стремился охватить как можно более широкий круг источников, прибегая в тех случаях, где это было возможно, к сопоставлению документов советского и чехословацкого происхождения. Опора на большой массив как оригинальных, так и уже опубликованных материалов, нашла отражение в определении жанра труда, обозначенного как документальный очерк. Являясь решительным противником видения прошлого лишь в черном цвете, морализирования в истории и вынесения «приговоров», автор стремился оценивать действия людей и происходившие события в контексте того времени, т. е. периода Второй мировой войны и ее итогов.

Научное исследование проблемы по существу отсутствует как в отечественной, так и в чехословацкой (чешской и словацкой) историографии. Что касается имеющихся в литературе оценок, то в недавнем прошлом они были связаны с политическим заказом власть предержащих, то есть с заказом правящей в СССР и Чехословакии коммунистической партии. Чехословацкая историография социалистического периода практически вообще не касалась этой проблемы, оставляя ее на «откуп» советским историкам, которые оценивали случившееся единственно как результат стихийного движения народных масс Подкарпатской Руси за ее присоединение к СССР (УССР). Позиция Бенеша и «чехословацкого» Лондона рассматривалась как недружественная по отношению к Москве, иницируемая их западными покровителями. Политическому заказу соответствовали подбор и оценки фактического материала. Это вело к искаженному видению многих аспектов проб-

лемы. С точки зрения накопленного в отечественной историографии фактического материала (но не его интерпретации), можно считать отчасти разработанными вопросы, касающиеся организованного Народной Радой Закарпатской Украины, а по сути коммунистической партией при поддержке советских военных органов, движения за выход из состава Чехословакии и присоединения Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР (УССР). В обобщенном виде это нашло отражение, в частности, в 6-ом томе публикации на украинском языке «По пути Октября», вышедшей в 1965 г.³⁶⁸ Надо сказать, что история Закарпатской Украины в советские времена создавалась преимущественно учеными, работавшими в Киеве, Ужгороде и Львове. В трудах И.М. Гранчака, И.Ф. Евсеева, В. Илько, И.Н. Мельниковой, Ф.П. Шевченко и др., построенных в большинстве на оригинальном архивном материале, особое внимание обращалось на положение Закарпатской Украины (тогда использовался только этот термин) в составе Венгрии и политику ее властей по отношению к населению этой области, приводился материал о партизанском движении в крае, размах и значение которого зачастую преувеличивались, описывалось движение трудящихся масс Закарпатья за его присоединение к СССР. Естественно выбор и интерпретация в тогдашних условиях были подчинены существующему политическому заказу, а оценки базировались на догмах «марксистской» идеологии.

С начала 90-х годов в украинской историографии относительно данной проблемы обозначились новые веяния. Стали уточняться и пересматриваться многие из утвердившихся ранее взглядов, причем нередко крен делался в другую сторону и оценки со знаком плюс превращались, особенно в публицистике, в свою противоположность. К сожалению, дать достаточно полный обзор современной украинской литературы по проблеме не представляется возможным, поскольку ее поступление в московские библиотеки, как и прочих зарубежных изданий, весьма ограничено. В Ужгороде, например, по имеющимся у автора сведениям вышла работа директора Института Карпатоведения Ужгородского Университета М.П. Макары, посвященная вопросам включения Закарпатской Украины в состав СССР³⁶⁹. Во втором томе «Очерков истории Закарпатья» (1918–1945 гг.), опубликованном также в Ужгороде в 1995 г. под руководством И.М. Гранчака, проведен критический анализ вышедших ранее работ, в научный оборот введены новые архивные материалы, касающиеся социальных, экономических, политических, культурных аспектов развития края в указанные годы³⁷⁰. В 1999 г. вышел сборник документов о «воссоединении» Закарпатской Украины с Советской Украиной, охватывающий период с мая 1944 г. по январь 1946 г.³⁷¹

В последние десятилетия, когда позволила обстановка и оказались доступны многие архивные материалы, чешские и словацкие исследователи стали обращаться к истории Подкарпатской Руси, но преимущественно в период ее вхождения в состав Чехословакии, т.е. в 1919–1939 гг. Началось обсуждение вопросов, которые прежде считались «табуированными». Все, что относилось к истории Подкарпатской Руси, как уже говорилось, ранее негласно рассматривалось как дело советских (украинских) историков. В 1990 г. по инициативе группы чешских интеллектуалов в Праге было создано Общество друзей Подкарпатской Руси (*Společnost přátel Podkarpatské Rusi*), объединявшее в основном чехов, которые родились и жили в прошлом в Подкарпатской Руси (председатель – Ян Горжец). Общество издает газету «Подкарпатская Русь», выпускает брошюры по истории и культуре края. Оно провело в Праге в 1996 г. научную конференцию на тему «Подкарпатская Русь в Центральной Европе» и издало ее материалы. В начале 1997 г. на конференции в Прешове (Словакия) были обсуждены вопросы положения Подкарпатской Руси в Чехословакии³⁷². На эту тему чешские и словацкие историки публикуют также документы, книги, брошюры, статьи³⁷³, которые, к сожалению, пока не доступны российским историкам.

Представленная читателю книга являет собой лишь определенную ступень исследования – с опорой на ныне ставшие известными документы – того, как виделся и решался вопрос о Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) в советско-чехословацких отношениях периода Второй мировой войны. Работа базируется на материалах российских (советских) и чешских (чехословацких) архивов, часть которых уже опубликована в сборниках документов, а часть обнаружена автором в фондах Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Естественно, не все «белые пятна» темы были восполнены известными на сегодняшний день документами. Много важных, имеющих отношение к теме материалов, еще находятся на «особом» хранении в Архиве внешней политики РФ, в Архиве Президента РФ. Остро ощущается нехватка документов Архива Министерства обороны РФ, пока трудно доступного для исследователей, не говоря уже об архивных фондах ФСБ РФ, совершенно закрытых для историков. Вероятно, не все относящиеся к теме материалы выявлены также в чешских и словацких архивах. Какие же вопросы требуют еще дополнительной разработки и углубленного изучения? На наш взгляд, следующие:

а) почему 1-ый чехословацкий армейский корпус был передислоцирован на север, к чехословацко-польским границам, и не участвовал в освобождении Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины)?;

б) сумма вопросов, касающихся практической деятельности чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории (пока сведения об этом очень отрывочны и политизированы): существует ли архив делегации? Что ей удалось, а что не удалось фактически сделать? Каковы были взаимоотношения внутри делегации? Некоторые представления об этом дает недавно опубликованный чешскими историками Я. Немечком, Г. Новачковой и М. Седлаковой обширный документ «Сообщение правительственного делегата Франтишка Немеца о событиях в Подкарпатской Руси в 1944 г.»³⁷⁴. Он интересен не только с точки зрения отношения Немеца к происшедшему, но и потому, что построен по принципу «матрешки»: в него включена переписка правительственного делегата с командованием 4-го Украинского фронта (И.Е. Петровым и Л.З. Мехлисом), то есть документы, которые хранятся в Архиве министерства обороны РФ и пока недоступны отечественным исследователям;

в) комплекс вопросов, касающихся действий командования 4-го Украинского фронта и связанных с его отношениями с местными, возникшими в Закарпатской Украине осенью 1944 г. органами власти, а также с чехословацкой правительственной делегацией. Неясно, насколько действия командования Фронта на освобожденной территории Закарпатской Украины были автономны, а насколько согласованы с верховным главнокомандованием Красной Армии. Каково было в этих действиях соотношение задач военного и политического характера? Какие вопросы, помимо военных, решали советские военные комендантуры и как они строили отношения с местными органами власти?;

г) как складывались взаимоотношения Москвы и Киева в вопросе о Закарпатской Украине? От кого исходила инициатива? Были ли согласованы действия? И вообще, существовал ли какой-либо заранее разработанный план в отношении того, как должна была быть эта территория присоединена к СССР? Имелись ли какие-либо прямые указания (и чьи?) на этот счет? Возможно, все это было делом практики, а указания либо давались по телефону, либо в устном виде, либо «настроение начальства» просто улавливалось исполнителями разного уровня, исходившими из общей ситуации, мимоходом оброненных фраз или замечаний и действовавшими на свой страх и риск в надежде получить одобрение «верхов»? Очевидно одно: все делалось не без ведома, более того, с одобрения Кремля и киевской «головки», но механизм доведения до исполнителей их воли пока не ясен;

д) недостаточно выявлены обстоятельства приглашения в Кремль 23 января 1945 г. Готвальда и цели, преследуемые при этом советским руководством;

е) наконец, совершенно отсутствуют данные о деятельности органов НКВД, НКГБ и советской военной контрразведки (СМЕРШ) на освобожденной территории Закарпатской Украины, о том, какие донесения они отправляли в Москву и как сообщаемые ими сведения влияли на принятие советским руководством политических решений.

Ответы на эти многочисленные вопросы могли бы, очевидно, скорректировать и дополнить сегодняшние представления о развитии советско-чехословацких отношений, касающихся Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины), событий, происшедших на ее освобожденной территории осенью 1944 г., а также содействовать выяснению ныне дискутируемого в историографии вопроса, было ли движение за присоединение к Советской Украине общенациональным, массовым, охватывало ли оно лишь часть политически активного населения или же речь шла об инкорпорации данной области, проведенной исключительно советским тоталитарным режимом при активной поддержке местных коммунистов. Пока же, видимо, можно констатировать правильность афоризма «наше незнание всегда богаче нашего знания» и довольствоваться в ряде вопросов гипотезами, опирающимися на анализ более или менее достоверного фактического материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО). Т. 5. Май 1945 г. – февраль 1948 г. М., 1988. С. 78–79.
2. См.: *Пушкаш А.И.* Национальный вопрос в Закарпатье накануне второй мировой войны // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 175–190.
3. *Materiály z konferencie «Podkarpatská Rus v dejinách Československa 1918–1939»* // Česko-Slovenská historická ročenka 1997. Brno, 1997. S. 42.
4. Цит. по: *Кремна И.* Борьба за интернациональное единство революционного движения в Словакии и Закарпатской Украине до образования КПЧ. Автореферат. М., 1974. С. 25.
5. *Materiály...* S. 40–68.
6. *Ibid.* S. 84.
7. *Střední a jihovýchodní Evropa ve válce a v revoluci. 1939–1945.* Praha, 1969. S. 519.
8. См. справки о Закарпатской Украине: Российский архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 70; Д. 764. Л. 38.
9. *Materiály...* S. 84.
10. См. подробнее: *Materiály...* S. 83–93.
11. Год кризиса. 1938–1939 гг. Документы и материалы. М., 1991. Т. 1. С. 45.
12. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород. 2001. С. 197.
13. *Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945.* Praha, 1982. S. 148.
14. Пьемонт – область на северо-западе Италии, центр национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии в XIX в.
15. Год кризиса... Т. 1. С. 265. Архив Внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 111.
16. *Materiály...* S. 156.
17. *Lukeš F.* Podivný mir. Praha, 1968. S. 133.
18. Год кризиса... Т. 1. С. 265.
19. Год кризиса... Т. 1. С. 255.
20. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 571–572.
21. *Lukeš F.* Podivný mir. S. 216.
22. *Ibid.* S. 245.
23. *Materiály...* S. 162.
24. Год кризиса... Т. 1. С. 275.
25. Там же. С. 273–274.
26. Там же. С. 286.
27. Там же. С. 290.

28. Там же. С. 421.
29. Там же. С. 441, 520.
30. *Желицки Б.Й.* Регент Венгрии Миклош Хорти (1868–1957) // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 191.
31. Еще осенью 1938 г. возникли немецкие проекты создания самостоятельной Словакии, включающей автономную Подкарпатскую Русь (*Lukeš F. Podivný mir.* S. 181).
32. *Materiály...* S. 181.
33. А. Волошин и несколько членов его правительства в мае 1945 г. были арестованы в Праге сотрудниками СМЕРШ и отправлены в Москву. Им предъявили обвинения в том, что, проживая на территории Чехословакии и являясь украинскими националистами, они ставили своей целью «вооруженную борьбу против Советского Союза, за отторжение от него Украины и создание на ее территории буржуазного государства под протекторатом Германии». Помещенный в Лефортовскую тюрьму, Волошин умер во время одного из допросов 19 июля 1945 г. Другие арестованные были приговорены к разным срокам заключения и возвратились в Прагу лишь в конце 1957 – начале 1958 гг. Они, как «жертвы репрессий, имевших место в 40-х – начале 50-х годов», были реабилитированы только в 1990 г. прокуратурой Закарпатской области УССР. (*Materiály...* S. 179–184)
34. АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 37; Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 80. В отчете полпредства за 1940 г. Пушкин писал: «Группа Дюрчанского бесспорно боялась полного порабощения Словакии немцами. Именно поэтому она мечтала иметь общие границы между СССР и Словакией... Отсюда их заинтересованность в переходе Карпатской Украины к Советскому Союзу». (Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 113)
35. СССР – Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. Изд. «Telex». 1983. С. 61.
36. Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. Док. 225. С. 375.
37. АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 138.
38. Там же. Л. 143.
39. Там же. Л. 177.
40. См. подробнее: *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 198–240; *Марьина В.В.* «Ворота на Балканы». Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939–1941 гг. // Война и политика. 1939–1941. М., 1999. С. 472–479.
41. АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 4. Л. 138.
42. Генерал-губернаторство – «немецкая колония», образованная по приказу Гитлера в октябре 1939 г. на восточных территориях оккупированной Польши.

43. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 23. Д. 288. Л. 33–35.
44. ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 86.
45. Там же. С. 465–466.
46. АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 41.
47. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 152–153.
48. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 218. Л. 36–37.
49. *Němeček J.* Československá diplomatická mise v Moskvě (březen – prosinec 1939). Příloha 1 // *Moderní dějiny*. 4. Praha, 1966. S. 20–42.
50. Ruthenia – Русь, средневековый латинский язык (Словарь иностранных слов. М., 1986. С. 439).
51. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 122; АВП РФ. Оп. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 257–258.
52. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835. Л. 9.
52. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty. (далее – ČSVDJ). D. 1. Praha, 1998. S. 87.
54. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 122.
55. ČSVDJ. D. 1. S. 87.
56. Češi a sudetoněmecká otázka. 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1999. S. 20.
57. Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády. 1939–1940. Příloha. Zápisy ze zasedání Československého národního výboru. 1939–1940. Praha, 1999. S. 83.
58. *Ibid.* S. 128.
59. *Němeček J.* Československá diplomatická mise... Příloha 2. S. 53.
60. ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 327.
61. Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943. Sv. I. Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na západě (далее – ДНČР). Praha, 1966. S. 84.
62. Češi a sudetoněmecká otázka... S. 46–47.
63. ČSVDJ. D. 1. S. 141–142.
64. ДНČР. I. S. 205–206.
65. Češi a sudetoněmecká otázka... S. 88.
66. ČSVDJ. D. 1. S. 181–182.
67. Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 11.
68. ČSVD. D. 1. S. 203.
69. ДНČР. I. S. 242.
70. Советско-чехословацкие отношения... С. 14.
71. ČSVDJ. D. 1. S. 213–214.
72. Češi a sudetoněmecká otázka... S. 113.
73. ČSVDJ. D. 1. S. 234–235.
74. СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. СССР и Германский вопрос. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г.. М., 1996. С. 125.

75. См.: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.) // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 154–155.
76. Češi a sudetoněmecká otázka... S. 144.
77. Советско-чехословацкие отношения... С. 25–26.
78. ČSVDJ. D. 1. S. 285.
79. Ibid. S. 297.
80. Ibid. S. 315.
81. Československo-Polská jednání o konfederaci 1939–1944 (далее – ČРJK). Č. 2. Praha, 1994. S. 251.
82. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 14–15; ČSVDJ. D. 1. S. 348–351.
83. Там же. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 275. Л. 6.
84. Там же. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 14–15.
85. DHČР. I. S. 274.
86. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 274. Л. 5–6.
87. ČSVDJ. D. 1. S. 324.
88. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 301.
89. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 23.
90. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Sv. 2. Praha, 1965. S. 716, 718; ČSVDJ. D. 2. S. 267; *Němeček J.* Edvard Beneš a Sovětský Svaz 1939–1945 // *Slovanský přehled.* Praha, 2001. N 3. S. 337.
91. ČSVDJ. D. 1. S. 391.
92. Ibid. D. 1. S. 360–361.
93. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 77.
94. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 172.
95. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 273. Л. 1–2.
96. ČSVDJ. D. 1. S. 314.
97. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 41–43.
98. Там же. Л. 28–31.
99. Там же. Л. 48.
100. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 21–23.
101. ČSVDJ. D. 1. S. 359.
102. Ibid. D. 1. S. 362.
103. Ibid. D. 1. Примечание 2. S. 360.
104. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 97–98.
105. ČSVDJ. D. 1. S. 391.
106. Ibid. D. 1. S. 416.
107. Ididem.
108. *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву... С. 151–165.
109. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 7.
110. Там же. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397.
111. ČРJK. Č. 4. S. 530.
112. ČSVDJ. D. 2. S. 111, 113.
113. Советско-чехословацкие отношения... С. 132–135.

114. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 18.
115. ČSVDJ. D. 2. S. 157.
116. ČSVDJ. D. 2. S. 171–172.
117. Ibid. D. 2. S. 179.
118. СССР и германский вопрос. Т. 1... С. 244.
119. ČSVDJ. D. 2. S. 205–206.
120. Slovenské národné povstanie. Dokumenty (далее – SNPД). Editor: V. Prečan. Bratislava, 1965. S. 141.
121. Цит. по: *Поп И.И.* Чехословакия – Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990. С. 153.
122. Cesta ke Květnu. I-1. S. 79, 85, 106, 107, 130.
123. ČSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání. (далее – ČSR a SSSR). Brno, 1997. S. 493.
124. SNPД. S. 117.
125. ČSVDJ. D. 2. S. 175–176, 191–192, 236.
126. *E. Beneš.* Vzkazy do vlasti. Editor J. Šolc. Praha, 1996. S. 11.
127. Cesta ke Květnu, I–1. S. 145–146.
128. ČSVDJ. D. 2. S. 238–239, 245–248, 251, 255–256.
129. Советско-чехословацкие отношения... С. 160–162.
130. Cesta ke Květnu. I–1. S. 108.
131. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 2.
132. *Za národní osvobození, za novou republiku.* S. 263, 361.
133. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 85–86.
134. Советско-чехословацкие отношения... С. 171.
135. *Za národní osvobození, za novou republiku.* S. 361–362.
136. *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966. С. 417.
137. SNPД. S. 220.
138. *Пушкаш А.И.* Венгрия в годы второй мировой войны. С. 416.
139. *Za národní osvobození, za novou republiku.* S. 362.
140. Советско-чехословацкие отношения... С. 174.
141. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 8, 13–16.
142. Советский Союз и германский вопрос 1941–1949. Т. 1. М., 1996. С. 438.
143. ČSVDJ. D. 2. S. 266.
144. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 72.
145. Cesta ke Květnu, I–1. S. 211–213, 298–299.
146. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 73.
147. Там же. Д. 765. Л. 76–77.
148. Cesta ke Květnu. I–1. S. 108, 147.
149. Cesta ke Květnu. I–1. S. 147–148.
150. Zpráva vládního delegáta Františka Němce o vývoji na Podkarpatské Rusi 1944. Dokumenty. Ed. J. Němeček, H. Nováčková, M. Sedlaková. Sborník archivních prací. 2000. N. 1. S. 127.
151. Cesta ke Květnu. I–1. S. 168–173.

152. Ibid. S. 160–161.
 153. SNPD. S. 273.
 154. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 256. П. 154. Д. 5. Л. 22.
 155. Cesta ke Květnu, I–1. S. 185.
 156. Delegace Slovenské národní rady v Londýně (říjen–listopad 1944): Nové dokumenty (Ed. V. Prečan) // Česko-Slovenská historická ročenka, 1999. Brno, 1999. S. 211.
 157. Cesta ke Květnu, I–1. S. 168–173.
 158. Delegace Slovenské národní rady... S. 265.
 159. Ibid. S. 254.
 160. ДМИСЧО. Т. 4. Кн.2. С. 211–212.
 161. Советско-чехословацкие отношения... С. 211.
 162. См. СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 40-х годов. Дискуссия // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 9–10; *Vidňanský S., Gajdoš M.* Niektoré osobitosti nastolenia totalitného režimu v Zakarpatskej Ukrajine. // Od diktatúry k diktatúre. Slovensko v rokoch 1945–1953. Bratislava, 1995. S. 82.
 163. *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 256.
 164. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 69. Český antifasismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 79.
 165. *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. 1939–1945. Очерк важнейших событий. М., 1985. С. 397.
 166. Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. М., 1999. С. 126.
 167. *Свобода Л.* От Бузулука до Праги. С. 268.
 168. ČSVDJ. D. 2. S. 272.
 169. SNPD. S. 330–331.
 170. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 166.
 171. *Fierlinger Z.* Ve slu bách ČSR. D. 2. Praha, 1948. S. 386–387.
 172. Zpráva... S. 138.
 173. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 223.
 174. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 128. Д. 764. Л. 190.
 175. ČSVDJ. D. 2. S. 316.
 176. Cesta ke Květnu. I–1. S. 287.
 177. Ibid. S. 250.
 178. Zpráva... S. 138–139, 143.
 179. Ibid. S. 182.
 180. Ibid. S. 143.
 181. Ibid. S. 154.
 182. Delegace... S. 236, 243.
 183. *Нěмеček J.* Edvard Beneš a Sovětský Svaz 1939–1945. S. 337. См. также: *Пон И.И.* Чехословакия – Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990. С. 143.
 184. Cesta ke Květnu. I–1. S. 169–172.

185. *Fierlinger Z.* Ve slu bách ČSR. D. 2. S. 371–373, 377.
186. *Fierlinger Z.* Ve slu bách ČSR. D. 2. S. 390–391.
187. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 3.
188. Zpráva... S. 139–140.
189. Ibid. S. 140–142.
190. ČSVDJ. D. 2. S. 342.
191. ČSVDJ. D. 2. S. 339.
192. ČSVDJ. D. 2. S. 337–338.
193. Ibid. D. 2. S. 340.
194. Ibid. D. 2. S. 343.
195. *Fierlinger Z.* Ve slu bách ČSR. D. 2. S. 387.
196. ČSVDJ. D. 2. S. 341.
197. Ibid. D. 2. S. 345–346.
198. Ibid. D. 2. S. 348–349.
199. Ibid. D. 2. S. 361.
200. Zpráva... S. 142–143.
201. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 80; *Vidňanskij S., Gajdoš M.* Niektoré osobitnosti nastolenia... S. 82.
202. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 80.
203. Там же. Л. 41.
204. Zpráva... S. 145.
205. Ibid. S. 145–146.
206. Ibid. S. 149–150.
207. Ibid. S. 152.
208. Ibid. S. 183–184.
209. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 17–23; Д. 708. Л. 38–40. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11.
210. Там же. Д. 764. Л. 100–109, 118, 121, 130.
211. Там же. Л. 44, 80.
212. Там же. Д. 708. Л. 29об.
213. Там же. Д. 707. Л. 2.
214. Там же. Л. 74, 90.
215. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 56. Д. 765. Л. 11–27.
216. *Поп И.И.* Чехословакия – Советский Союз. С. 149.
217. *Vidňanskij S., Gajdoš M.* Niektoré osobitnosti... S. 80.
218. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 66.
219. ČSVDJ. D. 2. S. 353–355.
220. Zpráva... S. 160–161.
221. Ibid. S. 163–167.
222. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 55–62.
223. Там же. Д. 764. Л. 203, 206.
224. *Vidňanskij S., Gajdoš M.* Niektoré osobitnosti... S. 83.
225. Zpráva... S. 170–172.

226. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 44; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 240–242.
227. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 45–49; *Cesta ke Květnu*. I–2. S. 463.
228. *Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti...* S. 83
229. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 52–57.
230. Там же. Л. 80.
231. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 47, 176.
232. *Zpráva...* S.181, 185–191.
233. *Ibid.* S. 173.
234. *Ibid.* S. 173–174.
235. *Ibid.* S. 174–177.
236. *Ibid.* S. 177–178.
237. РГАСПИ. Д. 708. Л. 58–70, 77–79; ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 247.
238. *Zpráva...* S. 181.
239. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 49. Л. 114об.
240. *Кирилл Фролов.* Карпатороссы и Великая Россия // Независимая газета. 26.01.2000.
241. *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 234.
242. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 34.
243. Как пишет в своих воспоминаниях бывший руководитель службы разведывательно-диверсионных операций советских органов безопасности П. Судоплатов, Ромжа, обвиненный в тайных сношениях с Ватиканом и украинским националистическим подпольем, был по распоряжению Хрущева в 1947 г. ликвидирован агентами госбезопасности (*Судоплатов П.* Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 412–413); *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 324–325.
244. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 765. Л. 83, 100–101.
245. *Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti...* S. 81.
246. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 52.
247. Там же. Л. 66.
248. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 30–53 (Стенограмма 1-го Съезда Союза молодежи Закарпатской Украины); Д. 764. Л. 85.
249. Там же. Д. 764. Л. 95–97, 176; Д. 765. Л. 82–83.
250. Там же. Л. 22; Д. 765. Л. 82.
251. Там же. Д. 707. Л. 71–72.
252. *Cesta ke Květnu*. I–1. S. 185, 256; *ČSVDJ*. D. 2. S. 374; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 188.
253. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 188–189.
254. *Cesta ke Květnu*. I–1. S. 305.
255. *Fierlinger Z. Ve slu bách ČSR*. D. 2. S. 409.
256. *Ibidem*.
257. Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. М., 1998. С. 476–478; Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Том 1. 1944–1948 гг. (далее: ВЕДРА). М.–Новосибирск, 1997. С. 100.

258. Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 449.
259. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 1, 4, 5, 8, 9.
260. Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. С. 478.
261. ČSVDJ. D. 2. S. 365.
262. Cesta ke Květnu. I–1. S. 470–471.
263. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 6.
264. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 6–9.
265. ČSVDJ. D. 2. S. 360.
266. Ibid. D. 2. S. 351, 360.
267. Ibid. D. 2. S. 364.
268. Ibid. D. 2. S. 368, 370–371.
269. Ibid. D. 2. S. 370.
270. Ibid. D. 2. S. 371–375.
271. Ibid. D. 2. S. 376–378.
272. Fierlinger Z. Ve slu bách ČSR. D. 2. S. 449.
273. ČSVDJ. D. 2. S. 379–381.
274. См. ранее упомянутый документ: Zpráva... S. 138–201.
275. ČSVDJ. D. 2. S. 382–383.
276. Ibid. D. 2. S. 384–385.
277. Ibid. D. 2. S. 391–394.
278. Ibid. D. 2. S. 385.
279. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 262.
280. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 70.
281. ČSVDJ. D. 2. S. 406–407; АВП РФ. Ф. 0138а. ОП. 25в. П. 154. Д. 5. Л. 38–41.
282. ČSVDJ. D. 2. S. 408–411.
283. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 263–264.
284. Cesta ke Květnu. I–1. S. 338.
285. Ibid. I–2. S. 471–472.
286. ČSVDJ. D. 2. S. 421, 428.
287. Ibid. D. 2. S. 430–432.
288. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Т. 1. 1944–1948 гг. Документы. М., 1999. С. 116–117, 131, 132.
289. Vidňanský S., Gajdoš M. Niektoré osobitosti... S. 82–83.
290. Советский фактор... С. 224–225.
291. ВЕДРА. С. 371.
292. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 21–22.
293. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 25, 38, 70.
294. Там же. Л. 102, 102об.
295. Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О. Война. 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 174.
296. Fierlinger Z. Ve slu bách ČSR. D. 2. S. 459.

297. ČSVDJ. D. 2. S. 412–414.
 298. Ibid. D. 2. S. 415.
 299. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 207–218.
 300. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 210–212.
 301. Там же. Л. 213–218.
 302. ČSVDJ. D. 2. S. 465.
 303. ČSVDJ. D. 2. S. 474–475; *Fierlinger Z. Veslu bách ČSR. D. 2. S. 559–560.*
 304. ČSVDJ. D. 2. S. 472.
 305. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 277.
 306. ČSVDJ. D. 2. S. 471.
 307. Советско-чехословацкие отношения... С. 221–222.
 308. См. подробнее: ВЕДРА. С. 113, 120–133, 140–150; Советский фактор... С. 118, 122, 138–139; *Георги Димитров. Дневник. С. 458, 463–464.*
 309. См. записку И.М. Майского Молотову по вопросам послевоенного устройства 11 января 1944 г. (СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. СССР и германский вопрос. 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 335–360).
 310. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 276–277.
 311. *Kopecky V. Gottwald v Moskvě. 2. vyd. Praha, 1948. S. 46–47.*
 312. *Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 789–790.*
 313. *Георги Димитров. Дневник. С. 464.*
 314. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 287–288.
 315. ČSVDJ. D. 2. S. 482–483.
 316. Ibid. D. 2. S. 488.
 317. Ibid. D. 2. S. 492–493.
 318. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 41–43.
 319. Там же. Д. 10. Л. 43.
 320. ČSVDJ. D. 2. S. 496–503.
 321. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9; ČSVDJ. D. 2. S. 506–507.
 322. ČSVDJ. D. 2. S. 512.
 323. Ibid. D. 2. S. 514.
 324. ČSVDJ. D. 2. S. 523.
 325. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835. Л. 9.
 326. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 10–12; ČSVDJ. D. 2. S. 520–522; *Fierlinger Z. Veslu bách ČSR. D. 2. S. 599–601; ВЕДРА. Т. 1. С. 183–186.*
 327. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 1.
 328. Там же. Д. 6. Л. 79.
 329. Там же. Д. 7. Л. 2; ČSVDJ. D. 2. S. 526.
 330. ČSVDJ. D. 2. S. 527.
 331. *Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 382–385.*

332. См. подробнее: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.). Документальный очерк // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 77–88.
333. *Георги Димитров*. Дневник. С. 470.
334. Советский фактор... С. 175–177.
335. *Cesta ke Květnu*. I–1. S. 384.
336. Советский фактор... С. 177.
337. *Cesta ke Květnu*. I–1. S. 414–418.
338. ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. С. 347.
339. *Георги Димитров*. Дневник. С. 473.
340. АВП РФ. Ф. 0138а. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 91.
341. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 31. Л. 78.
342. *Cesta ke Květnu*. I–2. S. 678 (примечание 1).
343. *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén. 1944–1948*. Bratislava, 1971. S. 130, 132, 134.
344. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 237–238.
345. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822.
346. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 764. Л. 220–221.
347. Там же. Д. 765. Л. 81–84.
348. Там же. Д. 764. Л. 219–250.
349. *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 63–65, 80.
350. ВЕДРА. Т. 1. С. 229–230; *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 500.
351. *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 73–74.
352. ДМИСЧО. Т. 5. Май 1945 г. – февраль 1948 г. М., 1988. С. 78–80.
353. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 15. Л. 124.
354. ДМИСЧО. Т. 5. С. 81–83.
355. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. III. М. 1947. С. 309–312; Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1960. С. 271–274; ДМИСЧО. Т. 5. С. 78–80.
356. *Jech K., Kaplan K. Dekrety prezidenta republiky*. D. 1. Vmno, 1995. S. 433–434; *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 75–78.
357. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 28. П. 140. Д. 4. Л. 93.
358. *ČSR a SSSR. 1945–1948*. S. 80–90.
359. Только через год, 10 июля 1946 г., было подписано «Соглашение между Правительством СССР и Правительством ЧСР о праве оптации и переселения соответственно граждан чешской и словацкой национальностей, проживающих в СССР на территории бывшей Волынской губернии, и чехословацких граждан украинской, русской и белорусской национальностей, проживающих на территории Чехословакии». Тогда же была создана и Смешанная советско-чехословацкая комиссия по оптации и переселению. Согласно заключительному протоколу о ее работе, подписанному 14 сентября 1949 г., из СССР в ЧСР переселилось

33 077 человек, а из Чехословакии в Советский Союз – 8 556 человек. (ДМИСЧО. Т. 5. С. 265–271). Из текста Соглашения, однако, не ясно, касалось ли оно лиц, проживающих в Закарпатье и желающих переселиться в ЧСР, и обратно, т.е. из ЧСР – в ЗУ. О том, как выполнялся протокол к Договору от 29 июня, можно судить по отчету представителей чехословацкой комиссии по оптации, побывавших в ЗУ в октябре-ноябре 1946 г. Сразу по приезде в Ужгород они посетили председателя НРЗУ Туряницу и сообщили ему, что в их задачу входит проведение переселения чехословацких оптантов. В их присутствии Туряница позвонил в Москву и просил директив на этот счет. Ему было обещано, что через 3 дня он получит ответ. Но ответа не последовало. 31 октября чехословацкие представители снова посетили Туряницу и поставили вопрос о вывозе оптантами всего движимого имущества, как и было обозначено в статье 2 протокола к Договору от 29 июня. Туряница же ссылаясь на вышеупомянутое межправительственное Соглашение от 10 июля 1946 г., которое, по мнению чехословацких представителей, касалось лишь волинских чехов. Ясности в этом вопросе не было и среди руководителей НРЗУ. В течение месяца ответ из Москвы так и не был получен. У представителей чехословацкой комиссии создалось впечатление, что «возникшие трудности – чисто субъективного порядка, а также проистекают из страха перед возможной ответственностью». Туряница заявил, что он попытался на свою ответственность отправить в ЧСР летом 1946 г. два транспорта с оптантами, получившими согласие на переселение от чехословацких властей, но с их приемом на чехословацкой стороне возникли трудности, и отправка была приостановлена. Как выяснилось, среди оптантов был большой процент венгров и лиц, провинившихся перед ЧСР во время оккупации.

Последний раз члены чехословацкой комиссии посетили Туряницу 22 ноября 1946 г. Он снова связался по телефону с Киевом и сообщил решение: вплоть до окончания подготовительных работ двусторонней Ликвидационной комиссии, заседающей в Праге, отправка транспортов с оптантами в ЧСР продолжена не будет. Согласно отчету представителей чехословацкой комиссии, положение тех жителей Закарпатья, которые получили согласие на оптацию, было очень тяжелым. Многие из них уже почти год не имели работы и, следовательно, средств к существованию, получая их только путем распродажи своего движимого имущества. Не имевшие работы не получали и продовольственных карточек. По просьбе представителей комиссии Туряница распорядился выдать карточки чехословацким оптантам. В результате трудностей с отправкой в ЧСР многие из них, главным образом крестьяне, заявили о том, что намерены забрать назад свои заявления об оптации. С другой стороны, поскольку, как говорилось в отчете, советские органы лишь «поверхностно» провели работу по выявлению желающих переселить-

ся в ЧСР, а некоторым гражданам были чинены препятствия при подаче заявлений об оптации, к представителям комиссии обращались чехи и словаки, отвечающие условиям оптации, с просьбой о дополнительном приеме заявлений от них. Согласно предварительным сообщениям советские суды в ЗУ осудили к этому времени примерно 150 лиц (в большинстве имеющих право на оптацию) за попытку нелегального перехода советско-чехословацкой границы к тюремному заключению на срок от 3 до 6 лет. Часть их была переправлена в различные трудовые лагеря в СССР. При последнем разговоре с представителями чехословацкой комиссии Туряница заявил, что эти люди вместе с остальными оптантами будут переданы ЧСР.

О репатриации в Чехословакию перед членами комиссии ходатайствовало много разных людей. В связи с этим они рекомендовали, как указывалось в отчете, чтобы на заседаниях советско-чехословацкой Ликвидационной комиссии в Праге были обсуждены следующие вопросы: 1. Осуществление отъезда из ЗУ в ЧСР тех граждан и их семей, которые получили чехословацкое гражданство; 2. Разрешить возвратиться на родину тем гражданам ЧСР, которые прибыли в ЗУ для посещения родственников еще до закрытия советско-чехословацкой границы; 3. Разрешить дополнительную оптацию лицам чешской и словацкой национальности, которым чинились препятствия в своевременной подаче заявлений об этом; 4. Разрешить дополнительную оптацию лицам украинской и русской национальностей, бывшим служащим заграничной чехословацкой армии; 5. Освободить из тюрем чехословацких оптантов, осужденных за нелегальный переход границы, и транспортировать их в ЧСР; 6. Разрешить, чтобы жены граждан Советского Союза, чешской или словацкой национальности, ныне разведенные (таких было несколько сот. – *В.М.*), могли возвратиться в Чехословакию (См.: *ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 323–325*). Насколько эти рекомендации были учтены в работе Ликвидационной комиссии, не известно. Оптация, видимо, все же осуществлялась на основе вышеупомянутого Соглашения от 10 июля 1946 г. 25 июня 1947 г. был подписан Протокол об общих результатах оптации и переселения граждан русской, украинской и белорусской национальностей из Чехословакии в СССР. Всего в пражском, пльзеньском, брненском, братиславском, прешовском, бардейовском, медзилаборецком и гуменецком округах ЧСР было зарегистрировано 2 517 семей (10 484 гражданина), подавших заявления об оптации. Из них получили разрешение 2 506 семей (10 446 человек), действительно же переселилось из ЧСР в СССР 2055 семей (8 556 человек). Переехавшие в СССР вывезли с собой 928 лошадей, 2 742 коровы, 303 быков и волов, 1281 голову молодняка, 1769 свиней, 3 752 овцы, 547 коз, 8 367 голов птицы, 84 улья, 3 560 сельскохозяйственных орудий, 15 сеялок, 12 жаток, 28 молотилок, 1538 телег, 824 саней, 10 756

- центнеров зерна, 9 704 центнера иных продуктов, 10 124 центнера предметов обихода. Для перевозки граждан и имущества было использовано 37 поездных составов. По данным генерала Голубева, вполне моченного по репатриации при Совете министров СССР, из Советского Союза с 1945 г. было репатрировано в Чехословакию примерно 36 043 граждан (Ibid. S. 344–346). Однако, лиц, переехавших в ЧСР из ЗУ, было, видимо, весьма немного. Согласно Справке «Украинцы, проживающие в Чехословакии», подготовленной советским посольством в ЧСР в мае 1948 г., их было примерно несколько сот. «Незначительная часть закарпатских украинцев, переселившихся из Закарпатской Украины после присоединения ее к СССР, враждебно настроена по отношению к Советскому Союзу и поддерживает реакционные элементы Чехословакии», – говорилось в Справке (АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 4. Л. 183, 185). Соглашение об окончательном урегулировании имущественных и финансовых вопросов, связанных с присоединением ЗУ к УССР, было подписано только через 12 лет после заключения Договора, 6 июля 1957 г. (ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 343).
360. Cesta ke Květnu. I–2. S. 678–680.
361. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 27. П. 135. Д. 9. Л. 4.
362. АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 8. Л. 84, 91.
363. Там же. Ф. 27. Оп. 27. П. 135. Д. 9. Л. 4–6.
364. ČSR a SSSR. 1945–1948. S. 115, 135.
365. ДМИСЧО. Т. 5. С. 174–176.
366. *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. С. 160.
367. ДМИСЧО. Т. 5. С. 178.
368. Шляхом Жовтня. Т. 6. Ужгород, 1965.
369. *Макара М.П.* Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розв'язку (окт. 1944 – січень 1946). Ужгород, 1995.
370. Нариси історії Закарпаття. Т. 2. 1918–1945. Ужгород, 1995.
371. Возз'єднання. Збірник архівних документів і матеріалів (травень 1944 – січень 1946 рр.) про возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною. Ужгород, 1999.
372. Střední Evropa a Podkarpatská Rus. Praha, 1997; Podkarpatská Rus v dějinách Československa. 1918–1939 // Česko-Slovenská historická ročenka. 1997. Brno, 1997. S. 8–186.
373. *Hořec J.* Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha, 1997; Podkarpatsko včera a dnes. Praha, 1994; Pravda o Podkarpatsku. Praha, 1994; *Švorc P.* Zakliata krajina: Podkarpatská Rus 1918–1946. Prešov, 1996; *Švorc P.* Stručné dejiny Podkarpatskej Rusi. Prešov, 1996 etc.
374. Zpráva vládního delegáta Františka Němce o vývoji na Podkarpatské Rusi 1944 // Sborník archivních prací. Praha, 2000. N 1. S. 121–203 (Ed. J. Němeček, H. Nováčková, V. Sedláková).

ДОКУМЕНТЫ

№ 1

Из проекта меморандума президента Чехословакии Э. Бенеша «Чехословацкие цели на период мира», подготовленного для правительства Великобритании

1 февраля 1941 г.
Лондон

[...] б) Подкарпатская Русь

1. Чехословацкая республика считает Подкарпатскую Русь интегрированной (!) составной частью своей территории и никогда не откажется от этой точки зрения. *Мюнхенское решение вообще не касалось этой территории.* Вопреки этому по венскому арбитражу* от этой автономной части республики были отторгнуты некоторые области, *однако он (арбитраж. – В.М.) вообще не касался принципиального вопроса,* принадлежности этой провинции Чехословацкой республике. Напротив, венгерское правительство своей подписью под венским решением впервые признало добровольно и торжественно, что эта территория принадлежит Чехословакии.

Несмотря на это в марте 1939 г. венгерские войска вторглись в Подкарпатскую Русь, насильственно оккупировали эту территорию и до сих пор неправомерно удерживают ее. Чехословакия, считая таким образом эту территорию составной частью республики, должна предпринять необходимые меры, чтобы она была опять возвращена под ее управление, как только это позволят обстоятельства. Однако она (республика. – В.М.) хочет и с Венгрией, и с остальными субъектами, заинтересованными в сохранении мира в данной области, решить этот вопрос мирным путем.

2. По венскому арбитражу кроме прочего от Подкарпатской Руси были отторгнуты три важных города и области: Ужгород с окрестностями, Мукачево с окрестностями и Берегово с окрестностями. Ни от Ужгорода, ни от Мукачева Подкарпатская Русь не может отказаться. Ужгород был всегда столицей этой провинции, был всегда культурным центром всех подкарпатских русин и вообще не имел венгерского большинства. Мукачево было русинским и еврейским, и ни в коем случае не венгерским, это – город, который был экономическим центром

* По первому Венскому арбитражу Германии и Италии (ноябрь 1938 г.) Венгрии были переданы южные части Словакии и Подкарпатской Руси, большинство населения которых составляли венгры. Согласно мирному договору с Венгрией (февраль 1947 г.) арбитраж объявлен несуществующим.

всей провинции. О береговой области, где проживало венгерское большинство, можно договориться.

3. Во время военного вторжения в Подкарпатскую Русь венгерская армия заняла также часть восточной Словакии, соседствовавшую с Подкарпатской Русью, но не принадлежавшую этой автономной провинции. Венгерское правительство в целях аннексии этих областей присоединило их к Подкарпатской Руси. И эти области должны быть возвращены Чехословакии. [...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 – červen 1943». Praha, 1998. Doc. N 75. S. 181–182.

№ 2

Сообщение посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о чехословацких гражданах из Подкарпатской Руси, находящихся в СССР

9 сентября 1942 г.

Куйбышев

В приложении посылаю копию вербальной ноты, которую я лично передал Комиссару иностранных дел и в которой я снова обобщаю все наши просьбы, которые я в последние десять месяцев неоднократно передавал устно и в памятных записках.

Следует добавить, что советское правительство никогда не связывало вопрос о наших интернированных гражданах из Подкарпатской Руси, находящихся на его территории, с вопросом нашей территориальной целостности. Для него возникал прежде всего вопрос достоверного выяснения гражданской принадлежности (недостаток документального материала и личных документов в этом отношении, по крайней мере с формальной стороны, осложняют нам дело) и вопрос государственной безопасности, однако главное в этой связи для советского правительства – целый ряд технических проблем. Сегодня, когда миллионы советских граждан вынуждены переселяться на восток, причем часто в весьма негостеприимные области, для советских властей не является незначительной проблемой, как удовлетворить просьбу об освобождении тысяч граждан, уже работающих в трудовых лагерях в большинстве в качестве лесорубов.

Прежде всего, речь идет о том, чтобы получить от советских властей более надежную информацию, чем та, которую можно получить от некоторых наших случайно освобожденных из трудовых лагерей граждан, при этом однако опять же необходимо считаться с тем, что советские власти весьма неохотно дают подобную информацию, особенно, если речь идет о просьбах иностранных учреждений. По этим мотивам советское правительство отвергло прямую деятельность органов Американского Красного креста на советской территории, а деятельность здешних польских делегатов, как известно, также вела к неприятным инцидентам. Тем не менее, я посчитал необходимым указать в ноте, что наши власти думают использовать помощь, которую Соединенные Штаты Америки готовы оказать на основании ленд-лиза, а это требует предварительного выяснения размеров требуемой помощи.

Что касается воспитания молодежи и посещения школ, то я предполагаю, что дети всех интернированных могут посещать советские школы. Поскольку, как мне известно, дети всюду обязаны посещать школу и таким образом, хотя и являются интернированными, не могут быть использованы на работах, исключая из времени обучения, что делается под надзором специальных государственных органов и в интересах усиления обороны государства, например, время собирания колосков, трав и т. д. Поэтому организация каких-то особых школ или курсов для наших граждан из Подкарпатской Руси, как это возможно предлагает член Государственного совета д-р Цибере, не является целесообразной и могла бы даже у советских органов встретить отпор. При этом следует подчеркнуть, что в компетентных советских местах наши граждане из Подкарпатской Руси (если они не являются лицами немецкой, еврейской или иной национальности) рассматриваются как украинцы. Согласно точке зрения этих компетентных мест народным или национальным языком Подкарпатской Руси является таким образом украинский язык. Однако это не может препятствовать тому, чтобы дети этих граждан посещали любую советскую школу, русскую или украинскую, как это делают дети всех советских граждан, эвакуированных с оккупированной территории.

Посольство сегодня имеет только одну возможность прямой действительной социальной помощи нашим гражданам, если они сосредоточены в Бузулуке, где находится также наш военный лагерь. Все граждане из Подкарпатской Руси, если они могут переселиться в Бузулук и если не являются военными служащими, берутся на учет нашим отделом социального обеспечения, который оказывает им содействие в получении работы, выплачивает по возможности пособия, помогает с жильем и заботится также о детях. Для всех детей наших граждан организованы

языковые курсы и курсы отечествоведения, причем родителям не запрещается посылать своих детей в обычные советские школы. Все наши гражданские лица из Подкарпатской Руси могут пользоваться всеми выгодами нашего социального отдела, и поэтому, по моему мнению, не поднимается вопрос о каком-либо особом институте. Само собой разумеется, что, если будет достаточное число детей граждан из Подкарпатской Руси с украинским или русским языками, нашим отделом социального обеспечения могут быть привлечены для внешкольного обучения также некоторые из наших учителей украинского или русского языка, однако пока необходимость в этом не ощущалась.

Посольство было весьма заинтересовано в том, чтобы как можно скорее был решен хотя бы вопрос о переправке всех наших пригодных к воинской службе граждан из Подкарпатской Руси к нашей воинской части в Бузулуке, как это и было уже обещано компетентными советскими органами. Если нам удастся получить большее число этих наших граждан для нашей воинской части, с ними придут очевидно и их семьи, что приведет к значительному увеличению числа наших украинско- или русскоязычных граждан. Однако весьма трудно сделать в этом смысле определенный прогноз. Пока в нашей воинской части есть только несколько десятков граждан из Подкарпатской Руси с украинским или русским языками.

Как видно из вышеизложенного, проблема наших граждан из Подкарпатской Руси осложнена разными обстоятельствами, обусловленными как методами советской администрации и [соображениями] государственной безопасности, так и сегодняшним весьма тяжелым военным положением и жесткой дисциплиной, которой подчиняются все советские граждане без различия.

Направляется Канцелярии президента республики в Лондоне для принятия к сведению.

Посол З. Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 – červen 1943». Praha, 1998. Dok. N 188. S. 391–392.

№ 3

**Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о чехословацких гражданах из Подкарпатской Руси,
находящихся в СССР**

30 ноября 1942 г.
Куйбышев

Сегодня мне Новиков сообщил, что вопрос о подкарпаторусинах окончательно разрешен всеми инстанциями. По их подсчетам их меньше, чем с нашей стороны обыкновенно утверждается. Но бригада получит все же существенное пополнение. Остальные, непригодные к воинской службе, будут с семьями направлены в Казахстан на сельскохозяйственные работы.

Фирлингер.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939 – červen 1943». Praha, 1998. Dok. N 204. S. 416.

№ 4

**Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о беседе с народным комиссаром иностранных дел
СССР В.М. Молотовым**

14 апреля 1944 г.
Москва.

Сегодня меня пригласил Молотов в 7 часов в Кремль. Я поздравил его с последними успехами и высказал наше удовлетворение тем, что Красная Армия стоит у наших границ. Молотов ответил, что именно в связи с последними событиями он пригласил меня к себе. Показал мне на карте, где стоит Красная Армия. Как он сам полагает, она приблизилась к нашим границам со стороны Черновиц, овладела Жабие, выслала две группы в западном направлении к нашим границам. Эти группы помечены на карте несколько юго-восточнее Яблонецкого перевала. На мой вопрос, приблизилась ли Красная армия к нашим границам также со стороны Надворне, он полагал, что, судя по всему, была установлена связь между Надворне и Жабие. Далее мне Молотов сообщил, что проект русского текста относительно управления нашей территорией,

который я им в свое время предложил, советское правительство принимает. Оно предлагает только, чтобы везде, где говорится о союзных войсках [!], было сказано советские (союзные) войска. В остальном же мы можем считать текст одобренным. Необходимо только добавить введение и заключительную клаузулу. Молотов предполагает, что договор будет подписан в Москве как конвенция или, как он сказал по-русски, соглашение. Из куртуазных соображений и необходимости согласованных действий всех союзников Молотов оставил за собой право информировать англичан и американцев и, если с их стороны не будет возражений, можно считать договор превосходным. Мы сами тоже можем союзников в этом смысле информировать. Я поблагодарил его и добавил, что русский текст был подготовлен мной самим на основе чешского текста, содержащего принципы договора, и что я должен с Тобой (т.е. Масариком. – В.М.) окончательный русский текст согласовать. В следующем сообщении я передам о сегодняшней беседе еще другие подробности. Пока я сообщаю о самом главном, касающемся договора. Я передам также русский текст, чтобы Ты мог иметь [свою] точку зрения. Тем не менее, я рекомендую внести изменения, это абсолютно необходимо. Эвентуально предложи также введение и заключительную клаузулу. Дай мне каблогграммой в обычной форме полномочия для подписания, т.е. дай соответствующее письмо Лебедеву, как в случае с прошлогодним финансовым соглашением.

Фирлингер.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 83. S. 245–246.

№ 5

**Из директивы Ставки Верховного Главного Командования
Красной Армии командующему войсками 4-го Украинского
фронта генералу армии И.Е. Петрову и командующему
войсками 1-го Украинского фронта маршалу И.С. Коневу**

31 октября 1944 г.,
Москва

Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Ар-

мии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям должно быть дружественным.

2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного имущества.

3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения.

4. Все необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей.

5. Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности.

Ставка Верховного Главного Командования

И. Сталин, Антонов

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 220. С. 225.

№ 6

Из письма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командованию 4-го Украинского фронта

5 ноября 1944 г.

Хуст.

[...]

Сегодня утром в городе Хусте и, вероятно, и в его окрестностях по приказу советского коменданта города были вывешены объявления, которые призывают чехословацких граждан добровольно вступать в Красную Армию.

Позволю себе обратить Ваше внимание на эти два* случая и одновременно позволю себе попросить Вас сообщить, отвечают ли эти действия коменданта города приказам командования Красной Армии.

Что касается призыва вступать в Красную Армию, то я должен обратить внимание на то обстоятельство, что согласно нашей конституции и наших законных предписаний, в соответствии с которыми я обязан в духе чехословацко-советского договора действовать, разрешение на вступление в иностранную армию может дать исключительно президент республики, как верховный главнокомандующий чехословацких вооруженных сил.

Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы могли сообщить мне, были ли вывешены эти объявления в соответствии с приказом коман-

* В письме еще критиковались действия военного коменданта, касающиеся цензуры чехословацких печатных изданий.

дования фронта. Если бы этот вопрос не мог быть решен непосредственно командованием фронта, то я прошу дать мне возможность напрямую связаться с нашим посольством в Москве, чтобы я мог через него информировать Комиссариат иностранных дел в Москве и свое правительство в Лондоне.

Я весьма сожалею, что должен Вас затруднять и занимать в это важное время указанными проблемами. Однако я убежден, что только своевременным выявлением и выяснением каждого возможно спорного случая мы усилим и укрепим дружественное сотрудничество обоих государств, Советского Союза и Чехословацкой республики, которое нашло свое выражение в договоре о двустороннем сотрудничестве и в соглашении об управлении освобожденной территорией. Полагаю, господин генерал армии, что в этом плане оказали бы наилучшую службу изданные Вами точные инструкции для местных советских военных комендантов, как Вы это сами любезно обещали.

Сегодняшнее неясное положение создает ситуацию, которая тормозит нашу работу и очень часто делает просто невозможным решение важных задач, как, например, мобилизация наших вооруженных сил, обеспечение внутренней безопасности и восстановление общественной администрации, выполнение которых является важным не только с точки зрения наших внутренних потребностей, но также с точки зрения военных операций Красной Армии.

Ф. Немец

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 139–140.

№ 7

Из записи о переговорах чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца и генерала А. Гасала-Нижборского с командующим войсками 4-го Украинского фронта генералом армии И.Е. Петровым и членом Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковником Л.З. Мехлисом

5 ноября 1944 г.

Мукачево

[...]

Что касается объявлений о добровольном вступлении в Красную Армию, которые были подписаны комендантами городов, командующий фронтом заявил, что они были вывешены по его приказу. Он подчеркнул, что здесь живут русские и украинцы, которым Красная Ар-

мия не отказывает, и что местное население («гуцулы») выразило желание служить в Красной Армии. Ведь советские органы дали возможность вступить в чехословацкие вооруженные части в СССР украинцам и вольным чехам, советским гражданам, и поэтому, вероятно, ныне не будет и препятствий для добровольного вступления местных людей в Красную Армию, и он предполагает, что это будет услуга за услугу. На наши возражения, что согласно чехословацким законным установлениям чехословацкие граждане могут служить в иностранных вооруженных силах только с предварительного разрешения президента республики, командующий фронтом подчеркнул, что речь идет только о русских и украинцах и что он, впрочем, пошлет запрос по этому делу в Москву.

[Без подписи]

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 140.

№ 8

**Из письма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

9 ноября 1944 г.

Хуст

[...]

Господин генерал, я весьма сожалею, что мне приходится утруждать Вас этим письмом, но ситуация, которая складывается в Карпатской Украине, вынуждает меня к этому. Речь идет прежде всего о наборе добровольцев в Красную Армию, который проводится ныне на всей освобожденной [территории] ЧСР способом, не всегда отвечающим духу советско-чехословацкого договора и порождающим у нас сомнения в том, не является ли излишним нахождение чехословацкой правительственной делегации на территории, переданной в ее управление.

Вы, господин генерал, при нашем последнем разговоре упомянули о том, что послали запрос в Москву относительно добровольного вступления наших граждан в Красную Армию. Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы любезно сообщили, насколько позволяют это Ваше служебное положение, как Ваш запрос был решен. Как Вы были уже нами информированы, я, как чехословацкий правительственный делегат, должен в соответствии с соглашением от 8 мая 1944 г. придерживаться чехословацких законных установлений и не могу закрывать глаза на то,

когда они нарушаются. Это – не только мое право, но и обязанность. Я не могу отвечать за дела, которые не соответствуют указанным соглашению и договору от декабря прошлого года. На некоторых фактах, о которых я говорил в начале письма, остановлюсь подробнее.

Согласно сообщений или фактов, полученных нами, пропаганда о вступлении местного населения в Красную Армию ведется офицерами и младшими командирами Красной армии. При этом используются разные лозунги, например, «Если вы вступите в Красную Армию, то останетесь на Карпатской Украине, а если вступите в чехословацкую армию, то должны будете идти в Словакию». Были случаи, когда задерживались чехословацкие военнослужащие запаса, которые были призваны на военную службу в чехословацкой армии. Так, например, 11 ноября с.г. на пути в Хуст капитаном Красной Армии были задержаны 13 человек, призванных чехословацкой военной комиссией, которых тот привел в призывной пункт Красной Армии и позволил внести их в список добровольцев. Потом в чехословацкую призывную военную комиссию пришел староста деревни, который сопровождал наших добровольцев, чтобы сообщить ей об этом. Есть также случаи, когда резервисты, записанные в чехословацкую армию, забираются в качестве добровольцев в Красную Армию. Согласно сообщениям из деревень, которые находятся вне пределов территории, переданной в управление чехословацкой делегации, набор в Красную Армию проводился подобным образом.

Это положение вещей приводит к хаосу во всем поставленном под мое управление районе и отражается на проведении набора и мобилизации в чехословацкую армию. Таким образом, не наша вина, что достигнутые результаты не таковы, чтобы могли нас успокоить.

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 140–141.

№ 9

Из записи беседы государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедевым

14 ноября 1944 г.,
Лондон

[...]

Затем я Лебедеву сказал, что мы получили сообщение о том, что в Подкарпатской Руси появились призывы к вступлению наших гражд-

дан в Красную Армию. Я прошу Лебедева, чтобы он незамедлительно обратил на это внимание своего правительства и чтобы это недоразумение, которое я объясняю несколько преувеличенной и непродуманной горячностью местных властей (lokálnich autorit), было сейчас же устранено. Лебедев меня спросил, говорил ли я уже об этом с господином президентом. Я ответил, что пока нет. На это Лебедев сказал, что уже говорил об этом с господином президентом, к которому был направлен, и что ему поэтому не хотелось бы, чтобы мы обсуждали этот вопрос параллельно. Я ответил, что, следовательно, он уже знает нашу точку зрения, изложенную ему господином президентом. Определенно вы согласитесь со мной, продолжал я, что мы должны отстаивать строго легальные позиции в соответствии с нашими законами, которые разрешают вступление наших граждан в иностранную армию, но для этого требуется изъявление согласия президента республики. Лебедев меня опять прервал, сказав, что вопрос уже обсуждал с господином президентом и что должен разрешить его быстро, поскольку иначе он мог бы быть очень легко использован против Советского Союза и против Чехословакии всеми их недоброжелателями. Я сказал, что смотрю на дело точно также и именно поэтому прошу, чтобы оно было быстро решено. Я снова повторил, что настаиваю на легальной точке зрения, и, естественно, что строго следую союзническому советско-чехословацкому договору. Лебедев на это согласно поддакивал, видно было, что все это дело ему очень неприятно, и он несколько раз повторил, что должен это быстро решить. В этом же смысле высказался Чичаев, который присутствовал при разговоре и которого Лебедев представил мне как поверенного в делах, который будет замещать его во время его отсутствия.

[...]

Перевод с чешского языка.

АВП РФ. Ф. 0138. Он. 29. П. 147. Д. 14. Л. 52–54.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 152. S. 338.

№ 10

Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру, начальнику Чехословацкой военной миссии в СССР генералу Г. Пике, чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу, генералу А. Гасалу в связи с набором чехословацких граждан в Подкарпатской Руси в Красную Армию

15 ноября 1944 г.,
Лондон.

Для Тебя (Фирлингера. – *В.М.*), Пики, Немеца и Гасала.

В ответ на телеграмму ген. Пики от 11 ноября о проведении набора добровольцев в Красную Армию на освобожденной подкарпатской территории сообщая следующее:

1. 13 ноября я лично обратил внимание посла Лебедева, который был у меня на обеде, на невозможность действий советских военных властей в деле набора добровольцев на нашей территории. Я напомнил, что на советской территории в 1943 г. советское правительство передало в наше ведение всех наших граждан для военной службы в нашей армии, что передало нам даже волынских чехов, хотя они были советскими гражданами, и что, стало быть, я не понимаю их нынешних действий. Нам это создает большие трудности и вызывает политические осложнения. Он не имел информации и выразил удивление по этому поводу.

2. Я просил его, чтобы он сообщил Москве, что наше правительство предпримет меры, и чтобы он помог нам в Москве все это решить, поскольку, если бы все это продолжалось, то было бы использовано нашими противниками и противниками СССР здесь, на Западе, особенно же поляками и, наконец, и некоторыми нашими людьми. Он обещал, что немедленно проинформирует Москву и что, поскольку сам уезжает в Москву 15 ноября, сам займется этим делом в Москве.

3. Но уже 14 ноября утром он позвонил мне с поручением от Молотова, поскольку между тем, дескать, в Москве был получен наш протест (видимо, протест, поданный генералом Пикой). Он просил меня от имени Молотова, чтобы мы не настаивали на увольнении уже принятых добровольцев и чтобы мы не возражали против набора добровольцев в Красную Армию.

4. Я повторил ему, какие трудности это доставляет и еще может поставить и как здесь, в Лондоне, эти вещи были бы использованы, если бы получили огласку. Я просил, таким образом, разрешить все дело без споров и без шума. Однако мы должны настаивать на своем, поскольку у нас все это регулируется законом.

5. Прежде всего, я прошу, чтобы на нашей территории не проводилась в этом смысле агитация и пропаганда. Далее, невозможно, чтобы там распространялись для вступления добровольцев в Красную Армию какие-либо объявления. Что касается добровольцев, уже вступивших в армию, то мы не хотим вызывать какие-либо споры или дезавуировать русских комендантов, и вопрос можно будет решить позднее. В остальном, мы просим на будущее, чтобы агитация или объявления (о наборе. – В.М.) прекратились, и все делалось в соответствии с нашим законом.

6. Лебедев обещал, что дело немедленно передаст в Москву. Я прошу действовать в духе этой депеши.

Бенеш
Масарик

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 154. S. 342–343.

№ 11

Депеша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца в Лондон

16 ноября 1944 г.
Хуст

По делу набора добровольцев в Красную Армию я дважды, устно и письменно, вел переговоры с командованием 4-го Украинского фронта. Я обратил внимание на то, что в соответствии с нашими законами согласие на вступление в иностранную армию может дать исключительно президент. Командующий фронтом г. ген. Петров мне заявил, что сообщил мне о своем приказе о наборе добровольцев только в качестве информации, поскольку действовал в соответствии с советскими законами. Я ему заявил, что эту его информацию передам своему правительству в Лондон. Сам я в этот вопрос уже не буду вмешиваться.

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 143.

№ 12

**Письмо чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца
командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

16 ноября 1944 г.
Хуст.

Я узнал после возвращения с совещания с Вами, что мой политический советник, назначенный правительством в Лондоне, господин Туряница, провел собрание в Берегове. Согласно договору, заключенному с командованием фронта, этот город находится в районе, где правительственная делегация обязалась не проводить никакой деятельности. Мы отозвали уже также и офицеров, которые из-за незнания ситуации были направлены туда (чехословацким. – *В.М.*) корпусом. Поскольку у нас нет никакой связи с районом, находящимся за демаркационной линией, я прошу извинения за то, что 1) мой политический советник развивает какую-то деятельность за демаркационной линией без моего ведома и без моего согласия, 2) (и прошу. – *В.М.*), чтобы ему был передан мой наказ немедленно прекратить эту деятельность и возвратиться в Хуст, как это уже сделали офицеры корпуса. Я прошу прощения, господин генерал, за то, что один из членов делегации и после заверений, которые я Вам дал, их нарушил, но я снова заверяю, что это произошло без моего ведома. Я надеюсь, что Вы сможете быстро передать ему мой наказ, чтобы я мог и в этом случае навести порядок.

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 145

№ 13

**Депеша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца
командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

17 ноября 1944 г.
Хуст.

Национальные комитеты Хустского и других районов были призваны посылать на конференцию, которая состоится 26 ноября с.г. в Мукачево, своих делегатов. Заявляю Вам, господин генерал, что созыв и организация этой конференции произошли без моего ведома. Я прошу любезно сообщить, известно ли Вам что-либо об этом деле и происходит ли это с Вашего согласия, чтобы я мог принять соответствующие

меры. Речь идет о конференции, в которой должны принять участие делегаты с территории за демаркационной линией. Я уже перед этим созвал конференцию делегатов районных национальных комитетов, находящихся на территории восточнее демаркационной линии. Я безусловно хочу придерживаться соглашения о том, что мы не будем ничего предпринимать за демаркационной линией. Созванная на 26.11. конференция это потребованное Вами соглашение нарушает. Я прошу извинения, но это произошло без моего ведома.

Видите ли, в соответствии с нашим внутренним соглашением я созвал перед сообщением об этой мукачевской конференции конференцию пяти районных комитетов, которые находятся за демаркационной линией, т.е. Хуст, Севлюш, Тячево, Рахов и Волове. Я созвал ее сразу же после того, как эти районные комитеты были созданы. На конференции я хотел создать временный общий орган, который бы организовал (решение. – В.М.) общих проблем всей территории, переданной под мое управление, до того времени, когда был бы создан земский национальный комитет.

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 145–146.

№ 14

Депеша командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу

17 ноября 1944 г.

Уважаемый господин министр,

согласно Вашей телеграмме относительно того, что Ваш политический советник господин Туряница проводил какое-то собрание в Берегове и Вы просите передать ему Ваш наказ немедленно возвратиться в Хуст, сообщаю: 1) Я действительно получил сообщения о том, что в запретную зону в последнее время прибывали чехословацкие офицеры, которые занимались разными политическими вопросами, а также мобилизацией. К старосте города Мукачев, господину Драгуле, явился господин, – как мне сообщил военный комендант, – который заявил, что является представителем чехословацкого правительства, и говорил по вопросу о мобилизации в чехословацкую армию, и на заявление пана Драгулы, что он без военного коменданта не может разрешить никакую мобилизацию, последний сказал, что мы не признаем ваш национальный комитет. Священник православного прихода города Мука-

чев отец Гавриил заявил командиру гарнизона в Мукачеве, что офицеры чехословацкой армии говорят о том, что якобы по договору с Чехословакией все те, кто добровольно вступил в Красную Армию, украинцы и русские, будут переданы чехословацкой армии.

2) Комендант города мне сообщил, что 15 ноября пришел надпоручик Альберт Елович, который как офицер связи требовал от членов комитета, чтобы в Хуст были посланы все бывшие офицеры чехословацкой армии, и Елович в городах Берегово, Ужгород, Мукачево говорил о своем беспокойстве по поводу того, что была разоружена милиция города Берегово, которая состояла лишь из венгров – этот приказ о разоружении венгерской милиции был издан мной, поскольку венгров нужно не только разоружать, но интернировать. Поведение надпоручика Еловича дискредитирует мои приказы и нарушает пункт 1 соглашения между советским верховным командованием и чехословацкой администрацией.

3) В городе Берегово какой-то Ваш надпоручик передал в комитет объявление о регистрации граждан для вступления в чехословацкую армию. Такие же извещения раздавались офицерами чехословацкой армии в районе Берегово. Городской комитет на основе извещения, переданного надпоручиком, провел регистрацию. Это – не единственные факты, но телеграмма мне не разрешает подробно писать о десятках разных нарушений в запрещенной зоне со стороны отдельных чехословацких офицеров. Мне был показан документ из Берегова, в котором речь шла о создании различных политических партий, и при этом комендант города говорит, что это исходит от чиновников правительственного делегата.

4) Что касается вопроса о том, что Ваш политический советник господин Турияница был в Берегове, то я об этом не слышал. Мне было сообщено, что господин Турияница был избран заместителем председателя национального комитета в Мукачеве и возможно совершал служебные поездки куда-то из Мукачева. Я обратился с запросом к комиссару города Мукачева, давал ли он разрешение господину Туриянице на выезд из города. Что касается Вашей просьбы, чтобы Турияница немедленно возвратился, то Вы, конечно, понимаете, что мне неприятно передавать ему этот наказ, а именно: 1. отдавать приказы Вашему политическому советнику, 2. и чтобы уехал из Мукачева гражданин, который был избран местным населением в национальный комитет.

С уважением
Петров.

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 146–147.

№ 15

Депеша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца
командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову

18 ноября 1944 г.
Хуст.

Уважаемый господин генерал (командующий. – *В.М.*) фронтом, Я получил Вашу депешу от 17 ноября. Разрешите мне ответить на некоторые ее пункты. 1) Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы любезно согласились мне сообщить о тех десятках случаев, в которых было нарушено соглашение, касающееся т. н. запретной зоны. Я проведу немедленно соответствующее разбирательство со всеми виновниками, которые, если это будет доказано, допустили подобные действия.

Что касается конкретных случаев, о которых вы сообщаете в своей депеше, то я констатирую: о случае в Мукачево мне ничего не известно, и как я выяснил, никто из наших чиновников или офицеров вообще не посылался с подобной миссией в Мукачево. Что касается разговоров, распространяемых чехословацкими военными о возвращении наших граждан из Красной Армии, то чехословацкой армии никто никогда не давал подобных инструкций. Надпоручик Елович, который своими действиями, как Вы заявляете, дискредитирует Ваши приказы и нарушает пункт I соглашения, был по договоренности со мной и ген. Нижборским немедленно лишен функций офицера связи. Заверяю Вас, господин генерал армии, что для этих Ваших (по смыслу: наших. – *В.М.*) действий достаточно было с Вашей стороны обратить наше внимание на то, что у Вас есть относительно Еловича мнение, которое Вы высказали.

Командующий освобожденной территорией ген. Нижборский особым приказом обратил внимание всех военных на то, что для них переход за демаркационную линию обусловлен согласием советских военных органов. Заверяю Вас, что это решение будет полностью выполняться.

Что касается информации о том, что в Берегове появились планы, исходящие от чиновников правительственного делегата, о создании различных политических партий, то я констатирую: никто из чиновников правительственного делегата в Берегове не был. Я сам посетил Берегово в то время, когда мне не была известна демаркационная линия, и в связи с моей поездкой в штаб фронта. Но ни я сам, ни мои чиновники никаких указаний о создании политических партий в Берегове не давали, как это отвечает и позиции нашего правительства. При этом однако я подчеркиваю, что по законным предписаниям Чехословацкой республики, которых я обязан придерживаться согласно ст. 2 соглашения

об отношениях между советским верховным командованием и чехословацкой администрацией, на территории республики могут быть восстановлены или созданы политические антифашистские и демократические партии.

Заверяю Вас, господин генерал армии, что моим стремлением является, чтобы вообще дело не доходило до споров о деятельности моих органов на территории за демаркационной линией. В этом плане я сделаю все, чтобы соглашение было с нашей стороны безусловно выполнено, и прошу сообщить мне о каждом случае, когда этого не будет. 2) Что касается случая с Туряницей, то прошу извинить меня за то, что я попросил Вас оказать посредничество в деле передачи наказа Турянице. Я полностью признаю, что это было бы неуместно. Я обратился с этой просьбой лишь потому, что не хочу давать на территории за демаркационной линией никаких поручений, чтобы не нарушить соглашение.

У меня были как раз опасения, что г. Туряница как член моей делегации работает исключительно на территории т. наз. запретной зоны и что таким образом он полностью нарушает п. 1 соглашения между советским верховным командованием и чехословацкой администрацией. Я беру назад свою неуместную просьбу к Вам, прошу извинить меня за нее и уверяю Вас, господин генерал армии, что и в этом случае систематического нарушения соглашения также наведу порядок, как только для этого появится возможность.

При этом я снова позволю себе обратить Ваше внимание на то, что в Мукачеве созывается какая-то конференция, на которую приглашены делегаты из зоны на восток от демаркационной линии. Я снова уверяю, что это (сделано. — В.М.) без моего ведома, и что и в этом случае я не несу ответственность за нарушение соглашения.

Господин генерал, я весьма сожалею, что должен утруждать Вас этими мелочами при той большой работе, которая лежит на Вас и на Вашем командовании. Однако, я надеюсь, что взаимное выяснение всех претензий лишь укрепит наше сотрудничество, которое с моей стороны всегда основывается и будет основываться только на идее прочной дружбы. Поэтому я прошу, чтобы мне были сообщены все случаи нарушения соглашения чехословацкими органами, и я заранее обещаю сделать все, чтобы с моей стороны соглашение выполнялось в полном объеме. Если же в то время, когда нам не была известна демаркационная линия, имели место какие-либо упущения, то я за них снова прошу извинения.

Разрешите, господин генерал армии, поблагодарить Вас и генерал-полковника Мехлиса за желание и любезность, с которыми Вы стремитесь разрешить трудности, естественно, возникающие в ситуа-

циях, с которыми чехословацкая администрация в своих первых делах сталкивается и которые, надеюсь, при Вашей любезной поддержке мы преодолеем.

С уважением
Немец.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 147–149.

№ 16

Телеграфное сообщение начальника Чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пики министру обороны чехословацкого правительства С. Ингру и министру иностранных дел чехословацкого правительства Я. Масарику о наборе чехословацких граждан на освобожденной территории Подкарпатской Руси в Красную Армию

18 ноября 1944 г.
Москва.

Посол (Фирлингер. – *В.М.*) меня информировал о депеше президента республики, касающейся демарша президента Лебедеву по вопросу набора добровольцев [на территории] Подкарпатской Руси в Красную Армию.

По этому поводу сообщаю:

Посол не направлял никакой ноты советскому правительству. Моя компетенция позволила мне лишь предпринять шаги по линии главнокомандования Красной Армии, однако не принципиального характера, а лишь формальные. По существу это вопрос чисто политический и необходимо было бы решить его дипломатическим путем. Я сам стремился достигнуть цели спокойным привлечением внимания [к вопросу] и просьбой об увольнении добровольцев. Уполномоченному советского народного комиссариата [обороны] и верховному главнокомандованию Красной Армии я направил следующее письменное обращение:

«Имею часть довести до Вашего сведения, что согласно сообщению чехословацкого правительственного делегата на освобожденной территории ЧСР, направленному чехословацкому посольству в Москве, и сообщению ген[ерала] Гасала-Нижборского в освобожденных городах и селах Подкарпатской Руси сделаны советским командованием объявления, упорядочивающие набор добровольцев русской и украинской национальностей в Красную армию. Ясно, что героические части Красной Армии принимаются в Подкарпатской Руси с огромным воодушевлением и чувством благодарности как освободительнице насе-

ления от немецко-венгерской тирании и что население с радостью будет вступать в ряды Красной Армии. Также ясно, что при наборе в Красную Армию добровольцы должны быть очень быстро отправлены на фронт, чтобы там отомстить немцам за совершенные ими злодеяния. Эта быстрота подготовки и участия в боях решительно приветствуется в интересах совместной борьбы. С другой стороны, чехословацкая администрация (правительственный делегат) объявили всеобщую мобилизацию чехословацких граждан в чехословацкую армию. Известно, что чехословацкий армейский корпус в последних двухмесячных боях в предгорьях Карпат на Дуклинском перевале и южнее него понес весьма существенные потери главным образом в пехоте и что без радикального пополнения нельзя рассчитывать на сохранение чехословацкого армейского корпуса в ранее предполагаемом организационном виде. По военным и политическим мотивам более чем требуется, чтобы чехословацкий армейский корпус был быстро пополнен и мог успешно продолжать сражаться на чехословацкой земле как целое, т.е. выполняя задачи, определенные высшей [воинской] части – армейскому корпусу. В Подкарпатской Руси имеется весьма мало мужского населения (многие были изгнаны в Венгрию), которого едва хватит для пополнения 1-го чехословацкого армейского корпуса.

Поэтому позволю себе обратиться с просьбой к верховному командованию Красной Армии-освободительницы, чтобы оно с известной благосклонностью так, как и до сих пор, увольняло из своих военных частей чехословацких граждан и передавало их в распоряжение чехословацкому командованию на освобожденной территории (ген. Гасал-Нижборский) и в резервный полк 1-го чехословацкого армейского корпуса в целях быстрого пополнения численного состава корпуса. Одновременно я позволю себе предложить, чтобы мобилизация мужского населения на чехословацкой территории, освобожденной от немецко-фашистских оккупантов, проводилась по соглашению между командующим фронтом и чехословацким правительственным делегатом с тем, чтобы население осознало законную обязательность чехословацкого призыва о мобилизации. Прошу Ваших указаний о том, какие инструкции необходимо дать чехословацкому военному представителю при делегации на освобожденной территории». Официального ответа я до сих пор не получил.

Ген. Пика

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 159. S. 348–349.

№ 17

**Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта
генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому
правительственному делегату Ф. Немецу**

19 ноября 1944 г.

Правительственному делегату Немецу

Уважаемый господин министр, в штаб фронта на имя генерал-полковника Мехлиса пришла Ваша телеграмма, где сообщается о вызове каких-то делегатов в город Мукачево. Генерал-полковник Мехлис убыл в служебную поездку по войскам и вернется, скорее всего, 22.11. Он, конечно же, ответит на Вашу телеграмму.

С уважением
Петров

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 149.

№ 18

**Письмо офицера по политической работе
1-го чехословацкого армейского корпуса Я. Прохазки
на имя руководителя Заграничного бюро Коммунистической
партии Чехословакии в Москве К. Готвальда**

19 ноября 1944 г.

По полученным сведениям, карпато-украинский народ высказывается за присоединение к СССР. Ставится вопрос о плебисците и выдвигается требование к Бенешу разрешить такой плебисцит. На освобожденной территории Закарпатской Украины выявилась обстановка, требующая особого решения. По моему мнению, мы как коммунисты должны поддерживать данное общенародное требование, но с тем ограничением, чтобы не потерпеть ущерба в едином фронте борьбы.

Прохазка

Опубликовано в: «Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 2. После 22 июня 1941 г.». М., 1998. Примечание к док. № 200. С. 477.

№ 19

**Проект ответа руководителя Заграничного бюро
Коммунистической партии Чехословакии в Москве
К. Готвальда офицеру по политической работе
1-го чехословацкого армейского корпуса Я. Прохазке
по вопросу о присоединении Закарпатской Украины к СССР**

21 ноября 1944 г.,
Москва

Ответ на запрос о позиции КПЧ по вопросу о присоединении Закарпатской Украины к СССР.

ЦК КПЧ считает:

1. В настоящих условиях необходимо сосредоточить все усилия на борьбе против немецких захватчиков. Постановка вопроса о присоединении Закарпатской Украины к СССР в настоящее время могла бы лишь ослабить усилия чехословацкого народа и нанести вред общему делу.

2. Не выступая против желания закарпатских украинцев о присоединении Закарпатской Украины к СССР, ЦК КПЧ в то же время считает, что вопрос о плебисците может быть поставлен лишь только после окончания войны

21.X.44
Готвальд

Опубликовано в: «Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. 1944–1948». М., 1997. Док. № 27. С. 100.

№ 20

**Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта
генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому
правительственному делегату Ф. Немецу**

21 ноября 1944 г.

Глубокоуважаемый господин министр,

Ряд необходимых вопросов, поставленных Вами и генералом Гаслом-Нижборским, а также ряд спешных дел к Вам с моей стороны вынуждают меня просить Вас прибыть ко мне 21 ноября в 13. 30 по московскому времени. Учитывая оперативную ситуацию, у меня нет иного времени для разговора с Вами по назревшим неизбежным вопросам. Я решил также пригласить из частей на это же время ген.-полк. Мехли-

са, и поэтому прошу прибыть в указанное время. О времени Вашего отъезда прошу меня уведомить.

С уважением к Вам
ген. арм. Петров.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 149.

№ 21

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

21 ноября 1944 г.

Генералу армии Петрову.

Глубокоуважаемый господин генерал, на Вашу телеграмму, которую я получил сегодня в 3.30, сообщаю: на полдень 21.11. я созвал председателей, заместителей председателей и секретарей районных национальных комитетов районов Рахов, Тячево, Хуст, Волове и Севлюш на собрание в Хуст, которое уже не могу отменить. Поэтому, господин генерал, я очень сожалею, что не могу прибыть к Вам в назначенное время. Я предлагаю, если у Вас нет возражений, провести встречу 22.11. в назначенное Вами время.

Я прошу о любезности ответить мне, с почтением к Вам

Немец.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 150.

№ 22

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

21 ноября 1944 г.

Хуст.

Командующему 4-ым Украинским фронтом
ген. арм. Петрову.

Глубокоуважаемый господин генерал,
На Вашу депешу 21.11. 06.00 сообщаю: Я прибуду сегодня 21 ноября
в 13 часов по московскому времени.

С почтением и уважением к Вам
Чехословацкий правительственный делегат

министр Немец.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 150.

№ 23

**Письмо чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца
члену Военного совета 4-го Украинского фронта
генерал-полковнику Л.З. Мехлису**

22 ноября 1944 г.,
Хуст

Уважаемый господин генерал-полковник, исходя из вчерашней нашей беседы, я был бы рад точно выяснить все имеющиеся проблемы, чтобы избежать недоразумений в будущем.

1) Зоны на восток и на запад от демаркационной линии являются ареной военных операций. Поэтому мне не была передана в управление территория на запад от демаркационной линии, и я на ней со своей администрацией присутствую лишь как связующий орган между местными органами и советским командованием. Поэтому я со своей администрацией обязан принимать во внимание указания и приказы местных советских военных командиров.

2) Та же аналогия действует и при строительстве чехословацких вооруженных сил. И в этом случае мы находимся на территории, которая нам еще не была передана в гражданское управление, и нам следует действовать в соответствии с этим.

3) Это точное выяснение ситуации урегулирует мои полномочия и ответственность. Я сообщу об этом своему правительству в Лондон. Именно имеющаяся на сегодняшний день неясность вела к некоторым недоразумениям, которых я хочу избежать.

4) Как только будет создан земский Национальный комитет и как только он окажется на территории, переданной полностью и формально в чехословацкое гражданское управление, мы урегулируем взаимоотношения земского Национального комитета и органов правительственного делегата таким образом, как это отвечает нашему соглашению в правительстве о национальных комитетах как представителях народной власти. Однако до этого времени я должен на собственную ответственность проводить мероприятия в целях содействия борьбе Красной Армии на территории, на которой пока могу лишь в этой роли со-

трудничать. Я желал бы, чтобы условия для сотрудничества с земским Национальным комитетом наступили как можно скорее.

5) Я просил бы Вас сообщить, мог бы я через Вас или через Ваши органы послать на подготавливаемое на 26 ноября в Мукачево совещание окружных национальных комитетов свое письменное выступление. Допускаю, что моя просьба опять некстати, но у меня нет другого пути, если я не должен отступить от мною принятого принципа.

6) Заверяю Вас, господин генерал-полковник, что после вчерашней беседы в штабе я полностью осознаю ограничение моих полномочий по сравнению с теми, на которые я первоначально рассчитывал, принимая это к сведению.

7) Я просил бы далее сообщить обменный курс пеньго и чехословацкой кроны, который был установлен командованием фронта. Я приказал временно, до получения точки зрения советских специалистов из Москвы, приостановить нашу подготовку к обмену денег и был бы весьма рад знать в связи с этим Ваш обменный курс.

8) В конце примите снова мои заверения в том, что мы со всей решимостью выступим против каждого, кто своими действиями нарушил бы советско-чехословацкий договор, как и Вы определенно сделали бы в случае выявления [подобных] случаев с Вашей стороны.

С полным уважением

министр Немец
правительственный делегат

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 160. S. 350–351.

№ 24

**Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о беседе с заведующим 4-м европейским отделом
НКВД СССР В.А. Зориным**

23 ноября 1944 г.,
Москва

[...] Вчера я беседовал по всем вопросам подробно с Зориным, который утверждает, что командование Красной Армии действовало под влиянием всеобщего воодушевления населения и настойчивых просьб добровольцев разрешить вступление в Красную Армию. Наша делега-

ция не установила, как это было необходимо, немедленно тесную связь с командованием. Вместо того, чтобы вопрос на месте спокойно и реалистически обсудить, она сразу с самого начала очень обострила с ним отношения, что было ошибкой, поскольку положение делегации весьма щекотливое, как это было также и в Словакии. Речь идет, с одной стороны, об общей политической ситуации, с другой стороны, о вопросах личных. Зорин не думает, что можно решать случаи [вступления в Красную Армию] индивидуально. Он рекомендует смотреть на происшедшее спокойно и не проявлять излишней нервозности, которая может нанести лишь вред. Лишь так вопрос может быть решен удовлетворительно. К этому добавляю, что здесь веет весьма резкий ветер в отношении делегации. Все подробности мне не известны. Вероятно, конфликт с генералом Петровым был достаточно острым, возможно это связано также с прежним пребыванием делегации на фронте и в Словакии.

Строго секретно могу сообщить, что в комиссариате внутренних дел утверждают, что в делегации распространяются антисоветские настроения и что население Карпатской Украины относится к ней негативно. Я прошу, чтобы это мое конфиденциальное сообщение не было плохо интерпретировано. Я не придаю этому особого значения, но необходимо, чтобы делегация была очень осторожна. Решительно, речь не идет о каких-то тайных злых умыслах советских властей, которые стремятся придерживаться всех договорных обязательств и совершенно не обнаруживают каких либо тенденций вмешиваться в наши внутренние дела. [...]

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 161. S. 351–352.

№ 25

Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве

23 ноября 1944 г.

Хуст

Чехословацкое посольство в Москве.

Срочная телеграмма.

В Лондон. Ном. 66. Отправляю эту депешу в четверг 23 ноября 1944 г. в 10.45 вечера по средневропейскому времени. В течение се-

годняшнего дня мною было обнаружено следующее: 1) В городах и деревнях Карпатской Украины распространяется листовка под названием «За объединение Закарпатской Украины с советской Украиной». В этой листовке опубликовано решение Коммунистической партии Закарпатской Украины от 19.11.1944, в котором требуется присоединение Карпатской Украины, являющейся до сих пор составной частью Чехословацкой республики, к Советскому Союзу. На территориях западнее и восточнее демаркационной линии населением городов и сел подписываются заявления в смысле этой резолюции. 2) В воскресенье 26.11. в Мукачево состоится съезд членов национальных комитетов обеих зон, в котором, согласно полученной мной информации, примут участие 1300 делегатов. Сегодня, в четверг, в Мукачево уже находятся 500 делегатов. В то время, как я, по предложению командующего фронтом, взял на себя обязательство, что никакое военное или гражданское лицо не перейдет демаркационную линию, все делегаты конференции получили пропуска от советских военных комендантов. Обязательство о непересечении демаркационной линии с нашей стороны выполняется. Если же в результате неинформированности эту линию переходят наши солдаты и офицеры, то они либо возвращаются, либо задерживаются советскими органами. Мне также не дана возможность какой-либо связи с районом на запад от демаркационной линии, в котором должно произойти учреждение земского национального комитета и обсуждение резолюции коммунистической партии. Об этой кампании я информировал наше посольство в Москве, которое мне в депеше от 15 ноября сообщило по поводу резолюций, которые в этом плане принимались на собраниях в моем округе: «указанные Вами резолюции не имеют ничего общего с хорошо известной Вам политикой Советского Союза». Меня успокоили эти заверения. Однако, в данной ситуации я обязан информировать прямо правительство и просить, чтобы мне были немедленно сообщены инструкции, касающиеся моих дальнейших действий. Поскольку у меня нет прямой радиосвязи с Лондоном и поскольку эти вещи очень трудно обсуждать с помощью телеграмм, я попросил командование фронтом дать мне возможность немедленно вылететь в Москву. Я хотел бы обсудить свои дальнейшие действия прямо с Лондоном. При этом я не касаюсь дела, о котором идет речь и о котором я хотел бы прямо информировать правительство, но подчеркиваю, что форма связи между мной и правительством мне не дает возможность прямой и обстоятельной информации. Тебя же (Фирлингера. – *В.М.*) я прошу эту депешу немедленно отправить в Лондон, подтвердить мне ее прием и обсудить возможность не только моего отъезда в Москву. Со мной прибудет также депутат Вало, и я

взял бы с собой обратно также депутата Кроснаржа. Кроснарж прибыл сегодня и уехал бы со мной обратно.

Содержание этой телеграммы я передаю для сведения ген.-полк. Мехлису. Для тебя и правительства с целью информации прилагаю телеграмму, которую я послал ген.-полк. Мехлису.

Немец.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 160–161.

№ 26

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца члену Военного совета 4-го Украинского фронта
генерал-полковнику Л.З. Мехлису**

23 ноября 1944 г.
Хуст.

Члену Военного совета
4-го Украинского фронта
ген.-полк. Л. Мехлису.

Многоуважаемый господин полковник (правильно: генерал-полковник. – *В.М.*), в течение сегодняшнего дня я получал постепенно следующую информацию. 1) В городах и селах Карпатской Украины распространяется листовка под названием «За объединение Закарпатской Украины с советской Украиной». Листовка содержит резолюцию 1-ой конференции Коммунистической партии Закарпатской Украины от 19.11.1944. В резолюции требуется присоединения Закарпатской Украины к Советскому положению (*stavu*). 2) Решение по этой резолюции должно быть принято на съезде членов национальных комитетов, который должен состояться в воскресенье 26.11.1944 в Мукачево. Согласно имеющейся у меня информации в съезде должно участвовать 1300 делегатов, из которых 500 уже находятся в Мукачево. Позвольте мне, господин генерал-полковник, обратить Ваше внимание на эти факты. Одновременно позвольте мне обратить Ваше внимание, господин генерал-полковник, на то, что по просьбе командования фронта я взял на себя обязательство, что никто их военных или гражданских лиц на восток от демаркационной линии эту линию не переступит. Это обязательство весьма строго соблюдается, и советские военные органы возвращают или даже арестовывают чехословацких граждан, которые переходят демаркационную линию. Вопреки этому военными комен-

дантами, согласно последнему Вашему уведомлению, полученному мной, согласие на переход демаркационной линии дано всем делегатам, которые примут участие в этом съезде с территории на восток от демаркационной линии. Запрет пересекать эту линию, таким образом, односторонне направлен против членов делегации чехословацкого правительства, которым, таким образом, препятствуется установить контакт с участниками съезда или с самим съездом. Я убежден, что содержание распространяемой листовки с решением коммунистической партии Вам известно, поскольку Вы сами констатировали, что без военной цензуры на Карпатской Украине не может выходить ни одно печатное издание. Я обязан соблюдать законы Чехословацкой республики и выполнять чехословацко-советский договор, в котором обязательства соблюдать чехословацкие законы подтверждены подписями полномочного комиссара (правильно: посла. – В.М.) Советского Союза Лебедева и нашего министра иностранных дел Рипки. Поскольку распространяемая листовка находится в явном противоречии с советско-чехословацким договором, позвольте мне обратить Ваше внимание на то, что посредством нашего посольства в Москве я информирую своё правительство в Лондоне и прошу инструкций относительно моих дальнейших действий. Для Вашей информации я посылаю Вам копию своей депеши в Лондон, так же, как в Лондон, я направляю копию данной депеши. Одновременно я прошу, чтобы мне был разрешен немедленный вылет в Москву для затребования нужных мне инструкций кратчайшим путем. У меня нет до сих пор прямой радиосвязи с моим правительством, и поэтому я должен договариваться с ним посредством нашего посольства в Москве. Я прошу, чтобы Вы любезно сообщили мне свою точку зрения, если это возможно, как можно более быстро. Благодарю Вас за Вашу исключительную любезность, с глубоким уважением

министр Немец,
чехословацкий правительственный делегат.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 161–162.

Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова и члена Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковника Л.З. Мехлиса чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу

23 ноября 1944 г.

Правительственному делегату
чехословацкого правительства
министру Немецу.

Уважаемый господин министр,

Как ответ на Вашу телеграмму на мое имя и на имя генерал-полковника Мехлиса, сообщаю: 1) Вы просите дать разрешение шефу информационного отдела Вацлаву Жижке (присутствовать. – *В.М.*) на похоронах жертв венгерского террора, которые состоятся в Мукачеве. Разрешения я дать не могу, поскольку вверенные мне войска не участвуют в организации похорон. Вероятно похороны партизан, о которых Вы сообщаете, что они состоятся в Мукачеве, будут организованы местным гражданским управлением. Им принадлежит право дать разрешение на участие в похоронах. Я приказал коменданту Хуста дать разрешение на поездку в Мукачево на один день Вашему шефу информационной службы. На какой день Вам понадобится пропуск, прошу сообщить, потому что ни об организации похорон, ни о дне похорон военному совету фронта ничего не известно, поскольку он занят другими делами. 2) Вы пишете, – первый раз за все время, – что зона на восток и запад от демаркационной линии является ареной военных операций, и поэтому Вам не была передана в управление территория на запад от демаркационной линии. Во всех документах, которые мы до сих пор получили, Вы писали об области, «переданной в управление чехословацкого правительственного делегата». Также Вы пишете и в телеграмме по финансовым вопросам, которую я сегодня получил, где пишете о территории, переданной Вам в управление. Вы знаете, что до сих пор освобождена лишь незначительная часть Словакии (скорее всего, Закарпатской Украины. – *В.М.*), и при этом освобожденная территория остается в зоне дивизионных и армейских тылов, где непосредственно ведутся военные операции. Вы знаете, что никакой передачи территории, как об этом значится в пункте 6 Соглашения, еще не было и не могло быть, поскольку освобождена еще незначительная часть территории. И мне кажется, что Вы не ставили вопрос о полной передаче Вам этой территории.

Для создания нормальных условий работы правительственного делегата была определена линия запретной зоны, на восток от которой начала

работать чехословацкая администрация. В этих районах по моему приказу были созданы военные комендатуры для поддержания военного порядка и выделены места для дислокации аэродромов и других необходимых вещей. Все вопросы внутреннего управления на восток от запретной зоны решает правительственный делегат, издает приказы, распоряжения, созывает конференции, которые сочтет нужными. Нас интересуют на всей территории Карпатской Украины только военные вопросы, целью которых является улучшение ситуации в тылу, его очищение от плененных венгров, немцев, венгерских жандармов и полицейских, которые еще недавно чувствовали себя особенно хорошо в области на восток от запретной зоны и даже в разных местах проникли в органы местного гражданского управления. Это объясняется недостатком борьбы с этими элементами, среди которых выявляется много шпионов. 3) Вы нам пишете о создании земского национального комитета и о его сотрудничестве с Администрацией правительственного делегата. Этот вопрос нам совершенно неизвестен, поскольку во время наших частых бесед Вы ни разу не касались этого вопроса, и мы не информированы, кто, когда и почему будет организовывать земский национальный комитет, и поэтому мы не понимаем, почему Вы пишете, «чтобы как можно быстрее была предоставлена возможность сотрудничества с земским национальным комитетом». Этот вопрос, а также другие вопросы, которые напрямую не связаны с оборонной и военными операциями, подготовкой войск, нас не касаются, все это вопросы – в компетенции чехословацкой администрации. 4) Ваша просьба помочь Вам послать Ваше выступление на готовящуюся конференцию национальных комитетов, мне непонятна. Ни вопросы, касающиеся создания земского национального комитета, о чем вы пишете, ни вопросы, касающиеся разных конференций, нас не касаются. Потому, что у нас своей работы по горло, и не годится, чтобы командование вмешивалось в гражданские дела и просило мукачевское гражданское управление о вещах, которые касаются чехословацкого правительственного делегата. 5) Вопрос об обмене пеньго на кроны, о соотношении рубля и кроны, обо всем этом мы можем поговорить особо. Ваше предложение, чтобы курс рубля был равен одной кроне, несправедливо и невозможно, и не может быть принято даже временно. Этот курс совершенно иной, чем приказы, которые мы имеем, что касается этих вопросов.

С глубоким уважением

Командующий 4-ым украинским фронтом генерал армии Петров,
член военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковник Мехлис.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 183–184.

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову**

26 ноября 1944 г.
Хуст

Генералу армии Петрову.

Глубокоуважаемый господин генерал армии. Я получил Вашу телеграмму от 24 ноября 1944 г. (правильно 23 ноября. — *В.М.*). 1) Благодарю за решение просьбы г. Жижки. 2) Прошу извинения за то, что в своих документах я говорил об управлении освобожденной территорией, хотя эта территория не была передана в управление, поскольку находится все еще в зоне армейских и дивизионных тылов. Речь идет о недоразумении, которое я сегодня полностью осознаю. Во время нашего первого разговора Вы сами любезно начертили на карте демаркационную линию, которую я считал линией, за которой действует советско-чехословацкое соглашение о чехословацкой гражданской администрации. Это недоразумение привело к некоторым ошибкам с моей стороны в толковании моих правомочий, как я сам уже в своей депеше ном. 63 установил. Чтобы этих недоразумений вообще не было, я прошу Вас о любезности сообщить, имеются ли, по Вашему мнению, уже условия для полной и формальной передачи территории за демаркационной линией в мое управление в смысле майского соглашения с.г. Я был бы рад, если бы это произошло как можно раньше, чтобы я смог начать энергичную борьбу с неприятельскими, особенно с венгерскими элементами. Я обращаю внимание в связи с этим на то, что их самоуверенность усиливается некоторыми явлениями, например, фактом, что в Мукачеве, то есть в запретной зоне, издается уже венгерская газета. 3) Я понимаю, что Вы не информированы о создании земского национального комитета. Информации и вопросы я посылаю Вам по всем делам в соответствии с указаниями, которые я получил от нашего посольства, так, как они были высказаны наркоминделом, и как я вам их сообщил в депеше ном. 37. Я поступаю так и в случаях, когда они прямо не относятся прямо к командованию. Я не хотел Вас, таким образом, этими вопросами затруднять, поскольку хорошо знаю, какие трудные задачи сейчас стоят перед Вами. Однако так я должен поступать в соответствии с указаниями нашего посольства в Москве. Мое желание как можно быстрее начать сотрудничество с земским национальным комитетом, означало лишь надежду, что дело быстро пойдет

до формальной передачи гражданского управления и появится возможность такого сотрудничества. Это объяснение касается и Вашего пункта 4. Я не прошу, чтобы командование вмешивалось в гражданские дела, но в соответствии с соглашением я должен соблюдать обязательство без согласия командования не переходить демаркационную линию и не работать за ней. И поэтому я обращался со своими просьбами, если речь шла о запретной зоне, к командованию фронтом. Впредь я уже так не буду делать. Это означает, что в запретной зоне я не могу устанавливать никаких контактов. 5) Что касается финансовых вопросов, то я прошу о любезности сообщить мне, когда может состояться совещание Ваших и моих специалистов. До того времени я ничего не стану предпринимать, чтобы весь вопрос до нашего соглашения с Вами оставался совершенно открытым.

С совершенным уважением

Ф. Немец,
правительственный делегат

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 184–185.

№ 29

Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру по вопросу набора добровольцев в Красную Армию на освобожденной территории Подкарпатской Руси

25 ноября 1944 г.,
Лондон

Относительно набора добровольцев в Подкарпатской Руси сообщаю:

1) Чехословакия стоит и будет стоять на точке зрения своих законов и на точке зрения договора. Это относится к данному и ко всем последующим случаям, ко всему периоду нахождения советских войск [на нашей территории], а также эвентуально в Словакии. Как только мы отойдем от основы закона и договора в каком-либо вопросе, покатымся по наклонной плоскости во всех вопросах. Настаивайте, таким образом, на нашей изначальной точке зрения и действуйте в соответствии с этим. Я требую этого также от министра Немеца.

2) Я обещал Лебедеву, что буду стремиться к быстрому разрешению вопроса так, чтобы избежать споров и международных дискуссий. И на этом я настаиваю и не хочу, чтобы это плодило инциденты и спорные разбирательства. Это, однако, означает, что в Подкарпатской Руси

это должно быть прекращено. Спокойно, аргументировано и неотступно настаивать, следовательно, на своем праве.

3) Полагает ли кто-либо в Красной Армии или в политических кругах, что подобные меры будут проводиться и в Словакии? Я прошу, постарайтесь деликатно выяснить этот вопрос.

4) Сегодня я получил просьбу двух сел Подкарпатской Руси о праве присоединиться к Украине. Ни на что подобное я отвечать не буду, и наши учреждения пусть также не отвечают. Все это будет обсуждаться нами на мирной конференции. Пока же существуют обязательства относительно домюнхенских границ. Я удивляюсь лишь, что советская цензура эти депеши пропускает с «украинского фронта». Британская цензура уже также их имеет, и я ожидаю, таким образом, что как только здесь это потребуется, это будет использовано. Мы, что касается личности, о всех этих вещах будем молчать.

Бенеш
Масарик

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в «Československo-sovětské vztaha v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 162. S. 353–354.

№ 30

Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова и члена Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковника Л.З. Мехлиса чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу и генералу А. Гасалу-Нижборскому

26 ноября 1944 г.

Чехословацкому правительственному делегату
господину Немецу,
дивизионному генералу Гасалу-Нижборскому.

Уважаемые господин министр и господин генерал. В телеграмме от 23 ноября 1944 г. Вы пишете, что выступаете со всей решительностью против каждого, кто нарушил бы своими действиями советско-чехословацкое соглашение, что мы охотно приняли к сведению. Однако мы должны констатировать, что отдельные чины чехословацкой службы ведут работу, направленную против Красной Армии и на ухудшение взаимоотношений с чехословацким правительственным делегатом. Господин генерал Нижборский просил дать согласие призвать на воен-

ную службу в чехословацкой армии офицеров, которые находятся в запретной зоне. Поскольку в прошлом было немало случаев недобросовестного поведения отдельных представителей армии, которым разрешено было посещать запретную зону, мы вынуждены воздержаться от положительного ответа господину генералу Гасалу-Нижборскому. Несмотря на то, что согласие не было получено, начальник штаба КОТ (Командования освобожденной территории. – *В.М.*) полковник Коутник разослал посредством курьеров приказы различным лицам, проживающим в запретной зоне. Такие приказы были посланы г. Хомаю, Й. Варге и другим в городах Мукачево, Ужгород, Берегово. (Оригиналы приказов находятся в штабе фронта.) В Велькем Березне и ужгородском районе были созданы агентства для проведения мобилизации, и фактически отдельные офицеры чехословацкой армии вели подрывную работу и агитировали против добровольного вступления крестьян в Красную Армию. У гражданина Дики Бука Николаевича в Велькем Березне были отобраны охраной тыла 700 экземпляров опросных листов, из которых часть уже была заполнена, и аналогичные другие инструкции и документы, а также удостоверение на право (проведения. – *В.М.*) мобилизации от 10.11.1944 г. Районная народная рада в Иршаве прислала 17 ноября заявление, что в район нелегально поступают всяческие документы, и, приложив к своему заявлению эти документы, рада просит запретить в дальнейшем нелегальную деятельность в районе, заявив, что эта деятельность нарушает спокойствие нашего населения. Надпоручик Ней был задержан, поскольку незаконно ездил по деревням в запретной зоне, причем в полевой сумке у него была найдена фашистская листовка на русском языке, направленная против Красной Армии и озаглавленная: Приказ номер 13 главнокомандования немецкой армии о военнослужащих Красной Армии, добровольно переходящих на сторону немецкой армии. Совершенно непонятно, почему в запретную зону фактически переместили резервный полк 1-го чехословацкого корпуса под командованием командира полка подполковника Стржелки, который своим настроем против Красной Армии дискредитирует деятельность КОТ в городе Хусте, причем передислокация полка была произведена вопреки решению о том, что чехословацкий армейский корпус остается на месте своей старой дислокации. Командир резервного полка посылает под предлогом отпуска военнослужащих армии в разные деревни, которые находятся прямо в прифронтовой зоне, без соответствующих документов. 1.11.1944 г. в деревнях Нижние Верецьки, Тишчово, Воловец были задержаны военнослужащие чехословацкой армии, ротмистр Береги, ротмистр Мадяр, солдат Иван Варга, которые проводили агитацию такого рода, что, мол, советская

власть и Красная Армия не выполняют своих обязательств перед семьями добровольцев, и поэтому не надо добровольно записываться в Красную Армию. Ротмистр Береги тщательно выпытывал в каждой деревне и записывал, кто добровольно вступил в Красную Армию, запугивая тем самым население. В своей гнусной агитации ротмистр зашел так далеко, что заявляет, что в Закарпатскую Украину пришла чехословацкая армия, которая вас освободит от немцев и венгров и что надо вступать в чехословацкую армию, а не в Красную Армию. Вся эта группа военнослужащих была снабжена удостоверениями, действительными в течение 10 дней, то есть до 20.11.1944 г. Удостоверения были выданы вышеуказанным резервным полком, причем в удостоверениях в общей форме было указано, что они посылаются по служебным делам. В деревнях Тячевского района также появилось много чехословацких военнослужащих, солдат и младших командиров, из вышеуказанного резервного полка, которые ведут агитацию против желающих вступить добровольно в Красную Армию и запугивают население, выражающее свои симпатии к украинцам, русским и Советскому Союзу. Ротмистр Лопойда Й.Й. прибыл в деревню Сокрынице (Секернице. – *Публикаторы.*) из резервного полка под предлогом отпуска на 15 дней. 21 ноября он учинил скандал в деревне, допускал вольности в отношении к Красной Армии, агитировал против добровольцев, оскорблял милиционеров национального комитета и заявил им: «Зачем вы носите красные повязки на рукаве, вы дураки, что их носите, сбросьте красные повязки на землю». В деревне Крайниково (Крайинково. – *Публикаторы.*) тот же Лопойда выстрелом из пистолета убил милиционера национального комитета Михайла Ароса за то, что тот открыто заявлял о своих симпатиях к Красной Армии и Советскому Союзу. Лопойда был арестован нашим военным комендантом и предстанет перед судом. 22 ноября к коменданту города Хуст пришел надпоручик Попович, который сначала повел разговор о назначении лектора для чтения лекций (это не входит в функции коменданта, и даже в помощь советских войск), а потом по непонятной причине заявил, что не хочет служить в чехословацкой армии, надеясь, видимо, на то, что посредством этого разговора очернит советского коменданта. Надпоручик Барат, исполняющий официальные функции при чехословацкой делегации, ведет агитацию против добровольного вступления в Красную Армию. «На что вам Красная Армия», – заявляет он, он подрывал мероприятия военного коменданта в деле отправки в лагеря для военнопленных отдельных лиц венгерской и немецкой национальности. Он воспрепятствовал возможности регистрации венгра Йиндржиха Ковача и записал его в какое-то чехословацкое военное подразделение. Точно также за-

писаны в чехословацкую армию венгры и немцы г. Герхарт Вайнер, Шуберт и Фотул, которые должны были быть отправлены в лагерь для военнопленных. Нам было направлено несколько просьб делегации не отправлять в лагерь для военнопленных ряд офицеров венгерской армии, которые сражались против Красной Армии, при чем они именуется, не знаем почему, чехословацкими офицерами. Такое положение на восток от запретной зоны способствует тому, что политический тыл фронта на этом участке был недостаточно обеспечен. Многие военнопленные, а также лица венгерской и немецкой национальности, обязанные нести воинскую повинность, скрывались и до сих пор еще скрываются от военного коменданта. Лишь в ходе простого выяснения было обнаружено в Хусте, Севлюше и в других пунктах и отобрано 26 минометов, 196 разных пулеметов, 1393 ружей и автоматов, 33 пистолета, 721 граната. 24 500 патронов, 50 ящиков мин и 60 килограмм взрывчатки. Это нас принудило дополнительно организовать на восток от запретной зоны ряд военных комендатур. Вы понимаете, уважаемые господин министр и господин генерал, что вышеуказанные факты (их число гораздо больше, но нельзя о них писать, поскольку это не позволяет размер телеграммы) вызывают у нас беспокойство. Дело осложняется также тем, что в последнее время в распоряжение штаба КОТ в городе Хусте прибыли группы офицеров, которые очень долго находились за границей, причем никто не спрашивал нашего разрешения на их приезд в Хуст. Эти люди под командованием подполковника Перникаржа ведут в тылу сражающейся армии деятельность, которая не имеет ничего общего с проведением мобилизации контингента для корпуса. Мы вас просим, господин министр и господин генерал, принять реальные меры, чтобы вышеуказанные и подобные факты не могли уже больше повториться и чтобы люди, нарушающие наши нормальные взаимоотношения, не пребывали больше на территории, которая продолжает оставаться зоной военных операций.

С глубоким уважением

Командующий войсками 4-го Украинского фронта
генерал армии Петров
и член Военного совета 4-го Украинского фронта
генерал-полковник Мехлис.

26 ноября 1944 г.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 186–188.

**Манифест первого съезда национальных комитетов
Закарпатской Украины**

26 ноября 1944 г.,
Мукачево

Наступил радостный исторический день для Закарпатской Украины. При помощи героической Красной Армии было свергнуто господство немецких и венгерских фашистов. Окончилось столетнее господство чужеземцев на исконной земле Закарпатской Украины.

Съезд народных комитетов Закарпатской Украины от имени всего населения Закарпатской Украины выражает сердечную благодарность Красной Армии, которая изгнала немецких и венгерских оккупантов и принесла на своих боевых знаменах радость и счастье нашему народу. Слава Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину!

В течение столетий закарпатский украинский народ был отторгнут от своего родного отечества, от Украины, и бы осужден на нищету и вымирание. Крестьяне, составляющие большинство закарпатских украинцев, были лишены земли. Кровью и потом нашего народа добытое богатство доставалось чужеземным угнетателям. Язык нашего народа подвергался преследованиям, школы закрывались, украинская национальная культура разорялась и уничтожалась. Народ вытеснялся со своей земли чужестранцами и вымирал. За сто лет, с 1828 года сотни тысяч закарпатских украинцев вынуждены были эмигрировать на чужбину, чтобы спасти себя от голода, нищеты и холода.

Распад прогнившей австро-венгерской монархии, в которой Закарпатская Украина влачила жалкое существование в качестве колонии, не привел к ее национальному, экономическому и культурному возрождению. Наша страна была снова отторгнута от своей Родины, от Украины. Так называемая «автономия» Закарпатской Украины в рамках Чехословацкой Республики, провозглашенная Сен-Жерменским договором в 1919 году, не была осуществлена. Даже в названии Чехословацкой Республики, возникшей на развалинах Австро-Венгрии, не нашлось места для нашего украинского народа в Закарпатской Украине. Украинцы не допускались на руководящие посты в государстве.

Но самым тяжелым был для Закарпатской Украины 1938 год и последующие 6 лет господства венгерских фашистов. Чехословацкое правительство, желавшее откупиться от притязаний гитлеровской Германии, отдало нас в рабство венгерским фашистам. Без единого голоса протеста, без единого выстрела оно отдало нас в качестве платы

германским и венгерским империалистам за то, чтобы спасти Чехословакию. Закарпатская Украина стала мелкой разменной монетой на международной арене.

Так с нами поступили потому, что мы были отторжены от своего родного отечества, от Советской Украины, так с нами поступили потому, что не была доведена до конца наша борьба за объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной, потому, что мы не принадлежали к великой семье народов Советского Союза.

Не раз в своей истории народ Закарпатской Украины поднимался на борьбу против чужеземных угнетателей. Не исчезло из памяти нашего поколения выступление нашего народа за присоединение Закарпатской Украины к России, за объединение с Советской Украиной. Народные собрания в Марамороше 18.12.1918 г. и в Хусте 21.1.1919 г., на которых было представлено население 420 населенных пунктов, проголосовали за объединение Закарпатской Украины со всей Украиной. Попытки народа добиться своей национальной независимости были безжалостно подавлены. Навсегда в историю будут записаны мараморошские процессы 1904, 1913–1914 гг., расстрел рабочих в Хусте в 1929 г., расстрел демонстрантов в Хусте, Турья-Пасеке и других местах 10 и 18.2.1932 г.

Вся история Закарпатской Украины свидетельствует о том, что наш народ, лишенный национальной независимости, живущий столетиями в рабстве, погибнет, если останется жить в границах чужеземного государства. Либо он будет объединен с Советской Украиной и добьется национального освобождения, либо народу Закарпатской Украины грозят угнетение, бесправие и постепенное вымирание.

Ныне, когда народы Европы ведут борьбу против нацизма и гитлеровской тирании, против расовой ненависти, за свою национальную независимость, было бы величайшей несправедливостью, если бы наш народ и в дальнейшем влачил жалкое существование в отрыве от своей матери – Советской Украины. Только объединившись с Советской Украиной, в семье братских народов Советского Союза мы добьемся свободного национального развития, внутреннего экономического подъема и внешней безопасности.

Украинский народ в Закарпатье, освобожденный из-под ига немецких и венгерских фашистов, принял решение раз и навсегда осуществить свою вековую мечту и объединиться с Советской Украиной. С этими мыслями он шел на выборы местных, районных и городских национальных комитетов, потребовав от них, чтобы они осуществили объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной.

Опираясь на несокрушимую волю всего народа, выраженную в петициях и решениях рабочих, крестьян, интеллигенции и духовенства

всех городов и сел Закарпатской Украины, воссоединить Закарпатскую Украину с Советской Украиной, первый съезд народных комитетов всей Закарпатской Украины постановляет:

1. Воссоединить Закарпатскую Украину с ее великой матерью Советской Украиной и выйти из состава Чехословакии.

2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принять Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

3. Избрать Народный Совет Закарпатской Украины как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины.

4. Уполномочить Народный Совет Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине.

Принято единогласно на первом съезде народных комитетов Закарпатской Украины.

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 213. С. 238–240.

№ 32

Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве

28 ноября 1944 г.
Хуст.

Телеграмма чехословацкому посольству в Москве.

Ном. 77. Для Твоей (Фирлингера. — В.М.) и Лондона информации: 26 ноября я получил от командования фронта депешу, в которой приводятся отдельные случаи пересечения демаркационной линии чехословацкими лицами и в которой говорится: В телеграмме от 23 ноября 1944 г. Вы пишете, что выступаете со всей решительностью против каждого, кто своими действиями нарушал бы советско-чехословацкое соглашение, и это мы с удовлетворением приняли к сведению. Однако мы должны констатировать, что отдельные чины чехословацкой администрации ведут работу, направленную против Красной Армии и на ухудшение взаимодействия с чехословацким правительственным делегатом. Господин генерал Нижборский просил о согласии призвать на службу в чехословацкую армию офицеров, которые находятся в запретной зоне. Поскольку в прошлом было немало случаев недобросо-

вестного поведения отдельных военнослужащих, которым был разрешен въезд в запретную зону, мы вынуждены воздержаться от положительного ответа господину генералу Нижборскому. Далее в этой телеграмме говорится: Дело осложняется также тем, что в последнее время в распоряжение штаба КОТ (Командование освобожденной территорией. – *В.М.*) в городе Хуст прибыли группы офицеров, которые очень долго находились за границей, при чем никто не спрашивал нашего разрешения на их приезд в Хуст. Эти люди под командованием подполковника Перникаржа ведут в тылу воюющей армии работу, которая не имеет ничего общего с набором контингента в (чехословацкий. – *В.М.*) корпус. Мы Вас просим принять реальные меры, чтобы вышеуказанные и подобные факты не могли более повторяться и чтобы люди, нарушающие наши нормальные взаимоотношения, не пребывали на территории, которая остается зоной военных операций. В этой депеше далее господин Мехлис привел несколько случаев, в которых, по мнению командования 4-го Украинского фронта, наши военнослужащие вели себя в запретной зоне способом, не отвечающим соглашению. Я отдал распоряжение все случаи расследовать и, если вина была доказана, виновных наказать. Одновременно я сообщил господину генералу Мехлису, что его сообщение передам для информации своему правительству в Лондон. Я заявил ему, что, по моему мнению, виной такого развития ситуации являются два обстоятельства:

Факт, что до сих пор не произошло формальной передачи территории на восток от демаркационной линии в управление правительственного делегата, или, что не были более точно ограничены его полномочия.

Агитация, которая ведется частью местного населения за отторжение Карпатской Украины от Чехословацкой республики. Эта агитация в последние дни делает невозможной сотрудничество с национальными комитетами, которое было сначала хорошим, подрывает авторитет правительственной делегации и тормозит работу, необходимую с точки зрения потребностей Красной Армии и с точки зрения восстановления нормальной жизни. Эта агитация подкреплена набором добровольцев в Красную Армию, поскольку этот набор утверждает население во мнении о том, что не принято еще окончательного решения о Карпатской Украине.

Обрати внимание правительства на положение, которое создалось, и попроси дальнейших инструкций для меня. У меня впечатление, что Командование освобожденной территорией не обосновано соглашением, в котором говорится только о военной миссии, и что было бы необходимо этот вопрос выяснить и точно определить. Препятствием для моей работы является недостаток информации по этим принципи-

альным вопросам. Однако я обязан действовать в рамках чехословацких законов и чехословацко-советского договора. Так я и делаю.

Немец.
28.11.1944.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 191–192.

№ 33

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта
генералу армии И.Е. Петрову и члену Военного совета
4-го Украинского фронта генерал-полковнику Л.З. Мехлису**

28 ноября 1944 г.
Хуст

Господину генералу армии Петрову
и господину генерал-полковнику Мехлису.

Уважаемые господа,

Позвольте мне дать подробный ответ в связи с расследованием всех случаев, указанных в вашей телеграмме от 26 ноября 1944 г. Сразу в самом начале я снова подтверждаю свою точку зрения, что как правительственный делегат, так и командующий освобожденной территорией безоговорочно будут наказывать во всяком доказанном случае умышленного нарушения нашего взаимного соглашения о непереходе демаркационной линии. По поводу отдельных случаев сообщаю: 1) Подполковник Коутник призвал некоторых офицеров, которые живут в оперативной зоне западнее демаркационной линии, потому, что мы испытываем недостаток в офицерах. Мы приняли меры, чтобы это больше не повторилось. 2) О каком-то агентстве для проведения мобилизации в Вельком Березном и ужгородском районе нам ничего не известно. Мы заверяем, что ни со стороны правительственной делегации, ни со стороны Командования освобожденной территорией никому в этом плане не давалось никаких указаний. Не было дано также никаких опросных листов и никто также не был уполномочен проводить на этой территории мобилизацию. Поэтому мы просим сообщить другие подробности, чтобы можно было дело надлежащим образом расследовать. 3) Чехословацкая делегация не имела при себе никакого пропагандистского материала, кроме нескольких брошюр, изданных в СССР. Здешняя типография находится под контролем коменданта города, которому известно все, что мы печатаем. Что касается районного национального комитета в Иршаве, то Ва-

ми указанный случай может быть отнесен лишь к деревне Дубровка под Иршавой, которая находится на восток от демаркационной линии и куда поэтому были направлены наши объявления о мобилизации. Эти объявления иршавская милиция изъяла, видимо, потому, что районному национальному комитету не была точно известна демаркационная линия.

4) Надпоручик Ней был сегодня после расследования отправлен в 1-ый чехословацкий корпус, где против него будет начато соответствующее дело. Надпоручик Елович был отправлен в корпус 24 ноября. 5) Что касается резервного полка, то он был направлен по приказу командования корпуса в Хуст с самым необходимым списочным составом военных лиц (примерно 40), при этом еще до решения оставить корпус на прежнем месте, поскольку предполагалось, что полк будет передислоцирован на территорию Карпатской Украины. До выяснения ситуации полк был оставлен в Севлюше, в нем сосредоточены новобранцы, которые не служили в чехословацкой армии, и артиллеристы. Они проходят первое основное обучение, чтобы не бездействовали. В Крживе сосредоточены новобранцы для саперных частей и частей связистов. Частично обученные военнослужащие этих частей проходят основное обучение, а саперы занимаются ремонтом моста у Березна и Великой Копани. Мы просим, чтобы до выяснения вопроса о передислокации резервного полка это было временно Вами одобрено. Командир резервного полка получил приказ о запрещении предоставлять отпуска всем военнослужащим полка. 6) Ротмистр Хереги, ротмистр Мадяр и рядовой Варга были нам уже переданы и ближайшим транспортом будут направлены в 1-ый чехословацкий корпус, где против них будет заведено соответствующее дело. 7) Ротмистр Лопойда после ранения на Дукле был отправлен корпусом на лечение в госпитале во Львове, а затем в Полянку. После его выздоровления корпус предоставил ему 14 дневный отпуск для поездки в его семью в деревне Крайинково. О его прибытии в Хуст нам ничего не известно. При расследовании было выяснено следующее: в Хуст и Полянку Лойпода приехал на студебеккере. Как звали шофера, он не знает. В Хусте он встретился с русским старшим лейтенантом, которого он знал с Украины, но не по имени. Они вместе выпили у автомобилия примерно литр водки, потом Лопойда отправился на телеге в деревню Крайинково и по дороге купил еще водки. Когда он приехал 19 ноября около 10 часов в Крайинково, его приветствовали местные жители, среди которых был его хороший приятель Михал Орос, который как член милиции имел при себе военное ружье. Они вместе пошли в магазин торговца Ороса, где купили опять водки. Лопойда в это время был сильно пьян. После ухода из магазина вместе с милиционером Оросом и милиционером Мировкой Михал Орос заявил, что в честь Лопойды выстрелит в

воздух из ружья. Это он и сделал. Лопойда также стрелял из своего пистолета. Орос выстрелил два или три раза. Лопойда не помнит, сколько раз он стрелял. Он знает только, что после нескольких выстрелов из пистолета Мировка закричал, что наш товарищ ранен. Больше Лопойда из-за сильного опьянения ничего не помнит и знает о случившемся лишь то, что на следующий день узнал от местных граждан. С раненым Оросом он состоит в родственных отношениях и не имел ни умысла, ни мотивов, чтобы нанести ему вред. Ротмистр Лопойда был нам передан, находится под арестом и после расследования случившегося предстанет перед полевым судом 1-го чехословацкого корпуса, поскольку в Хусте еще нет военного суда. В Вашей телеграмме обвинение ротмистра Лопойды сформулировано так: выстрелом из пистолета убил милиционера национального комитета Ороса. Как показало расследование – тяжело ранил человека, который был его родственником и находился с ним в очень хороших приятельских отношениях. Оба были пьяны и стреляли из оружия ради забавы. 8) Случай поручика Поповича расследуется, и после расследования Попович будет направлен в корпус, который проведет над ним судебное разбирательство. 9) Случай поручика Барата расследуется, и результат будет Вам сообщен. Из фамилий венгров и немцев, о которых Вы говорите, что усилиями поручика Барата они были приписаны к чехословацкой армии, в результате проведения контроля списков мобилизованных выявлена лишь фамилия Шуберт, который является согласно расследованию украинским учителем из Волове. Однако случай этот расследуется далее, и результат будет Вам сообщен. 10) Что касается группы офицеров из-за границы, то их список был направлен начальнику штаба фронта, заметим, что группа прибыла в Хуст лишь 23 ноября вечером. Этим офицерам советское правительство дало разрешение на проезд по территории СССР. После приезда в Баку эта группа по приказу из Москвы была направлена поездом до Кросна, а от туда была отправлена командованием 1-го чехословацкого корпуса в Хуст. Об их отправке из Кросна нам было сообщено уже тогда, когда группа была на пути в Хуст, и нам не были сообщены даже их фамилии. Поэтому мы не могли заранее просить разрешения командования фронта на (ее. –В.М.) приезд на территорию Карпатской Украины. 11) Подполковник Перникарж временно назначен начальником одного из отделов штаба. С группой офицеров, которая прибыла в Хуст, он не работал и не работает. Подполковник Перникарж, который является офицером воздушных сил, будет направлен в чехословацкие воздушные силы, которые создаются на территории СССР, как только предложение о его назначении будет согласовано чехословацкой военной миссией. До того времени он будет находится при Командовании освобожденной терри-

тории. 12) Со всей решимостью мы констатируем, что будет наказано каждое действие и каждая попытка, которая, согласно Вашей телеграмме, была бы направлена против Красной армии и вела бы к ухудшению взаимоотношений с чехословацким правительственным делегатом. Нам тяжело слышать Ваше утверждение, что в прошлом было немало случаев недобросовестного поведения отдельных военнослужащих, которым разрешено было ездить в запретную зону. По каждому доказанному случаю мы приняли и будем принимать меры. Мы очень сожалеем по поводу Вашего утверждения, что группа офицеров, которая прибыла из Англии, ведет в тылу сражающейся армии работу, которая не имеет ничего общего с набором контингента для корпуса. В обоих случаях речь идет о заявлениях такой важности, что об этом мы должны информировать свое правительство в Лондоне. Искренним желанием не только правительственной делегации, но и всего чехословацкого правительства, было и будет сделать всё, чтобы помочь борьбе славной Красной Армии, которой чехословацкий народ благодарен за все, что она сделала для его освобождения. Поэтому мы сожалеем, что без нашего умысла возникла нынешняя ситуация, и выражаем убеждение, что после Вашего расследования по нами переданным сообщениям на деле будут созданы отношения дружественного сотрудничества. По нашему мнению, главным мотивом этих недоразумений являются две причины: а) неясное положение на Карпатской Украине, которое проистекает из того, что чехословацкому правительственному делегату до сих пор не была формально передана в управление территория на восток от демаркационной линии, или же, по крайней мере, более точно определены его компетенции; б) из факта, что на этой территории в обеих зонах проводится свободная агитация за её отторжение от Чехословацкой республики. Эта агитация, которую ведет часть местного населения, подрывает авторитет правительственной делегации и не дает ей возможность выполнять работу, которую она, в соответствии с соглашением, обязана выполнять. Мы сожалеем, что, согласно мнению населения, набор добровольцев в Красную Армию в теперешних условиях подтверждает точку зрения, что, якобы, судьба этой части республики решена неокончательно. Позвольте нам сообщить Вам эту нашу точку зрения по поводу Вашей депеши от 26 ноября 1944 г. Остаемся с выражением глубокого уважения

Немец – делегат

Ген. Гасал – командующий освобожденной территорией
Хуст, 28.11.1944.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 188–191.

№ 34

Письмо Народной Рады Закарпатской Украины чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики и о выдворении правительственной делегации с территории Закарпатской Украины

30 ноября 1944 г.
Мукачево

Как Вам, господин министр, известно 26 ноября первый съезд национальных комитетов Закарпатской Украины принял решение об отделении от Чехословацкой республики и избрании Народной Рады как наивысшего и единственного органа центральной власти Закарпатской Украины.

В соответствии с этим решением Народная рада предлагает Вам и Вашему гражданскому и военному аппарату покинуть в трехдневный срок территорию Закарпатской Украины.

В случае, если Вы не подчинитесь нашему категорическому решению и нашей просьбе, мы будем вынуждены предпринять дальнейшие шаги со всеми вытекающими из этого для Вас последствиями.

В приложении посылаем Вам Манифест, принятый на 1-ом съезде делегатов национальных комитетов Закарпатской Украины.

С уважением

И. Туряница
Народная рада Закарпатской Украины

Перевод с чешского языка

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 168. S. 362–363.

№ 35

Телеграмма чехословацкому правительственному делегату Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве

1 декабря 1944 г.
Хуст.

Телеграмма чехословацкому посольству в Москве.

Ном. 84. Ситуация после воскресного съезда в Мукачево весьма серьезная. Делегация, избранная съездом для ведения переговоров в Москве о присоединении Карпатской Украины к СССР, готова к вылету. Национальные комитеты получили приказ не сотрудничать с (нашей. – В.М.)

делегацией. Я сам ничего не хочу делать против их воли. Вследствие этого все работы практически прекращены. Я не получил от Тебя (Фирлингера. – В.М.) никаких указаний из Лондона, и мне даже не был подтвержден прием депеш, в которых я докладывал о развитии ситуации. Я не могу брать на себя ответственность в дальнейшем. Политические советники все мной подробно информированы. Между нами согласие. У меня нет сообщений ни от Тебя, ни из Лондона. Я прошу немедленного информирования Лондона и немедленного вылета в Москву. Сегодня ночью по приказу национального комитета всюду сняты наши флаги. Информируй Лондон и проси немедленных инструкций для меня. Если было бы необходимо, договорись о моем немедленном отлете, возможно в Лондон. Вероятно этот перелет мог бы быть осуществлен самым коротким из возможных путей за одну ночь. Настойчиво напоминаю обо всем в последний раз.

Немец.
1.12.1944

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 173.

№ 36

Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве

1 декабря 1944 г.
Хуст.

Срочная телеграмма чехословацкому посольству, Москва.

Ном. 86. В пятницу 1 декабря в 16 часов я получил письмо Народной рады Закарпатской Украины следующего содержания*.

С согласия политических советников я принял решение попросить командующего 4-ым Украинским фронтом о разговоре, который состоится, вероятно, в течение субботы. Я прошу об этом разговоре потому, что речь идет о решении Народной рады, выборы и местопребывание которой состоялись и находятся на территории Карпатской Украины, в той ее части, где верховная власть и ответственность во всех вопросах, касающихся ведения войны, принадлежит советскому верховному командованию. Я поэтому обязан вести переговоры с ним по этому делу и в том случае, когда речь идет о наших внутривнутриполитических проблемах, поскольку это касается советско-чехословацкого догово-

* Текст отсутствует. Делегации предлагалось в течение трех дней покинуть территорию Карпатской Украины.

ра. Я не хочу ни за какую цену принять решение, которое нарушило бы этот договор. После этого разговора я обращусь к Народной раде, которой сообщу свою точку зрения. Я прошу Тебя (Фирлингера. – В.М.) немедленно информировать Лондон и попросить для меня инструкций. Обрати внимание Лондона, что в манифесте, с одной стороны, был принят принцип отделения от республики, который в письме указан, и далее, принцип присоединения к СССР, который в письме отсутствует. С учетом таким образом сформулированного Народной радой решения я прошу также, чтобы мне было сообщено мнение и относительно этой части манифеста. Я прошу немедленных инструкций. На случай, если бы я по этим делам должен был вылететь в Москву, я предпринимаю меры, согласно которым политические советники Гала, Годжа, и члены Словацкого национального комитета Шробар и Пулл, генерал Нижборский с Полаком будут руководить делегацией коллективно.

Немец.

Хуст. 1 декабря 1944 г.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Sborník archivních prací». 2000. № 1. S. 174.

№ 37

Телеграмма государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки послу Чехословакии в СССР

З. Фирлингеру о наборе чехословацких граждан на освобожденной территории Подкарпатской Руси в Красную Армию и об агитации за присоединение Подкарпатской Руси к СССР

5 декабря 1944 г.

Лондон

Твои последние депеши, особенно № 456, нас радуют. Они подтверждают мою убежденность в том, что советское правительство, как и наше правительство, заинтересовано в быстром и дружеском разрешении всего вопроса таким образом, чтобы из инцидентов, которые, согласно имеющимся явным неполным сообщениям, имели локальное происхождение и характер, не возникли осложнения, которыми немедленно воспользовались бы враги Советов и наши недруги.

Если я хорошо понял Твои сообщения, то было бы вероятно возможно решить дело примерно так:

- 1) мы дали бы дополнительное согласие президента республики тем, которые уже вступили в советскую армию,
- 2) массовый набор в Красную Армию прекратился бы,

3) советский командующий поддержал бы мобилизацию в чехословацкую армию,

4) наш правительственный делегат всемерно поощрял бы подкарпато-украинский народ к поддержке военных и гражданских усилий, связанных с ведением войны, и всего того, что необходимо Красной Армии для ведения военных операций,

5) на заявления, которые еще делались бы некоторыми подкарпато-украинскими кругами о присоединении к советской Украине или Советскому Союзу, вообще не было бы реакции ни с советской, ни с чехословацкой стороны. Правительственный делегат с политическими советниками объясняли бы народу, что подобные заявления не ко времени, поскольку наносят вред политическим интересам Советского Союза и Чехословакии, поскольку о таких вещах можно вести переговоры только после окончания войны и поскольку советское и чехословацкое правительства строго придерживаются советско-чехословацкого союзного договора,

6) между советским и чехословацким правительствами существует негласная, но ясная договоренность, что из-за Подкарпатской Украины не должно возникнуть никакого конфликта, поскольку это немедленно было бы использовано против них обоих. После войны же они по всем этим вопросам договорятся лишь между собой в самом дружественном согласии и таким образом, чтобы оно вело только к развитию прочных чехословацко-советских союзнических отношений.

Мы полагаем, что на этой основе можно было бы договориться.

Рипка

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 169. S. 364–365.

№ 38

Постановление Народной Рады Закарпатской Украины о прекращении сношений национальных комитетов Закарпатской Украины с Администрацией правительственного делегата Чехословацкой республики

5 декабря 1944 г.,
Мукачево

Народная Рада Закарпатской Украины на своем заседании 5 декабря 1944 г. приняла следующее решение:

Параграф 1.

В соответствии с решением первого съезда национальных комитетов Закарпатской Украины о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики и объединении с советской Украиной всем сельским, городским и окружным национальным комитетам надлежит немедленно прервать все сношения и связи с уполномоченным чехословацкого государства министром Немцем и его гражданской и военной администрацией, которая в настоящее время находится в городе Хусте.

Параграф 2.

Национальные комитеты со дня опубликования этого постановления обязаны выполнять во всех вопросах управленческого, военного и иного характера только приказы Народной рады и поддерживать служебные контакты только с ней.

Параграф 3.

Это постановление вступает в силу с сегодняшнего дня и поддержано всеми членами Народной Рады Закарпатской Украины.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 170. S. 365–366.

№ 39

**Письмо Народной Рады Закарпатской Украины
президенту Чехословакии Э. Бенешу**

5 декабря 1944 г.,
Мукачево.

По поручению первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины имеем честь довести до Вашего сведения принятый единогласно 25 ноября 1944 г.* делегатами всех окружных, городских и сельских народных комитетов Закарпатской Украины Манифест о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине и выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики.

Народный совет Закарпатской Украины, являясь по постановлению съезда единственной центральной властью на всей территории Закарпатской Украины, приступил к исполнению постановлений съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине, и мы надеемся, господин президент, что Вы не будете противиться исполне-

* Правильно 26 ноября 1944 г.

нию вековой мечты нашего украинского народа – соединению со своей матерью – Советской Украиной.

Окружные, городские и сельские народные комитеты во главе с Народным советом Закарпатской Украины включились в активную работу по оказанию всемерной помощи своей великой избавительнице – героической Красной Армии в ее исторической миссии полного разгрома немецко-венгерских оккупантов и очищения от них земель дружественных нам соседних славянских народов: словаков и чехов, которые входят в состав двуединой Чехословацкой Республики.

Народный совет Закарпатской Украины ожидает от Вас, высокоуважаемый господин президент, скорейшего указания правительственному делегату Чехословацкой Республики г-ну Немцу об отъезде с территории Закарпатской Украины.

С уважением:

Народный совет Закарпатской Украины
Турияца И. Керча И.Ю.
Борецкий С.В. Русин Г. И.
Ивашко Юр.И. Керечанин И.Ю.
Молдавчук М.В. Чекан Ф.И.
Вайс С.Л. Борканюк С.И.

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 219. С. 247.

№ 40

**Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о ситуации в Подкарпатской Руси**

8 декабря 1944 г.,
Москва

1) Твоя [депеша] 470* . Я думаю, что содержание Твоей депеши уже не отвечает нынешнему положению. Могу Тебя заверить, что советские органы действуют совершенно лояльно и корректно. Здесь также существует мнение, что какие-либо осложнения совершенно нежелательны и что следует их избегать.

2) По словам возвратившегося из Подкарпатской Руси нашего депутата** большинство населения – за присоединение к СССР. Члены

* См. Документ № 37.

** Речь идет о депутате довоенного чехословацкого парламента, возможно о Й. Кроснарже.

коммунистической партии, которые приезжают из Москвы с иными инструкциями, отвечающими нашей и советской точке зрения, наталкиваются на значительное сопротивление. В Ужгороде нашему депутату было сказано, что каждый, кто выступил бы на собрании против присоединения к СССР, подвергает себя самым острым нападкам. Попытки делегации что-либо предпринять против этого тщетны. Со стороны наших военных органов вероятно имели место ошибки. Так, например, в одном случае наш начальник гарнизона арестовал якобы священника, который возвратился с митинга, где говорил о присоединении к СССР. Священник был населением освобожден из под ареста, и во всей округе это (арест. – В.М.) вызвало значительное волнение. В другом случае один наш ротмистр якобы застрелил местного милиционера. Случай расследуется советскими военными органами.

Делегация находится в изоляции и бессильна. Набор проводится, но большинство добровольцев хотят вступить в Красную Армию и осаждают советские военные комиссариаты.

Информатор надежный человек, но его информация не могла дать действительную картину всей ситуации. Следует выждать. Только Немец после своего приезда может дать аутентичную информацию. [...]

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 173. S. 368.

№ 41

Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу, касающаяся ситуации в Подкарпатской Руси

12 декабря 1944 г.,
Лондон

Прежде, чем вы получите официальные инструкции правительства, я сообщаю Вам свое личное мнение о ситуации у вас, одобренное также председателем правительства и правительством. Я вижу вещи так:

1) Как только мы получили сообщения о тяжелой ситуации на освобожденной территории, я ходатайствовал перед Москвой. Я сам дважды беседовал с Лебедевым, и Лебедев мне после второй встречи передал ответ Молотова. Также мы просили предпринять шаги Фирлингера, который в действительности их сделал.

2) Я полагаю, что Москве происходящее весьма некстати, она смотрит на него неодобрительно, как и наше правительство, и хотела бы вопрос каким-либо спокойным путем с нашим правительством решить. У меня впечатление, что оба правительства в этом плане действуют согласованно и искренне.

3) Однако мне кажется, что украинское правительство, украинские военные и особенно же украинская коммунистическая партия действуют иначе, хотя и Москву, и нас поставить перед фактом и не считаются ни с кем, безоглядно стремясь к своей цели. Я не думаю, чтобы в этом была двойная игра Москвы, и у меня впечатление, что это уже начинает перехлестывать через голову и идти против центрального правительства. Но это был бы серьезный признак. Нельзя забывать, что украинский национализм есть и будет опасен для всех сторон и что Москва должна с этим считаться; так, по крайней мере, я это вижу сегодня.

4) Мы в этой ситуации будем действовать так:

а) Пусть будет, что будет, мы будем придерживаться договора и будем требовать от Москвы следования ему, ни от чего не откажемся и от своих прав не отступим.

б) В том случае, если нам будет воспрепятствовано, как это делается сегодня по отношению к Вам, добиваться своих прав и их реализовать, то мы это констатируем, станем наблюдателями и пассивно будем выжидать дальнейшего развития. Было бы ошибкой использовать насилие с нашей стороны. С одной стороны, у нас нет достаточных сил для этого, с другой, каждый такой случай будет взят как предлог для использования против нас.

в) Свое место мы не оставим и продержимся до самого конца на своем посту, выполняя совершенно корректно свои обязанности.

5) Я обращаюсь к Вам в этом духе, к Вам и ко всем членам делегации и господам советникам. Оставайтесь на своих местах, будьте, прошу Вас, все полностью едины в этом плане со мной и с правительством, сохраняйте спокойствие, достоинство и терпение, констатируйте в письменном виде происходящее и направляйте соответствующему генералу, подготавливая таким образом себе и нам почву для будущих наших действий. Мы не нарушим своих обязательств, как мы не сделали этого в самые критические времена*. А позднее мы увидим, что сделаем, если их нарушат другие. В этом смысле дождитесь также инструкций, которые Вам эвентуально пошлет правительство.

6) Посылаю Вам поздравления, а также искреннюю благодарность за все Ваши действия в Словакии и Подкарпатской Руси. Они были

* Имеется в виду Мюнхен. См. документ № 42.

правильны. Дртина и Углирж* здесь и уже сделали доклад. Поздравления также всем Вашим сотрудникам и господам советникам. И снова Вас всех прошу о взаимной солидарности и единодействии. Мы ценим нашу (вероятно, вашу. – В.М.) работу и во всех Ваших трудностях с Вами.

Ваш д-р Э. Бенеш

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 178. S. 376–377.

№ 42

Сообщение Ф. Немеца о деятельности правительственной делегации в Подкарпатской Руси, переданное послом Чехословакии в СССР З. Фирлингером министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне

14 декабря 1944 г.,
Москва

Передаю сообщение министра Немеца.

«Мы с Вало в Москве. Из Хуста мы не можем дать подробную информацию о ситуации. Мы находимся в зависимости от полевого телеграфа. Ситуация в Карпатской Украине следующая:

Во время нашего приезда восстановление республики казалось делом бесспорным. В течение 14 дней ситуация совершенно изменилась. Движение за присоединение к СССР стихийное. Сотрудничество местных и окружных национальных комитетов с делегацией, сначала весьма хорошее, после съезда в Мукачево прекращено. Народная Рада предъявила делегации ультиматум в трехдневный срок покинуть Карпатскую Украину, а национальным комитетам предписала прекратить сношения с делегацией. После отказа принять ультиматум Народная Рада направила свое заявление о присоединении к СССР президенту.

Со стороны делегации сделано все, чтобы не произошло инцидентов. Наше отношение к Народной Раде выражено нашим желанием сотрудничать с Народной Радой по всем текущим вопросам вплоть до времени, когда будет принято решение о государственно-правовой принадлежности. Позиция советского командования:

* Члены чехословацкой правительственной делегации, которые после ее пребывания на освобожденной в ходе Словацкого национального восстания территории, отправились в Лондон.

«Для советских органов определяющим при переговорах является только правительственный делегат, и это его дело, как организовать сношения с местными властями».

Сегодняшнее положение: отказ от сотрудничества с делегацией тормозит работы по реконструкции, особенно на транспорте и в экономике. Дальнейшая работа зависит от решения о государственно-правовой принадлежности Карпатской Украины. В этом отношении я нуждаюсь в немедленных инструкциях. Основная линия всей гражданской [части] делегации, политической и чиновничьей, была определена так: события в Карпатской Украине являются нашим внутренним делом и поэтому не могут касаться нашего отношения к Советскому Союзу. Этому принципу гражданская администрация скрупулезно следовала. Отношение командования советской армии с самого начала не было удовлетворительным. Причиной этого были главным образом следующие обстоятельства: значительное недоверие советского командования к части нашего офицерского корпуса. Неясность формирования правительственной делегации и неточное определение [ее] компетенций, вследствие чего возникали недоразумения. Низко установленный курс пеньго, который представляется командованию как курс, ущемляющий интересы Красной Армии и местного населения, и, наконец, спор о наборе добровольцев в Красную Армию. В ходе дальнейших переговоров отношение гражданской администрации с командованием значительно улучшилось. Однако, осталось недоверие к военной части делегации, особенно после прибытия новых офицеров из Англии, среди которых были некоторые (Грабовский и др), против которых имелись возражения и которым были доверены ведущие должности. У меня впечатление, что у советской стороны такое ощущение, будто мы ведем двойственную политику: со стороны гражданской – демократическую и полностью дружественную по отношению к Советскому Союзу, с военной – недемократическую и, что касается некоторых высших офицеров, враждебную Советам. Чувствуются опасения, что в отличие от гражданской администрации военное управление хочет строить армию точно на основе принципов 1938 г. Я считаю этот вопрос самым важным. Урегулирование военной проблемы, по моему мнению, является пробным камнем для отношения к нам СССР. Я полагаю, что безусловно необходимо назначение гражданского лица министром национальной обороны и назначение начальником генерального штаба генерала, из числа находящихся на фронте. Организация новой армии тыловыми офицерами рассматривается здесь, как подтверждение факта, что мы намерены создавать армию оборонительного плана. Я за то, чтобы министром было гражданское лицо, словак,

беспорный демократ, а начальником Генерального штаба генерал, чех, также беспорный демократ.

Что касается политической ситуации в Карпатской Украине, то действия делегации с полного согласия всех ее составных частей велись в убеждении, что вы не должны смотреть на акцию за присоединение как на акцию антигосударственную. Все мы единодушно упрекаем Народную Раду лишь за некоторые формы, в которых она руководила этим движением, и за ее отношение к правительственной делегации. Все мы единодушно полагаем, что было бы неправильно выступать против этой народной акции. Также единодушно мы считаем, что урегулированием отношений делегации со Словацким национальным советом созданы предпосылки для совершенно иного развития в Словакии по сравнению с Карпатской Украиной. Между нами и СССР существует полная ясность в вопросе о единстве государства, принципе двух народов и организации гражданской администрации. В этом отношении я хочу особенно подчеркнуть лояльное и крайне позитивное сотрудничество всех членов делегации и Словацкого национального совета.

К этому сообщению добавлю, что генерал Петров и генерал Мехлис дружески заметили во время последнего разговора, что чехословацкое правительство до сих пор не подумало о награждении солдат Красной Армии, которые освобождают нашу территорию. Считаю, что мы в этом вопросе весьма неторопливы. Я рекомендую, чтобы по русскому примеру в период войны командиру корпуса было предоставлено определенное право производить награждение. Пусть правительство поспешит с учреждением новой награды нескольких степеней с надписью «за освобождение Чехословакии», прежде всего для советских солдат и офицеров. Настоятельно! Попробовали бы изготовить ее в значительном количестве.

Самым большим препятствием для нашей работы является недостаток связи. Посольство получило мои сообщения о ситуации в Карпатской Украине от 23 ноября только 1 декабря. Я прошу, чтобы правительство немедленно приняло решение о дальнейших действиях делегации и чтобы урегулировало вопрос о связи так, чтобы я мог иметь все решения в кратчайшие сроки. Я жду в Москве ответа; о моем сообщении подробно информирован Вало.

Немец

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 181. S. 379–381.

№ 43

**Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о беседе правительственной делегации с заведующим
4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным**

14 декабря 1944 г.,
Москва

1) К сегодняшнему сообщению министра Немеца* добавляю, что вчера мы с ним и с Вало подробно объяснили Зорину всю ситуацию, при этом мы предложили:

а) чтобы дальнейшее сотрудничество делегата с Народной Радой Подкарпатской Украины развивалось в духе как можно более широкого самоуправления национальных комитетов, причем делегат в духе договора будет заботиться прежде всего о том, чтобы гражданская и военная администрация оказывала фронту как можно большую помощь,

б) Красная Армия не будет проводить набор на территории Словакии, где, впрочем, уже согласованные принципы тесного сотрудничества с СНС (Словацким национальным советом. – *В.М.*) исключают инциденты, подобные имевшим место в Подкарпатской Украине,

в) советские военные органы будут всячески поддерживать нашу мобилизацию и, учитывая, что мы на территории Подкарпатской Украины прекратили мобилизацию, должны решить, как поступать с до сих пор не мобилизованными военнообязанными, особенно с теми, которые при данных обстоятельствах хотели бы избежать военной повинности.

г) Мы снова заверили Зорина в смысле Твоей депеши, что «между советским и чехословацким правительствами существует молчаливый, но ясный уговор, что из-за Карпатской Украины не может произойти никакого конфликта, поскольку он немедленно был бы использован против обоих. После войны же они окончательно договорятся по всем этим вопросам лишь друг с другом и в самом дружественном согласии так, чтобы соглашение вело лишь к упрочению длительных чехословацко-советских союзнических отношений».

2) Однако будет важно, чтобы правительство как можно скорее позаботилось о радикальных изменениях, просьба о которых содержится в сообщении правительственного делегата. Указанные в нем обстоятельства были, по моему мнению, одной из главных причин создавшейся атмосферы взаимного недоверия, в которой могло произойти еще и худшее. Я предполагаю, что советское правительство после наших заверений будет содействовать нам в том, чтобы каким-либо образом

* См. Документ № 42.

уладить конфликт, и не исключено, что еще многое можно исправить. Однако с сильным движением в Подкарпатской Украине за присоединение к СССР мы должны считаться.

3) Что касается новой награды, то ее надо как можно скорее учредить с пятью степенями, особенно принимая во внимание советскую армию. Я хотел бы иметь здесь предложения. Ответ срочно по всем указанным пунктам, чтобы делегат мог как можно быстрее улететь вместе с членами СНС и другими сотрудниками.

4) Как нас заверил Зорин, делегат получит возможность прямой радиосвязи как только фронт передвинется дальше на Запад и значительная часть нашей территории будет освобождена. Радиопередатчик, находящийся в прифронтовой зоне, значительно мешает, и советское командование этого не может допустить.

Фирлингер

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 182. S. 382–383.

№ 44

Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу, касающаяся решения вопроса о ситуации в Подкарпатской Руси

15 декабря 1944 г.,
Москва

Учитывая развитие [событий] в Подкарпатье я рекомендовал бы Вам самым настоятельным образом в ответ на полученную Вами просьбу карпато-украинской рады направить [ей] Ваше личное послание, которое было бы передано Петрушаком или Немцем и в котором Вы бы изложили свою точку зрения на события. Вы могли бы сказать, что ЧСР никогда не воспротивится воле карпатоукраинского народа и что об этом правительства ЧСР и СССР в подходящий момент договорятся таким образом, чтобы наша дружба с СССР и наши отношения с 40-миллионным украинским народом еще более укрепились. Вы можете упомянуть о бесчисленных жертвах, которые именно украинский народ понес в этой войне. Послание могло бы быть только устным и в свое время могло бы стать важным историческим актом, представляющим для нас значительный моральный и политический капитал. Позднее подобный акт уже не имел бы такого значения. Поскольку Немец

и Петрущак хотят в воскресенье* вылететь, я прошу ответить как можно скорее.

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 183. S. 383.

№ 45

Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным относительно ситуации в Подкарпатской Руси

16 декабря 1944 г.,
Москва

1) Я посетил сегодня Зорина, чтобы выяснить точку зрения советского правительства на вопросы, поставленные нашей стороной во время встречи совместно с Немецем и Вало**. Зорин сказал, что хотя уже говорил о нашем разговоре, но советская точка зрения ему еще не известна. Для них, дескать, трудно вмешиваться в наши внутренние дела. Их мы должны решать сами. Советские органы до сих пор выполняли договор, и нет причины, почему бы они должны были вмешиваться в наши отношения с национальными комитетами. Он спросил меня, как я себе представляю это дело. Я ответил, что следует найти выход из нынешней ситуации, которая неприятна для нас и, как я предполагаю, также для советского правительства, поскольку так вообще не могла бы быть проведена мобилизация на территории Подкарпатья. Я считаю необходимым, чтобы советские военные органы дали нам искренние рекомендации особенно в этом вопросе. Далее я сказал, что представлял бы последующие действия таким образом, чтобы комиссар Мехлис немедленно после возвращения Немеца, Вало и Петрущака созвал совместное заседание с подкарпато-украинской радой и чтобы там по-дружески все было согласовано. Я знаю, что члены национальной рады не настроены враждебно по отношению к нам и что подобное соглашение в присутствии [представителя] советских органов было бы

* 17 декабря 1944 г.

** См. Документ № 43.

определенно возможно. Зорин мне обещал, что подумает об этом и что подобное решение не исключалось бы. На мой вопрос, возможно он представлял бы какое-то другое, более радикальное решение в смысле резолюции народной рады, Зорин ответил, что советское правительство едва ли в настоящее время этого желало. Вышинский, который прилетел из Румынии, как на грех, заболел и не сможет говорить со мной до понедельника. Я сказал Зорину, что порекомендую нашим делегатам определенно задержаться здесь до тех пор, пока вопрос не будет решен, и пока президент и правительство не выскажут свою точку зрения.

2) Зорин мне сообщил, что в отсутствие Немеца, дескать, подполковник Стрелка в Севльюше вызвал новый инцидент. Он, якобы, арестовал 2 членов местного комитета, на которых комитетом была возложена обязанность обеспечить поставки Красной Армии. После вмешательства советских военных органов Стрелка вынужден был их освободить, но сразу после этого опять их арестовал, что, дескать, привело к жалобе местного советского военного органа командованию фронтом.

3) Зорин мне сказал, что Вышинский намерен принять также делегацию Словацкого национального совета.

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 184. S. 384.

№ 46

Инструкция президента Чехословакии Э Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру и чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу относительно дальнейших действий на освобожденной территории и переговоров с советской стороной

22 декабря 1944 г.,
Лондон

Благодарю за Ваши сообщения. Только сегодня я кое-как вижу ситуацию и сообщаю Вам в связи с этим, а также в связи с Вашими предложениями, свой личный ответ.

1) По вопросу государственно-правового положения Подкарпатья повторяю, что сказали я и правительство: мы исходим из договора и публичных советских и наших заявлений о домюнхенских границах,

иначе у нас при переговорах о перемирии и на мирной конференции остальную нашу территорию растащили бы кто куда. Что касается перемирия, то мы уже официально просили великие державы о формулировке относительно домюнхенских границ, и было бы огромным бедствием каким-либо образом касаться этой формулировки, принимая во внимание кого-либо. Именно поэтому я не буду отвечать ни на какие декларации и обращения комитетов. Впрочем, никакой телеграммы, посланной от имени центральной Народной рады из Ужгорода, я до сих пор не получил; вероятно, ее русская цензура не пропустила. Но, если бы она и дошла, то я не отвечу. У меня, впрочем, сегодня и нет никакого права давать какие-либо обещания, хотя всем нам хорошо известно, как я лично после мирной конференции намерен решить этот вопрос. Я прошу, таким образом, спокойно и аргументировано, без раздражения и принципиально придергиваться этой линии.

2) Из Ваших сообщений у меня сложилось впечатление, что, вероятно, ошибка состояла в том, что вся делегация переместилась на территорию, которая, собственно, еще не была передана; она, как представляется, ошибалась, считая, что управление [этой территорией] уже принадлежит ей, действовала в соответствии с этим, и это, видимо, также способствовало возникновению конфликтов. Я прошу, чтобы в будущем министр Немец был особенно внимателен в этом плане, особенно, когда речь пойдет о Словакии. Я предпочитаю, чтобы там политические события (особенно выборы комитетов, набор добровольцев и т.д.) развивались в отсутствии лондонского правительства, т.е. его делегации, нежели то, чтоб все это происходило в нашем присутствии, происходило ненормально, вопреки нашим законам или в интересах одного лишь политического направления. Лучше, чтобы ответственность за это не лежала на нас. Нельзя забывать о том, что все это будет иметь влияние на отношения в Словакии и чешских землях. Поэтому при переговорах в Москве стремитесь к тому, чтобы точнее определялись условия передачи территории, взаимная наша компетенция, компетенция советских военных органов и точная компетенция наших военных органов. Иначе опять возникнут конфликты. Об этом можно довериться лишь в Москве или в дискуссии с Петровым и Мехлисом. Вероятно, было бы лучше всего попытаться дополнить соглашение от 8 мая. Считаю этот пункт весьма важным. Однако Вы в Москве можете лучше судить, можно ли все это осуществить.

3) Снова подтверждаю, что события в Подкарпатье являются нашим внутренним делом и что надо действовать так, чтобы это не коснулось наших отношений с Советским Союзом. Там, где явно нарушаются наши законы и прежние договоренности с Советами и нельзя до-

стигнуть соглашения, поступайте, как я уже говорил в прежней телеграмме: спокойно это констатировать, по возможности, письменно, но не вызывать дальнейших конфликтов. Я прошу напомнить об этом особенно нашим военным органам. С этой стороны, однако, во время дискуссий не оставлять советским органам сомнения, что набор в Красную Армию, проводимый без договоренности и согласия с нами, мы не можем рассматривать со своей точки зрения, как отвечающий нашим законам. Но не выдвигать ультиматумов, ни угрожать санкциями, ни чем-либо другим. При переговорах в Москве обратите внимание, что аналогичные действия в Словакии могли бы вызвать, по крайней мере, политически, тяжелые последствия; поэтому я полностью согласен с тем, что в своих переговорах вы, как это следует из Ваших сообщений, обращаете особое внимание на действия в Словакии.

4) Я согласен с Вами, что самым важным является урегулирование отношений между нашими военными и советскими военными органами, и что следует взаимное доверие любой ценой восстановить. В этом смысле я подчеркиваю следующее:

а) Предвидя эти осложнения с военной и политической стороны, я по договоренности с председателем правительства и генералом Ингром принял уже ранее решение, чтобы министром национальной обороны стало гражданское лицо и чтобы главнокомандующий, генерал Ингр, подал в отставку и выполнял лишь свои военные функции. Теперь, как только для этого наступит подходящий момент, генерал Ингр переместит свой штаб (úřad) главнокомандующего на восток. В этом плане с советскими военными органами уже существует принципиальная договоренность, достигнутая ген. Пикой. В этом смысле ген. Виест, когда был назначен командующим в Словакии, также перестал быть по настойчивой просьбе Словацкого национального совета на основе буквы нашего закона министром. Возглавлять министерство национальной обороны ныне доверено министру Масарику (в связи с его болезнью им руководит министр Славик). Учитывая ожидаемое нами быстрое политическое развитие, я хочу резервировать окончательное назначение министром национальной обороны политика на основе соотношения сил в стране при общей смене кабинета.

б) Я получил предложение из Подкарпатья о новой организации военных сил: чтобы проводилась организация лишь боевой армии (корпуса), а не в коем случае двух армий, боевой и резервной (т.е. корпуса и тыловой армии), поскольку это, якобы, вызывает у советского командования недоверие. Далее, чтобы командующим на освобожденной территории остался, как и сейчас, ген. Гасал, его заместителем ген. Свобода, командующим первым корпусом ген. Клапалек и при

нем ген. Бочек и полк. Саторие. Между этими военными на этот счет существует, якобы, согласие. Если эта реорганизация может помочь делу, Лондон против нее не будет возражать. Ген. Пика пусть внесет в этом смысле формальное предложение. Для меня речь идет прежде всего о том, чтобы и между нашими военными, чиновниками и вообще гражданской и военной частями делегации было полное согласие. Основным условием нашего успеха является то, чтобы Советы видели, что среди нас нет соперничества, личных расхождений и интриг. Если бы указанное изменение могло в этом духе повлиять, я приветствовал бы его.

в) Мое внимание было обращено на то, что некоторые офицеры из Англии вызывают у Советов, по праву или нет, недоверие. Если это было бы так – даже, если это было бы недоразумением либо несправедливостью по отношению к тому или иному лицу, – необходимо, чтобы министр Немец с генералом Гасалом договорились и отстранили тех, которые политически или по иным соображениям являются причиной возникновения недоверия, от действительной службы. Или же, чтобы их назначили так, чтобы всему положить конец. Во всем этом конфликте речь идет о более важных вещах, чем [отдельные] личности, и если бы я даже об этом сожалел, мы должны были бы пойти на это. Если у министра Немеца и генерала Гасала есть другие планы, то пусть они нам их предложат. Впрочем, в этих вопросах им должны быть предоставлены достаточные полномочия для принятия решения в соответствии с местными обстоятельствами.

г) По вопросу новой военной награды возражений нет. Рипка Вам уже от имени правительства ответил. Но было бы достаточно уже теперь сообщить нам по телеграфу имена военнослужащих, которые должны быть награждены *нашими существующими орденами*, как это было сделано во время моего пребывания в Москве, и это будет проведено немедленно. Не могут ли по этому вопросу министр Немец и генерал Гасал договориться немедленно с Петровым и Мехлисом? Как только будут сообщены имена или какие-либо иные договоренности с русскими о представленных к награждению (например, о количестве военных крестов, медалей за храбрость и т.д.) вопрос немедленно будет решен. Впрочем, я буду вести переговоры с правительством о том, чтобы в случае необходимости делегат совместно с командующим могли в соответствии с потребностью на месте от имени правительства и президента немедленно произвести награждение.

5) Большая вина за недоразумения и конфликты лежит на недостаточности радиосвязи делегации с Лондоном. Как осуществляется связь с Москвой, Вы сами нас информировали. Просто непостижимо, что со-

ветские власти нам до сих пор отказывали в этом, и, насколько я знаю, все еще отказывают. Хотя с военной точки зрения они имеют на это право и это в их власти; мы не можем, стало быть, ничего сделать. Но в этом случае тем более правильно то, что было сказано выше о необходимости уточнения наших прав и обязанностей при передаче [в наше управление] территории. Совершенно невозможно, например, чтобы наша делегация принимала [в управление] и переезжала на словацкую территорию, не получив право на радиосвязь с Лондоном. Все решения вследствие этого до невозможности оттягиваются и откладываются. Этой ситуации нужно положить конец. Попытайтесь, прошу, при переговорах в Москве убедить советские органы в необходимости решить этот вопрос. Будет, вероятно, самым лучшим, чтобы утвердилась точка зрения, что с принятием территории само собой разумеющейся является радиосвязь с Лондоном. И та территория, на которой военные органы по каким-либо соображениям не смогут разрешить связь с нами, правительственным делегатом, т.е. чехословацким правительством, приниматься не будет. Повторяю, что для меня речь идет о том, чтобы за дальнейшее развитие, особенно же в Словакии, существовала совершенно ясная ответственность в будущем за то, что там происходит. Я полагаю, что при переговорах в Москве о радиосвязи вы можете привести все эти доводы совершенно открыто.

6) Подчеркиваю, что переговоры по всем этим вопросам должны вестись прежде всего в Москве и на территории самого Подкарпатья. Лебедев был сегодня из Лондона отозван, и мне было сказано, что он уже не вернется. Нам здесь не известны мотивы этого шага, и мы не считаем возможным связывать это каким-либо образом со всеми этими событиями. Те русские, с которыми мы здесь ведем переговоры, лишь удивляются, выражают недоумение и говорят, что у них нет сведений; и, зная обстановку здесь, в Лондоне, и немного в Америке, понимают, как отразится все это на отношении к Советскому Союзу. Они искренне желают, чтобы всему этому был положен конец. И особенно теперь, когда греческий, югославский и польский вопросы дают опять же противникам Советов и нашим противникам много материала для агитации.

7) Впрочем, я считаю, что мы все, вы там у вас и мы здесь, действовали хорошо: искренне, разумно, терпеливо. Если имели место промахи в отношении договоров или наших законов, то они произошли со стороны местных военных командиров или гражданских органов и деятелей. И местное население также под местным политическим влиянием поступало иначе, чем должно было (например, комитеты). Я ожидаю, что наша делегация, все ее члены без различия, по-прежнему будут действовать корректно, лояльно по отношению к Советам (sověto-

filský), и внутренне солидарно. Я снова прошу, чтобы им за это была высказана наша благодарность. Если бы этого не было, то я прошу или о решительном вмешательстве, или о внесении в правительство предложения о том, что необходимо предпринять. Все, что нам здесь известно, свидетельствует о том, что советское и наше правительства действуют так, чтобы избежать всяких конфликтов и трудностей и, если конфликты возникли, искренне стремятся их ликвидировать. Я сам лично за себя и за правительство это категорически могу утверждать.

Когда Дртина и Углирж возвратятся, вам будет, как можно скорее сообщено [об этом]. Сами же стремитесь до возвращения в Подкарпатье решить в Москве или все, или как можно больше, и, не выяснив вопросы, лучше не выезжайте. Однако, все это вы окончательно решите в Москве сами.

Бенеш
Рипка

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 188. S. 391–394.

№ 47

Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с советником посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне И.А. Чичаевым

26 декабря 1944 г.,
Лондон

1) Чичаев позвонил мне, сказав, что имеет серьезное поручение Молотова. Позже он пришел в Aston Abbots с меморандумом [правительства СССР чехословацкому правительству] об [условиях] перемирия с Венгрией. [...]

2) Затем я снова обсудил с Чичаевым вопрос о Подкарпатской Руси. Я опять обратил внимание на то, почему я прошу, чтобы вопрос государственно-правового положения Подкарпатья сегодня не решался, чтобы это было отложено. Это был бы тяжелый прецедент для венгров, поляков и немцев.

Далее я ему объяснил, что внутреннее положение в Подкарпатье неудовлетворительно, что делегация точно не знает, какие имеет полномочия, что соглашение от 8 мая там не выполняется и что я просил министра Немца, чтобы он не переезжал на словацкую территорию, пока

не будет ясно, какие правомочия он там будет иметь. Я хочу, чтобы ответственность была ясно определена: за что ответственна Красная Армия, а за что наш делегат, т.е. чехословацкое правительство.

Он просто хочет, чтобы для всей в дальнейшем передаваемой [нам] в управление территорией была точно определена граница оперативной зоны и передаваемой зоны и чтобы на переданной территории ясно были определены наши права и обязанности.

Я просил Немеца, чтобы пока это не произойдет, он не переезжал на территорию Словакии.

Я представил Чичаеву доказательства того, что происходит в Подкарпатье: как офицеры Красной Армии ведут пропаганду, как принуждают национальные комитеты подписывать резолюции о присоединении к Украине, как распускают комитеты, которые им не нравятся и т.д. [...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 191. S. 397–398.

№ 48

Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова генералу А. Гасалу

26 декабря 1944 г.,
действующая армия.

Уважаемый господин генерал!

1. Отвечая на Вашу телеграмму номер 109, сообщаю:

Как Вам известно, на основе соглашения между Советским Союзом и Чехословакией верховная власть и ответственность по всем вопросам, относящимся к ведению войны, находится, в полосе военных операций, в руках Верховного командующего советскими (союзными) войсками. Все чехословацкие части, находящиеся на чехословацкой территории, должны быть незамедлительно использованы для борьбы против немцев — нашего общего врага.

2. Формирование всех воинских частей на освобожденной территории, как Вам было сообщено после наших переговоров, должно проводиться лишь на основе специального соглашения, заключенного в Москве. На основе этого в настоящее время формируется, например, 1-ая чехословацкая авиационная дивизия.

3. Вопреки этому порядку были между тем сформированы в различных районах запасной полк, артиллерийская часть, саперный батальон, батальон связи и штабная рота. Это незаконное формирование воинских частей проводилось в то время, когда 1-ый чехословацкий корпус нуждался в пополнении в связи с оперативными задачами и моими замыслами использовать их для освобождения оставшейся территории ЧСР. Для пополнения 1-го чехословацкого корпуса отправлены все вышеуказанные части – запасной полк, артиллерийская часть, саперный батальон и батальон связи. Штабная рота вопреки известной статье 3 соглашения до сих пор не использована для борьбы против немцев.

4. Исходя из всего этого, мой штаб направил генералу Свободе приказ использовать эту роту также в качестве пополнения корпуса, и копия этого приказа также была послана Вам. Как известно, Вам не были сообщены все адреса, по которым штаб разослал приказ о штабной роте, поскольку он был направлен частям в зашифрованном виде.

Сообщаю Вам, что штабная рота должна быть направлена для пополнения 1-го чехословацкого корпуса и должна прибыть на место назначения не позднее 1 января 1945 г. Вы понимаете, что я не могу, исходя из сложившейся обстановки, ожидать возвращения правительственного представителя из Москвы, поскольку мы должны быстро произвести пополнение корпуса на основе ст. 1 соглашения между Советским Союзом и Чехословакией. Конкретно, для усиления корпуса я дал согласие генералу Свободе, после переговоров с Вами, на проведение набора добровольцев в Словакии, и эта работа сейчас успешно проведена.

Остаюсь с уважением к Вам, генерал армии Петров

Опубликовано в «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 229. С. 262.

№ 49

Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе с заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным

26 декабря 1944 г.,
Москва

[...]

Зорин считает приблизительно так:

1) Вопросы были поставлены нами совершенно правильно. Советское правительство не требует от нас какого-либо поспешного реше-

ния относительно Карпатской Украины и не считает это в данный момент даже целесообразным. Речь идет об отношении к национальным комитетам и возникающих в этой связи трудностях. Вскоре будет освобождена дальнейшая словацкая территория, и делегация сможет перенести свою деятельность в Словакию. Зорин допускает, что Петрушак может остаться в Подкарпатской Украине, как мы это предлагаем. Не исключено, что состояние здоровья Вышинского позволит ему переговорить с Немцем до его отъезда, поэтому я советовал Немцу подождать еще несколько дней. Как только будет возможность Вышинскому с ним побеседовать, Немец может уехать.

2) Лебедев не был отозван, и его пребывание в Москве не имеет ничего общего с ситуацией в Подкарпатской Украине.

3) На мое замечание, что Немец стремится, чтобы некоторые изъязы [деятельности] нашей военной организации были исправлены, Зорин сказал, что это было бы желательно. [...]

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 194. S. 403.

№ 50

Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немца президенту Чехословакии Э. Бенешу о дальнейшей деятельности на освобожденной территории и ситуации в Подкарпатской Руси

26 декабря 1944 г.,
Москва

Я получил Ваше сообщение*. Благодарю за указания и констатирую в связи с этим:

1) В течение 14 дней пребывания в Москве у меня была возможность иметь одну беседу с Зориным информационного характера, в которой участвовали Вало и Фирлингер. Я хотел немедленно после этой беседы уехать, однако задержался в Москве по просьбе правительства, а также в связи с сообщением Наркоминдела о том, что с нами будет беседовать Вышинский. Эта беседа до сих пор не состоялась, но не исключено, что состоится в ближайшие дни.

* См. Документ № 46.

2) Между тем ситуация в Подкарпатской Руси ухудшилась. После некоторого улучшения вслед за моим отъездом в Москву со стороны командования фронтом были предприняты новые шаги* (смотри каблограмму Гасала о роспуске штабной роты).

3) Я выяснял, является ли виной этих создавшихся плохих отношений делегация как целое или ее отдельные члены. Могу заявить, что, несмотря на некоторые оплошности и промашки отдельных лиц, делегация в целом поступала правильно и что плохое отношение к ней со стороны советских органов является следствием определенных сомнений в нашей военной политике (отсылаю к своей предыдущей депеше) и в нашей внешнеполитической концепции. Что касается военных вопросов, то это главным образом высказываемые нам упреки относительно тенденции создания тыловой армии на принципах 1938 г. Во внешней политике, это вопрос неясности нашего отношения к польскому комитету, попытки сотрудничества с польским правительством в Лондоне, последнее выступление Масарика и выполнение нашего договора, следуя скорее букве, чем духу. Эти причины имели следствием, что советские органы действуют в наших вопросах несколько жестче, чем в отношении других освобождаемых народов.

4) Я осознаю, что некоторые недоразумения явились следствием того, что освобожденная территория не была передана делегату формально. Этот вопрос я осветил в предшествующих каблограммах. Вина в этом – не односторонняя.

5) В ситуации, которую я вижу, я предостерегаю от перебазирования главного командования во главе с Ингром на здешнюю территорию. Сожалею, что я об этом узнал только в Москве. Соглашение о гражданской администрации предусматривает только военную миссию. Уже месяц назад я обратил внимание на это обстоятельство. Я – за то, чтобы в данной ситуации все военные вопросы были сосредоточены в [чехословацком] корпусе. Если этот вопрос не будет спокойно и быстро решен, мы будем [сидеть] в Хусте вплоть до освобождения Братиславы и не дождемся радиосвязи.

6) О ситуации в Карпатской Украине сообщают: проблема отторжения от республики и присоединения к СССР уже поставлена и должна быть разрешена. Я советую не делать из нее вопроса о чехословацко-советских отношениях.

7) Снова подчеркиваю единство как политической, так и административной части делегации в решении всех затруднительных ситуаций. Передам им Вашу благодарность.

* См. Документ № 48.

8) При [решении] всех этих проблем я имею в виду Словакию и Чешские земли. Поэтому снова подчеркиваю важность военного вопроса и необходимость ясной внешнеполитической концепции.

9) Я подожду в Москве еще несколько дней, в течение которых может состояться, по словам Фирлингера, беседа. Затем я хочу обсудить все вопросы со штабом фронта. Я призову Народную Раду к сотрудничеству в вопросах повседневной жизни. Если соглашение не будет достигнуто, я ограничу деятельность делегации вплоть до отъезда в Словакию лишь внутренним ведением дел. Я рассматриваю ситуацию как весьма серьезную, требующую масштабного и смелого решения. Здесь не может быть сомнений в нашей желаниии быть искренним и лояльным союзником СССР.

10) Прошу сообщить, кто и каким путем послал Вам в Лондон предложение об урегулировании военных вопросов личного плана в Подкарпатской Украине. Об этом мне ничего не известно, и я прошу, чтобы эти в высшей степени политического характера вопросы решались по договоренности со мной.

11) О Вашей и этой депеше информирован Вало. Подписал Немец.

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 195. S. 404–405.

№ 51

**Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
министерству иностранных дел чехословацкого правительства
в Лондоне о беседе с заместителем народного комиссара
иностраннных дел СССР А.Я. Вышинским**

27 декабря 1944 г.,
Москва

1) Вышинский сегодня днем принял меня, Немеца, Вало, Урсини, Новомеского и Весела. Делегация СНС (Словацкого национального совета. – В.М.) пошла с нами по просьбе Немеца, против чего я не возражал и должен был уведомить протокольный отдел [НКВД], что делегация СНС идет с нами по нашей просьбе. Впрочем, я думаю, что было хорошо, что мы пошли к Вышинскому вместе, и позднее, после окончания беседы, Вышинский констатировал, что рад, что это произошло.

Я сказал Вышинскому, что мы были бы рады обсудить с ним, с одной стороны, вопросы о Подкарпатье, где сложилась особая ситуация, с другой стороны, о нашем дальнейшем сотрудничестве с советским командованием на территории Словакии. Наши предложения были ранее уже переданы Зорину, и теперь мы ожидаем ответ Вышинского.

2) Вышинский подчеркнул, что его правительство точно придерживается договора и ничего не хочет делать вопреки нему. Тем не менее, он полагает, что оба наши государства не могут не замечать также сильного народного движения, которое можно наблюдать в Подкарпатье. Это — не временное явление или какое-то движение конъюнктурного характера, наоборот, это движение национальное и исторически обоснованное, и здесь нельзя от советского правительства ожидать, что оно захочет это движение тормозить, и выступит против него. Немец отреагировал на это утверждением, что с чехословацкой стороны тоже не было никаких попыток тормозить движение и что делегация имела в виду только свои конкретные задачи и всегда хотела сотрудничать с национальными комитетами. В заключении этой части дискуссии я констатировал, что позиции обоих правительств идентичны. Президент Бенеш и правительство не могут допустить изменения государственно-правового положения Подкарпатья, тем не менее, между нами существует договоренность, что этот вопрос будет решен так, как это отвечает нашему тесному дружественному союзу с СССР, который мы хотим еще более укрепить. Вышинский с этим согласился, после чего мы перешли к конкретным вопросам сотрудничества делегации с Украинской Радой.

3) Немец отстаивал точку зрения, что важно, чтобы все военнообязанные граждане, выполнили свою обязанность, однако он лично, например, не придает особого значения тому, будут ли военнообязанные граждане, которые не вступили как добровольцы в Красную Армию и не могли быть после мобилизованы, служить в чехословацкой или Красной Армии. В этом же духе высказался и Вало. Вышинский полагал, что вопрос мог бы быть решен аналогично тому, как это было с советскими гражданами чешской и словацкой национальности, которые были мобилизованы в чехословацкий корпус. Мы должны были бы допустить мобилизацию чехословацких граждан украинской и русской национальности в Красную Армию. Впрочем, Вышинский не готов предложить какое-либо решение. Все вопросы должны были быть решены между делегацией и Украинской Радой на месте. Немец сказал, что он попытается это сделать, и выразил надежду, что это произойдет при благожелательной позиции советского командования. Немец далее объяснил, что думает делегировать Петрущака как своего предста-

вителя, чтобы он обсудил с Украинской Радой все общие вопросы. Немец далее хотел бы как можно скорее отправиться на освобожденную словацкую территорию вместе с представителями СНС. [...]

5) Общее мое впечатление таково, что, учитывая ситуацию в Подкарпатье, переговоры завершились благоприятно. Следует выждать, как дела пойдут далее. Правда, Немец в вопросе нашей мобилизации в Подкарпатье спонтанно предложил принципиальные уступки, но я сомневаюсь, чтобы можно было иным способом преодолеть трудности. [...]

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 196. S. 406–408.

№ 52

Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым

28 декабря 1944 г.,
Москва

Сегодня утром* я получил уведомление Молотова о том, что могу посетить его вместе с Немцем в 7 часов в Кремле, и, если я хочу взять кого-либо с собой, то мы можем это сделать. Я посоветовался с Немцем, и мы посчитали, что поскольку вчера у Вышинского были все вместе, то так поступим и на этот раз и возьмем с собой Петрущака, чтобы нас не упрекали, что мы все делали без украинцев. На беседе, которая продолжалась 3/4 часа, присутствовал и Вышинский.

На вопрос Молотова, что мы хотим ему сообщить, я повторил приблизительно то, что уже говорил вчера. В Подкарпатье существует движение, которое мы принимаем во внимание, которое, тем не менее, приняло, по вине той или другой стороны, достаточно острую форму против нашей правительственной делегации. Мы сожалеем об этом, поскольку жили с подкарпатским населением вместе в едином государстве в течение 20 лет. Наша общественность питала по отношению к нему всегда только дружественные чувства и всегда относилась к

* 27 декабря 1944 г.

симпатией к вопросу его национального самоопределения, хотя в этом плане у нас были некоторые неясности. Президент и правительство не считают уместным решить этот вопрос уже теперь каким-либо радикальным способом, тем не менее, в данный момент они готовы сделать это в абсолютно дружественном духе по отношению к СССР и населению Подкарпатья. Об этом президент говорил совершенно определенно уже несколько раз советскому послу, и правительство подобным образом высказалось в телеграммах, которые я получил в последнее время. Следует найти какое-либо временное решение, которое бы пока не затронуло государственно-правовое положение Подкарпатья, с чем связан целый ряд практических проблем, которые мы обсуждали вчера с Вышинским.

Затем Молотов попросил Немеца, чтобы он высказал свою точку зрения на то, что он думает об украинском движении в Подкарпатье и имеет ли он какие-либо претензии в отношении действий советских органов. Немец ответил, что думает, что движение стихийное и очень сильное, что он это также учитывал и что в целом претензий не имеет, хотя, вероятно, и были инциденты, которые он всегда стремился решить прямо с компетентными советскими органами. Затем говорил Урсини, который повторил приблизительно то же, что вчера. Молотов обещал оказать помощь при экономическом восстановлении Словакии и в этой связи упомянул о том, что предложил президенту проект нашего участия в репарациях, которые должны быть наложены на Венгрию. (Это известно президенту и правительству из других моих каблогграмм) Молотов добавил, что англичане по этому поводу до сих пор не высказались, и переговоры об этом излишне затягиваются. Потом я спросил у Молотова, есть у него какие-либо претензии к действиям делегации в Подкарпатье, и считает ли он, что с нашей стороны действия были в чем-либо ошибочны или неправильны. Молотов ответил несколько уклончиво, что мы не могли ожидать от советского правительства, чтобы оно тормозило стихийное проявление воли населения, которое чувствует свою национальную принадлежность к великому украинскому народу. Согласно его мнению, было бы хорошо, если бы президент и правительство находились ближе к освобожденной территории. Можно было бы, таким образом, многое легче выяснять. Я спросил его, где, по его мнению, президент и правительство могли бы находиться. Он ответил, что есть много мест, где президент и правительство могли бы разместиться, как, например, Львов. Я ответил, что его мысль весьма интересна, что она будет доведена до сведения президента. Вероятно, это могла бы быть также освобожденная территория, например, Кошице. Молотов с этим живо согласился.

К концу Молотов предложил высказаться также Петрушаку. Петрушак сказал, что он не думает, что могли бы существовать какие-либо трудности в отношениях ЧСР и СССР. Одна трудность, следовательно, та, что украинский народ Подкарпатя хочет присоединиться к советской Украине, и поэтому желательно, чтобы чехословацкое правительство эту трудность как можно быстрее устранило. (Я передаю слова Петрушака)

В конце Немец спросил, думают ли советские органы проводить набор добровольцев на словацкой территории. Молотов ответил, что этот вопрос не стоит. Далее Немец напомнил о своей просьбе относительно радиосвязи с правительством. Молотов ответил, что связь он будет иметь, но было бы лучше, чтобы президент и правительство были ближе, тогда связь будет еще более легкой.

2) Из беседы с Молотовым я вынес общее впечатление, о котором я сообщил в прежних каблограммах. Советское правительство хочет с нами теснее сотрудничать политически и экономически. На проблему Подкарпатя он смотрит, как на дело, в принципе решенное развитием событий, причем упомянул по случаю и о плебисците 1918 г. в пользу присоединения к советской Украине. Тем не менее, советское правительство уважает существующие договоры и желание президента и правительства оставить вопрос открытым до того момента, когда об этом можно будет вести переговоры. Принимает ли он это требование охотно или с колебаниями, трудно сказать.

Если бы я хотел взвесить все обстоятельства, то сказал бы, что последнее наше ходатайство перед Вышинским и Молотовым в значительной мере улучшило атмосферу и подготовило почву для более тесного сотрудничества на территории Словакии. Присутствие делегации СНС, которая всегда подчеркивала единство нашего государства, было полезно. Уступки, которые Немец как правительственный делегат сделал в военных и административных вопросах относительно Подкарпатя, могут быть полностью уравновешены выгодами, которые мы можем получить в других случаях, поскольку речь идет о вопросах, жизненно важных для нашего государства. Я прошу, чтобы так расценивались результаты здешних переговоров.

Немец тоже сделает об этом сообщение.

Фирлингер.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 197. S. 408–410.

№ 53

**Дополнительная телеграмма посла Чехословакии в СССР
3. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого
правительства в Лондоне о беседе с народным комиссаром
иностраннх дел СССР В.М. Молотовым**

28 декабря 1944 г.,
Москва

Моя 519*.

Я забыл во вчерашней каблограмме сказать, что Молотов между прочим извинился за возможные инциденты в Подкарпатье, которые, вероятно, произошли по вине советских людей, особенно же военно-служащих Красной Армии. Люди уже устали от войны, сказал он, нервозны и, возможно, могут перегнуть палку или допустить какую-нибудь промашку в атмосфере большого напряжения, которое было вызвано сильным национальным движением. Это его замечание, конечно, не могло приуменьшить значение его заявления относительно важности этого движения и отношения Москвы к нему. Тем не менее, оно может дополнить общую картину, которую я во вчерашней каблограмме нарисовал. Сегодня утром мы собрались все, включая Готвальда и Копецкого, чтобы обсудить связанные с этим вопросы. Все участники вчерашней беседы в Кремле вынесли из нее решительно благоприятные впечатления и считают ее значение принципиальным, требующим зрелого размышления со стороны президента и правительства.

Я предоставляю Немцу сделать об этом сообщение.

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětske vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 198. S. 410–411.

№ 54

**Депеша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца
президенту Чехословакии Э. Бенешу
о ситуации в Подкарпатской Руси**

29 декабря 1944 г.,
Москва

После переговоров в Москве я предлагаю вашему вниманию следующее мнение об общем положении.

* См. Документ № 52.

Движение на Подкарпатской Украине за отрыв от республики и присоединение к Советскому Союзу в нынешней его фазе нужно считать движением народным и стихийным. Советский Союз считает его выражением национального стремления и уважает его, как он уважает вообще проявление национальных стремлений славянских народов. Он настаивает, естественно, на соблюдении международных договоров и соглашений, что он также доказал действиями своих руководящих военных органов на нашей освобожденной территории. Если же в этом направлении и появились некоторые недостатки с нашей или с советской стороны у подчиненных органов, то мы уже обсудили их во время вчерашних переговоров с Молотовым. По этому поводу я обратил его внимание на то, что с нашей стороны имели место некоторые упущения, объясняемые неясностью положения. Он в противовес этому констатировал, что в период, когда люди уже устали от войны, неизбежно были и будут упущения, объясняемые лихорадочностью первых дней свободы. Учитывая это положение, я рекомендую правительству немедленно заняться проблемой Карпатской Украины. Исключено, чтобы чехословацкие административные органы могли действовать на Карпатской Украине против воли местного населения. В данном положении это означало бы господствовать путем насилия против народа и против советских военных органов, которые хотят полного спокойствия в своем тылу. Проблема государственно-правовой принадлежности украинского народа всегда была в республике проблемой особого рода. Право решения вопроса о государственной принадлежности украинского народа дано его историческим развитием. Я считаю совершенно необходимым, чтобы, учитывая престиж государства и дальнейшее внешнее и внутреннее развитие республики, правительство решило официально сообщить Советскому Союзу, что принимая во внимание постановление собрания местных комитетов Карпатской Украины от 26 ноября 1944 г., правительство готово удовлетворить это требование и просит Советский Союз о переговорах по этому вопросу. Откладывание переговоров по этой проблеме до мирной конференции или даже после нее, по моему мнению, совершенно невозможно. Дело СССР самому решить, вызовет или не вызовет решение этого вопроса уже теперь международные трудности. Я предостерегаю от того, чтобы наши круги изображали это движение не как результат народного движения и национального самосознания на Карпатской Украине, которые постепенно развились после освобождения страны. Я довольно ясно сказал Молотову, что не имею права обсуждать внешнеполитические вопросы, что я лишь сообщу в Лондон свои взгляды и предложения. Формулировкой этих предложений в вышеуказанном смысле мы

занимались на общем совещании, в котором наряду с посланником и политическим советником Вало участвовали 28 декабря также все представители Словацкого национального совета, депутат Петрушак, депутаты Готвальд и Копецкий. После подробного и дружеского обсуждения и после внесения поправок и дополнений эта формулировка была единодушно принята. Со всей настоятельностью я обращаю Ваше внимание на то, что мы сходимся в том мнении, что нужно удовлетворить пожелание, высказанное Молотовым о временном переезде правительства и президента, например, во Львов или в другой советский город. И это мы считаем в данном положении полезным для дела. Я прошу, чтобы президент и правительство как можно скорее приняли решение по этим предложениям, которые не полностью соответствуют имеющейся у правительства концепции, что для меня является ясным и чего я не скрывал от совещания. Инициатива с нашей стороны, несомненно, укрепила бы и улучшила бы нашу позицию перед советским правительством, и, безусловно, та симпатия, которую мы в значительной мере вызвали бы, наверняка, принесла бы пользу для наших будущих политических и экономических требований. С моей точки зрения, дело теперь в том, используем ли мы стремление карпатского народа для улучшения нашей позиции или будем ждать, пока карпатский народ осуществит это без нашего согласия или даже вопреки нашей воле. Сегодня смелым решением мы можем многое выиграть, а неблагоприятным или колебаниями многое потерять. Эти предложения являются результатом моего опыта, приобретенного на Карпатской Украине, в Баньской Быстрице, и результатом совместных бесед со здешними депутатами и членами Словацкого национального совета, а с другой стороны, результатом их бесед с советскими деятелями. Я считаю, что здешние депутаты весьма ясно, недвусмысленно и решительно, защищают принцип Чехословацкой республики, внутренне сильной, благодаря решению вопроса о чешском и словацком народах, и поддерживают политику лояльного сотрудничества с Советским Союзом.

Немец

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 230. С. 263–264.

**Телеграмма чехословацкого правительственного делегата
Ф. Немеца и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера
президенту Чехословакии Э. Бенешу о переговорах в Москве**

30 декабря 1944 г.,
Москва.

Господин президент,

в дополнение к вчерашней телеграмме, которую я послал как результат совместных совещаний и которую еще до отправления читал Готвальд, выразивший с ней свое согласие, сообщаю еще свое следующее мнение. Точка зрения, выраженная во вчерашней моей каблограмме, является моей личной точкой зрения. И хотя в Подкарпатье движение за отделение возникло постепенно, сегодня оно признано народным движением. Этим определяется отношение к нему СССР. Действовать силой означает править штыками и создавать враждебные отношения с СССР. Если бы мы в решающих разговорах проявили сомнение относительно стихийности этого движения, то, согласно моему мнению и опыту, дело дошло бы до подобного развития и в Словакии. Формулировки, которые я использовал, создали ситуацию, при которой Молотов пригласил меня сам для переговоров, во время которых:

- 1) собственно извинился за проступки некоторых подчиненных органов,
- 2) признал право на прямую радиосвязь с Лондоном,
- 3) заявил, что в Словакии не будет набора добровольцев.

Я считаю эти факты в свете дальнейшего развития весьма важными, поскольку особенно на последнем я делал и делаю особый упор. Я полагаю, что тактика откладывания вопросов, по которым между всеми нами не может быть сегодня споров (проблема Карпатской Украины), могла бы привести к изоляции правительства от страны. Думаю, что существовала опасность, что к нам могли быть применены меры, примененные к лондонскому польскому правительству. В этом отношении я считал особенно примечательным вызов Лебедева в Москву. Я стремился этот критический момент тут преодолеть. Я старался, чтобы в Словакии дело не дошло до набора добровольцев, до практического устранения делегации от влияния на события и до создания ситуации, когда Словацкий национальный совет вступил бы на путь украинской рады. Полагаю, что своими переговорами я способствовал тому, чтобы эта опасность была предотвращена. Отмечаю, что члены Словацкого национального совета вели себя очень хорошо, и что Урсини во время бесед с Вышинским и Молотовым решительно подчеркнул единство республики. Напротив, полностью не оправдал себя Петру-

щак. Мое предложение, чтобы правительство сегодня взяло инициативу в свои руки и предложило СССР переговоры о проблеме, является, по моему мнению, единственно возможным, и в нем речь идет о большем, чем только этот вопрос. Я считаю, что эти переговоры поведут к тому, чтобы окончательное решение было отложено на время, приемлемое для обеих сторон. Но мы должны проявить инициативу быстро и ясно. Я знаю, что в своих действиях я не следовал полученным мной инструкциям, и беру на себя за это полную личную и политическую ответственность. Я действовал, как считал правильным с точки зрения будущего и целостности единой чешской и словацкой территории. Мои предложения взвешены, и я убедительно прошу их принять. Я убедился, что действия Фирлингера были правильны. Предостерегаю от взаимных свар. Тон некоторых депеш из Лондона излишне острый. Невозможно здесь иное представительство.

Я советую все эти вещи [принять], как неизбежные. Считаю, что тем самым мы также укрепим сотрудничество с коммунистами. Вало все время кризиса вел себя прекрасно, Копецкий вчера во время совещания благодарил меня, хотя по приезде сюда почти что против нас были все здешние депутаты. Что касается переезда правительства – именно этого правительства – буду вести переговоры о возможности переезда прямо на родину. У Вас это рассматривают как неизбежность в очень близком будущем. Ведите переговоры о переезде. Я думаю, что до поры активной деятельности подойдут Кошице или Прешов.

Немец.

Посылаю депешу в том виде, как мне ее передал Немец. Я не разделяю его точки зрения, что советское правительство умышленно хотело бы вызвать у нас трудности, чтобы добиться осуществления каких-то своих особых требований. Свою точку зрения я объяснил уже ранее. Одновременно с проблемой Подкарпатской Украины встали и другие политические вопросы общего характера.

Фирлингер.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 203. S. 419–420.

№ 56

**Из инструкции президента Чехословакии Э. Бенеша
послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру
в связи с результатами переговоров чехословацкой
правительственной делегации в Москве**

30 декабря 1944 г.,
Лондон

По поводу Ваших депеш 512, 513, 514 и 515 и сообщений о беседах с Вышинским и Молотовым уведомляю Вас о следующем:

1) Беседы с Вышинским и Молотовым меняют ситуацию в такой мере, что на ранее посланные депеши я не должен отвечать в деталях. Однако подчеркиваю, что приветствую, прежде всего, ясность в следующих вопросах:

а) вопрос о государственно-правовом положении Подкарпатской Руси пока отложен и существует договоренность, что в данный момент он будет решен дружески так, чтобы хорошие отношения обоих государств не пострадали. Я предполагаю, что эта точка зрения, согласованная с Молотовым, могла бы быть обоими правительствами уточнена в момент, когда я поеду через Москву на нашу территорию, причем подробно был бы обсужден и ряд других вопросов, как, например, некоторые вопросы границ, проведения трансфера, возмещение ущерба, нанесенного Германией и Венгрией и др.

б) в Словакии не будут ни в коем случае проводиться наборы добровольцев в Красную Армию. Также очень ценно, что Молотов и Вышинский лично сами слышали точку зрения членов Словацкого национального совета.

в) считаю обе беседы важными, тем самым достигнуто облегчение и улучшение ситуации, и восстановлено взаимное доверие. На этой основе можно определенно временно урегулировать отношения в области военной организации и сотрудничества. Так, как мне видится это отсюда, пока мы не переждем на освобожденную территорию, полный порядок в военных вопросах едва ли возможен. Но я прошу коллегу Немца сделать и в этих вопросах все, что будет возможно, не отступая от принципов соглашения от 8 мая 1944 г. Предложение о личных перестановках в корпусе и воинской организации освобожденной территории мне из Хуста прислал Гала, как я полагаю, с согласия всех наших военных, которых это касается. [...]

б) Что касается военных дел, то возникает принципиальный вопрос: согласны ли Советы с тем, чтобы мы создавали на своей территории свою собственную армию, или же они против этого и хотят разрешить

только наш корпус и иные части *исключительно в рамках Красной Армии*? Если я правильно понимаю суть сегодняшнего спора, они против создания нашей, по их словам, тыловой армии, и хотят держать все под своим командованием и контролем; но ясно они об этом не говорят и нашим военным акциям* не помогают, чтобы невозможно было осуществить наш план. Касается ли эта их позиция только Подкарпатья, и в Словакии они нам не будут чинить препятствий? Или же и там будут настаивать на своей теперешней точке зрения? В этом *заключается вопрос*, и в этом, и ни в чем ином, по моему мнению, трудности. Я подчеркиваю, что речь не идет о создании армии, которая не участвовала бы в боях. Как раз наоборот, речь идет о боевой армии. Если вы можете это объяснить, попытайтесь сделать это. Если же они будут стоять на своем, необходимо, чтобы об этом было ясно сказано, и чтобы мы в соответствии с этим могли решить, что делать с ген. Гасалом и другими офицерами. Окончательно это можно будет решить, как только президент и правительство окажутся на освобожденной территории. Если до того времени ген. Гасал должен будет ограничить свою деятельность лишь функциями начальника миссии, а не командующего на освобожденной территории, мы вынуждены будем и здесь этому подчиниться.

Подчеркиваю, что отъезд ген. Ингра до сих пор не был точно решен. Я дал согласие лишь на то, чтобы в Москву было сообщено о нашем намерении переместить в данный момент на восток наше главное командование и командующего, и чтобы были затребованы визы. Согласие ген. Пике было дано. Согласно Вашей депеше лишь потому, что отказать было невозможно. Хорошо, что Вы обращаете на это наше внимание. У нас с Ингром было договорено, что он не поедет, пока не будет все ясно с советским правительством и военным командованием, пока не будет получено их *буквальное* согласие с его деятельностью и, конечно, эта деятельность точно определена. И лишь в том случае, если бы в этом вопросе ни с одной стороны не возникло никаких сомнений, ген. Ингр переехал бы. И мне, и Ингру ясно, что при иных обстоятельствах он уехать не смог бы. Но и переезд Ингра связан с переездом всего правительства и президента, и в этих новых обстоятельствах это было бы решено одновременно.

7) Согласно Вашим сообщениям об обеих беседах, я думаю, что в создавшейся ситуации Вы сделали в целом все, что было возможно. Хорошо было также, что участвовали словацкие делегаты. Я прошу и далее вести линию, которая была во время этих бесед выработана. Я сам в том же духе имел здесь ясную беседу с Чичаевым**, во время

* Имеется в виду мобилизация в чехословацкую армию.

** См. Документ № 47.

которой я решительно просил Москву о внесении ясности. Ход Ваших бесед, по моему впечатлению, свидетельствует, что его депеши уже получены НКВД*. Благодарю за сообщения.

Бенеш
Рипка

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 204. S. 420–423.

№ 57

Из телеграммы начальника Чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пики министерству национальной обороны чехословацкого правительства в Лондоне о ситуации в Подкарпатской Руси и советской позиции в вопросе создания чехословацкой армии

3 января 1945 г.,
Москва

Я не согласен с мнением министра Немеца, что Советы ведут двойственную политику в отношении нашей делегации: в отношении военных – резервированность и частично недоверие, в отношении гражданских лиц – благожелательность.

Основой политики в данный момент является Подкарпатская Русь. В то время, как политическая [часть] делегации была бездеятельна в отношении движения нескольких коммунистических, терпимого и поддерживаемого (!) советскими органами, чехословацкие офицеры попытались выполнить поставленную перед ними задачу провести мобилизацию и подготовить создание новых воинских формирований в Подкарпатской Руси. Такт и рассудительность по отношению к советским армейским органам означают полное бездействие, поскольку Советы практически считают эту часть территории неприкасаемой (!), и каждый, кто пытается напомнить государственную принадлежность (občanské závazky) Подкарпатской Руси к ЧСР, рассматривается как недоброжелатель СССР. Каждый, кто как-либо возражал против навязанного движения о присоединении Подкарпатской Руси к СССР, обвиняется в недемократичности, возможно и в фашизме.

* Возможно, правильно НКВД – Народный комиссариат иностранных дел, но может быть имелся в виду и НКВД – Народный комиссариат внутренних дел, поскольку Чичаев был известен в Лондоне как представитель именно этой организации.

Совершенно ясно, что в Подкарпатской Руси нам не было разрешено ничего делать, ничего организовать. Все изменится на территории Словакии. В то время, как в глубоком тылу [на территории] Подкарпатской Руси нам не разрешена никакая информационная и пропагандистская деятельность чехословацких органов, во фронтовой зоне [на территории] Словакии нам уже разрешено частично работать.

Правительственной делегации будет «разрешено» как можно скорее переехать ближе к фронту, на словацкую территорию, где не будет таких трудностей, как в тылу, в Подкарпатской Руси, и где будет разрешена радиосвязь с Лондоном и Москвой. Официально действует соглашение от 8 мая, действуют гарантии о целостности ЧСР [в границах] 1938 г., но против воли народа – даже искусственно и насильственно проявленной – мы ничего не можем сделать. Даже демократический характер нашей конституции не позволяет выступать против воли народа, который после первой мировой войны в результате свободного выбора присоединился к ЧСР, но сегодня хочет быть в другом месте.

Говоря практически: «Руки прочь от Подкарпатской Руси и все будет спокойно» [...]

Я заявил [советскому] уполномоченному перед свидетелями, что не могу допустить, чтобы вследствие недостаточной подготовки небольших групп новобранцев компрометировался весь корпус. По некрасивым поступкам неподготовленных людей будут судить обо всей чехословацкой армии.

Ген. Белянов полностью согласился с моим мнением, поэтому я направил ген. Свободе указание, что ни один из прибывших из-за границы офицеров не должен быть назначен на должность боевого командира, пока не освоит краткий курс тактики на советском фронте, не познакомится с советским вооружением и т.д., и что новобранцы должны завершить обучение тактике.

Неправильно также, что советы полагают, что мы намерены создавать армию оборонительного характера. За этим опять же стоит лишь политический мотив – нежелание иметь какие-либо формирования в Подкарпатской Руси, поэтому они передислоцировали резервный полк в Гуменне, само собой разумеется, к корпусу, поскольку эта часть территории еще не была передана в управление правительственной делегации или [чехословацкому] командованию на освобожденной территории.

Однако, бесспорно, что Советы предпочли бы, чтобы командующим всех вооруженных сил был известный им военный деятель. (Возможно, политики хотели бы доверить все Свободе)

Но последнее решение верховного главнокомандующего Красной Армии о том, что бригады корпуса не могут преобразовываться в диви-

зии, что командующий корпусом не может вмешиваться в дела авиационной дивизии (которая будет подчинена прямо главному командованию), не свидетельствует о том, что Советы не хотели бы создавать в тылу новые части, не подчиняющиеся Свободе.

Верховный главнокомандующий также не согласился, чтобы Свобода был в правительственной делегации. («Пусть, дескать, командует своим корпусом».) Не считает это необходимым.

Это мое мнение о целой ситуации. Я убежден, что как только наступит ясность в подкарпато-русском вопросе, все наладится. [...]

Ген. Пика.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 209. S. 430–432.

№ 58

Из инструкции президента Чехословакии Э. Бенеша чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу относительно Подкарпатской Руси и переезда правительства на освобожденную территорию

4 января 1945 г.,
Лондон

1) Ваша телеграмма от 29 декабря номер 522 меня весьма удивила. Вы говорите, что из соображений престижа государства и дальнейшего внешнеполитического и внутреннего развития республики правительство должно пойти на формальное доведение до сведения Советского Союза, что готово выполнить просьбу об отделении Подкарпатья и вести переговоры об этом. Вы говорите, что правительство должно принять решение немедленно. Я не согласен с этим предложением.

2) [...] Исходя из телеграмм Фирлингера, я считал вопрос об отложении решения вопроса о государственно-правовом положении [Подкарпатья] согласованным, поскольку это ясно вытекает из них. Здесь нам Чичаев это также подтвердил. Впрочем, сделать то, что Вы предлагаете, ни правительство, ни президент не имеют права, как я уже однажды говорил Фирлингеру. Мы можем констатировать, что не можем осуществлять суверенные права в Подкарпатья, но мы не имеем права так просто от него отказываться. Это не враждебная по отношению к СССР позиция, и, как видно из ответов Зорина, Вышинского и Молотова, советское правительство само это хорошо понимает.

3) Вы говорите, что дело СССР решить, способствует ли решение этого вопроса уже сегодня возникновению международных трудностей или не способствует. *Это не так.* ЧСР также имеет право и *обязанность* проанализировать, не возникнут ли для нее в связи с этим международные осложнения. Факт, что это для *обоих* создало бы международные трудности, причем для ЧСР несравнимо большие, чем для СССР. Для нас это был бы плохой прецедент, и поляки, немцы и венгры немедленно использовали бы это против нас. На международном престиже ЧСР, отношении к нему всего остального мира это также сказало бы плохо; весь мир усмотрел бы в этом просто крах нашей политики в отношении Советского Союза, и все враги СССР и наши недруги воспользовались бы этим в наибольшей мере. Поэтому мы не имеем права это недооценивать и, если просим отложить, то это и в интересах СССР, и просим тем самым одновременно, чтобы СССР в этом вопросе учитывал и *наши* трудности.

Напротив, мы не станем создавать для СССР каких-нибудь особых трудностей в вопросе Подкарпатья. Если мы не сможем соглашение от 8 мая осуществить, то констатируем это и останемся пассивными. Мы не будем противиться тому, чтобы делегация переехала в Словакию. Если СССР предложит дополнить соглашение от 8 мая, мы охотно это обсудим и увидим, о чем можно будет в этих вопросах по-новому договориться. Но я считал бы фундаментальной дипломатической и психологической ошибкой действовать так, как Вы предлагаете. При этом Вам известны мои взгляды на все эти вещи, которые я высказывал задолго до того, как этот вопрос вообще сегодня возник. По моему мнению, то, что Вы предлагаете, не является, как следует из Ваших слов, «смелым решением», которым можно многого добиться, а моя точка зрения не является ни «отсутствием решимости», ни «колебанием», а желанием выполнять договоры и соглашения. И главное, тем самым ставится и вопрос о границах Подкарпатья со Словакией, который весьма деликатен и по которому между нами должна быть заранее ясность.

4) Я настаиваю, таким образом, на том, что я Вам и Фирлингеру сказал в последней депеше: я считаю этот вопрос временно отложенным и предполагаю, что на моем и правительства пути на освобожденную территорию можно будет уточнить эти вещи прямо в Москве.

Если Вы вернетесь опять в Хуст и не сможете вместе с делегацией действовать в соответствии с соглашением и полученными Вами инструкциями, ограничьтесь пока внутренней работой, как я Вам уже указывал, а в остальном будьте пассивны. Как только получите возможность, переезжайте по согласованию со СНС в Словакию. Когда же мы приедем в Москву, то сделаем все, что можно будет сделать. Я прошу

не отступать от принципов соглашения и придерживаться выше указанных действий. [...]

Бенеш
Рипка

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 211. S. 435–437.

№ 59

**Из записи государственного министра
чехословацкого правительства Г. Рипки
о беседе с американским дипломатом J. Bruinsem**

10 января 1945 г.,
Лондон

Во время сегодняшнего обеда с господином Bruinsem я рассказал ему подробно о событиях в Подкарпатской Руси, а также о результатах наших дипломатических бесед и переговоров с советским правительством по этому вопросу. При этом я особо подчеркнул, что мы считались с тем, что в Подкарпатской Украине тоже неизбежно возникнет украинское национальное движение и уже с самого начала этой войны вообще было ясно, что даст о себе знать украинский национализм, что украинцы используют эту войну для того, чтобы достичь своего национального единства в рамках советской Украины. Нас не удивило также то, что это движение возникло тоже в Подкарпатье вскоре после его освобождения. Однако, мы не могли знать, как оно будет развиваться. Из-за этого неизбежно возникали более или менее серьезные недоразумения в самой стране, и там сложилась очень неприятная ситуация для нашего правительственного делегата и всей его политической, гражданской и военной администрации. Поэтому мы хотели, чтобы министр Немец поехал в Москву, чтобы сделал для нас подробное сообщение и чтобы все было обсуждено с советским правительством. Результатом этих переговоров является то, что оба правительства придерживаются в принципе соглашения и что готовы вести переговоры о Подкарпатской Украине позднее, в подходящий момент, и так, чтобы все это укрепило чехословацко-советские союзнические отношения. Между чехословацким и советским правительствами нет и не будет никакого конфликта. Наконец, всеми своими действиями мы стремимся к тому, чтобы этот вопрос никак не осложнил взаимоотношения между велики-

ми державами. Во всяком случае мы стремимся к тому, чтобы, насколько это в наших силах, по нашей вине не произошло конфликта ни между нами и Советским Союзом, ни между великими державами. Само собой разумеется, мы придерживаемся договоров, реализуя те права и обязанности, которые из них для нас вытекают. Мы понимаем, что эта война вызывает повсюду огромные потрясения и создает совершенно неординарные ситуации, поэтому мы не можем реагировать на все лишь с формально юридической точки зрения. Однако политически мы точно придерживаемся договоров как важного инструмента защиты своих интересов. В качестве одной из иллюстраций неординарной и достаточно запутанной ситуации в Подкарпатской Украине я обратил внимание Bruinsem, на то, что между тем, как в Подкарпатской Украине добровольцы вступают в украинскую советскую армию, в то же время подкарпатские украинцы служат в чехословацком армейском корпусе, который дислоцируется где-то в восточной Словакии.

Bruinsem поблагодарил меня за откровенное изложение, сам подчеркивал, что невозможно во всех этих новых ситуациях придерживаться лишь законных оснований, как это обычно делается на Западе, и буквально поздравил меня с весьма разумными, взвешенными и твердыми позициями, которые, как он видит из моего изложения, мы в этом вопросе отстаиваем. [...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 216. S. 444–445.

№ 60

Из циркулярной инструкции государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки по вопросу Подкарпатской Руси, направленной чехословацким дипломатическим представительствам в Вашингтоне, Нью-Йорке, Париже, Анкаре, Риме, Женеве и Стокгольме

12 января 1945 г.,
Лондон

Секретно для Вашей личной информации сообщаю о подкарпатских вопросах следующее:

1) Вскоре после прибытия правительственного делегата в Подкарпатье там начала развертываться агитация за присоединение этой области

к советской Украине. Движение явно было плодом советского украинского национализма, возглавлялось местными коммунистами, к которым быстро присоединились местные коллаборационисты, сторонники Броди и Фенцика (чтобы таким образом спастись), и поддерживалось также некоторыми советскими украинскими офицерами. Началась также агитация за вступление в Красную Армию. Все это мешало правительственному делегату решать задачи, которые перед ним были поставлены, а также препятствовало проведению мобилизации в чехословацкую армию. 26 ноября украинская народная рада в Мукачево высказалась за присоединение к советской Украине и потребовала, чтобы правительственный делегат вместе с делегацией оставили страну. Однако правительственный делегат вместе с политическими советниками, чиновниками и военными стоял на позиции, что он должен остаться на месте, чтобы выполнять задачи, которые вытекают из соглашения от 8 мая 1944 г. между чехословацким правительством и советским главным командованием об управлении освобожденной территорией. Для выяснения вопросов Немец вместе с коммунистическим депутатом Вало, который является одним из политических советников, выехали в Москву; прочие члены правительственной делегации, в том числе пан Гала, генерал Нижборский и другие чиновники и военные, остались и далее в Хусте. Одновременно вместе с ними там находятся некоторые члены Словацкого национального совета, например, Шробар, Шолтес и др.

2) Министр Немец и посол Фирлингер вместе с советниками затем вели переговоры в Москве и 26 декабря имели беседу с Вышинским, а 27 декабря с Молотовым. Присутствовали также Вало, Петрушак (член Государственного совета от компартии, украинец, который был назначен также политическим советником правительственного делегата), члены Словацкого национального совета Урсини и Новомеский и подполковник Весел.

3) Результатом этих бесед, а особенно также демаршей президента Бенеша и моих демаршей, с одной стороны, здесь, в Лондоне советскому посольству, с другой, инструкций, направленных в Москву Фирлингеру и Немецу, является следующее:

а) О государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Украины будут вестись переговоры позднее, в подходящий момент, между советским и чехословацким правительствами. Сегодня время для этого не подходящее, из-за этого могли бы возникнуть серьезные международные трудности как для чехословацкого, так и для советского правительств.

б) Чехословацкое и советское правительства придерживаются союзнического договора и соглашения от 8 мая.

в) Если правительственный делегат не сможет выполнять административные задачи, вытекающие из соглашения от 8 мая, он будет вести себя пассивно, так, чтобы не возникли конфликты с местными подкарпатскими или советскими военными органами, которые там существуют. Как только это будет возможно, правительственный делегат со своим политическим, чиновничьим и военным штабом переедет вместе с членами Словацкого национального совета на освобожденную словацкую территорию, чтобы там в согласии и сотрудничестве со Словацким национальным советом выполнять свои обязанности.

г) Молотов и до этого Вышинский высказали мнение, чтобы было лучше, если бы президент республики и правительство как можно скорее переехали на освобожденную территорию. Президент и правительство приветствовали это дружественное предложение и немедленно сообщили, что как можно раньше поедут из Лондона через Москву в освобожденную Словакию.

4) Движение в Подкарпатье явно связано с общим национальным движением украинцев, которые хотят быть национально объединены в одном государстве, в советской Украине. Мы считались с тем, что это неотвратимо проявится в Подкарпатье. Такое движение существовало уже до 1938 г. Поэтому мы намеренно оставляли вопрос о Подкарпатье открытым для окончательного обсуждения с Москвой, подчеркивая для всего остального мира восстановление границ домюнхенской республики. В этом смысле мы подписали также известные договоры с СССР. Поэтому неприятно, что движение развернулось уже теперь, что оно поддерживается украинскими военными деятелями и что украинскими националистами проводится без учета данных международных политических потребностей [не только] Чехословакии, но и СССР. Согласно полученным нами сообщениям, у нас существует мнение, что все это было неприятно и советскому правительству; оно само нам показывает это явно, хотя и утверждает, что для него очень трудно самому решительно выступить против этой *украинской* акции. К этим его внутренним трудностям прибавлялась определенно необходимость учета того, что и в восточной Галиции в полной мере осуществляются национальные украинские претензии. Представляется, что, если бы между союзниками был уже ясно урегулирован польский вопрос и если бы у Советов не складывалось впечатление, что в Англии и США существуют еще постоянные колебания в вопросе безусловного признания с их стороны предложенной советско-польской границы, движение в Подкарпатье можно было бы легко «направлять».

Наши действия в этой неприятной обстановке следующие:

Мы утверждаем, что из-за Подкарпатья не может и не должен воз-

никнуть конфликт между нами и Советами. Этот вопрос мы определенно между собой спокойно и мирно разрешим.

Однако, как по принципиальным мотивам (ни президент, ни правительство в изгнании не имеют на это право), так и по международно-политическим соображениям (учет реакции западных держав), мы не считаем своевременным сегодня вести переговоры об изменении государственно-правовой принадлежности Подкарпатя. Для этого у нас еще есть другой, очень важный довод: с момента Мюнхена мы настаивали на том, что сначала должна быть восстановлена Чехословакия в домюнхенском статусе и что вопрос об окончательном установлении границ следует обсуждать после войны на мирной конференции. На этой принципиальной точке зрения мы должны и сегодня по-прежнему настаивать. Иначе мы могли бы поставить под угрозу переговоры о границах с Германией и Венгрией. Эта позиция не противоречит позициям советского правительства, которое несколько раз заявляло буквально о признании домюнхенского статуса Чехословакии. (Когда советские войска вступили на территорию Подкарпатской Руси, в советских официальных коммюнике также всегда говорилось, что они находятся «в ЧСР»)

5) Мы изложили с дружеской откровенностью и лояльностью советскому правительству свою точку зрения и действия и полагаем, что советское правительство их понимает и что будет поступать так, чтобы не возникли более серьезные международные осложнения. Мы ожидаем, что все будет спокойно решено, когда президент Бенеш, следуя на родину через Москву, будет иметь политические беседы с советскими государственными деятелями. [...]

7) [...] Сами по собственной инициативе по вопросу ни с кем не говорите и остерегайтесь особенно того, чтобы что-то стало известно общественности. Если у Вас будут настойчиво спрашивать, отвечайте примерно так: а) в Подкарпатье естественно можно было ожидать развития украинского национального движения, это естественное явление; б) из-за этого нет и не будет спора между ЧСР и СССР. Нет сомнений, что и по этому вопросу мы дружески и в подходящий момент договоримся; в) чехословацкое и советское правительства придерживаются договора и соглашения и возникающие по некоторым вопросам трудности стараются по-дружески решить. Мы должны понять, что длительная война всюду вызвала много политических и психологических потрясений.

Рипка

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 219. S. 451–453.

№ 61

Письмо председателя Совета Народных Комиссаров СССР
И.В. Сталина президенту Чехословакии Э. Бенешу

23 января 1945 г.,
Москва

Уважаемый президент господин Бенеш!

Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами.

Должен Вам сказать, что если у Вас создано такое предположение, то это основано на недоразумении.

Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства.

Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решить. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны, когда это найдут целесообразным оба правительства.

Прошу верить, что у Советского правительства нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой Республики и ее престижу. Наоборот, Советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле ее освобождения и восстановления.

С уважением

И. Сталин

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 241. С. 277.

№ 62

Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым24 января 1945 г.,
Москва

а) Молотов меня сегодня пригласил в Кремль, сообщил мне содержание письма, которое назвал «посланием» и которое Чичаев передаст Вам. Это будет, видимо, сделано посредством каблогаммы, поэтому содержание здесь не передаю. Молотов сказал, что допускает, что в Подкарпатье советскими людьми были допущены ошибки, но было бы несправедливо обвинять советское правительство или органы в том, что они пытаются отторгнуть его от ЧСР. Для советского правительства действительным является лишь международный договор, который оно будет выполнять во что бы то ни стало, и от нас зависит решение наших внутренних вопросов, как посчитаем нужным. Из действий Сталина ясно, что советское правительство чувствует себя оскорбленным подозрением, которое проявляется в этом вопросе со стороны некоторых чехословацких кругов, о чем Москве, конечно, известно из разных источников. О беседе Готвальда со Сталиным и Молотовым я узнал от Готвальда только перед тем, как поехал в Кремль. Я думаю, что Готвальд меня подробно проинформирует о своем ходатайстве, о чем я сразу же Вам сообщу. Впрочем, я полагаю, что письмо Сталина поможет Вам противостоять возможным нападкам на нашу дружественную политику в отношении СССР. Таким образом, в этом есть и своя хорошая сторона, хотя это свидетельствует об определенной напряженности, существующей между нами и Кремлем. Я спросил, может ли быть письмо использовано открыто. Молотов сказал, что да, это, напротив, будет хорошо. [...]

Фирлингер.

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1943–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 230. S. 472.

№ 63

Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе руководителя Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальда с председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым

25 января 1945 г.,
Москва

Вчера меня посетил Готвальд, чтобы информировать меня о своей беседе со Сталиным и Молотовым вечером 23 января.

а) Молотов пригласил Готвальда для разговора, который потом проходил в присутствии Сталина, поскольку оба хотят быть лучше информированы о событиях в Подкарпатской Украине, и особенно о том, как они воспринимаются чехословацкой стороной. Настойчивость, которую проявляет Немец в вопросе о немедленном переезде на словацкую территорию, создает впечатление, что на него оказывается давление. Сталин спрашивает, не делается ли это со стороны украинцев. Он мог убедиться, что действительно с этой стороны имели место многие непристойности. Там, дескать, в этом отношении было очень много старательных людей, и они буду призваны к ответственности. Готвальд рассказал ему о так наз. ультиматуме мукачевского земского комитета, о чем Сталин не знал. Далее Готвальд упомянул о том, какое влияние эти вещи оказывают в Лондоне, после чего Сталин в его присутствии продиктовал письмо, которое Вам послал. Сталин обещал позаботиться о том, чтобы делегация могла как можно скорее переехать на словацкую территорию. Командование фронта имеет теперь точные инструкции о дальнейших действиях. Никакого набора добровольцев не должно быть. Относительно радиосвязи Немца он изложил трудности военного управления, которое не может одобрить свободную работу радиостанции в такой близости от театра военных действий. У фронта существуют трудные проблемы организации тыла в период, когда на целом фронте от Балтики до Дравы идут тяжелые бои, о которых на Западе не имеют понятия. Немцы будут защищать подходы к чешским землям и подготовили оборонительные позиции, особенно в долине Вага и так наз. Моравских ворот. Немцы полны решимости сражаться и продержаться в течение весны, поскольку все еще надеются на конфликт между великими державами. Красную Армию ожидают здесь огромные задачи. Мы должны это учитывать; поэтому также создание в настоящих условиях какой-то абсолютно свободной зоны в

ближайшем тылу, где могли бы существовать различные иностранные органы, которые можно с трудом контролировать, является очень деликатной проблемой. Какая-либо легкомысленность в этом отношении может иметь тяжелые последствия. [...]

Фирлингер

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1939 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 231. S. 474–475.

№ 64

**Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша
председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталину**

29 января 1945 г.,
Лондон

Уважаемый господин Председатель Совета Народных Комиссаров. Я получил Ваше личное послание от 23 января и искренне благодарю Вас за это послание.

Особенно благодарю Вас за то, что Вы так ясно и точно сформулировали свою точку зрения, дав тем самым возможность и мне, со своей стороны столь же ясно сформулировать свою точку зрения. Это отвечает искренне дружеским отношениям между нашими странами и народами.

Подтверждаю Вам, что в связи с событиями в Закарпатской Украине в некоторых наших кругах действительно возникло беспокойство. Это явилось результатом событий чисто местного характера и следствием участия в них чисто местных деятелей. К этому присоединились некоторые заявления киевской радиостанции, которые злонамеренно использовали противники Советского Союза и Чехословакии в международной печати. Но я заверяю Вас, господин председатель, самым решительным образом, что ни я лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что Советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими государствами. Я хорошо знаю принципы политики Советского Союза и знаю, что это совершенно исключено. Прошу Вас полностью верить этим моим словам.

Далее, я совершенно согласен с Вами в том, чтобы этот вопрос был решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом, «когда это найдут целесообразным оба правительства», как Вы сами это формулируете в своем послании.

Мы желали бы, чтобы это произошло по окончании войны с Германией, т.е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнкенских границ с Германией и с Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге.

К этому я хотел бы добавить лишь два замечания:

1) Я не менял своей точки зрения в этом вопросе с того момента, когда я впервые говорил об этом с вашим посланцем И. Майским в Лондоне в сентябре 1939 г. и не изменю ее в будущем. В этом же смысле я буду формулировать свою точку зрения и в Праге.

2) Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим прийти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами.

В конце Вашего послания Вы сообщаете мне, что у Советского правительства не только нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой республики, но даже наоборот Советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле ее освобождения и восстановления. Я искренне благодарен Вам за эти слова. И мне хотелось бы подчеркнуть, что эти слова Советский Союз уже в течение ряда месяцев претворяет в действительность огромными и достойными удивления действиями своей Красной Армии, а также политической поддержкой, которая всегда охотно оказывалась нам в различных важных случаях (как, например, недавно во время переговоров о перемирии с Венгрией). Чехословацкий народ хорошо знает это. Позвольте мне, господин Председатель, подчеркнуть по этому случаю, что нет другого государства и народа, которые ценили бы это более, чем ценит чехословацкий народ; нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика.

С полным уважением

д-р Эдуард Бенеш

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений». Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. № 250. С. 287–288.

№ 65

Из записи переговоров президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и Посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым, заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинским и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным

21 марта 1945 г.,
Москва

Запись

О совещании в Кремле 21 марта 1945 г.

С советской стороны присутствуют: комиссар Молотов, заместитель комиссара Вышинский, посол Зорин.

С чехословацкой стороны присутствуют: президент д-р Бенеш, министр Масарик, посол Фирлингер.

Дискуссия ведется на основании программы, предложенной чехословацкой стороной.

Президент Бенеш предложил начать дискуссию с общего обмена мнениями. К отдельным пунктам программы можно будет вернуться позднее. Комиссар Молотов согласился.

1. Вопрос о границах.

Президент кратко объяснил, в каком состоянии находится дискуссия с англичанами относительно домюнхенских границ Чехословакии. Перед своим отъездом из Англии президент просил англичан, чтобы они письменно сформулировали свою точку зрения. Как известно, в свое время, т.е. 2 августа 1942 г., англичане заявили, что считают мюнхенский договор недействительным, но резервировали свою позицию, что касается границ. Теперь в своем письменном заявлении они сделали шаг вперед. Они сказали, что в принципе домюнхенские границы признают и что в момент, когда Германия капитулирует, согласятся с тем, чтобы политическое управление было передано чехословацким органам на чехословацкой территории в пределах границ, которые существовали на 31 декабря 1937 г. Окончательное признание этих границ Чехословакия получит при подписании договора на мирной конференции. Пока вопрос останется в компетенции европейской консультативной комиссии. Президент буквально подчеркнул, что все это относится и к нашим границам с Польшей.

Молотов выразил желание, чтобы текст соответствующего письма Форин Оффис был ему передан. [...]

3. Карпатская Украина.

Президент заявил, что будет говорить о деле искренне. В 1918 г. с чехословацкой стороны не выдвигалось требование о присоединении Карпатской Украины к Чехословакии. Предложение было сделано американской стороной. В США, куда эмигрировала примерно половина всего населения Карпатской Украины, был в этом смысле проведен некий плебисцит. Тогда восточная Галиция не была советской, и поэтому Карпатская Украина была практически отделена от советской Украины. Чтобы она не досталась Венгрии, ее следовало присоединить к Чехословакии. Прага расценивала присоединение Карпатской Украины к ЧСР как некий мандат и никогда не рассматривала вопрос о Карпатской Украине как окончательно решенный. Только теперь были созданы предпосылки для окончательного решения этого вопроса, как это имеет в виду и письмо Сталина. Вопрос о Карпатской Украине будет решен между ЧСР и СССР в дружественном духе в момент, когда чехословацкие границы с Германией, Польшей и Венгрией будут обеспечены. Этот момент может наступить, как только президент придет в Прагу и как только начнет работать Национальное собрание. Президент не думает, что сам имеет право решить этот вопрос. Однако нет опасности, что чехословацкий народ будет против отделения Карпатской Украины. Президент далее отмечает, что экономика Карпатской Украины была всегда пассивна и что туда нами было сделано много капиталовложений. Поэтому он был бы рад, если бы в подходящий момент был подготовлен договор о том, как будет осуществлена передача Карпатской Украины. Правда, на словацкой территории живет часть украинского населения, как и на территории Карпатской Украины находится определенная часть словаков. Вероятно, можно было бы произвести обмен населения, если в этом будет нужда, причем теперешние границы между Словакией и Карпатской Украиной не были бы затронуты.

Фирлингер замечает, что словаки очень заинтересованы в том, чтобы прежние границы между Словакией и Карпатской Украиной не были затронуты, и чтобы в этом плане между словаками и украинцами не было никаких споров.

Молотов весьма ясно и определенно заявляет, что само собой разумеется границы останутся старые. [...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 248. S. 505–507.

Из записи министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика о беседе с руководителем Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальдом о чехословацкой внешней политике и чехословацко-советских отношениях

21 марта 1945 г.,
Москва.

[...] Далее Готвальд говорил о Подкарпатской Руси. Сказал, что хорошо было бы, чтобы мы уже теперь, здесь в Москве, во время бесед с маршалом Сталиным и Молотовым весь вопрос решили и покончили с этим. Подкарпатская Русь, как хочет, как того желает и требует большинство населения, должна быть присоединена к Советскому Союзу, и это был бы жест, который бы вызвал уважение Кремля, и, конечно же, таким образом многие трудности, и как после меня Готвальд повторил, некоторая задержка необходимых шагов со стороны Советов прекратилась бы, и ситуация существенно улучшилась бы. Я объяснил Готвальду свою точку зрения, заключающуюся в том, что я уже неоднократно публично заявлял, что до конца войны не признаю других границ ЧСР, чем те, которые существовали в 1938 г. до Мюнхена, и что думаю, что, учитывая общую ситуацию и после договоренностей на ялтинской конференции и т.д., этот шаг был бы истолкован неприятным для Советов образом. Далее я высказал свое убеждение, что для Советов это определенно неважно, а для нас в данной ситуации должно быть важно.

У меня впечатление, что Готвальд это понял, хотя не согласился и не согласится с этим, что стало ясно из того, что несколько раз возвращался к вопросу о Подкарпатской Руси.

Готвальд совершенно открыто указывал на разговор о Подкарпатской Руси, который имел со Сталиным президент Бенеш во время своего первого визита. [...]

Готвальд продолжал, что теперь мы должны внешнею политику полностью и без исключений приспособить к советской политике, и заметил, что не уверен, что я эту ситуацию понимаю. Я заверил его, что не только понимаю, но и сам давно и глубоко в этом убежден, что так должно быть, что теперь, именно с визита Бенеша в Москву начинается новый период в нашей истории, что самое тесное сотрудничество с Советами во внешнеполитической области должно стать нашим неизменным и постоянным фундаментом в будущем. [...]

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických

jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 249. S. 514.

№ 67

Запись беседы президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным о Подкарпатской Руси

23 марта 1945 г.,
Москва

Запись

о встрече, состоявшейся в субботу 23 марта 1945 г. в Кремле (по инициативе комиссара Молотова)

Присутствуют с советской стороны: комиссар Молотов, посол Зорин, с чехословацкой стороны: президент Бенеш, министр Ян Масарик, посол Фирлингер.

Молотов начал переговоры замечанием, что возвращается к вопросу о Карпатской Украине. Он говорил об этом с маршалом Сталиным и другими советскими деятелями, и перед всеми возникает вопрос, что сказать об этом Верховному Совету СССР. Молотов далее констатирует, что в письме президента Бенеша маршалу Сталину от 29 января 1945 г. говорится, что «президент не менял своей точки зрения в этом вопросе с того момента, когда впервые говорил об этом с советским послом Иваном Майским в Лондоне в сентябре 1939 г., и не изменит ее в будущем. В этом же смысле он будет формулировать свою точку зрения в Праге».

Майский* хотел бы, чтобы президент объяснил более подробно свою точку зрения. У него с собой сообщения его послов в Лондоне, и, прежде всего, сообщение о беседе Майского с президентом 23 октября 1939 г., сообщение о более поздней беседе 31 августа 1941 г., другие сообщения о беседах Богомолова с президентом 15 ноября 1941 г., 7 февраля 1942 г. и 9 марта 1942 г. Особенно сообщение о беседе с Майским 23 октября 1939 г., на которую ссылается президент, фиксирует точку зрения президента: учитывая, что восточная часть Польши принадлежит советскому государству, естественно, что Карпатская Укра-

* Правильно – Молотов.

ина тоже должна была бы отойти к СССР, в результате чего Чехословакия получила бы общую границу с Советским Союзом. Главным желанием президента является то, чтобы Чехословакия опять была освобождена от нацистского ярма, а все остальное для него вещи второстепенные.

На эти замечания Молотова президент отвечает, что у него нет под рукой его записей, и он не может, таким образом, точно восстановить свой тогдашний разговор с послом Майским, но может только заявить, что всегда в отношениях с советскими представителями подчеркивал, что считает присоединение Карпатской Украины к Советскому Союзу естественным и что сегодня, когда вопрос стал актуальным, можно договориться о процедуре. Комиссар Молотов отвечает, что передачу не требуется осуществить уже сегодня, но он был бы рад, если бы мог получить от президента заявление для Верховного совета, конечно, если президент с этим согласится. Поскольку президент уже с 1939 г. говорил одно и то же, его точка зрения, изложенная в беседе с Майским, не является случайностью. Речь идет о точно определенной и последовательно отстаиваемой точке зрения.

Президент Бенеш отвечает, что придерживается этой точки зрения. Смысл его заявлений ясен, и в письме маршалу Сталину он также этой точки зрения придерживался, когда говорил, что в этом смысле будет формулировать свою позицию в Праге и что на мирную конференцию хочет прийти, имея уже вопрос о Карпатской Украине разрешенным в полной дружбе с СССР. Президент подробнее излагает историю того, почему Карпатская Украина в 1918 г. была присоединена к Чехословакии. Это произошло, чтобы Карпатская Украина не досталась Венгрии, поскольку тогда восточная Галиция оставалась вне границ советской Украины.

Фирлингер спрашивает, должно ли быть письмо, которое Молотов просит для Верховного совета, опубликовано, или оно предназначено только для президиума Верховного совета. Молотов отвечает, что письмо будет секретным и что президент может прибегнуть к формулировкам, которые использовал уже в первой беседе с послом Майским. Такое письмо было бы желательным, и президиум Верховного совета будет за это очень благодарен Чехословакии.

Далее президент спрашивает, какими должны быть, по мнению Молотова, границы между Карпатской Украиной, которая бы отошла к Советскому Союзу, и Чехословакией. Молотов показывает на карте сегодняшние границы, отделяющие словацкую территорию от Карпатской Украины, и констатирует весьма ясно и определенно, что с этой точки зрения не может быть никаких недоразумений.

Президент подчеркивает свое желание, чтобы вопрос о Карпатской Украине был решен между Чехословакией и Советами, независимо от других держав, так, чтобы с третьей стороны в это дело не было вмешательства. Президент снова объясняет, почему по стратегическим и политическим соображениям представляется желательным, чтобы территориально Советский Союз вышел за пределы Карпат, то есть, чтобы советская армия стояла уже на нашей стороне Карпат, что для нашей безопасности и спокойствия в центральной Европе очень важно.

Молотов полностью соглашается и подчеркивает, что в период, когда Хорти подготавливал капитуляцию и выслал в Москву свою делегацию (в числе делегатов граф Телеки, Миклош, Сент-Ивани, ген. Фараго), здесь, разумеется, венгры – делают так до сего дня – подчеркивали, что хотят вечно жить в тесной дружбе и союзе с Советским Союзом. Даже говорили о том, что не видят причины, почему бы Венгрия не могла быть присоединена к Советскому Союзу, однако, говорит Молотов, венграм трудно верить. Гитлер узнал о готовившемся путче, и известно, какова была судьба Хорти. Сегодня венгры сплошь и рядом выглядят миролюбиво, и, если у Венгрии и СССР будет общая граница, весьма вероятно, что они смирятся со своей судьбой и что в Дунайской низменности будет спокойно. Президент в связи с этим подчеркнул, что понимает, насколько важны с этой точки зрения стратегическо-географические моменты.

Комиссар Молотов в заключение сказал, что передача Карпатской Украины Советскому Союзу вызовет значительное воодушевление во всей Украине и существенно улучшит взаимоотношения между Чехословакией и СССР. Молотов далее сказал: «Не думаю, что в связи с этим Чехословакия что-то потеряет».

В заключение было договорено, что президент направит письмо комиссару Молотову, в котором бы содержалась ссылка на корреспонденцию между президентом и маршалом Сталиным в том смысле, как уже указано.

Фирлингер

Перевод с чешского языка.

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 253. S. 520–522.

№ 68

**Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша
народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову о
государственно-правовой принадлежности Закарпатской Украины**

26 марта 1945 г.,
Москва

Господин народный комиссар,
в беседе 24 марта Вы обратили мое внимание на то, что Вам было бы приятно иметь для президиума Верховного совета в качестве дополнения к моему письму маршалу Сталину о Закарпатской Украине от 24 января 1945 г. письмо, в котором я подчеркнул бы примерно то же самое, что я неоднократно при разных обстоятельствах говорил Вашим послан в Лондоне. Я рад исполнить Вашу просьбу и снова повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Украинской советской социалистической республики. Это изменение было бы осуществлено в границах, которые существовали между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике и в соответствии с содержанием моего ответа маршалу Сталину, т.е. только между нашими двумя государствами и в момент, когда можно будет по этому вопросу договориться с нашими политическими деятелями в Праге.

С искренним почтением*

Опубликовано в: «Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943 – březen 1945». Praha, 1999. Dok. N 258. S. 526.

№ 69

**Договор между Союзом Советских Социалистических Республик
и Чехословацкой республикой о Закарпатской Украине**

29 июня 1945 г.,
Москва

Президиум Верховного Совета Союза ССР и Президент Чехословацкой Республики, преисполненные желанием, чтобы народы Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республики жили в вечной искренней дружбе и чтобы им, во взаимном тесном сотрудничестве, была обеспечена счастливая будущность, решили с этой целью заключить Договор и назначили своими уполномоченными:

* Документ не подписан.

Президиум Верховного Совета СССР – Вячеслава Михайловича Молотова, Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных Дел Союза ССР;

Президент Чехословацкой Республики – Зденека Фирлингера, Председателя Совета Министров и Владимира Клементиса, – статс-секретаря Министерства Иностранных Дел,

которые, обменявшись своими полномочиями, найденными в должной форме и в полном порядке, согласились о нижеследующем:

Статья 1.

Закарпатская Украина (носящая, согласно Чехословацкой Конституции, название Подкарпатская Русь), которая на основании Договора от 10-го сентября 1919 года, заключенного в Сен-Жермен ан Лэ, вошла в качестве автономной единицы в рамки Чехословацкой Республики, воссоединяется, в согласии с желанием, проявленным населением Закарпатской Украины, и на основании дружественного соглашения обеих Высоких Договаривающихся Сторон, со своей издавней родиной – Украиной и включается в состав Украинской Советской Социалистической Республики.

Границы между Словакией и Закарпатской Украиной, существовавшие ко дню 29 сентября 1938 года, становятся, с внесенными изменениями, границами между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Республикой согласно прилагаемой карте.

Статья 2.

Этот Договор подлежит утверждению Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкого Национального Собрания.

Обмен ратификационными грамотами будет произведен в Праге.

Настоящий договор составлен в Москве, в трех экземплярах, каждый на русском, украинском и словацком языках. При толковании все три текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик В. Молотов

По уполномочию Президента Чехословацкой Республики
Зд. Фирлингер В. Клементис

Опубликовано в: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5». М., 1988. Док. № 46. С. 78–79.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

1. Из проекта меморандума президента Чехословакии Э. Бенеша «Чехословацкие цели на период мира», подготовленного для правительства Великобритании. 1 февраля 1941 г.
2. Сообщение посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о чехословацких гражданах из Подкарпатской Руси, находящихся в СССР. 9 сентября 1942 г.
3. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о чехословацких гражданах из Подкарпатской Руси, находящихся в СССР. 30 ноября 1942 г.
4. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. 14 апреля 1944 г.
5. Из директивы Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову и командующему войсками 1-го Украинского фронта маршалу И.С. Коневу. 31 октября 1944 г.
6. Из письма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командованию 4-го Украинского фронта. 5 ноября 1944 г.
7. Из записи о переговорах чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца и генерала А. Гасала-Нижборского с командующим войсками 4-го Украинского фронта генералом армии И.Е. Петровым и членом Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковником Л.З. Мехлисом. 5 ноября 1944 г.
8. Из письма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 9 ноября 1944 г.
9. Из записи беседы государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедевым. 14 ноября 1944 г.
10. Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру, начальнику Чехословацкой военной миссии в СССР генералу Г. Пике, чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу, генералу А. Гасалу в связи с набором чехословацких граждан в Подкарпатской Руси в Красную Армию. 15 ноября 1944 г.
11. Делегация чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца в Лондон. 16 ноября 1944 г.
12. Письмо чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 16 ноября 1944 г.

13. Деша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 17 ноября 1944 г.
14. Деша командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу. 17 ноября 1944 г.
15. Деша чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 18 ноября 1944 г.
16. Телеграфное сообщение начальника Чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пики министру обороны чехословацкого правительства С. Ингру и министру иностранных дел чехословацкого правительства Я. Масарику о наборе чехословацких граждан на освобожденной территории Подкарпатской Руси в Красную Армию. 18 ноября 1944 г.
17. Телеграмма командующего 4-ым Украинским фронтом генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу. 19 ноября 1944 г.
18. Письмо офицера по политической работе 1-го чехословацкого армейского корпуса Я. Прохазки на имя руководителя Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальда. 19 ноября 1944 г.
19. Проект ответа руководителя Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальда офицеру по политической работе 1-го чехословацкого армейского корпуса Я. Прохазке по вопросу о присоединении Закарпатской Украины к СССР. 21 ноября 1944 г.
20. Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу. 21 ноября 1944 г.
21. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 21 ноября 1944 г.
22. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 21 ноября 1944 г.
23. Письмо чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца члену Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковнику Л.З. Мехлису. 22 ноября 1944 г.
24. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с заведующим 4-м европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориним. 23 ноября 1944 г.
25. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве. 23 ноября 1944 г.

26. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца члену Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковнику Л.З. Мехлису. 23 ноября 1944 г.
27. Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова и члена Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковника Л.З. Мехлиса чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу. 23 ноября 1944 г.
28. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову. 26 ноября 1944 г.
29. Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру по вопросу набора добровольцев в Красную Армию на освобожденной территории Подкарпатской Руси. 25 ноября 1944 г.
30. Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова и члена Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковника Л.З. Мехлиса чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу и генералу А. Гасалу-Ницборскому. 26 ноября 1944 г.
31. Манифест первого съезда национальных комитетов Закарпатской Украины. 26 ноября 1944г., Мукачево.
32. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве. 28 ноября 1944 г.
33. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца командующему войсками 4-го Украинского фронта генералу армии И.Е. Петрову и члену Военного совета 4-го Украинского фронта генерал-полковнику Л.З. Мехлису. 28 ноября 1944 г.
34. Письмо Народной Рады Закарпатской Украины чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики и о выдворении правительственной делегации с территории Закарпатской Украины. 30 ноября 1944 г. Мукачево.
35. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве. 1 декабря 1944 г.
36. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца чехословацкому посольству в Москве. 1 декабря 1944 г.
37. Телеграмма государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру о наборе чехословацких граждан на освобожденной территории Подкарпатской Руси в Красную Армию и об агитации за присоединение Подкарпатской Руси к СССР. 5 декабря 1944 г.
38. Постановление Народной Рады Закарпатской Украины о прекращении сношений национальных комитетов Закарпатской Украины с Админи-

- страцией правительственного делегата Чехословацкой республики. 5 декабря 1944 г.
39. Письмо Народной Рады Закарпатской Украины президенту Чехословакии Э. Бенешу. 5 декабря 1944 г.
 40. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о ситуации в Подкарпатской Руси. 8 декабря 1944 г.
 41. Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша Чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу, касающаяся ситуации в Подкарпатской Руси. 12 декабря 1944 г.
 42. Сообщение Ф. Немеца о деятельности правительственной делегации в Подкарпатской Руси, переданное послом Чехословакии в СССР З. Фирлингером министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне. 14 декабря 1944 г.
 43. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе правительственной делегации с заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным. 14 декабря 1944 г.
 44. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу, касающаяся решения вопроса о ситуации в Подкарпатской Руси. 15 декабря 1944 г.
 45. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным относительно ситуации в Подкарпатской Руси. 16 декабря 1944 г.
 46. Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру и чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу относительно дальнейших действий на освобожденной территории и переговоров с советской стороной. 22 декабря 1944 г.
 47. Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с советником посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне И.А. Чичаевым. 26 декабря 1944 г.
 48. Телеграмма командующего войсками 4-го Украинского фронта генерала армии И.Е. Петрова генералу А. Гасалу. 26 декабря 1944 г., действующая армия.
 49. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе с заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориным. 26 декабря 1944 г.
 50. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца президенту Чехословакии Э. Бенешу о дальнейшей деятельности на освобожденной территории и ситуации в Подкарпатской Руси. 26 декабря 1944 г.

51. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинским. 27 декабря 1944 г.
52. Телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. 28 декабря 1944 г.
53. Дополнительная телеграмма посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера министерству иностранных дел чехословацкого правительства в Лондоне о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. 28 декабря 1944 г.
54. Делегация чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца президенту Чехословакии Э. Бенешу о ситуации в Подкарпатской Руси. 29 декабря 1944 г.
55. Телеграмма чехословацкого правительственного делегата Ф. Немеца и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о переговорах в Москве. 30 декабря 1944 г.
56. Из инструкции президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру в связи с результатами переговоров чехословацкой правительственной делегации в Москве. 30 декабря 1944 г.
57. Из телеграммы начальника Чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пики министерству национальной обороны чехословацкого правительства в Лондоне о ситуации в Подкарпатской Руси и советской позиции в вопросе создания чехословацкой армии. 3 января 1945 г.
58. Из инструкции президента Чехословакии Э. Бенеша чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу относительно Подкарпатской Руси и переезда правительства на освобожденную территорию. 4 января 1945 г.
59. Из записи государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки о беседе с американским дипломатом J. Bruinsem. 10 января 1945 г.
60. Из циркулярной инструкции государственного министра чехословацкого правительства Г. Рипки по вопросу Подкарпатской Руси, направленной чехословацким дипломатическим представительствам в Вашингтоне, Нью-Йорке, Париже, Анкаре, Риме, Женеве и Стокгольме. 12 января 1945 г.
61. Письмо председателя Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталина президенту Чехословакии Э. Бенешу 23 января 1945 г.
62. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. 24 января 1945 г.

63. Из телеграммы посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера президенту Чехословакии Э. Бенешу о беседе руководителя Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальда с председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым. 25 января 1945 г.
64. Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша председателю Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталину. 29 января 1945 г.
65. Из записи переговоров президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым, заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинским и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориним. 21 марта 1945 г.
66. Из записи министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика о беседе с руководителем Заграничного бюро Коммунистической партии Чехословакии в Москве К. Готвальдом о чехословацкой внешней политике и чехословацко-советских отношениях. 21 марта 1945 г.
67. Запись беседы президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В.А. Зориним о Подкарпатской Руси. 23 марта 1945 г.
68. Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша народному комиссару иностранных дел СССР В.М. Молотову о государственно-правовой принадлежности Закарпатской Украины. 26 марта 1945 г.
69. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой республикой о Закарпатской Украине. 29 июня 1945 г.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Александров А. М.* – 1940 г. – заведующий центральноевропейским отделом НКВД СССР. 19
- Александровский С. С.* – 1938–1939 гг. – посол СССР в Чехословакии. 7
- Алексий* – 1944 г. – митрополит Ленинградский и Нижегородский, член священного Синода Русской православной церкви. 89
- Антонов А. И.* – 1944 г. – первый заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии. 190
- Бабидорич М. И.* – 1944 – член ЦК Союза молодежи Закарпатской Украины. 93
- Баранов Л. С.* – 1944 г. – сотрудник ОМИ ЦК ВКП(б). 94, 145
- Беляков Д.* – 1944 г. – протоиерей православной церкви в Подкарпатской Руси. 89
- Белянов А.* – 1944 г. – генерал-майор, заместитель уполномоченного ГКО и СНК СССР по делам иностранных военных формирований на территории СССР. 67, 68, 104, 266
- Бенеш Э.* – 1939–1945 – президент Чехословацкой республики в изгнании. 4, 6, 10, 19–28, 30, 31, 33–41, 46–51, 56, 57, 61, 64, 79, 87, 96, 97, 100, 102–108, 111, 112, 114, 118–120, 124, 126–131, 134–137, 139, 141–146, 148–150, 143, 154, 164, 165, 173, 184, 195, 196, 204, 216, 217, 233, 235, 237, 241, 243, 248, 250, 251, 254, 258, 261, 263, 265, 267, 269, 271, 273–279, 281–283, 285, 285, 287, 289, 293–295, 297, 299
- Богомолов А. Е.* – 1941–1944 гг. – советник посланника, затем посол СССР при союзных правительствах в Лондоне. 27, 28, 35, 41, 142, 282
- Борецкий С.* – 1944 г. – глава ведомства юстиции НРЗУ. 84, 234
- Борканюк О.* – деятель КПЧ в Подкарпатской Руси, политэмигрант в СССР, погиб в 1942 г. на территории ПР. 7, 44, 234
- Борканюк Ц.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член НРЗУ. 84, 96, 98, 99
- Бочек Б.* – чехословацкий генерал, октябрь 1944 г. – командир 1-ой чехословацкой самостоятельной бригады в СССР, 1945 г. – заместитель командира 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР. 113, 246
- Брежнев Л. И.* – 1944–1945 гг. – генерал-майор, начальник политотдела 18-ой армии, начальник политуправления 4-го Украинского фронта. 82
- Броди (Бродий) А.* – 1938 г. – глава первого правительства автономной Подкарпатской Руси. 7, 271
- Булице А.* – 1944 г. – житель Подкарпатской руси, учитель. 81
- Бурцев* – советский генерал, 1944–1945 гг. – начальник VII Управления ГлавПУРККА. 70, 92
- Буянов В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Вайс С.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член НРЗУ. 7, 77, 84, 98, 99, 234, 294, 296

* Указанные годы ограничены рамками Второй мировой войны и описываемых событий.

- Вакула Ю.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77
- Вало Й.* – 1942–1945 гг. – член заграничного руководства КПЧ в Лондоне, член Государственного совета. 50, 51, 87, 108, 110, 114, 122, 210, 237, 239, 240, 251, 253, 254, 260, 262, 271
- Вальков В.А.* – 1942–1945 гг. – советский дипломат, советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне. 29
- Варга П.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77, 99
- Ваш И.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член НРЗУ. 84, 90
- Весел М.* – 1944 г. – майор словацкой армии, член делегации СНС в Лондоне. 114, 253, 271
- Виднянский С.* – украинский историк (Киев). 53, 79, 82, 84, 92, 122
- Виест Р.* – 1944 г., генерал, командующий 1-ой чехословацкой армией в период СНС, пленен немцами, казнен. 50, 51, 245
- Вильсон В.* – 1913–1921 гг. – президент США. 4
- Волошин А.* – 1938–1939 гг., глава второго правительства Подкарпатской Руси. 7, 10, 12, 13, 171
- Врбенский Б.* – член заграничного руководства КПЧ в СССР, 1941–1944 гг. – член чехословацкого Государственного совета в Лондоне. 29, 96, 97
- Вышинский А.Я.* – 1940–1946 гг. – первый заместитель наркома иностранных дел СССР. 17, 33, 51, 61, 111, 114, 115, 117, 118, 120, 150, 163, 164, 243, 251, 253–257, 261, 263, 267, 271, 272, 279, 291, 292
- Гайдош М.* – словацкий историк (Прешов). 53, 79, 82, 84, 92, 122
- Гала Ф.* – 1944–1945 гг. – член чехословацкого Государственного совета в Лондоне, 1944–1945 гг. – политический советник чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории. 50, 51, 104, 112, 113, 147, 157, 263, 271
- Гандера М.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77
- Гаррман В.А.* – 1943–1946 гг. – посол США в СССР. 124
- Гасал А.* (Нижборский) – 1940–1944 гг. – начальник военной канцелярии Э. Бенеша, 1944–1945 гг. – командующий чехословацкими вооруженными силами на освобожденной территории. 40, 51, 63, 64, 66, 68, 71, 102, 103, 105, 112, 113, 122, 156, 191, 195, 202, 203, 205, 217, 228, 245, 246, 249, 252, 264, 287, 289, 290
- Геминдер Б.* – деятель КПЧ, 1943–1945 гг. – руководитель НИИ № 205 при ОМИ ЦК ВКП(б). 149, 152–154
- Гендерсон В.* – 1938–1939 гг. – посол Великобритании в Германии. 8
- Гитлер А.* – 1921–1945 гг. – фюрер НСПГ, 1933–1945 гг. – рейхсканцлер Германии. 613, 16, 171, 284
- Глуханич В.* – житель Подкарпатской Руси, агроном. 82
- Годинова А.* – 1939–1945 гг. – член заграничного руководства КПЧ в Лондоне. 50
- Голан* – 1939 г. – словацкий политический деятель. 15
- Готвальд К.* – 1939–1945 гг. – руководитель Заграничного бюро КПЧ в Москве, 1945 г. – заместитель председателя первого правительства Нацио-

- нального фронта чехов и словаков. 32, 39, 49–51, 55, 58, 95–99, 118, 119, 129–131, 133, 134, 141, 145, 146, 148–150, 156, 164, 168, 204, 205, 258, 260, 261, 274–276, 281, 288, 292
- Горжец Я.* – публицист, общественный деятель (Чехия). 167
- Грабарь О.А.* – 1944 г. – член ЦК СМЗУ. 93
- Гранчак И.М.* – историк (Ужгород). 166
- Гречуха М.С.* – 1944 г. – председатель Верховного Совета УССР. 46, 47, 84
- Громыко А.А.* – 1943–1946 гг. – посол СССР в США. 152
- Гундоров А.С.* – 1942–1945 гг. – председатель Всеславянского комитета СССР. 158
- Гусак Г.* – 1943–1945 гг., один из руководителей КПС, член руководства СНС. 134, 150, 161, 162, 179
- Даниэль* – 1945 г. – корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс». 126
- Демьянов Н.Я.* – 1945 г. – сотрудник посольства СССР в ЧСР. 161
- Диянич В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 78
- Доланский Я.* – 1945–1949 гг. – министр чехословацкого правительства. 163
- Дртина П.* – 1940–1945 гг. – политический референт Э. Бенеша. 51, 237, 248
- Дюрчанский Ф.* – 1939–1940 гг. – министр иностранных дел Словацкой республики. 14–16, 171
- Желизко И.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77
- Желицки Б.Й.* – историк (Россия). 171
- Жуков Г.С.* – генерал НКВД, уполномоченный ГКО СССР и СНК СССР по делам иностранных военных формирований на территории СССР. 40
- Запотоцкий А.* – видный деятель КПЧ. 133
- Зорин В.А.* – советский дипломат, 1942–1945 гг. – сотрудник, руководитель 4-го европейского отдела НКВД СССР, 1945–1947 гг. – посол СССР в ЧСР. 33, 46, 61, 62, 65, 66, 104, 110, 111, 114, 144, 145, 149, 152, 156, 162–164, 208, 240–243, 250, 251, 254, 267, 279, 282, 288, 290, 292
- Ивашко Г.* – 1944 г. – член НРЗУ. 84, 234
- Иден А.* – 1940–1945 гг. – министр иностранных дел Великобритании. 26, 27
- Ингр С.* – 1940–1944 гг. – военный министр чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. 33, 45, 55, 64, 66, 103, 112, 164, 202, 245, 252, 264, 288
- Иоанн* – 1944 г. – митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины. 90
- Караман (Караманец) В.В.* – 1945 г. – председатель Украинской народной рады Пряшовщины. 150, 161, 162
- Керча И.* – 1944 г. – член НРЗУ. 84, 234
- Клапалек К.* – генерал, 1944 г. – командир 3-ей чехословацкой бригады в СССР, апрель 1945 г. – командир 1-го чехословацкого армейского корпуса. 113, 245
- Клейст П.* – 1939 г. – советник бюро министра иностранных дел Германии. 11, 12
- Клементис В.* – 1945 г. – госсекретарь МИД ЧСР. 156, 157, 159, 163, 286

- Климютюк Н.В.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, редактор газеты «Закарпатська Правда». 78, 96, 98, 99, 153
- Кобольок (Кабалюк) А.* – 1944 г. – архимандрит православной церкви в Подкарпатской Руси. 89
- Ковалев Н.М.* – 1940–1941 гг. – сотрудник советского полпредства в Братиславе. 15
- Колар Ф.* – историк (Словакия). 4
- Конев И.С.* – 1944 г. – командующий войсками 1-го Украинского фронта. 189, 288
- Копецкий В.* – 1939–1945 гг. – член Заграничного бюро КПЧ в Москве, 1945 г. – министр первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 32, 39, 51, 99, 118, 133, 134, 145, 147, 157, 258, 260, 262
- Кополович И.* – 1944 г. – священник православной церкви, 1944 г. – глава комиссии НРЗУ по расследованию зверств оккупантов. 84, 89
- Корнейчук А.Е.* – писатель и дипломат, 1943–1944 гг. – заместитель наркома иностранных дел СССР. 36, 44, 46, 47
- Косик И.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Коутник* – офицер чехословацкой армии. 102, 225
- Кратохвил Я.* – генерал, 1943–1944 гг. – командир чехословацких военных формирований на территории СССР. 55
- Кроснарж Й.* – член Заграничного бюро КПЧ в Москве. 51, 63, 78, 79, 96, 98, 99, 101, 211, 234
- Крофта К.* – 1938–1939 гг. – министр иностранных дел Чехо-Словакии. 7
- Круцкий Ф.* – 1944 г. – офицер чехословацкой разведки. 69, 104
- Крчек Я.* – 1939 г. – офицер чехословацкого легиона, интернированного в СССР. 22
- Куликов* – 1940–1941 гг. – генеральный консул СССР в Праге. 18
- Кулондр Р.* – 1939 г. – посол Франции в Германии. 12
- Лавров В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Лаушман Б.* – 1940–1945 гг. – член чехословацкого Государственного совета в Лондоне. 50, 51
- Лаитовичка Б.* – 1939–1945 гг. – деятель КПЧ, политэмигрант в Лондоне. 147
- Лебедев В.З.* – 1944–1945 гг. – посол СССР при союзных правительствах в Лондоне. 41, 47, 61, 62, 64, 189, 193, 195, 196, 202, 216, 235, 247, 251, 261, 287
- Левко* – 1944 г. – офицер Красной армии, майор. 82
- Ледней И.Д.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 298
- Линтур П.* – 1944 г. – заместитель председателя НРЗУ. 84, 89
- Литвинов М.М.* – 1930–1939 гг. – народный комиссар иностранных дел СССР, 1941–1946 гг. – заместитель наркома иностранных дел СССР, одновременно в 1941–1943 гг. – посол СССР в США. 12, 38, 47

- Лихнер* – 1945 г. – американский журналист, корреспондент агентства «Ассошиэтед Пресс». 126
- Локкарт Б.* – 1940–1941 гг. – английский представитель при чехословацком эмигрантском правительстве в Лондоне. 23, 25
- Магорита В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Майский И.М.* – 1932–1943 гг. – посол СССР в Великобритании, 1943–1946 гг. – заместитель наркома иностранных дел СССР. 10, 20–22, 24, 25, 27, 142, 143, 179, 278, 282, 283
- Макара М.П.* – историк (Ужгород). 166, 183
- Макензи К.* – биограф Э. Бенеша. 39
- Макса П.* – 1941–1945 гг. – председатель чехословацкого Государственного совета в Лондоне. 27, 29
- Маленков Г.М.* – 1939–1953 гг. – секретарь ЦК ВКП(б), ЦК КПСС. 75, 94, 100
- Мануильский Д.З.* – 1944–1945 гг. – нарком иностранных дел УССР. 47
- Марьина В.В.* – историк (Россия). 171, 173, 180
- Масарик Т.Г.* – 1918–1935 гг. – первый президент Чехословакии. 4, 128
- Масарик Я.* – 1940–1948 гг. – министр иностранных дел, 1944–1945 гг. – военный министр Чехословакии. 25, 56, 64, 112, 136, 139, 141, 143, 146, 164, 189, 196, 202, 217, 245, 252, 279, 281, 282, 288, 292
- Маслов И.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Мах А.* – 1940–1945 гг. – министр пропаганды, министр иностранных дел Словацкой республики. 16
- Мацканюк М.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член ЦК СМЗУ. 93
- Медведев И.* – 1943–1945 гг. – сотрудник ОМИ ЦК ВКП(б). 77
- Медов В.* – 1944–1945 гг. – старший инспектор 7-го управления ГлавПУРККА. 77
- Мехлис Л.З.* – 1944 г. – член Военного совета 4-го Украинского фронта. 56, 57, 63, 66, 68, 71–73, 75, 77, 80–82, 86–89, 93, 94, 98, 101, 106, 111, 168, 191, 201, 204, 205, 207, 211, 213, 214, 217, 220, 225, 239, 242, 244, 246, 287–289
- Молдавчук М.* – 1944 г. – член НРЗУ. 85, 234
- Молотов В.М.* – 1941–1946 гг. – первый зам. председателя СНК СССР, 1939–1949 гг. – нарком (министр) иностранных дел СССР. 15–17, 20, 26, 27, 28, 33, 35, 36, 38, 41, 47, 75, 81, 94, 100, 117, 118, 120–122, 129–131, 133, 137, 139, 141–146, 148, 156–160, 164, 179, 188, 189, 195, 235, 248, 255–261, 263, 267, 271, 272, 275, 276, 279–287, 291, 292
- Немец Ф.* – 1944–1945 гг. – глава чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории ЧСР. 49–52, 57–63, 68–73, 77, 80, 81, 85–87, 98, 101, 103, 104, 106–112, 114, 115, 117–119, 121–124, 129, 149, 150, 164, 168, 190–192, 195–198, 200, 202, 204–209, 211–213, 215–217, 223, 225, 228–231, 233–235, 237, 239–244, 246, 248, 249, 251, 253–258, 260–263, 265, 267, 269, 271, 276, 287–291
- Немечек Я.* – историк (Чехия). 168

- Николс Ф.Б.* – 1942–1945 гг. – английский посол при чехословацком эмигрантском правительстве в Лондоне. 124, 126
- Новачкова Г.* – историк (Чехия). 168
- Новиков Н.В.* – советский дипломат, заведующий 4-ым европейским отделом НКВД СССР. 32, 32, 35
- Новомеский Л.* – поэт, видный деятель КПЧ (КПС), член СНС. 114, 120, 153, 271
- Носек В.* – 1939–1945 гг. – руководитель чехословацкой коммунистической эмиграции в Лондоне, 1941–1945 гг. – заместитель председателя чехословацкого Государственного совета в Лондоне. 50, 95, 119, 147
- Орлов* – 1939–1940 гг. – сотрудник НКВД СССР. 22
- Оутрата* – 1944 г. – первый секретарь посольства ЧСР в СССР. 44
- Оутрата Э.* – министр чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне и член чехословацкого Государственного совета. 35
- Панфилов А.П.* – советский генерал, 1941–1942 гг. – ответственный за формирование иностранных воинских частей на территории СССР. 33
- Папанек Я.* – 1944 г. – глава чехословацкого информационного центра в США. 126
- Патаки Ф.* – 1943 г. – командир специальной группы, направленной из СССР в ПР. 44
- Патрус А.* – сотрудник чехословацкой военной миссии в СССР. 31
- Перечинский М.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Перникарж Я.* – 1944 г. – офицер чехословацкой армии. 101, 106, 227
- Петров И.Е.* – 1944 г. – командующий 4-ым Украинским фронтом. 53, 59, 63, 68, 70, 71, 73, 81, 85–88, 103, 113, 123, 168, 189, 191, 192, 196–200, 204–206, 209, 213–215, 217, 220, 225, 239, 244, 246, 249, 250, 287–290
- Петрущак И.* – 1942–1945 гг. – член чехословацкого Государственного совета в Лондоне от КПЧ, 1944–1945 гг. – член чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории ЧСР. 29, 30, 50, 95, 117, 118, 123, 126, 128, 135, 149, 153, 163, 241, 242, 254, 255, 257, 260, 261, 271
- Пика Г.* – 1941–1945 гг. – начальник чехословацкой военной миссии в СССР. 31–33, 36, 45, 51, 55, 64, 66–68, 104, 107, 121, 164, 195, 202, 203, 245, 246, 264, 265, 267, 287, 288, 291
- Поп И.И.* – историк (СССР, Украина, Чешская республика). 7, 31, 53, 56, 79, 85, 89, 163, 170, 173, 177, 183
- Потемкин В.П.* – 1939–1940 гг. – заместитель наркома иностранных дел СССР. 17
- Прохазка А.* – 1945 г. – министр первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 156
- Прохазка (Прохаска) Я.* – 1944–1945 гг. – коммунист, офицер по просветительной работе 1-го чехословацкого армейского корпуса. 97, 98, 100, 204, 205, 288
- Пупчак М.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77

- Пушкаш А.И.* – историк (Россия). 170, 174
- Пушкин Г.М.* – 1940–1941 гг. – советский полпред в Словацкой республике. 1517, 171
- Райцин Б.* – 1944 г. – коммунист, офицер по просветительной работе 1-го чехословацкого армейского корпуса. 102
- Раточка И.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77
- Рачинский Э.* – 1941–1943 гг. – министр иностранных дел польского эмигрантского правительства в Лондоне. 10, 27
- Ревай Ю.* – 1938–1939 гг. – политический деятель ПР. 12, 13, 16, 17
- Риббентрон И.* – 1938–1945 гг. – министр иностранных дел Германии. 11–13, 15
- Рипка Г.* – 1941–1945 гг. – государственный министр МИД чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. 27, 31, 39, 41, 48, 62, 64, 104, 108, 110, 120, 124, 160, 193, 231, 232, 246, 248, 265, 269, 270, 273, 287, 289, 291
- Рогаль-Илків И.* – 1945 г. – главный секретарь Украинской народной рады Пряшовщины. 150, 151
- Ройкович* – 1945 г. – секретарь Украинской народной рады Пряшовщины. 162
- Ромжа Т.* – 1944–1947 гг. – епископ Мукачевской греко-католической епархии. 90, 153, 177
- Русин В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР, 1944–1945 гг. – член НРЗУ. 45
- Сабов Ф.* – 1944 г. – администратор Мукачевско-Прешовской Епархии православной церкви. 89
- Свобода Л.* – 1941–1945 гг. – организатор и командир 1-го чехословацкого армейского корпуса, 1945 г. – министр обороны первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 22, 32, 53, 60, 113, 175, 245, 250, 266, 267
- Седлакова М.* – историк (Чехия). 168
- Сикорский В.* – 1940–1943 гг. – глава польского эмигрантского правительства в Лондоне. 27
- Симич* – 1940–1941 гг. – югославский полпред в Словацкой республике. 16, 17
- Славик Ю.* – 1940–1945 гг. – министр внутренних дел чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. 41, 58, 245
- Смутны Я.* – 1940–1948 гг. – начальник канцелярии Э. Бенеша. 21, 24, 25, 36
- Соболев А.А.* – 1939–1942 гг. – Генеральный секретарь НКВД СССР. 33
- Сова П.* – 1944 г. – заместитель председателя НРЗУ. 84
- Сопилков С.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45
- Сталин И.В.* – с мая 1941 г. – председатель СНК (СМ) СССР, 1941–1945 гг. – председатель ГКО СССР, нарком обороны СССР, Верховный главнокомандующий вооруженными силами СССР. 26, 36, 37, 57, 64, 75, 78, 80, 81, 84, 89, 99, 102, 105, 106, 120–122, 128–131, 133–137, 141, 142, 144, 145, 147, 156, 160, 164, 165, 170, 171, 190, 221, 274, 275–277, 280–285, 291, 292

- Странский Я.* – министр юстиции чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. 148
- Стрелка (Стржелка) К.* – 1944 г. – офицер чехословацкой армии. 101, 243
- Судоплатов П.* – начальник разведывательного управления НКВД СССР. 145, 177, 179
- Таборский Э.* – личный секретарь Э. Бенеша. 50, 64, 80, 105, 109, 111, 126, 129, 131, 135, 141
- Тарахонич Д.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член НРЗУ, секретарь СМЗУ. 84, 92, 93
- Терполь М.* – 1944 г. – беспартийная, ошибочно избранная в ЦК КПЗУ. 77
- Теслович В.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ, член НРЗУ. 77, 84
- Тимко А.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 83
- Тисо Й.* – 1939–1945 гг. – президент Словацкой республики. 14, 16
- Тисо Ф.* – 1939–1941 гг. – посланник Словацкой республики в СССР. 16, 19
- Тканко А.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР, 1944–1945 гг. – командир народных дружин. 82, 90
- Тука Б.* – 1940–1945 гг. – премьер-министр Словацкой республики. 16
- Туреф И.И.* – см. *Тураяница И.И.* 75
- Тураяница И.И.* – 1944–1945 гг. – деятель КПЧ в ПР, офицер по просветительской работе чехословацкой воинской части в СССР, член чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории ЧСР, председатель КПЗУ и НРЗУ. 7, 50, 57–59, 70, 71, 75, 77, 83, 84, 86, 87, 90, 92, 93, 95–99, 181, 197–199, 201, 229, 234
- Тюльпанов И.* – глава Советской военной администрации в Германии. 82
- Углирж Ф.* – 1942–1945 гг. – заместитель председателя чехословацкого государственного совета в Лондоне, 1944 г. – член чехословацкой правительственной делегации на освобожденной территории ЧСР. 50, 51, 147, 237, 248
- Урсини Я.* – 1943–1945 гг. – член СНС, заместитель председателя первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 114, 120, 156, 254, 256, 262, 171
- Феер Г.* – деятель КПЧ в ПР. 7
- Фирлингер З.* – 1941–1945 гг. – посол Чехословакии в СССР, 1945 г. – председатель первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 19, 29–34, 36–38, 41, 46, 47, 51, 56, 58, 61–63, 65–67, 79, 80, 96, 103–108, 110–112, 114, 115, 117–120, 124, 130, 131, 133, 137, 139, 140, 143, 144, 147, 153, 154, 156–158, 160, 164, 185, 187–189, 195, 202, 208, 209, 216, 223, 230, 231, 234, 235, 237, 240–243, 250, 251, 253, 255, 257, 258, 261–263, 267, 268, 271, 275–277, 279, 280, 282–284, 286–292
- Фриш Э.* – деятель КПЧ, 1939–1945 гг. – политэмигрант в СССР, 1945 г. – секретарь ЦК КПС. 151
- Хайнас В.В.* – 1944–1945 гг. – член ЦК СМЗУ, редактор газеты «Молодежь Закарпатья». 93
- Хоменко В.* – 1944 г. – командир партизанского отряда, действовавшего на территории ПР. 45

- Хорти М.* – 1920–1944 гг. – регент Венгрии. 13, 171, 284
- Хрущев Н.С.* – с 1938 г. – первый секретарь ЦК КП(б)У, 1944–1947 гг. – председатель СНК (СМ) УССР. 75, 84, 105, 177
- Цибере П.* – 1941–1943 гг. – член чехословацкого Государственного совета в Лондоне. 22, 29, 30, 186
- Цуперек Н.* – 1944 г. – член НРЗУ. 84
- Чаки И.* – 1938–1941 гг. – министр иностранных дел Венгрии. 9, 17
- Чатлош Ф.* – 1939–1944 гг. – военный министр Словацкой республики. 16
- Чекан Ф.* – 1944 г. – член НРЗУ. 84, 234
- Чеканюк А.* – украинский политический деятель, коммунист. 82
- Черничка М.* – член ЦК КПЗУ. 77
- Черчилль У.* – 1940–1945 гг. – премьер-министр Великобритании. 11, 135, 136
- Чиано Г.* – 1940 г. – министр иностранных дел Италии. 17
- Чичаев И.А.* – 1940–1945 гг. – первый советник посольства СССР при союзных правительствах в Лондоне, 1945 г. – сотрудник посольства СССР в ЧСР. 120, 130, 162, 248, 249, 264, 265, 267, 275, 290
- Шаронов Н.И.* – 1940–1941 гг. – полномочный представитель СССР в Венгрии. 17
- Шалек Р.* – см. *Варга П.* 77
- Шверма Я.* – 1940–1944 гг. – член Заграничного бюро КПЧ в Москве, погиб в ноябре 1944 г. в Словакии. 51, 95
- Швермова М.* – 1939–1945 гг. – ответственный работник чехословацкой коммунистической политэмиграции в СССР. 149
- Шворц П.* – историк (Словакия). 4
- Шелевер Г.* – 1944 г. – православный священник в г. Рахов. 81
- Шимон Я.* – 1944 г. – член ЦК КПЗУ. 77
- Широкий В.* – видный деятель КПЧ (КПС). 149
- Шлетицкий И.* – 1940 г. – председатель Русского национального совета Карпатской Руси. 18
- Шмераль Б.* – видный деятель КПЧ в довоенные годы. 133
- Шмидке К.* – 1943–1945 гг. – деятель КПС, СНС, 1945 г. – председатель СНС. 51, 161, 162
- Шоц Й.* – историк (Чешская республика). 40
- Шрабек Й.* – 1940–1945 гг. – председатель чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, 1945 г. – заместитель председателя первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 50, 52, 104, 112, 154
- Шробар В.* – 1944–1945 гг. – член, сопредседатель СНС, министр первого правительства Национального фронта чехов и словаков. 120, 156, 271
- Шуленбург Ф.* – 1939–1941 гг. – посол Германии в СССР. 12, 15, 16
- Щербаков А.С.* – с 1941 г. – секретарь ЦК ВКП(б), с 1942 г. – начальник Главного политического управления Красной Армии, заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро. 75

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РФ – Архив внешней политики МИД Российской Федерации.
БКП – Болгарская коммунистическая партия.
БРП(к) – Болгарская рабочая партия (коммунисты).
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).
ГКО СССР – Государственный комитет обороны СССР.
ГлавПУРККА – Главное политическое управление рабоче-крестьянской Красной армии.
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний.
ЗУ – Закарпатская Украина.
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины.
КПЗУ – Коммунистическая партия Закарпатской Украины.
КПР – Коммунистическая партия Румынии.
КПС – Коммунистическая партия Словакии.
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза.
КУ – Карпатская Украина.
КПЧ – Коммунистическая партия Чехословакии.
КПЮ – Коммунистическая партия Югославии.
МИД – Министерство иностранных дел.
НИИ – Научно-исследовательский институт.
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности.
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел.
НРЗУ – Народная рада Закарпатской Украины.
НСПГ – Национал-социалистическая партия Германии.
ОМИ – Отдел международной информации.
ОНК – Окружной национальный комитет.
ОУН – Организация украинских националистов.
ПР – Подкарпатская Русь.
ПАТ – Польское телеграфное агентство.
ПКНО – Польский комитет национального освобождения.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия.
СМЕРШ – «Смерть шпионам», советская военная контрразведка.
СМЗУ – Союз молодежи Закарпатской Украины.
СНВ – Словацкое национальное восстание.
СНС – Словацкий национальный совет.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
США – Соединенные Штаты Америки.
УНРП – Украинская народная рада Пряшловщины.
УССР – Украинская советская социалистическая республика.
УШПД – Украинский штаб партизанского движения.
ЧАК – Чехословацкий армейский корпус.
ЧНК – Чехословацкий национальный комитет.
ЧСР – Чехословацкая республика.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	3
1. Подкарпатская Русь в контексте европейской политики. Планы Э. Бенеша. Позиция Москвы. 1939 – июнь 1941 гг.	6
2. Чехословакия – государство чехов, словаков и карпатских украинцев. Согласие Кремля. 1941–1943 гг.	24
3. Карпатские украинцы – костяк чехословацкой воинской части на территории СССР. 1942 г.	30
4. Советско-чехословацкие переговоры в Москве. Подписание союзнического договора. Декабрь 1943 г.	34
5. Накануне освобождения Чехословакии. Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г.	40
6. Прибытие чехословацкой правительственной делегации в Подкарпатскую Русь. Набор добровольцев в Красную Армию. Ноябрь 1944 г.	56
7. События в Подкарпатской Руси осенью–зимой 1944–1945 гг. в оценках Москвы и «чехословацкого» Лондона	69
8. Эволюция позиции чешских и словацких коммунистов в вопросе государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси ...	95
9. Советские военные власти – чехословацкая правительственная делегация. Конфликт	101
10. Чехословацкая правительственная делегация на переговорах в Москве. Декабрь 1944 – январь 1945 гг.	108
11. Международный резонанс событий в Подкарпатской Руси	124
12. Обмен посланиями: Сталин – Бенеш. Январь 1945 г.	129
13. Тайное «обещание» Бенеша на переговорах в Москве. Март 1945 г..	136
14. Программа первого правительства национального фронта чехов и словаков (Кошицкая правительственная программа): вопрос о Подкарпатской Руси.	145
15. Договор о Закарпатской Украине 29 июня 1945 г. и его ратификация .	154
Краткое послесловие	164
Примечания	170
Документы	184
Перечень документов	287
Именной указатель	293
Список сокращений	302

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

В. В. Марьина
Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь)
в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг.

Редактор *Е. Ф. Кузьминский*
Художник *А. С. Янович*
Макет, верстка *К. И. Алексеев*

Подписано в печать 12.11.03. Формат 60×90/₁₆.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 19.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 1500 экз. Цена договорная. Заказ № 4140.

НП «Новый хронограф»
125195, Москва, ул. Беломорская, д. 26
Тел./факс: (095) 455—3011; тел.: (095) 451—6366
E-mail: nkronograf@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

ISBN 5-94881-019-4

9 785948 810195 >

